

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. Ломоносова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

АЛОВ Иван Николаевич

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ
АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В КРУПНЫХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ США
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата географических наук

Научный руководитель

д. г. н., проф. Пилясов Александр Николаевич

Москва — 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в США	8
1.1. Представление о пространственной дифференциации расселения афроамериканцев	8
1.1.1. Базовые понятия исследования	8
1.1.2. Пространственная дифференциация расселения афроамериканцев как комплексный предмет исследования	15
1.2. Пространственный аспект в исследованиях расселения афроамериканцев	18
1.3. Институциональный аспект в исследованиях расселения афроамериканцев	27
1.4. Социально-экономический аспект в исследованиях расселения афроамериканцев	36
1.5. Формирование методики исследования пространственной дифференциации расселения афроамериканцев	48
1.5.1. Недостатки существующих подходов	48
1.5.2. Концепция территориальных структур и принцип полимасштабности	49
1.5.3. Эволюционный подход	52
1.5.4. Методика количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев	55
1.5.5. Теоретико-методологическая логика исследования	65
Глава 2. Эволюция расселения афроамериканцев в США	67
2.1. Взаимодействие пространственных, институциональных и социально-экономических факторов расселения афроамериканцев	67
2.2. Пространственно-временные этапы расселения афроамериканцев на национальном и региональном уровнях	73
2.2.1. Эпоха рабовладения (1619—1865 гг.): формирование инвариантных элементов территориальной структуры расселения афроамериканцев	73
2.2.2. Реконструкция Юга и введение легитимной сегрегации (1865—1910 гг.): начало трансформации территориальной структуры расселения афроамериканцев	76
2.2.3. Первая великая миграция (1910—1941 гг.): перенос центра тяжести расселения афроамериканцев на север	79
2.2.4. Вторая великая миграция (1941—1967 гг.): максимальное расширение территориальной структуры расселения афроамериканцев	83
2.2.5. Обратная миграция на Юг (1967 г.—начало XXI в.): сжатие территориальной структуры расселения афроамериканцев	87
2.2.6. Сравнение этапов эволюции расселения афроамериканцев в США	91
2.3. Расселение афроамериканцев на внутриагломерационном и внутригородском уровнях	95

2.3.1. Эволюция расселения афроамериканцев на внутриагломерационном и внутригородском уровнях	95
2.3.2. Типология городских агломераций по соотношению факторов расселения афроамериканцев	102
2.3.3. Южные городские агломерации раннего афроамериканского освоения	105
2.3.4. Северо-восточные и среднезападные городские агломерации раннего афроамериканского освоения	110
2.3.5. Городские агломерации Ржавого пояса	115
2.3.6. Городские агломерации позднего афроамериканского освоения	118
2.3.7. Соотношение экзогенных и эндогенных факторов расселения афроамериканцев	123
Глава 3. Количественный анализ пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях США в начале XXI в.	125
3.1. Алгоритм количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев	125
3.2. Тенденции в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций	128
3.3. Трансформация внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев	135
3.4. Социально-экономические процессы в составных элементах внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев	150
3.4.1. Динамика социально-экономического статуса	150
3.4.2. Динамика уровня расового разнообразия	154
3.5. Траектории социально-экономической дифференциации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев	157
3.6. Значение пространства на современном этапе расселения афроамериканцев в городских агломерациях	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
Список литературы	183
Приложения	211

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена значимостью межрасового неравенства для общественной жизни США. На протяжении 400 лет расселения афроамериканцев неравенство выражалось в пространстве на различных масштабных уровнях, от страны в целом до внутригородских районов.

Научные работы по расселению афроамериканцев чаще всего фокусируются на социально-экономических и политических аспектах. Пространство при этом представляется в виде пассивной абстракции, его роль в расселении афроамериканцев изучена в меньшей степени. Этот пробел восполняется данным географическим исследованием, в котором пространству отводится ключевая роль в создании негативных социально-экономических эффектов (повышенной концентрации бедного афроамериканского населения, социальной поляризации и внутригородской сегрегации).

Нарастающая социальная поляризация и сегрегация пространства свойственны городам в большинстве стран мира. В известной степени эти процессы развиваются и в России. Их изучение остро необходимо в условиях пандемии COVID-19, последствия которой подчеркнули негативное значение диспропорций во внутригородском социально-экономическом развитии. В рамках данного диссертационного исследования предлагается методика, позволяющая оценить несколько форм таких диспропорций: пространственную концентрацию населения, пространственную сегрегацию и социально-экономическое неравенство.

Объект исследования – расселение афроамериканцев в США. **Предмет исследования** – генезис пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях США в начале XXI в.

Цель работы — выявление пространственных закономерностей, определяющих расселение афроамериканцев в городских агломерациях США. Данная цель определила решение следующих **задач**:

- разработать методологию исследования расселения афроамериканцев;
- определить этапы эволюции территориальных структур расселения афроамериканцев в 1619—2018 гг. на разных масштабных уровнях;
- выявить логику трансформации территориальных структур расселения афроамериканцев в городских агломерациях в 2000—2018 гг.;
- оценить параметры социально-экономической дифференциации расселения афроамериканцев в городских агломерациях в 2000—2018 гг.;
- определить форму взаимодействия пространства и расселения афроамериканцев в городских агломерациях после упразднения институтов рабства и сегрегации.

Научную новизну диссертационного исследования составляют:

- оценка с помощью четырех выявленных схем пространства (от пространства как пассивного объекта до пространства как активного субъекта) концептуальной проработанности пространственного аспекта в негеографических работах по изучению расселения афроамериканцев;
- выделение двух механизмов взаимодействия факторов, влияющих на расселение афроамериканцев в городских агломерациях: в одном случае пространство ретранслирует воздействие институциональных и социально-экономических факторов, а в другом пространственные, институциональные и социально-экономические факторы действуют одновременно и взаимно усиливают друг друга;
- выявление специфики афроамериканского освоения пространства: в период действия институтов рабства и сегрегации система расселения афроамериканцев расширялась, но после упразднения легитимной сегрегации началось сжатие системы расселения;
- определение способности городского пространства к автономному генерированию негативных социально-экономических эффектов после упразднения регуляторных институтов рабства и сегрегации.

Авторский вклад заключается в проведении первого в отечественной науке географического исследования расселения афроамериканцев в городских агломерациях.

Выявлены недостатки существующих теоретико-методологических подходов к изучению пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в городских агломерациях с разделением всего исследовательского потока на работы с пространственным, институциональным и социально-экономическим аспектами. Эти недостатки преодолены автором с помощью методологии, использующей наработки теории территориальных структур, принцип полимасштабности, а также эволюционный подход.

Изучена эволюция расселения афроамериканцев в США и отдельных регионах страны, составлены обобщенные схемы развития этого процесса на уровне страны и городских агломераций. На каждом этапе определено соотношение основных факторов, повлиявших на формирование территориальной структуры расселения афроамериканцев. На основании региональной принадлежности городских агломераций (по районированию США Л. В. Смирнягина) и соотношения пространственных, институциональных и социально-экономических факторов, сформировавших местную территориальную структуру расселения афроамериканцев, составлена типология городских агломераций по географическим особенностям их освоения афроамериканцами. Выделено четыре типа: южные агломерации раннего афроамериканского освоения, северо-восточные и среднезападные агломерации

раннего афроамериканского освоения, агломерации Ржавого пояса, агломерации позднего афроамериканского освоения.

Разработан алгоритм количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в городских агломерациях. Он основан на расчете пространственного мультигруппового индекса диссимилиации (оценка уровня пространственной сегрегации), локального индекса Морана по двум переменным (оценка уровня пространственной концентрации афроамериканцев), индекса энтропии (оценка уровня расового разнообразия) и композитного социально-экономического индекса Дардена—Камела (оценка социально-экономического положения территории).

В результате количественного анализа в 20 отобранных агломерациях (Атланта, Шарлотт, Мемфис, Новый Орлеан, Майами, Даллас—Форт-Уэрт, Хьюстон, Нью-Йорк, Филадельфия, Вашингтон, Балтимор, Индианаполис, Канзас-Сити, Чикаго, Детройт, Кливленд, Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Бостон, Милуоки) определены направления пространственной трансформации внутриагломерационных территориальных структур расселения афроамериканцев: интенсификационное сжатие, абсолютное сжатие, экстенсификационное расширение, абсолютное расширение, уплотнение, расползание. Выделено восемь траекторий социально-экономической дифференциации территориальных структур расселения афроамериканцев по характеру динамики уровня пространственной сегрегации, пространственной концентрации афроамериканцев, уровня расового разнообразия, по динамике социально-экономического положения территорий: морфодетерминизм, поздняя десегрегация, поляризация на фоне поздней десегрегации, прогрессивная поляризация, усиленная поляризация, энтропийная поляризация, структурная деградация, нелинейная деградация.

Методическую базу исследования составляют: системно-структурный, эволюционный (историко-географический), сравнительно-географический, математико-статистический, типологический и картографический методы анализа.

Теоретической и методологической базой исследования служат труды Л. В. Смирныгина по вопросам районирования США, работы И. М. Маергойза, П. М. Поляна, А. И. Трейвиша, Л. И. Василевского по разработке теории и методологии территориальных структур и принципа полимасштабности, теоретические подходы Г. М. Лаппо и Е. Н. Перцика к изучению географии городов, исследования сегрегации в контексте социально-экономического неравенства (Г. Мюрдаль, К. Б. Кларк), концепция социального капитала (П. Бурдье), концепция дисциплинарных институтов (М. Фуко), концепция гипергеттоизации (Л. Вакан), исследования поляризации общества и городского пространства (П. Маркузе), работы зарубежных исследователей по количественной оценке сегрегации, пространственной концентрации, расового разнообразия (географов Л. Анселена, Р. Д. Джонстона,

С. Пича, С. Р. Холлоуэя, Р. Райта и М. Эллиса, социологов У. Дж. Уилсона, Д. С. Мэсси, Н. А. Дентон, демографа У. Х. Фрея).

Информационную базу исследования составляют статистические данные Бюро переписи США в разрезе переписных участков (2000 г. — 21 760 участков, 2018 г. — 23 927): численность представителей расовых групп, медианный доход домохозяйства, уровень безработицы среди трудоспособного населения, доля населения с доходами ниже уровня бедности, доля людей с высшим образованием среди граждан старше 25 лет, доля занимающих руководящие должности или работающих в сферах интеллектуального труда среди занятых, медианная стоимость приобретения дома, медианная стоимость аренды дома, доля заселенных домов, доля домохозяйств с автомобилем. Использование официальной государственной статистики обеспечивает достоверность результатов.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанного теоретико-методологического подхода для других стран. Проблемы сегрегации городского пространства и социально-экономической поляризации становятся все более актуальными и для российских городов, о чем свидетельствует проект Фонда «Институт экономики города» — «Разработка концепции и методологии изучения внутригородской социально-пространственной сегрегации в российских городах», (участие автора диссертации в данном проекте документально подтверждено).

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы отражены в четырех статьях в изданиях, рекомендованных для защиты диссертации на соискание степени кандидата наук Положением МГУ, а также на семи международных и общероссийских научно-практических конференциях, в том числе: XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2017», XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», XLV Международная конференция Общества по изучению культуры США «Иммиграция и американская культура» (2019 г.), «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания» («Пятые Максаковские чтения», 2020 г.), XXVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020», XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021», XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ (2021 г.).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. Объем работы — 210 страниц, 48 рисунков, 13 приложений. Список источников включает в себя 504 наименования, в том числе 416 — на английском языке.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В классических работах по социологии, экономике и социальной антропологии, посвященных расселению афроамериканцев, сложилось четыре схемы описания пространственных закономерностей данного процесса. Они различаются в оценке влияния пространства на расселение афроамериканцев, а также по уровню детализации его рассмотрения — от математически абстрактных подходов до моделей, учитывающих неоднородность пространства.
2. В расселении афроамериканцев выделяются пять основных историко-географических этапов. На первых двух этапах ведущую роль в формировании расселения этой группы играла ареально-очаговая, на третьем, четвертом и пятом — линейно-узловая форма. Наибольшее влияние на расселение афроамериканцев на первых двух этапах оказывали институциональные факторы, на третьем и четвертом — социально-экономические. На пятом этапе особую роль играют пространственные факторы, связанные с новыми импульсами развития сложившихся ранее форм расселения.
3. В период 2000—2018 гг. территориальные структуры расселения афроамериканцев в 20 отобранных городских агломерациях имели неодинаковую динамику трансформации. В одних случаях структуры расширяются, в других — наоборот, сжимаются. Интенсивность трансформаций структур варьирует в зависимости от динамики возникновения новых элементов (резкое и плавное разрастание, спорадическое распространение, заполнение лакун).
4. Четыре траектории социально-экономической дифференциации территориальных структур расселения афроамериканцев (морфодетерминизм, прогрессивная поляризация, усиленная поляризация, энтропийная поляризация) характеризуются новыми процессами: активным вовлечением афроамериканцев в процесс субурбанизации, а также беспрецедентным ростом социальной поляризации внутри этой расовой группы. Подобная ситуация сложилась в агломерациях Атланты, Вашингтона, Лос-Анджелеса, Филадельфии, Майами, Мемфиса и Лас-Вегаса.
5. В период действия регуляторных институтов сегрегации и рабства негативные социально-экономические эффекты (межрасовое неравенство, бедность среди афроамериканцев) аккумулировались и ретранслировались на расселение афроамериканцев пространством. На новом этапе эволюции расселения афроамериканцев пространство генерирует негативные эффекты (увеличение территорий гетто и нарастающая концентрация бедности в городах) уже без воздействия регуляторных институтов.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в США

1.1. Представление о пространственной дифференциации расселения афроамериканцев

1.1.1. Базовые понятия исследования¹

Пространство и общество могут быть описаны самыми разнообразными терминами, многие из которых имеют несколько определений. Например, понятия «раса», «город», «институт». Прежде чем переходить к рассмотрению теоретико-методологических подходов, сформулируем наше понимание этих феноменов в данной работе. Рассуждение о правомерности выбора той или иной трактовки, несомненно, ценно, но такая внутренняя дискуссия уводит нас слишком далеко от непосредственной темы исследования.

Понятие **расселения** в отечественной географии используется давно. Основы географического изучения расселения населения были заложены в 1950—1970-х гг. в работах Р. М. Кабо, С. А. Ковалева, Г. М. Лаппо, Н. И. Ляликова, В. В. Покшишевского, Б. С. Хорева и др. [Алексеев, Савоскул, Сафронов 2016]. С тех пор был сформирован мощный концептуальный аппарат, однако в нем обнаруживаются некоторые противоречия. Так, в классическом понятийно-терминологическом словаре Э. Б. Алаева расселение определяется как размещение людей, а размещение, в свою очередь, как «конкретное распределение явлений (особенно географических объектов) по геотории (территории, акватории, аэротории)» [Алаев 1983; с. 77]. Из этого определения следует, что расселение — это феномен, изучаемый в **статике**, своего рода пространственный срез. Однако в том же словаре расселение трактуется и как **процесс**. Обратим внимание на контекст: «Пространственные аспекты поведения людей (в первую очередь, процесс расселения), объяснение и прогнозирование этого поведения составляют основной предмет исследования социальной географии» [Алаев 1983; с. 34]. Подобная «процессная» трактовка отражает важные свойства человеческой жизнедеятельности — ее **динамичность** и **континуальность** во времени и пространстве.

¹ При работе над данным разделом диссертации использована 1 публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Алов И. Н. Эволюция концепций пространственной сегрегации в городах США // Региональные исследования. — 2021. — № 1 (71). — С. 107—117.

Статичная трактовка расселения является основной для советской географической традиции, в рамках которой расселение рассматривалось в качестве «придатка» к размещению производства [Ткаченко 2018]. В тех исследованиях, где приоритет размещения производства ставился под сомнение, расселение представлялось по-разному: одними исследователями — как статичное состояние на определенный момент времени [Ныммик 1970], другими же — как процесс [Кибальчич, Лейзерович 1974]. Статичность не подразумевала отказа от изучения динамики: изменения расселения во времени и пространстве исследовались как смены состояний. Наиболее плодотворным в этом отношении стал системно-структурный подход, в рамках которого было введено понятие **системы расселения**. В современной социально-экономической географии граница между расселением в статичной интерпретации и системой расселения размывается [Бабкин 2020]. В классическом представлении система расселения — это «территориальное сочетание поселений, между которыми существует более или менее четкое распределение функций (взаимный обмен функциями), производственные и социальные связи» [Алаев 1983]. То есть для изучения систем расселения необходимо иметь представление о поселении — логичным следствием из этого является фокус на всем населении этих поселений, либо на большей его части.

Если обратиться к более новому терминологическому словарю, составленному коллективом авторов под редакцией А. П. Горкина, то в определении А. И. Алексеева две трактовки расселения «уравниваются в правах»: «Расселение — 1) процесс распределения населения по территории (синоним «заселение территории»; например, «Р. русских в Сибири»); 2) результат процесса распределения населения — совокупность (сеть) поселений на определенной территории» [Алексеев 2013]. Автор особо отмечает, что второе значение термина используется в отечественной географии чаще. Другой современный пример понимания расселения как процесса можно найти в публикации А. А. Ткаченко: «Процесс расселения — важнейшая составляющая процесса освоения территории, и если отраслевые и специальные системы поселений, как и входящие в них населенные пункты, представляют собой результат отдельных, сменяющих друг друга этапов (волн) освоения, то «территориальные» (комплексные) системы, включающие населенные пункты, возникшие на разных этапах, являются результатом всего процесса освоения, достигнутым к определенному моменту» [Ткаченко 2018].

Учитывая концептуальную неоднозначность термина «расселение» и наличие прецедентов его использования для обозначения процесса, мы отдаем предпочтение «процессной» трактовке, легитимированной в географической науке О. А. Кибальчицем, Е. Е. Лейзеровичем, Э. Б. Алаевым, А. А. Ткаченко и А. И. Алексеевым. В рамках данного исследо-

вания под **расселением** понимается процесс размещения **афроамериканцев по территории** — будь то США в целом или отдельные части этой страны (регионы, штаты, городские агломерации, города). Этот выбор **обоснован по двум причинам**: 1) расселение афроамериканцев рассматривается нами в 400-летней исторической ретроспективе и ввиду этого нуждается в понимании динамичных процессов, а не только смены стадий; 2) мы не имеем возможности рассматривать системы расселения в классическом понимании (основанном на изучении населенных пунктов), поскольку для изучения территориальных сочетаний поселений следует брать во внимание их население целиком (или хотя бы большую его часть), а афроамериканцы чаще всего являются меньшинством в расовой структуре населения.

В работе исследуются **территориальные структуры расселения**, которые «есть совокупности таких связей и между такими элементами, где обязательным условием их (связей) реализации является преодоление пространства (геопространства), а один из резервов оптимизации связей кроется в сокращении пространственных затрат энергии» [Алаев 1983]. Из этой формулировки не следует необходимость учета всего населения или большей его части, поэтому для изучения афроамериканцев как расового меньшинства понятие территориальных структур вполне применимо.

Терминология, связанная с расовым составом населения США, неоднократно подвергалась пересмотру, поскольку за последние несколько столетий не раз менялись представления о сущности расы и социальной группы. На сегодняшний день во всех сферах общественной жизни достигнут консенсус о делении американского общества на **расовые группы** (*racial groups*). Принадлежность к расовой группе добровольно определяется самими жителями США в ходе переписи населения, когда им задается соответствующий вопрос [About Race]. Соответственно, под расовой группой понимается общность людей с **единой расовой самоидентификацией**². Подчеркнем, что термины «расовая группа» в данной трактовке и «раса» в более привычном для отечественной географии биолого-генетическом понимании³ имеют совершенно разное значение.

Помимо вопроса о расовой принадлежности, респондентам также предлагается ответить в анкете, относятся ли они к испаноговорящему населению. Несмотря на то, что этот

² Некоторые исследователи отмечают, что подобное деление в ближайшие десятилетия может трансформироваться ввиду большого количества межрасовых браков. Тем не менее, при наличии смешанного происхождения, включающего афроамериканское, респондент чаще делает выбор в пользу афроамериканской идентичности [Alba 2020].

³ Под расой в отечественной социально-экономической географии понимают «исторически сложившуюся группу людей, выделяемую на основании общности наследственных, передаваемых потомству биологических особенностей» [Стрелецкий 2013].

вопрос не касается расовой принадлежности, в исследованиях американского населения испаноговорящие и латиноамериканцы традиционно выделяются в отдельную расовую группу [Frey 2014]. В настоящей работе предлагается рассматривать испаноговорящих как расовую группу «латиноамериканцы»⁴. С учетом этого нюанса, население США делится на восемь расовых групп:

1. белые (*Whites*);
2. латиноамериканцы (*Hispanic and Latino Americans*);
3. афроамериканцы (*Blacks or African Americans*);
4. американцы азиатского происхождения (*Asian Americans*);
5. коренные американцы (*Native Americans and Alaska Natives*);
6. коренные жители островов Тихого океана (*Native Hawaiians and Other Pacific Islanders*);
7. две и более расовых группы (*Two or more races*);
8. прочие расовые группы (*Other*).

Основным источником данных для исследования является Бюро переписи США, поэтому анализ проводится в соответствии с территориальной сеткой, разработанной этим ведомством. В качестве самой мелкой единицы статистико-территориального деления нашего анализа выбран **переписной участок** (*census tract*). Это не самый крупный масштаб, по которому Бюро переписи агрегирует данные: в частности, в течение последних двух десятилетий значительно улучшилось качество данных, собираемых для переписных кварталов (*census blocks*) и групп переписных кварталов (*census block groups*).

В рамках переписи 2010 г. было выделено более 11 млн переписных кварталов (самый крупный масштаб данных) и 73 тыс. переписных участков⁵. Выбор территориальной единицы анализа был сделан в пользу переписных участков, на что есть три основных причины. Во-первых, полнота данных, собираемых по переписным участкам значительно выше, чем по группам переписных кварталов и по переписным кварталам. Во-вторых, информация в разрезе переписных участков одинаково полна для временных рамок количественного анализа (2000 и 2018 гг.). В-третьих, переписные участки особенно удобны для анализа городских агломераций, поскольку Бюро переписи делит на них пространство **графств**⁶.

⁴ Русскоязычные названия расовых групп предлагаются автором в качестве конвенциональных и унифицированных вариантов, которые позволяют избежать возможных негативных коннотаций.

⁵ Эти значения каждый год увеличиваются, поскольку в рамках исследований, проводимых Бюро переписи между ежегодными национальными переписями населения, сетка постоянно дробится на большее количество ячеек.

⁶ Графство (*county*) — в США единица административно-территориального деления второго уровня. В штате Луизиана аналогичные единицы АДТ именуются приходами (*parish*), в штате Аляска — боро (*borough*). Также

Е. Н. Перцик отмечает, что при неоднозначности понятия агломерации, общим для всех подходов к определению этого термина является представление о достижении чрезвычайно высокой степени концентрации различных видов деятельности [Перцик 2009]. В США вопросом определения границ городских агломераций занимается Административно-бюджетное управление (*Office of Management and Budget*), входящее в состав Администрации Президента [Core-Based Statistical Areas]. Это ведомство сначала выделяет урбанизированные ареалы на основе плотности населения, а затем, используя данные о маятниковых миграциях и географическом положении рабочих мест, «присоединяет» к ним окрестные графства. Полученные совокупности графств называют **статистическим ареалом с городом-центром** (*core-based statistical area*), которые делят на **метрополитенские** статистические ареалы (*metropolitan statistical area*; численность населения центрального города превышает 50 тыс. чел.) и **микрорполитенские** статистические ареалы (*micropolitan statistical area*; численность населения центрального города находится в интервале от 10 до 50 тыс. чел.).

Поскольку настоящее исследование посвящено крупным городским агломерациям, в его рамках будут охвачено 20 метрополитенских статистических ареалов. Далее в тексте этому термину будет соответствовать понятие «**городская агломерация**». Подобное отождествление традиционно для исследований американских городов [Hutchison 2009]. В городских агломерациях выделяют **центральный город**, который является социально-экономическим центром и основой агломерации (обычно именуемой по названию этого города), а также **пригороды** или **субурбию**. В контексте данного исследования это вся территория агломерации за пределами центрального города.

Города — как центры агломераций, так и пригороды — в контексте сбора статистических данных входят в категорию **выделенных мест переписи** (*census-designated places*). Этот термин объединяет как муниципальные образования, так и особый тип невключенных сообществ (*unincorporated community*), лишенных самостоятельных органов местного самоуправления; последние, однако не вошли в число объектов исследования. В связи с этим выделенные места переписи далее в тексте будут именоваться городами.

Несмотря на широкое применение в географии методов районирования, само понятие «**район**» часто ошибочно отождествляют с термином «**регион**» [Шувалов 2013]. Даже если два этих термина разделяются, то нередко остается неясным, где проходит грань

существуют формы смешанного государственно-муниципального управления территорией, в статистике приравниваемые к тому же уровню АД: консолидированный город-графство (*consolidated city-county*) и независимый город (*independent city*). Бюро переписи идентифицирует их как «эквиваленты графств».

между ними. Для задач нашего исследования оптимальным представляется вариант разделения, предложенный в классической работе Л. В. Смирнягина «Районы США: портрет современной Америки» [Смирнягин 1989b]. В качестве объединяющего признака верхние таксоны районирования (регионы), он выбирает **постановку общественно важных проблем** — не конкретное отношение к ним, которое может быть абсолютно любым, но консенсус относительно того, какие проблемы наиболее важны для этой территориальной общности людей [Смирнягин 1989b]. Территориальную общность людей, разделяющую единый набор таких проблем, он называет **макрорегионом**; традиционно в США их выделяется четыре: **Северо-Восток, Средний Запад, Юг и Запад**⁷ [Смирнягин 1989b]. Соответственно, верхним уровнем нашего анализа также становятся эти четыре региона с возможным дальнейшим дроблением на штаты или **общественные районы** по Л. В. Смирнягину (в зависимости от конкретного рассматриваемого фактора⁸). Границы макрорегионов в соответствии с его методикой районирования могут пересекать административные границы. Элементарной единицей района является — как и в случае с городской агломерацией — графство. В дальнейшем мы употребляем термины «**макрорегион**» и «**регион**» как синонимы, также мы отождествляем понятия «**общественный район**» и «**район**».

Сложный и крайне неоднозначный феномен **пространственной сегрегации** мы предлагаем трактовать в самых общих чертах — как **раздельное проживание на определенной территории двух или более групп населения** [Park, Burgess, McKenzie 1925]. Несмотря на многообразие корпуса академических работ по проблемам сегрегации и разработку множества концепций и методик ее изучения, ни одна из них так и не стала универсальной и не дала единого определения этому феномену [Newby 1982] [Kaplan, Woodhouse 2005] [Louf, Barthelemy 2016].

В зависимости от специфических характеристик рассматриваемой территории и точки зрения, с которой автор анализирует ее, пространственная сегрегация может иметь различные **формы и свойства** [Kaplan, Woodhouse 2005]. Под формой сегрегации понимается ее основа — признак, по которому проводится разделение (например, сегрегация по этническому, гендерному, религиозному или доходному признаку). В данном исследовании изучается, в первую очередь, сегрегация по месту жительства, то есть резидентная⁹. Свойства сегрегации — это ее основные генетические характеристики.

⁷ Юг и Запад также часто называют Американский Юг и Американский Запад.

⁸ В частности, изучение формальных, законодательно закрепленных институтов логично проводить на уровне штатов, в то время как культурные феномены значительно ярче проявляются на уровне общественных районов.

⁹ В отечественной географии используется также термин «селитебная сегрегация» [Аксенов 2019].

Свойства сегрегации отражают характер разделения групп населения; он может быть **принудительным и непринудительным** [Reach 1996a]. Непринудительная сегрегация известна человечеству с античных времен: ее описывал в диалоге «Государство» Платон [Платон 2016]. Ярким ее примером являются ремесленные слободы и иные формы сегрегации по профессиональному признаку.

Основной формой принудительной сегрегации является **легитимная сегрегация**, сформировавшаяся в результате действия неких правовых актов. Такие акты могут предписывать территориальные ограничения для проживания определенных групп населения. Легитимная сегрегация также могла проявляться и в отношении социальных практик. В частности, в южных штатах США¹⁰ вплоть до 1967 г. было широко распространено разделение прав на пользование общественными пространствами и объектами сферы услуг по расовому признаку. В Южно-Африканской Республике аналогичные нормы до 1994 г. сочетались с политикой апартеида, то есть принудительного раздельного проживания населения европейского и африканского происхождения (а также других расовых групп). Из-за того, что деление на группы в Южной Африке и США проходило по расовому признаку, поэтому легитимную сегрегацию чаще называют **расовой**¹¹. По той же причине подавляющее большинство работ по сегрегации фокусируется именно на сегрегации по расовому или этническому признаку.

В связи с существованием на определенном историческом этапе легитимной сегрегации, затронувшей значительную часть населения, очень неоднозначных последствий этой практики, а также принципиально непохожих свойств городского пространства основной вклад в изучение пространственной сегрегации внесли американские и — в несколько меньшей степени — западноевропейские исследователи [Алов 2021] [Musterd 2020]. Тем же объясняется и нацеленность большинства подходов на изучение **афроамериканцев** как наиболее пострадавшей расовой группы [Wilson 1987]. Безусловно, жертвами легитимной сегрегации стали и другие расовые группы — латиноамериканцы, коренные американцы, американцы азиатского происхождения. Однако дискриминирующие их законы были отменены раньше, нежели аналогичные нормативные правовые акты, нарушавшие права афроамериканцев. Кроме того, легитимная сегрегация стала логическим продолжением более чем двухвековой истории рабства [Williamson 1975]. Другой причиной общей афроамериканоцентричности работ по сегрегации является исследовательская активность выдающихся

¹⁰ Легитимная сегрегация существовала в большинстве штатов США, но в южных — дольше всего.

¹¹ Формально она была направлена и на белое население, и на другие расовые группы: в США действовал так называемый принцип «разделенные, но равные» [Ransmeier 1951]. Однако фактически расовая сегрегация приводила к дискриминации, поскольку услуги, предлагаемые небелому населению США и ЮАР, существенно уступали в качестве предложению для белого населения [Hahn 1970].

ученых — активистов борьбы за гражданские права афроамериканцев: У. Э. Б. Дюбуа, С.-К. Дрейка, Х. Р. Кэйтона, К. Б. Кларка и М. Ф. Кларк [Drake, Cayton 1945] [Clark 1965] [Guthrie 1990] [Lewis 1994] [Baber 1999] [Keppel 2002] [Du Bois 2013].

Легитимная сегрегация представляет собой формальный **институт**. Наша трактовка этого социологического термина также нуждается в прояснении. Понятие института обозначает некую социальную структуру, регулирующую дистанцированное взаимодействие людей [Шмерлина 2008]. Один из основоположников социологической науки, Э. Дюркгейм, определял свою дисциплину как «науку об институтах, генезисе и функционировании» [Дюркгейм 1990] [Шмерлина 2008]. Ему же принадлежит один из первых и классических подходов к определению институтов: «...можно назвать институтом все верования, все способы поведения, установленные группой» [Дюркгейм 1990] [Шмерлина 2008]. Трактовка Э. Дюркгейма также подразумевает существование юридически закрепленных институтов (то есть **формальных**) и **неформальных** (не кодифицированных). Такое видение сути института кажется нам оптимальным для достижения целей и задач настоящего исследования.

Эволюция концепций сегрегации как таковой тесно связана с изменением представлений о ее выраженных в городском пространстве результатах. Прежде всего, таким результатом является **гетто**. Трактовки этого термина так же многочисленны, как и теоретические подходы к сегрегации; универсальное определение также отсутствует [Алов 2018]. В контексте нашего исследования под гетто мы понимаем внутригородские территории, отличающиеся повышенной концентрацией населения в пространстве, ментальной и/или физической изоляцией от жителей других районов, формированием обособленных неформальных институтов и социально-экономической **эксклюзией**. Последний термин мы интерпретируем в том же ключе, что и немецко-американский урбанист, теоретик гетто П. Маркузе, — как выключенность из общегородских социально-экономических процессов [Marcuse 1997a].

1.1.2. Пространственная дифференциация расселения афроамериканцев как комплексный предмет исследования

Само словосочетание «пространственная дифференциация расселения» свидетельствует о необходимости формирования междисциплинарной теоретико-методологической рамки для изучения такого феномена. В нем прямо указывается акцент на пространственном аспекте, а изучение расселения обязывает нас уделить особое внимание социальным

явлениям и подходам к их концептуализации. Последние, однако, включают в себя множество сюжетов, не имеющих непосредственного отношения к объекту исследования, — афроамериканскому населению крупных городских агломераций США.

В связи с этим мы задаем логику, в соответствии с которой будет проводиться анализ теоретических и методологических подходов к изучению расселения афроамериканцев. Мы фокусируемся **на трех ключевых аспектах** пространственной дифференциации этого феномена:

- пространственном;
- институциональном;
- социально-экономическом.

Под аспектом понимается «угол зрения», с которого рассматривается объект исследования [Алаев 1983]. Географическим исследованиям свойственен пространственный аспект; социально-экономический аспект чаще всего изучается социологами и экономистами, а институциональный — социологами, философами и политологами. Любой из этих трех аспектов может присутствовать в историческом исследовании.

Многообразие теорий и концепций будут рассмотрены в приложении к трем этим «углам зрения» интересующего нас комплексного предмета исследования. Если **пространственный** аспект очевидно вытекает из формулировки темы исследования, то выделение (и разделение) двух других следует пояснить.

Сегрегация как ключевой феномен социально-пространственного характера, свойственный афроамериканцам, в США неотделима от истории легитимной сегрегации как **института**. Значимость сегрегации как общественного явления во многом определяется сложными **социально-экономическими** свойствами и последствиями — в том числе уже после исчезновения формальной институциональной конструкции. Мы разделяем два этих исследовательских поля, чтобы лучше понять принципы действия тех или иных факторов пространственной дифференциации расселения афроамериканцев: например, чтобы определить, где заканчивается действие сегрегации как института или совокупности институтов и начинается действие сегрегации как социально-экономического процесса (и существует ли вообще такая последовательность).

Упразднение формальных институтов рабовладения и легитимной сегрегации, оказавших мощное влияние на расселение афроамериканцев, дала почву для очень сложных социально-экономических процессов. Пространство при этом нередко воспринималось исследователями как некая арена, на которой факторы иной природы в различных сочетаниях оказывали влияние на расселение афроамериканцев. Мы же, в свою очередь, предлагаем

взглянуть на современный этап расселения этой расовой группы как на уникальный период времени, когда пространство вышло на первый план.

Гипотезой исследования является идея о том, что в начале XXI в. при безусловно сильном воздействии институциональных и социально-экономических факторов **решающую роль в формировании территориальной структуры расселения афроамериканцев стало играть пространство.**

При этом мы не воспринимаем пространство как некую обособленную сущность, противоречащую двум другим аспектам пространственной дифференциации расселения афроамериканцев. Напротив, роль пространства во многом зависит от характера действия других факторов. Одновременный обзор с трех теоретико-методологических позиций позволит получить объемное, **трехмерное изображение предмета и объекта исследования.**

Поскольку в рамках данной работы ставится вопрос о значимости пространственных факторов для расселения афроамериканцев, будет полезно проследить, как менялась **форма репрезентации пространства** в работах предшественников. Для этого можно использовать наработки итальянского специалиста в области региональной науки, Р. Капелло. Она предложила классификацию теорий размещения и теорий экономического роста, которая учитывает **схему¹² пространства**, которая создается (зачастую в неявном виде) исследователями при разработке концепций и моделей [Capello 2009] [Capello 2011]. Несмотря на то, что она систематизировала несколько иные по содержанию теории, ее подход видится вполне применимым и для анализа теорий расселения афроамериканцев.

Так, согласно классификации Р. Капелло, можно выделить четыре основных схемы пространства. Они приведены в соответствии с историей смены одной схемы другой в преобладающих экономических и экономико-географических подходах:

1. **Физико-метрическое.** Пространство понимается как некоеместилище точечных (местоположений экономических субъектов), линейных (транспортных артерий) и ареальных (рыночных зон) объектов. Характер взаимоотношений между этими объектами определяется, в первую очередь, физическими расстояниями.
2. **Однородно-абстрактное.** В данном случае пространство делится на внутренне однородные, но отличающиеся друг от друга регионы. Как правило, эти регионы соответствуют каким-либо единицам административно-территориального деления или целым странам. Пространство является ареной взаимодействия между гомогенными регионами.

¹² Р. Капелло использует термин *image*, что наиболее точно переводится на русский как «образ». Однако термин «образ» в отечественной науке имеет иную коннотацию, связанную, в частности, с когнитивной географией. С учетом этого нюанса и собственно содержания работ Р. Капелло, более подходящим переводом было бы словосочетание «схема пространства».

3. **Разнообразно-реляционное.** Пространство не разделяется на внутренне однородные регионы, но представляется в виде множества в той или иной степени субъектных и диверсифицированных регионов. Объектом исследования становится многообразие форм взаимоотношений между ними.
4. **Разнообразно-стилизованное.** В теориях с разнообразно-стилизованной схемой пространства ключевой является идея о концентрации экономической активности вокруг полюсов роста. Пространство представляется как само по себе диверсифицированное, а не вмещающие диверсифицированные субъекты, как в разнообразно-реляционной схеме. За счет этого оно обогащается субъектностью, способностью воздействовать на процессы. Однако сами полюса рассматриваются как точки, лишенные каких-либо территориальных характеристик [Capello 2009].

Схематическое изображение четырех схем пространства представлено на рис. 1.1.

Рисунок 1.1 — Схемы пространства в экономической географии по Р. Капелло. Составлено автором

Р. Капелло особо подчеркивает, что несмотря на то, что в процессе эволюции научной мысли одна схема пространства сменяет другую в качестве доминирующей, это не означает, что, например, разнообразно-стилизованное пространство отрицает физико-метрическое. Наоборот, эти схемы зачастую используются исследователями в различных сочетаниях, и наиболее плодотворные теории возникают как раз при синтезе двух и более схем пространства.

1.2. Пространственный аспект в исследованиях расселения афроамериканцев

Вопросы пространства как пассивного вместилища социальных процессов (или, напротив, как активного их участника) интересовали исследователей из самых разных дисциплин на протяжении всей истории изучения афроамериканцев. Социологи, специализировавшиеся по этой теме, уделяли пространству не меньшее внимание, чем географы. Подобный фокус на пространстве отличает социологию афроамериканцев от многих других направлений этой науки, в рамках которых пространство нередко воспринимается как нечто второстепенное по важности [Смирнягин 2016].

В Таблице 1.1 мы приводим основные научные течения и исследователей, которые внесли существенный вклад в изучение пространственного аспекта расселения афроамериканцев. Аналогичные таблицы предваряют соответствующие разделы Главы 1. В рамках некоторых из этих научных направлений также создавались важные работы, посвященные двум другим аспектам, — социально-экономическому и институциональному. Кроме того, часть исследователей в течение своей научной карьеры меняли фокус с одного аспекта на другой. В таком случае направление или исследователь фигурирует сразу в двух или трех таблицах.

Таблица 1.1 — Ключевые направления и исследователи пространственного аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

Ключевые направления и исследователи пространственного аспекта расселения афроамериканцев, годы выхода основных работ	Основной вклад в теорию исследований расселения афроамериканцев	Недостатки
У. Э. Б. Дюбуа, Чикагская школа (Э. У. Берджесс, Х. Хойт), 1899—1939 гг. ¹³	Методологическая установка на изучение пространственного аспекта социальных феноменов, связанных с расселением афроамериканцев. Апробация картографического метода в исследованиях расселения афроамериканцев. Учет физико-географических данностей пространства (Э. У. Берджесс).	Отождествление афроамериканцев с белыми иммигрантами из Европы, отсутствие анализа институциональных различий между ними. Социал-дарвинистский подход к расселению этнорасовых групп и закрепление ее на практике (Х. Хойт). Фокус на частных кейсах и недостаточно проработанная экстраполяция полученных выводов.
Количественная революция и ее продолжение в количественной социологии города (О. Д. Данкан, Б. Данкан, Д. С. Мэсси, Н. А. Дентон, С. Либерсон), 1950—1980-е гг.	Разработка методологического и методического инструментария для количественного анализа расселения афроамериканцев и связанных процессов.	Восприятие пространства как математической абстракции.
Радикальная география (У. У. Бунге), 1960-е гг.	Глубокий географический анализ афроамериканского гетто с использованием классовой теории.	Фокус на частных кейсах и недостаточно проработанная экстраполяция полученных выводов.
Количественная этническая география (С. Пич, Р. Джонстон, М. Поульсен, Дж. Форрест), 1990-е—н. в.	Обновление и дальнейшее развитие количественных методов анализа расселения афроамериканцев. Выявление количественно обоснованных закономерностей в расселении афроамериканцев.	Восприятие пространства как математической абстракции.

¹³ Даты указаны в соответствии с выходом работ по теме. Научная школа или направление в целом может иметь несколько иную периодизацию. Так, например, важные работы Чикагской школы выходили и в 1940-е гг.

Традиция изучения пространственного аспекта расселения афроамериканцев была заложена выдающимся афроамериканским социологом У. Э. Б. Дюбуа. В рамках полевого исследования он собрал сведения о 5 тыс. жителей преимущественно афроамериканского района Филадельфии, провел с ними интервью и пришел к первым научным выводам о негативных эффектах раздельного проживания расовых групп [Du Bois 1995]. До У. Э. Б. Дюбуа афроамериканские сообщества никогда не становились объектом научного исследования [Номе 2009]. Помимо пионерного статуса работы, опубликованной в 1899 г., ее ценность связана с детальным анализом **пространственных закономерностей расселения афроамериканцев** и активным применением **картографического метода исследования**.

Методология У. Э. Б. Дюбуа была развита в работах представителей **Чикагской школы социологии** [Caves 2013]. В отличие от предшественника, «чикагцы» использовали картографический метод не только для описания пространства, но и для его **преобразования**. Главным орудием практического влияния на пространство были **модели землепользования** — предлагаемые в научных публикациях пространственно-социально-экономические концепции, предназначенные для применения в зонировании города.

Вопросы пространственной логики расселения афроамериканцев затрагивались в двух моделях землепользования — **концентрической**, предложенной Э. У. Берджессом в 1928 г., и **секторной**, которую в 1939 г. разработал Х. Хойт [Burgess 1928] [Hoyt 1939]. Важным общим принципом этих моделей был типичный для «чикагцев» **социал-дарвинистский** взгляд на пространственную сегрегацию как **естественную часть «городского организма»** [Park, Burgess 1925] [Wirth 1928] [Wirth 1938]. Э. У. Берджесс отмечал, что сегрегация белого и афроамериканского населения является следствием развития городской экономики, так же, как и возникновение изолированных иммигрантских кварталов [Burgess 1928].

Две ключевых пространственных закономерности, выделенных Э. У. Берджессом в своей модели, — **пространственная ассимиляция** (*spatial assimilation*) и **городская сукцессия** (*urban succession*) мигрантских групп [Burgess 1924] [Burgess 1928]. Первый постулирует основной мотив расселения белых мигрантов и афроамериканцев как части диаспоры¹⁴: он заключается в постепенном продвижении от неблагополучных районов вокруг промышленных предприятий в престижные пригороды. В продвинутой версии модели

¹⁴ Афроамериканцы в этой модели рассматривались как одна из групп мигрантов, схожих по пространственным характеристикам. Чикагские афроамериканцы в 1920-е гг. действительно в основном были мигрантами из южных штатов в первом или втором поколении, то есть частью внутриамериканской диаспоры. Диаспора — этнокультурная группа, проживающая за пределами исторического ареала обитания (страны или региона) вследствие различных причин [Савоскул 2013].

Э. У. Берджесса было добавлено представление о рельефе как факторе дифференциации престижности районов (на холмах жили наиболее благополучные граждане, на склонах — средний класс, а в низине находились бедные районы) [Burgess 1929] [Meyer 2000].

Концепция городской сукцессии развивает идею пространственной ассимиляции. За счет стремления групп к улучшению своего социально-экономического положения и децентрализации выделенные кольца расширяются и сменяют друг друга в определенных частях города [Burgess 1928]. Из-за этого постепенно центральные части городов становились все в большей степени мигрантскими (во многих случаях — афроамериканскими), а благополучные районы «перемещались» все глубже в субурбию. Этот вывод стал первой выявленной **пространственно-временной закономерностью** в расселении афроамериканцев.

Х. Хойт в своей модели обратился к результатам детального анализа цен на рынке недвижимости Чикаго и динамики активности бизнеса в городе [Hoyt 1933] [Hoyt 1939]. Помимо морфологических принципов, отличных от модели Э. У. Берджесса, Х. Хойт предложил и другой взгляд на сегрегацию как основной пространственный процесс, определяющий расселение афроамериканцев в городах. В концентрической модели «естественной» считается *первичная сегрегация*, когда еще не интегрированные в белое американское общество группы селятся отдельно друг от друга. Х. Хойт же, будучи **теоретиком и практиком редлайнинга**¹⁵, в своей модели показал естественность *сегрегации вообще*. Его публикации использовались в качестве научной основы для проведения федеральной программы строительства социального жилья, и целый ряд расистских практик на рынке недвижимости¹⁶, закреплявших существование неблагополучных и преимущественно афроамериканских районов, базируется на его модели [Hillier 2003] [Hernandez 2004] [Light 2011] [Rothstein 2017]. Таким образом, секторная модель Х. Хойта оказалась воплощена на практике именно для афроамериканцев — в форме **закрепления за ними неблагополучных, соседствующих с промышленными зонами районов**.

Работы представителей Чикагской школы, изучавших афроамериканцев в контексте моделей землепользования, имеют определенные **преимущества**. Они предлагают взглянуть на процесс их расселения в **динамике**: выделяются определенные пространственные

¹⁵ Редлайнинг (от глагола *to redline* — «провести красную линию») — практика в территориальном планировании городов, на рынке недвижимости и при оказании банковских услуг. Заключается в проведении «красных линий», ограничивающих территории, на которых услуги либо не оказываются вообще (например, не выдаются ипотечные кредиты), либо оказываются с определенными ограничениями (например, застройка только низкокачественным и дешевым жильем). Линии проводятся на основе оценки социально-экономического состояния жителей территории или их платежеспособности. В эпоху легитимной сегрегации редлайнинг во многом основывался на расовой дискриминации — в первую очередь, в адрес афроамериканцев [Greer 2014] [Rothstein 2017] [Wiggins 2020].

¹⁶ Например, запрет на заселение определенных (более качественных) жилых комплексов небелыми жителями, или требование к соответствию расового состава жильцов расовому составу района, в котором возведено жилье [Rothstein 2017].

закономерности, свойственные тому или иному этапу развития города. Афроамериканцы изучаются как **часть мультиэтнического населения города**, а не как «вещь в себе». В модели Э. У. Берджесса предпринята попытка учета **неоднородности физического пространства** как фактора, влияющего на расселение афроамериканцев.

Труды «чикагцев» имеют два весьма серьезных **недостатка**. Первый заключается в том, что афроамериканцы рассматриваются как одна из мигрантских групп, но при этом **не учитывается институциональный фактор** — существовавшее менее столетия назад (на момент публикаций) рабство и действовавшую тогда легитимную сегрегацию. Это привело к эффекту, названному современным социологом города Л. Ваканом «ошибкой Вирта»: пространственно-социальные особенности расселения белых иммигрантов и афроамериканцев отождествлялись, несмотря на очевидно неодинаковые институциональные условия жизни двух этих групп [Wacquant 2011].

Другая, более явная проблема — **социал-дарвинистский подход** к сегрегации. Исследователи не только представляли ее как естественное явление, но (в случае Х. Хойта) еще и прикладывали значительные усилия для закрепления на практике. Не вдаваясь в этические рассуждения, следует признать закрепление неоднозначной теории на практике как минимум необъективным и вредным.

В 1950-е гг. в социологии и географии произошла смена парадигм, известная как **количественная революция**. В методологии научных исследований она означала отказ от идиографического подхода в пользу номотетического, то есть от преимущественно описывающего уникальные явления к выявляющему системные закономерности [Berry 1993] [Clark 2011]. Применительно к исследованиям расселения афроамериканцев этот переход означал стремление к выявлению строгих, математически обоснованных закономерностей, объясняющих раздельное проживание расовых групп и — несколько позднее — социально-экономическое неравенство между ними.

Тогда же исследования по этой теме стали фокусироваться практически исключительно на **пространственной сегрегации**. Это было связано с взрывной урбанизацией прежде преимущественно сельского афроамериканского населения и его концентрацией в определенных районах городов.

Уже в ранних публикациях по количественному анализу пространственной сегрегации обнаруживался едва ли не главный недостаток этого научного направления: упор на математизацию социальных процессов приводил к **недостаточно глубокой качественной концептуализации**. Это, в частности, проявилось в инерционном развитии социал-дарвинистского подхода «чикагцев» и отсутствии попыток критически пересмотреть их идеи. Сегрегация по-прежнему считалась «экологической» (*ecological segregation*) [Jahn, Schmid,

Schrag 1947] [Bell 1954], а во второй половине 1950-х гг., без сущностного переосмысления, тот же объект исследования стал называться **резидентной сегрегацией** (*residential segregation*) [Cowgill 1956] [Duncan, Lieberson 1959] [Lieberson 1961] [Taeuber 1964] [Taeuber 1965]. Отказ от термина «экологическая сегрегация», однако позволил постепенно отойти от социал-дарвинистского понимания этого явления.

Публикация в 1955 г. статьи О. Д. Данкана и Б. Данкан «Методологический анализ индексов сегрегации» (*A Methodological Analysis of Segregation Indices*) оказала огромное влияние на последующие исследования расселения этнических и расовых групп, в том числе афроамериканцев [Duncan, Duncan 1955]. Авторами был предложен и проанализирован ряд количественных метрик, наиболее приемлемой из которых они назвали **индекс диссимилиации** [Duncan, Duncan 1955].

Этот индекс важен не только с **методической** точки зрения, но и с **методологической**. Несмотря на то, что с момента публикации работы прошло более 60 лет, как сам индекс (в том числе в многочисленных продвинутых вариациях), так и его методология по-прежнему активно используются в исследованиях сегрегации [Kavanaugh, Lee, Pryce 2016] [Napierala, Denton 2017] [Manley, Jones, Johnston 2018]. Основу подхода О. Д. Данкана и Б. Данкан составляет представление о том, что сегрегация — это ситуация, в которой всем представителям одной группы пришлось бы сменить место жительства¹⁷, чтобы **пространственное распределение стало нормальным (гауссовым)**. Подобная интерпретация ярко иллюстрирует второй важный недостаток большинства количественных работ — восприятие **пространства как математической абстракции**. Дальнейшие разработки в области количественных методов анализа сегрегации либо развивали эту логику, либо брали ее в качестве отправной точки для своей критики [Massey, Denton 1988] [Wong 1993] [Reardon, Firebaugh 2002] [Grannis 2002] [Wong 2003] [Reardon, O'Sullivan 2004] [Brown, Chung 2006].

Несмотря на две обозначенные проблемы, достижения количественной революции оказались столь значимыми в методологическом и методическом отношении, что анализ расселения афроамериканцев с использованием индексов до сих пор остается **мейнстримом**. Ключевыми преимуществами количественного подхода является удобство для **сравнения** множества кейсов и ситуаций за разные временные периоды. Кроме того, количественный анализ позволяет выявить некие обобщенные **пространственные закономерности**.

¹⁷ Следует отметить, что оригинальная публикация О. Д. Данкана и Б. Данкан была посвящена сегрегации по гендерному признаку на рынке труда, то есть индекс диссимилиации оценивал, какой доле мужчин или женщин нужно сменить место работы, чтобы распределение было нормальным. Однако в дальнейшем индекс использовался уже преимущественно для оценки пространственной сегрегации по расовому признаку [Massey, Denton 1988].

сти — не являющиеся в строгом смысле законами (как нередко предполагали исследователи 1950-х гг.), но достаточно точно и ярко описывающими сложную социальную реальность.

В 1960—1970-е гг. произошла еще одна смена парадигм, и в авангарде наук о пространстве вместо количественного позитивизма закрепились **радикальная география** [Peet 2000]. Это течение во многом базировалось на критике своих предшественников, в первую очередь, слева, с позиций неомарксизма. Как правило, они критиковали позитивизм и методологический фокус на количественных методах, считая пространство ареной **классовой борьбы** [Harvey 1972] [Kobayashi 2019].

Среди «радикалов» особое положение занимал У. У. Бунге, поскольку он разделял принципы количественной революции, не отказываясь от математических методов исследования. Его вклад в изучение расселения афроамериканцев связан с полевыми исследованиями гетто и принципиально новым взглядом на пространство как **диалектическое единство социальных процессов и геометрического паттерна, формируемого ими** [Bunge 1965] [Bunge 1971] [Bergmann, Morrill 2018]. Такой подход позволил интегрировать глубоко проработанную количественную методологию в мощное теоретическое поле радикальной географии. Также заслугой У. У. Бунге является первое полевое географическое исследование **гетто**. Очевидным недостатком стал фокус на одном конкретном кейсе (Детройте) без выхода на более широкие закономерности.

Более поздние влиятельные концепции расселения афроамериканцев были в большей степени ориентированы на институциональную или социально-экономическую интерпретацию. Пространство в них не игнорировалось, но все же оставалось второстепенным фактором. По этой причине мы отнесем наиболее значимые из них к двум другим разделам настоящей главы.

Полноценное возвращение пространства в дискурс изучения расселения афроамериканцев произошло в результате **переосмысления и обновления достижений количественной революции**, начавшегося в 1990-е гг. Прорывные количественные работы создавались в 1950—1960-е гг., когда накопленный массив концептуального осмысления социально-экономических процессов как в общественных науках в целом, так и в направлениях, изучающих расселение афроамериканцев, был значительно меньше, чем в конце XX столетия. Поэтому новые количественные работы отличаются лучшей интегрированностью в теоретическое пространство социальных наук.

Заметный вклад в развитие количественной концептуализации расселения афроамериканцев внесли британские географы, часто сравнивавшие в своих работах американскую специфику и положение небелых мигрантов в Великобритании. Примерами работ такого

рода служат статьи британского географа С. Пича [Peach 1996a] [Peach 1996b] [Peach 2005] [Peach 2009] [Simpson, Peach 2009]. Он приходит к выводу о том, что, несмотря на схожие значения количественных метрик, описывающих некоторые особенности расселения афроамериканцев и мигрантов в британских городах, между двумя этими группами существует принципиальная разница. Для мигрантов повышенная концентрация в неблагополучных районах — одна из стадий дальнейшей интеграции в принимающее общество, которая позволяет пройти этот процесс более плавно [Peach 1996a] [Peach 1996b]. Афроамериканцы, будучи частью американского общества, **не имеют возможности интегрироваться**, живя в гетто [Peach 1996a] [Peach 1996b].

Результаты работ С. Пича показывают, что выводы, сделанные представителями Чикагской школы, адекватны расселению мигрантов, но для афроамериканцев эти закономерности не работают. В более общем смысле вклад С. Пича заключается в эмпирическом обосновании **уникальности процесса расселения афроамериканцев**, а также в глубоком качественном осмыслении результатов количественного анализа.

Британский географ Р. Д. Джонстон — чаще всего в соавторстве с австралийскими коллегами М. Поульсеном и Дж. Форрестом — опубликовал множество работ, посвященных актуальным вопросам сегрегации и расселения афроамериканцев, с **концептуально-количественным** подходом к их изучению. Они посвящены разработке и апробации методики типологии этнических кварталов [Poulsen et al. 2001] [Johnston et al. 2003], сравнительному анализу сегрегации различных расовых групп в городах США [Johnston et al. 2006a] [Johnston et al. 2007a], эмпирической проверке концепции сегрегации в постмодерновых городах [Poulsen et al. 2002] [Johnston et al. 2006b], разработке новых методов анализа сегрегации [Johnston et al. 2009] [Harris, Johnston 2018] [Johnston et al. 2018] [Jones et al. 2018].

Работы Р. Д. Джонстона и коллег имеют большую ценность для данного исследования. Он (как и С. Пич) использует количественные методы не просто для оценки социально-пространственных процессов, но для **проверки концептуальных гипотез**. В частности, ими было выявлено, что **эпоха постмодерна** принципиально отличается от модерна значительно большим **разнообразием сценариев**, по которым развивается внутригородская сегрегация (и, как следствие, расселение афроамериканцев) [Poulsen et al. 2002] [Johnston et al. 2003] [Johnston et al. 2006b]. Кроме того, они активно проводили **типологию** городских территорий — метод, не столь часто используемый американскими географами в последние несколько десятилетий, но дающий яркие и полезные выводы о закономерностях расселения кварталов [Poulsen et al. 2001] [Johnston et al. 2003]. Наиболее заметный недостаток их работ унаследован от предшественников эпохи количественной революции: собственно пространство воспринимается как **абстрактная и пассивная** сущность.

Схемы пространства, соответствующие выделенным основным направлениям изучения пространственного аспекта расселения афроамериканцев, отражены на рис. 1.2.

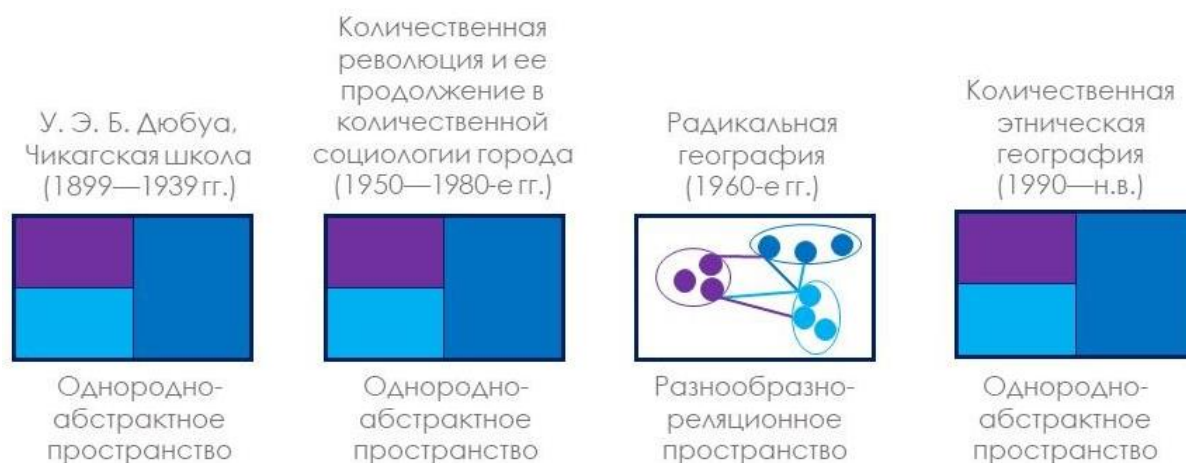

Рисунок 1.2 — Схемы пространства по Р. Капелло в основных исследованиях пространственного аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

По мнению Р. Капелло, исследовательским полем, способным обогатить экономические модели и их схемы пространства, может стать количественная социология [Capello 2009]. В изучении пространственного аспекта расселения афроамериканцев вклад этого научного направления действительно оказался очень важным, но сформированная им схема пространства не отличается изобретательностью. Репрезентация пространства в работах по расселению афроамериканцев традиционно **абстрактна**, и в этом отношении принципиальных изменений по сравнению с работами Чикагской школы почти вековой давности не наблюдается. Необходимо, однако, заметить, что Э. У. Берджессом предпринималась попытка обогатить пространство более сложной внутренней дифференциацией (за счет рассмотрения рельефа как фактора социально-экономической стратификации). Тем не менее, выделение высотных поясов с характерными для всей их площади социально-экономическими характеристиками все же укладывается в схему однородно-абстрактного пространства.

«Нарушителем спокойствия», что ожидаемо следует из названия научного течения, стала радикальная география в изложении У. У. Бунге. Его схема не лишает пространство **субъектности**. При опоре на классовую теорию и внимании к геометрии процессов ему удалось рассмотреть пространство как активного участника расселения афроамериканцев, а не условно разделенного на ареалы вместилища. Из этого можно сделать вывод о том, что для более проработанной схемы пространства полезно обращаться к теоретическим разработкам других наук — в том числе, с фокусом не на пространство как таковое, но на его содержимое.

1.3. Институциональный аспект в исследованиях расселения афроамериканцев

Под содержимым пространства общественными географами может пониматься многообразие форм взаимоотношений между социальными группами. Эти формы лучше всего описываются с помощью понятия **социальных институтов** (см. раздел 1.1.1).

В Таблице 1.2 отмечены исследователи, внесшие существенный вклад в понимание институциональной природы процессов, оформляющих расселение афроамериканцев. Отметим, что, как и в случае с пространственным аспектом, значительная часть работ по теме фокусируется на вопросах сегрегации и гетто.

Таблица 1.2 — Ключевые направления и исследователи институционального аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

Ключевые направления и исследователи в области изучения институционального аспекта расселения афроамериканцев	Основной вклад в теорию исследований расселения афроамериканцев	Недостатки
Чикагская школа (Л. Вирт), 1920—1930-е гг.	Первый подход к формированию теории гетто, создание связи между пространством и институтом.	Фокус преимущественно на еврейских гетто, недостаточное внимание к уже существовавшему тогда афроамериканским гетто. Социал-дарвинистский подход к сегрегации.
Исследования сегрегации как социальной проблемы (К. Б. Кларк), 1950—1960-е гг.	Глубокий анализ негативных последствий сегрегации для афроамериканских сообществ. Выявление связи между неформальными институтами гетто и формальными институтами государства. Концепция расовой иерархии американского общества.	Необходимость детальной ревизии после отмены легитимной сегрегации.
Критическая ¹⁸ география (П. Джексон), 1980-е гг.	Выделение в качестве первопричины сегрегации и расовой дискриминации комплекса предубеждений в адрес афроамериканцев. Взгляд на расу не как биологическую данность, но как на релятивную культурную идентичность, чья ценность определяется в ходе социального взаимодействия.	Обозначение необходимости критического переосмысления понятий «раса» и «пространство»; должно внимание, однако, уделяется только первому термину.

¹⁸ Взаимосвязь радикальной и критической географии остается спорным вопросом: некоторые исследователи отождествляют их [Peake, Sheppard 2014], другие считают, что критическая география — следующая эволюционная ступень после радикальной [Peet 2000] [Blomley 2006], или что это «подвергшаяся академизации и лишившаяся активистского начала радикальная география» [Castree 2000].

Количественная социология города (У. Дж. Уилсон, Р. Фарли, Дж. И. Фарли, Д. Мэсси, Н. А. Дентон) в контексте изучения сегрегации, 1970—1980-е гг.	Развитие методических подходов эпохи количественной революции, предложение ряда оригинальных метрик. Синтез пространственного, институционального и социально-экономического аспектов расселения афроамериканцев.	Недостаточная детализация статистических данных вынуждала исследователей ограничиваться уровнем городов или городских агломераций в целом, без перехода на другой масштаб. Представление пространственной концентрации в качестве структурного явления пространственной сегрегации.
Социальная антропология (П. Бурдьё, Л. Вакан), 1990—н. в.	Концепция передовой городской маргинальности, выделение ее основных институциональных, пространственных и социально-экономических свойств. Теория неформальных институтов гетто и их деградации в гипергетто. Взгляд на пенитенциарную систему США как дисциплинарный институт контроля над афроамериканцами. Концепция негативного социального капитала как аккумуляции отрицательных эффектов дисфункции формальных и неформальных институтов.	Недостаточное внимание к вопросу расы и внутриафроамериканской стратификации — остается непонятным, как устроена вертикальная социальная мобильность афроамериканцев.

Л. Вирт стал одним из первых исследователей, акцентировавших внимание на институциональной составляющей формирования и функционирования гетто. Фокус классической работы «Гетто» (*The Ghetto*) приходился на еврейские гетто, но Л. Вирт отмечает, что его находки применимы и для других этнических и расовых групп, включая афроамериканцев [Wirth 1928].

Вирт считал сегрегацию **естественной реакцией** на рост города и все большую его «обезличенность» [Wirth 1928]. Он исходил из представления о том, что сегрегация является следствием концентрации групп населения по этническому, расовому, экономическому или профессиональному признаку [Wirth 1928]. По мнению Л. Вирта, сегрегация позволяет людям выполнять свои «естественные» функции в рамках «городского организма» [Wirth 1928]. Объединение людей в сконцентрированные в пространстве группы позволяет упростить и сделать более предсказуемой жизнь в крупном капиталистическом городе [Wirth 1928]. Гетто, по Л. Вирту, — прежде всего **культурный, тесно спаянный район**, в который люди переселились **в «естественных» условиях капитализма** (и из которого имеют хорошие возможности выбраться) [Wirth 1928].

Помимо определения роли сегрегации и гетто в жизни города, к заслугам Л. Вирта следует добавить представление об **институционализации** гетто. Под этим подразумевается формирование изолированных неформальных связей, правил и традиций, возникающих в гетто в условиях формальных (часто — физической) изоляции и сохраняющихся даже после отмены законов, регулирующих такую изоляцию [Wirth 1928]. Эта идея очень важна для понимания причин ретрансляции особенностей расселения афроамериканцев в период легитимной сегрегации. Даже если они переезжали в штат, где такого рода законы не действовали, они «перевозили» вместе с собой неформальные институты — по аналогии с еврейскими иммигрантами из Восточной Европы конца XIX—начала XX вв. в США.

Однако не следует абсолютизировать эту аналогию. Л. Вирт не учитывал, что **формальные институты дискриминации**, не позволявшие евреям свободно расселяться в городах Европы и отсутствовавшие в США, на тот момент **действовали преимущественно в отношении афроамериканцев**. Иными словами, положение афроамериканцев в довоенных США можно было уподобить ситуации с европейскими гетто Нового времени или — в ином географическом масштабе — чертой оседлости в Российской империи, но не актуальному социальному и правовому статусу американских евреев. В этой связи теория Л. Вирта не может быть в полной мере взята за основу при изучении расселения афроамериканцев.

Концептуализация действия формальных и неформальных институтов расовой дискриминации как одного из важнейших механизмов формирования системы расселения афроамериканцев была проведена социальным психологом К. Б. Кларком в его *magnum opus* — книге «Темное гетто: дилеммы общественной власти» (*Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power*) [Clark 1965]. В ней он подытожил результаты многолетних исследований сегрегации, в первую очередь, связанных с сегрегацией в образовательных учреждениях¹⁹ [Clark 1944] [Clark 1950] [Clark 1952]. Ключевым выводом К. Б. Кларка стал тезис о наличии в американском обществе **расовой иерархии, создаваемой и закрепляемой на неформальном уровне формальным институтом легитимной сегрегации**. В этом же ключе было пересмотрено и понятие «гетто»: это **результат сознательной политики сегрегации, продукт расовой иерархии американского общества**, где на высшем уровне находятся белые, а на низшем — афроамериканцы [Clark 1965].

¹⁹ Результаты работ К. Б. Кларка были использованы в судебном процессе 1954 г. «Браун против Департамента образования города Топики», по итогам которого в США перестала применяться доктрина «разделенные, но равные», составлявшая руководящий принцип легитимной сегрегации [Freeman 2011].

Труды К. Б. Кларка оказали мощное влияние на все сферы науки, связанные с изучением афроамериканцев. Однако, при всей их влиятельности, они достаточно быстро отстали от социально-политической реальности. Это связано с отменой последних сегрегационных законов²⁰ — делегитимизация сегрегации привела к необходимости **ревизии** результатов К. Б. Кларка и встраивания их в принципиально новый контекст.

Идеи К. Б. Кларка о расовой иерархии и положении афроамериканцев в ней получили развитие — уже после отмены легитимной сегрегации — в работах критического географа П. Джексона. Он предложил новый взгляд на первопричину возникновения расовой иерархии: **это продукт расизма как институционализированной идеологии**, а расовая принадлежность — не биологическая данность, но некая переменная (*negotiated variable*), значение которой определяется в ходе взаимодействия между индивидами и группами [Jackson 1985] [Jackson, Smith 1981] [Jackson, Smith 1984]. Его работы ознаменовали переключение внимания многих общественных географов с собственно сегрегации на вопрос расы как культурной идентичности и расизма как идеологии [Mitchell 2011].

После формирования концептуального видения расовой иерархии как основного принципа **сортирования расовых групп в пространстве** начали разрабатываться и соответствующие методы оценки. Артикулированный тезис о такой роли института расовой иерархии прозвучал в книге социолога города У. Дж. Уилсона «Истинно обделенные: внутренний город, андеркласс и общественная политика» (*The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy*) [Wilson 1987].

У. Дж. Уилсон обнаружил, что сегрегация все сильнее выражается в **пространстве**, причем она в меньшей степени связана с делением на белое и афроамериканское население [Wilson 1980]. Он объяснял этот эффект изменением пирамиды расовой иерархии. Раньше внизу находились все афроамериканцы, а после попадания в общеамериканский капиталистический контекст (то есть после устранения формальных помех в виде легитимной сегрегации) среди них выделились «истинно обделенные» или **андеркласс**²¹ (*underclass*) [Wilson 1980] [Wilson 1987]. Иными словами, **сегрегация по расовому признаку** трансформировалась в **сегрегацию по расово-классовому признаку**²² [Wilson 1987].

²⁰ Последние законы на уровне ряда южных штатов, составлявшие нормативно-правовую базу легитимной сегрегации, были отменены после решения Верховного суда США по делу «Лавинг против штата Виргиния» в 1967 г.

²¹ Устоявшийся в русскоязычной научной литературе вариант перевода данного термина [Гусев 2006] [Жвиташвили 2008] [Батуренко 2011]. Американист Э. Л. Нитобург предлагал перевод «нижний подкласс», но он не прижился [Нитобург 1994].

²² Отметим, что к схожим выводам — на несколько лет раньше — пришел советский исследователь Э. Л. Нитобург, рассматривавший «черный пролетариат» как отдельную расово-классовую общность [Нитобург 1971] [Нитобург 1979]. Он же стал первым русскоязычным автором, изучавшим афроамериканские гетто. По объективным причинам неравного доступа к информации работы Уилсона, однако, более комплексны и убедительны.

Важность этих выводов для изучения расселения афроамериканцев связана с тем, что **накопленные в пространстве негативные эффекты действия формальных институтов продолжают действовать и после отмены последних**. Сами формальные институты при этом заменяются неформальными — к ним можно отнести классовое расслоение среди афроамериканцев. Однако, будучи некодифицированными (и, вероятно, некодифицируемыми в принципе), эти **институты начинают играть меньшую роль, чем пространство** [Wilson, Wacquant 1993].

Работы Уилсона во многом опираются на достижения радикальных и критических географов, но при этом им используются методы **количественного анализа**. Такое совмещение очень разных методологических и даже философских установок стало кредо количественных социологов города 1970—1980-х гг. Р. Фарли одним из первых в период теоретического доминирования критической географии с помощью анализа статистических данных показал, что классовая теория не может в полной мере объяснить феномен сегрегации афроамериканцев, поскольку большее значение играет расовая дискриминация [Farley 1970] [Farley 1977] [Farley et al. 1979]. В свою очередь, Дж. И. Фарли доказал, что сегрегация существует не только в городах с их гетерогенной классовой структурой, но и в пригородах, чья структура традиционно более однообразна [Farley 1982] [Farley 1984] [Farley 1986] [Farley 1987]. В первой половине 1980-х гг. в ряде публикаций «количественной» направленности также впервые был предложен подход к **сегрегации как препятствию для городской мобильности** [Doreian 1980] [Liebersohn 1980] [Massey, Mullan 1984] [Massey, Denton 1985].

Сегрегация в этих работах понимается как неформальный институт, **регулирующий расселение афроамериканцев**. При этом фокус исследований смещается на социально-экономические и пространственные факторы. Труды количественных социологов города того периода отличаются **комплексностью** взглядов на наиболее заметные процессы расселения афроамериканцев.

Большой вклад в формирование синергии между тремя аспектами расселения афроамериканцев внесли социологи города Д. С. Мэсси и Н. А. Дентон, прежде фокусировавшиеся преимущественно на разработке количественных **метрик оценки** социально-пространственных процессов. В 1988 г. они опубликовали статью «Измерения резидентной сегрегации» (*The Dimensions of Residential Segregation*), ставшую точкой отсчета для новой волны основанных на индексах количественных исследований сегрегации [Massey, Denton 1988]. В ней был представлен исчерпывающий анализ существовавших на тот момент количественных метрик. Статья послужила методической основой для более глобального

труда — книги «Американский апартеид: сегрегация и формирование андеркласса» (*American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*) [Massey, Denton 1993].

Д. С. Мэсси и Н. А. Дентон приходят к выводу о том, что **первопричиной возникновения сегрегации** (причем как легитимной, так и лишенной правовой формы) **является** комплекс предубеждений белых американцев в адрес афроамериканцев, то есть **расизм** [Massey, Denton 1993]. Новизна этой идеи в том, что, несмотря на разницу в принципе действия, легитимная сегрегация и пространственная сегрегация признаются **генетически схожими**. Институт пространственной сегрегации представляет собой неформальный вариант легитимной сегрегации.

В книге Д. С. Мэсси и Н. А. Дентон используется синтетический метод, в котором анализ причинно-следственных связей и явлений пространственной, институциональной и социально-экономической природы проводится **и качественно, и количественно**. Это позволяет не только объяснить суть процессов, но и дать им параметризованную оценку. В целом работы количественных социологов города 1970—1980-х гг. имеют общий недостаток — все они уповают на результаты расчетов индексов, **не подходя критически к ограничениям и допущениям**, неизбежно содержащимся в каждой подобной метрике.

Труды Д. С. Мэсси и Н. А. Дентон выделяются на фоне других количественных работ по социологии сегрегации, поскольку в статье 1988 г. ими был проведен всеобъемлющий анализ существовавших на тот момент тематических метрик. Однако их подход имеет собственный, весьма серьезный недостаток. Они предлагают рассматривать пространственную сегрегацию как совокупность пяти пространственных измерений, одним из которых является **пространственная концентрация** [Massey, Denton 1988]. Бескомпромиссное сведение нейтрального по своей природе **феномена концентрации к составляющей** негативного явления **пространственной сегрегации** является **недостаточно обоснованным**.

Выделение новой страты — андеркласса — и разработка количественных методов его изучения вдохновило франко-американского социолога и социального антрополога Л. Вакана на создание новой теории. Ее первые принципы были заложены в совместной работе с У. Дж. Уилсоном, посвященной ситуации, когда и без того неблагополучные гетто оказались еще более сегрегированными, бедными и во многом зависящими от социальной поддержки государства. Этот процесс был назван **гипергеттоизацией** [Wilson, Wacquant 1993]. Л. Вакан в целом ряде последующих публикаций предложил детально проработанный концептуальный аппарат, описывающий современные процессы, к которым приводит сегрегация, с фокусом на афроамериканских гетто (также сравнивая их с французскими районами эксклюзии — банлье) [Wacquant 1996] [Wacquant 1997] [Wacquant 1999]

[Wacquant 2008] [Wacquant 2009] [Wacquant 2010] [Wacquant 2016] [Flint 2019] [Flint, Powell 2019].

Теория Л. Вакана представляет собой **синтез всех трех аспектов** расселения афроамериканцев (пространственного, институционального, социально-экономического) на платформе понятий «гетто» и «гипергетто». Наиболее важным в его видении является именно институциональный аспект. Наблюдения Л. Вакана строятся на сравнении гетто, возникших в эпоху легитимной сегрегации, и современных гипергетто (сформировавшихся в 1970—1990-е гг.). Первые он называет **коммунальными гетто** (*communal ghetto*). В них в ответ на низкое (вследствие расовой дискриминации) качество государственных и муниципальных услуг формировались параллельные неформальные институты [Wacquant 2008]. Среди таких институтов можно выделить широко распространенные соседские патрули (альтернатива бездействующей полиции) и обучение на дому у заинтересованных в педагогической нагрузке соседей [Wacquant 2008]. В постиндустриальных **гипергетто** эти институты начали **деградировать**. Существовавшие и ранее социальные патологии — бедность, высокий уровень насилия, наркоторговля, организованная уличная преступность — развились до беспрецедентных масштабов [Wilson, Wacquant 1993] [Wacquant 2008].

Процесс концентрации не только бедности, но и практически всех возможных социальных проблем привел к возникновению **передовой²³ городской маргинальности** (*advanced urban marginality*) [Wacquant 1996] [Wacquant 1999]. Л. Вакан не дает собственного определения термина «маргинальность», что позволяет использовать классические трактовки Г. Зиммеля и Р. Парка: первый называл маргинальностью состояние, при котором индивид находится на границе двух групп населения, второй — нахождение *между* границами групп [Баньковская 2014] [Simmel 1950] [Park 1967]. Важно отметить, что Л. Вакан неоднократно употребляет словосочетание «режим передовой городской маргинальности» (*the regime of advanced urban marginality*) [Wacquant 1996] [Wacquant 1999] [Wacquant 2008]. Использование слова «режим»²⁴ вместо «состояние» указывает на упорядоченность этого явления *сверху* — то есть **государством** [Wacquant 2008].

Л. Вакан выделяет следующие основные признаки передовой городской маргинальности:

1. Растущая внутренняя неоднородность и десоциализация труда;
2. Разрыв функциональной связи между социально-экономическим состоянием района и макроэкономическими трендами;

²³ Наиболее распространенный перевод *advanced* — «продвинутая», однако Вакан в своей статье указывает, что это слово в данном контексте означает непредсказуемость социальных последствий этого феномена, они еще впереди [Wacquant 1996]. Поэтому это слово было переведено как «передовая».

²⁴ Этимология слова «режим» восходит к латинскому *regimen* — «управление» [Фасмер 1971].

3. Территориальная фиксация и стигматизация;
4. Отчуждение пространства и растворение места в пространстве;
5. Потеря неформальных связей;
6. Социальная фрагментация.

Логичным следствием нарушения целостности неформальных связей становится социальная фрагментация. Именно этим можно объяснить применение Л. Ваканом основанной на поведении индивидов концепции маргинальности к группе людей — обитателей гипергетто. Социальная фрагментация приводит к потере чувства общности и групповых репрезентаций [Wacquant 1996]. А это, в свою очередь, приводит к **классовой декомпозиции и депролетаризации** гипергетто [Wacquant 1996] [Wacquant 2019].

Территориальная фиксация связана с **гиперконцентрацией бедного населения** в пределах доступных им с финансовой точки зрения районов, а также с низкой мобильностью. Подобные районы, таким образом, закрепляются в сознании людей как неблагополучные, что ведет к стигматизации — как местными жителями, так и обитателями других районов города [Wacquant 1996]. В свою очередь, стигматизация ведет к потере чувства принадлежности к своему району, превращению наполненного смыслами *места* в безликое и недружелюбное *пространство* [Wacquant 1996]. Этот эффект также связан со снижением плотности социальных контактов (вследствие исчезновения рабочих мест и деградации неформальных институтов); в свою очередь, она приводит к потере значительной части неформальных связей, игравших важную роль в жизни беднейших слоев населения в индустриальную эпоху [Harvey 1989] [Lipsitz 1989] [Soja 1989] [Shields 1991] [Wacquant 1996] [Wacquant 2008].

Согласно Л. Вакану, **статус-кво в расовой иерархии**, а, следовательно, и в процессе сегрегации и расселении афроамериканцев **сохраняется за счет неолиберальной экономической политики США** [Wacquant 2019]. В ряде работ он демонстрирует наличие возможностей, но отсутствие политической воли для решения проблем гетто — например, с помощью реставрации и реформирования формальных институтов [Wacquant 2009] [Wacquant 2010] [Wacquant 2012] [Wacquant 2019]. В то же время пенитенциарная система, созданная в США, служит инструментом контроля и доминирования над передовой городской маргинальностью, преимущественно составляемой афроамериканцами, воплощая в жизнь концепцию **дисциплинарного общества** М. Фуко [Фуко 2018] [Wacquant 2019]. Взгляд на пенитенциарную систему как дисциплинарный институт разделяется многими американскими учеными, представляющими различные научные направления [Brewer, Heitzig 2008] [Haney López 2010] [Alexander 2012] [De Lissoy 2012] [Feagin 2013] [Simon 2014].

Таким образом, Л. Вакан предлагает детально проработанную теорию гипергеттоизации и формирования продвинутой городской маргинальности. Главной движущей силой в этой теории является институциональный фактор. Однако необходимо прояснить сущность института в понимании Л. Вакана.

Институт в теории гипергеттоизации рассматривается через призму **теории социального капитала** П. Бурдьё [Bourdieu 1985] [Bourdieu 1986] [Bourdieu 1990] [Bourdieu, Wacquant 1992] [Wacquant 1998]. Социальный капитал, по П. Бурдьё, представляет собой одну из **форм капитала** (наряду с экономическим и культурным) и определяется как совокупность материальных и нематериальных ресурсов, которые накапливаются у человека за счет пребывания в «тесно переплетенной сети более или менее институционализированных взаимоотношений, то есть в группе» [Bourdieu 1986] [Wacquant 1998]. П. Бурдьё выделяет **формальный** (то есть закрепленный разного рода юридическими процедурами) и **неформальный** (основанный исключительно на взаимном доверии и доброжелательности) социальный капитал [Bourdieu 1986].

В гипергетто концентрируется негативный опыт накопления формального (институты государственной власти, рынок недвижимости) и неформального (фрагментация сообществ, отмирание неформальных институтов) капитала. Л. Вакан предлагает концепцию **негативного социального капитала** — того же социального капитала по П. Бурдьё, но «со знаком минус» [Wacquant 1998]. Вместо ресурсов жители гипергетто получают **проблемы и риски**: вместо оказания помощи со стороны полиции — угроза собственной безопасности, вместо государственной поддержки — зависимость от нее, вместо сплоченного вследствие изолированности сообщества — фрагментированная общность индивидов.

Теория Л. Вакана содержит в себе наиболее детально проработанную концептуализацию развития такого важного элемента многих внутригородских систем расселения афроамериканцев, как гетто. Однако в ней можно обнаружить изъян, связанный с **не до конца проясненной ролью расы в таких системах**. Афроамериканцы в гипергетто являются контролируемой частью общества. В то же время Л. Вакан показывает, что после исчезновения легитимной сегрегации часть представителей этой расовой группы покинули начавшие деградировать гетто. В таком случае возникает вопрос о том, **в какую часть дисциплинарного общества попадают эта — условно преуспевающая — часть афроамериканцев**. Если в ту, где находятся институты контроля и стейкхолдеры, ими управляющие, тогда ставится под сомнение сама идея расовой иерархии. Если же они остаются такими же жертвами расового угнетения, то неясен смысл существования институтов, закрепляющих в гипергетто статус-кво.

Несмотря на то, что в рассмотренных в этом разделе концепциях пространство чаще всего не выходит на первый план исследований, можно выделить основные схемы пространства, сформированные различными направлениями изучения институционального аспекта расселения афроамериканцев. Они проиллюстрированы на рис. 1.3.

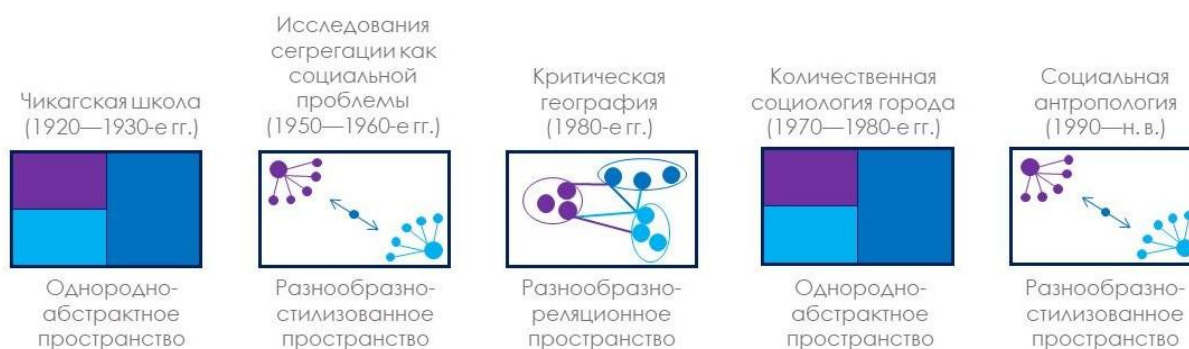

Рисунок 1.3 — Схемы пространства по Р. Капелло в основных исследованиях институционального аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

В этом характере смены схем пространства можно увидеть **цикличность**. Чикагская школа и количественная социология оперировали однородно-абстрактным пространством. После Второй мировой войны, так же, как и в период активной постиндустриализации набрали силу концепции, описывающие разнообразно-стилизованное пространство. Эта схема лучшим образом подходит для анализа **межрасового неравенства** — проблемы, впервые предметно изученной в ходе борьбы против легитимной сегрегации и вновь ставшей особенно актуальной после подытоживания первых десятилетий жизни без этого института. Разграничила два этих цикла критическая география — более «социологичная», чем радикальная, но все же сформировавшая ту же разнообразно-реляционную схему.

Разнообразно-стилизованное пространство Л. Вакана весьма **субъектно**: будучи во многом оформленным негативными эффектами регуляторного института легитимной сегрегации, после упразднение последнего оно начинает самостоятельно определять расселение афроамериканцев. Носителем этой субъектности, однако, является не пространство вообще, а конкретная территориальная общность — гетто (мутирующее в гипергетто).

1.4. Социально-экономический аспект в исследованиях расселения афроамериканцев

Гетто как институционализированный агент пространственного воздействия на расселение афроамериканцев не может действовать без сильного межрасового социально-экономического неравенства. Это явление изучалось представителями различных научных дисциплин. В Таблице 1.3 представлены научные направления и авторы, внесшие наиболее

заметный вклад в изучение социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев.

Таблица 1.3 — Ключевые направления и исследователи социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

Ключевые направления и исследователи социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев	Основной вклад в теорию исследований расселения афроамериканцев	Недостатки
Экономическая социология (Г. К. Мюрдаль), 1944 г.	Фокус на негативных социально-экономических эффектах сегрегации, открытие принципа их кумулятивной причинности. Каузальный анализ сегрегации как совокупности социально-экономических процессов.	Абсолютизация системы ценностей, обобщенной под термином «американское кредо». Игнорирование политической субъектности афроамериканцев.
Радикальная география (Д. Харви), 1970-е гг.	Интеграция классовой теории в изучение расселения афроамериканцев. Формирование представления о справедливости в городе.	Сознательное дистанцирование от вопроса межрасового неравенства в пользу межклассового.
Лос-Анджелесская школа урбанистики (М. Дир, Э. Соджа), 1990—2000-е гг.	Изучение расселения расовых групп (в том числе афроамериканцев) в постмодернистском дискурсе.	Недостаточное внимание к вопросам расовой идентичности.
Исследования поляризации общества и городского пространства (П. Маркузе), 1990—2000-е гг.	Создание проработанной типологии городских территорий на основе социально-экономических свойств и характера расселения расовых групп, в том числе афроамериканцев.	Недостаточное внимание к вопросу расы и социальной стратификации среди афроамериканцев — остается непонятным, какова роль афроамериканского среднего класса.
Количественная социология города (Дж. Пэйс, К. Краудер, С. Дж. Саут, Дж. Р. Логан, Р. Д. Альба, Д. С. Мэсси, Н. А. Дентон), 2000—н. в.	Развитие концепции социально-экономического статуса как связующего звена между социально-экономическим и пространственным аспектом расселения афроамериканцев и других расовых групп.	Невнимание к институциональному аспекту расселения афроамериканцев.
Количественная этническая география (С. Пич, Р. Джонстон, М. Поульсен, Дж. Форрест, Р. Райт, С. Р. Холлоуэй, М. Эллис) и демография (У. Х. Фрей) в контексте изучения расовой диверсификации, 2000—н. в.	Артикуляция вопроса о влиянии расовой диверсификации на сложившиеся пространственно-социально-экономические паттерны в американских городах.	Отсутствие самостоятельной теоретической рамки, опора на теории сегрегации, методологическая неопределенность.

В литературе, посвященной социально-экономическому аспекту расселения афроамериканцев (как правило, в контексте сегрегации), можно выделить три основных тематических направления:

- исследования социально-экономического неравенства;
- изучение соотношения расы, класса и пространства;
- анализ эффектов расовой диверсификации американского общества.

В довоенный период в рамках доминировавшего тогда социал-дарвинистского дискурса сегрегация и несвободное расселение афроамериканцев считались естественными и нейтральными по своей сути явлениями. Первым шагом на пути отказа от подобного взгляда к сегрегации стали работы шведского экономиста Г. К. Мюрдаля. Его книга «Американская дилемма» (*An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*), опубликованная в 1944 г., впервые четко артикулировала **проблему** отстающих в социально-экономическом развитии и качестве образования преимущественно афроамериканских районов [Myrdal 1944].

Этот монументальный труд состоит из двух больших смысловых блоков. Один посвящен количественному и качественному анализу **социально-экономического неравенства** между белыми и афроамериканцами. Г. К. Мюрдаль не только удалось детально продемонстрировать степень этого неравенства, но и открыть принципиально новое его свойство. Оно получило название «**принцип кумулятивной причинности**»: если между двумя группами (в данном контексте — белыми и афроамериканцами) изначально существует искусственно созданное неравенство (рабство, а затем сегрегация), то негативные эффекты от него будут накапливаться и воспроизводиться [Myrdal 1944].

Второй смысловой блок посвящен философской рефлексии о глубинных причинах этого неравенства. Впервые в истории научной мысли вопрос о неравенстве белых и афроамериканцев — в том числе в пространственном аспекте — был рассмотрен через **морально-этические категории**. Для этого Г. К. Мюрдаль предлагает концепцию «**американского кредо**» как морального кодекса, разделяемого большинством белых американцев [Myrdal 1944]. Его ценностные установки соответствуют этическим принципам демократии, равенства прав всех граждан США, свободной торговли и стремления к преуспеванию [Myrdal 1944]. Однако в ситуации с сегрегацией возникает «**американская дилемма**», когда эти декларируемые идеалы не распространяются на целую расовую группу [Myrdal 1944].

Результатом решения «американской дилеммы» не в пользу равноправия афроамериканцев стали тот сильнейший гандикап в социально-экономическом положении, который был свойственен большинству **мест**, преимущественно населенных афроамериканцами. Проводя не только социально-экономическую оценку, но и ревизию моральных ценностей американской нации, Г. К. Мюрдаль ставит вопрос о **справедливости** такого положения дел.

В этом прорывном труде Г. К. Мюрдаля выделяются два наиболее уязвимых для критики момента. Первый касается всеобъемлющей концепции «Американского кредо».

Нет оснований быть убежденным в том, что принципы этого морального кодекса **разделяют все жители США**. Второй повод для критики — рассмотрение афроамериканцев как лишенных свободной воли и **политической субъектности**, уповающих исключительно на решения белого большинства. Такой взгляд был объясним в условиях легитимной сегрегации и практически полного отсутствия афроамериканских стейкхолдеров, но сегодня он выглядит анахронизмом.

Тем не менее, начатая Г. К. Мюрдалем морально-этическая дискуссия получила мощное продолжение в трудах **радикальных и критических географов**. Наиболее четко эта тема артикулирована в знаменитом труде Д. Харви, «Социальная справедливость и город» (*Social Justice and the City*) [Harvey 1973]. Помимо интеграции урбанистики в теоретическое пространство К. Маркса, вклад Д. Харви в исследования сегрегации заключается также в постановке вопроса о справедливости в капиталистическом городе. Д. Харви и его последователи рассматривали социально-экономическое неравенство и сегрегацию как явные проявления **несправедливости**; впоследствии это видение отразилось в концепции пространственной справедливости [Smith 1994] [Marcuse 2010] [Soja 2010] [Iverson 2011] [Moroni 2020]. Расселение афроамериканцев в таком контексте рассматривалось не как отклонение от гауссова распределения, но как продукт **классового неравенства** [Harvey 1972] [Kobayashi 2019].

Неомарксистская ревизия подходов к изучению неравенства повлияла и на исследования расселения афроамериканцев в целом, поскольку она привела к **отходу от расоцентричной модели сегрегации**. Он объяснялся отказом от самой концепции расы (в случае США тождественной расовой группе) [Donaldson 1969] [Kobayashi 2014]. Помимо абсолютной убежденности в адекватности классовой теории изучаемой проблеме, смысл отказа от концепции расы заключался также в демонстративном антирасизме этого действия [Bergmann, Morrill 2018]. Раса (расовая группа) трактовалась как искусственно сформулированный белыми концепт, нацеленный на дискриминацию и эксплуатацию расовых меньшинств, преимущественно представленных пролетариатом. На этом фоне выделялся У. У. Бунге, считавший, что исследование неравенства и сегрегации должно фокусироваться именно на вопросе **расовой дискриминации** [Bunge 1965] [Bunge 1971] [Bentley et al. 2016] [Bergmann, Morrill 2018].

Вопрос о соотношении расы, класса и пространства через призму социально-экономического неравенства активно освещался в работах Лос-Анджелесской школы. Она позиционировалась ее представителями (прежде всего, М. Диром) как «современный ответ Чикагской школе» [Dear 2003]. Если «городские экологи» описывали современный город (Чи-

каго первой половины XX в.), то исследователи Лос-Анджелесской школы строили большую часть своих работ на основе эмпирических сведений о Лос-Анджелесе второй половины XX в., позиционируя его в качестве первого **постмодернового города** [Dear, Flusty 1998] [Dear 2002] [Dear 2003] [Johnston et al. 2006].

Ряд городских процессов, изученных Чикагской школой, был реинтерпретирован в постмодернистском ключе [Dear 2002] [Dear 2003]. В частности, парадигма изучения модернового города как структуры, определяемой центром, была «перевернута»: в постмодерновом городе центр определяется периферией [Dear 2003]. М. Дир выделяет четыре основных группы процессов, формирующих постмодерновый город: глобализация экономики, **нарастание неравенства** между жителями города и городами в США и в мире, гибридизация культуры, трансформация пространства под влиянием информационных технологий [Dear 2003].

В контексте изучения расселения афроамериканцев наиболее важна вторая группа процессов — постоянно растущее неравенство между бенефициарами капитализма (в основном белыми) и теми, кто оказывается в проигрышной ситуации (расовыми меньшинствами). Как отмечает один из ключевых авторов Лос-Анджелесской школы Э. Соджа, главным процессом, приводящим к социально-экономическому неравенству, является **поляризация** [Soja 2010]. Возвращаясь в предложенному Г. К. Мюрдалем принципу кумулятивной причинности, Э. Соджа напоминает, что он показал и обратный процесс: **экономические привилегии также имеют свойство накапливаться**; одновременное действие двух этих процессов американский экономист А. О. Хиршман назвал поляризацией [Myrdal 1957] [Hirschman 1958].

Механизм возникновения поляризации в постиндустриальных городах описан в работах С. Сассен [Hamnett 1994] [Hamnett 2001] [Sassen 1985] [Sassen 1991]. Развитая сфера услуг приводит к возникновению большого количества рабочих мест с высокой квалификацией и высокой заработной платой и, наоборот, с низкой квалификацией и низкой заработной платой. При этом **«средних» рабочих мест становится меньше**, чем в индустриальную эпоху [Sassen 1985] [Sassen 1991].

Э. Соджа отмечает, что негативные эффекты поляризации затрагивают, в первую очередь, небелое население, но при этом он не уделяет вопросу расы должного внимания. Это иллюстрирует общий недостаток работ Лос-Анджелесской школы: несмотря на то, что ими периодически ставится проблема межрасового неравенства и поляризации, собственно **расовая идентичность упоминается вскользь**, явно уступая классовой принадлежности основное внимание авторов.

Более внимательно к вопросам расы и расселения афроамериканцев подходит П. Маркузе в своей концепции «**четвертованного города**» (*quartered city*)²⁵ [Marcuse 1989]. Отсылка образу «четвертования» отражает важное свойство сегрегации американского города: этот процесс осуществляется вследствие **политической воли тех, кто находится в верхней части расово-классовой иерархии** и способен «надзирать и наказывать» [Marcuse 1989].

Продолжая игру слов, П. Маркузе переходит к определению **кварталов**, на которые «четвертуется» город. Он использует британскую трактовку этого термина — часть или район города, отведенный под проживание определенной расы или класса [Marcuse 1989]. Вопреки образу «четвертования», однако, он выделяет пять основных кварталов американского города (по сути, предлагая **типологию**): город роскоши (*luxury city*), джентрифицированный город (*gentrified city*), субурбия (*suburban city*), многоквартирный город (*tenement city*), гетто (*ghetto*).

Эти типы обладают характерной расовой структурой населения. По мере **понижения уровня социальной иерархии** (в представленном выше перечне она соблюдена) увеличивается доля афро- и латиноамериканцев. В многоквартирном городе и гетто афроамериканцы нередко составляют подавляющее большинство. Два этих типа территориально наиболее близки друг к другу, что часто приводит к открытым конфликтам, ужесточению сегрегации и дальнейшей фрагментации общества [Marcuse 1989].

Современный процесс «четвертования» проводится уже не столько государственной властью, **сколько операторами рынка недвижимости** (девелоперами, частными домовладельцами); при этом «четвертование» способно как образовать новые паттерны сегрегации, так и усиливать уже сложившиеся в ходе легитимной сегрегации [Marcuse 2005]. В связи с усугублением разрыва между гетто и остальным городом (вследствие действия принципа кумулятивной причинности) «старые гетто» разрослись и превратились в **гетто эксклюзии** (*ghetto of exclusion*) — выключенные из общегородских социально-экономических тенденций, лишённые «средних» рабочих мест, крайне неблагополучные районы [Marcuse 1997a] [Marcuse 1997b].

Теория П. Маркузе в некоторых моментах похожа на теорию Л. Вакана (они разрабатывали свои концепции буквально одновременно, но независимо друг от друга). Однако

²⁵ В этом названии содержится труднопереводимая на русский язык игра слов: английский глагол *to quarter* означает и «четвертовать», и «разделить на кварталы». П. Маркузе обращает внимание на это в своей программной статье, обозначая преемственность взглядов М. Фуко, который использовал образ четвертования в книге «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (*Surveiller et punir: Naissance de la Prison*) [Marcuse 1989] [Фуко 2018].

у П. Маркузе вместо деградации институтов в качестве движущей силы современного процесса сегрегации выступает социально-экономическая поляризация. Как и у Л. Вакана, остается непонятным, какое место в этой концепции занимает афроамериканский средний класс, поскольку **роль расовой принадлежности**, опять же, ясна не до конца. Оригинальным преимуществом теории Маркузе стала **типология** территорий города по их положению в расовой и социально-экономической иерархии с учетом их градостроительных особенностей.

Если П. Маркузе осмыслял социально-экономическое неравенство и расселение афроамериканцев в рамках большой, качественной концепции, то в 2000—2010-е гг. на первый план вышли работы с ориентацией на **количественную оценку** этих явлений. Они унаследовали богатый методологический аппарат, создававшийся в 1970—1980-е гг. исследователями расовой иерархии.

В начале 2000-х гг. было показано, что **расовая принадлежность** играет большую роль в формировании паттернов расселения, чем классовая [Massey 2001] [Johnston et al. 2003]. В более современных эмпирических работах тезис о большей важности расы по сравнению с классом также является наиболее распространенной точкой зрения на проблему генезиса социально-экономического неравенства и пространственной сегрегации [Logan 2013] [Sharkey 2013] [Hartman, Squires 2013] [Massey, Tannen 2015]. **Класс** в них чаще всего интерпретируется как **социально-экономическая страта** или **положение в расовой иерархии** (продолжая традицию исследований андеркласса) [Spivak, Monnat 2013] [Massey, Tannen 2015] [Intrator et al. 2016] [Massey, Tannen 2016].

В связи с повышением интереса к социально-экономическому неравенству в исследованиях расселения афроамериканцев получила распространение концепция **социально-экономического статуса** (*socioeconomic status*; **СЭС**). Можно выделить два основных определения этого термина:

1. Конструкт, отражающий социальный и экономический бэкграунд индивида или группы [Villalba 2014].
2. Концепция относительного положения в некой социальной структуре, основанный на допущении повсеместного неравного статуса [Villalba 2014].

В контексте изучения расселения афроамериканцев двум этим подходам соответствуют отличные друг от друга пространственные модели: **теория пространственной ассимиляции** (*spatial assimilation theory*; определение СЭС как оценки бэкграунда, далее в тексте — **ТПА**) и **теория стратификации мест** (*place stratification*; определение СЭС как оценки положения в социальной структуре, далее в тексте — **ТСМ**). Две этих теории не имеют строго оформленных положений и в основном используются исследователями для

категоризации тех или иных концептуальных воззрений. Их применяют для обзора теорий сегрегации [Charles 2003], а также для анализа концепций взаимосвязи социально-экономического статуса и расселения расовых групп [Pais et al. 2012]. ТПА и ТСМ позиционируют **географическое положение группы в качестве социально-экономического результата** (*socioeconomic outcome*), поскольку оно отражает социально-экономический статус [Massey, Denton 1985] [Pais et al. 2012].

Представление о пространственной ассимиляции впервые было сформулировано Э. У. Берджессом в рамках описания логики расселения мигрантских групп в американском городе [Burgess 1924]. Данная модель строится на предположении о том, что этнические меньшинства стремятся **использовать свой СЭС, преумножая и вкладывая его в место жительства**, постепенно перемещаясь из небогатых районов вблизи промышленных предприятий к все более удаленным от центра города (и все более престижным) жилым районам [Massey 1985] [Pais et al. 2012].

Несмотря на то, что экологический подход Чикагской школы уже давно не используется в исследованиях американского общества, ТПА не была отвергнута. Это связано с тем, что, вне зависимости от взглядов на причины сегрегации, формируемые ей пространственные паттерны неизменны. В связи с этим ТПА активно апробировалась в более поздних исследованиях — причем под показателем престижности понимался повышенный уровень доходов [Alba et al. 2000] [Crowder, South 2005], расовый состав (повышенная доля белых) [Logan et al. 1996] [Crowder et al. 2006] [South et al. 2008] и совокупность этих двух факторов [Lichter et al. 2015].

Альтернативой теории пространственной ассимиляции служит теория стратификации мест. Она описывает **воздействие на пространство со стороны власть имущих групп** (в расовом контексте — белых американцев) с целью социального и физического отгораживания от тех групп, которые они считают «нежелательными» [Logan, Molotch 1987] [Charles 2003]. ТСМ подразумевает наличие для афроамериканцев серьезных **барьеров** для повышения своего СЭС. В отличие от ТПА, здесь акцент делается не на способности групп к миграции внутри городской агломерации, а на существующих для этого препятствиях, которые рассматриваются в качестве **структурных** движущих сил неравенства [Logan, Alba 1993].

Дж. Пэис с соавторами выделяет два подтипа ТСМ: **сильная версия ТСМ** (*strong version*) и **слабая версия ТСМ** (*weak version*) [Pais et al. 2012]. В первом случае меньшинства по умолчанию имеют **худшие возможности** для конвертирования социально-экономических ресурсов в пространственные привилегии, а наиболее преуспевающие представи-

тели меньшинства могут проживать в менее престижных районах, чем наименее преуспевающие представители белого большинства [Logan, Alba 1993 [Pais et al. 2012]. Во втором случае предполагается, что меньшинства вынуждены **тратить больше ресурсов** (финансовых, интеллектуальных, профессиональных), чтобы достигнуть того же географического положения (то есть, в данном контексте, социально-экономического результата), что и преуспевающие белые [Pais et al. 2012].

Многочисленные исследования предоставили эмпирические свидетельства адекватности как сильной версии ТСМ [Logan, Alba 1993], так и слабой [Alba, Logan 1993] [Bayer et al. 2004], и обеих одновременно [Timberlake, Iceland 2007] [Pais et al. 2012]. В свою очередь, адекватность ТПА также имеет немало эмпирических доказательств [Alba et al. 2000] [Crowder, South 2005] [Logan et al. 1996] [Crowder et al. 2006] [South et al. 2008] [Lichter et al. 2015].

Количественные исследования социально-экономического неравенства в контексте расселения расовых групп обладают несомненными преимуществами. Это направление отличается **глубокой методологической проработкой**, достигнутой благодаря преемственности более ранним исследованиям расовой иерархии²⁶. В отличие от многих количественных работ 1960—1980-х гг., **концептуальной части** исследований здесь уделяется не меньшее внимание, чем разработке методов количественной оценки. Наконец, благодаря развитию концепции **социально-экономического статуса** в рамках этого направления удалось выстроить крепкую связь между теоретическими представлениями о расовой иерархии и количественными методами и, что особенно ценно, между **пространственным и социально-экономическим аспектами расселения**. В качестве недостатка этого направления можно выделить **невнимание к институциональному аспекту расселения афроамериканцев** и сведение этого процесса к совокупности двух аспектов — социально-экономического и пространственного.

В течение последних 30 лет американское общество трансформировалось по целому ряду признаков. Одним из наиболее заметных и важных для исследований расселения стала **расовая диверсификация**. В масштабах штатов, городских агломераций, графств и, тем более, переписных участков изменения приобретают еще более внушительный характер [Farrell, Lee 2011].

Как и в целом по стране, в большинстве крупных городских агломераций наблюдается стабильное повышение доли латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения. Кроме того, возрастает и этническое разнообразие внутри самих расовых групп

²⁶ Некоторые авторы, в частности, Мэсси и Дентон, были отнесены нами к обоим направлениям.

[Frazier et al. 2003] [Frazier, Tettey-Fio 2006]. Для некоторых агломераций (например, для Лос-Анджелеса) это привычные процессы, но в других городах нередко впервые нарушилась привычная для исследователей **дихотомическая расовая структура** (когда преобладают белые и афроамериканцы).

В связи с этим важную роль стали играть исследования **расового разнообразия** (*racial diversity*). Самостоятельная теоретическая база в этом направлении пока не сформирована. Как правило, работы по вопросам расового разнообразия интегрируются в концептуальный дискурс изучения пространственной сегрегации. Существуют различные мнения насчет того, как соотносятся два этих исследовательских поля, особенно в части методологии. В одной из наиболее заметных дискуссий приняли участие географы, специалисты по изучению сегрегации Р. Д. Джонстон, М. Поульсен и Дж. Форрест — с одной стороны и С. Пич — с другой, а также — в качестве «третьего судьи» — географ Р. Райт [Wright et al. 2011] [Johnston et al. 2002] [Johnston et al. 2009] [Johnston et al. 2010] [Peach 2009] [Peach 2010].

Основной предмет дискуссии касался вопросов применимости классических индексов сегрегации к современной, мультирасовой реальности американских и британских городов. Р. Д. Джонстон с коллегами предложили новый подход к изучению расселения расовых групп: разделить городские районы (либо иные территориальные единицы) на **типы в зависимости от уровня расового разнообразия** [Johnston et al. 2002] [Johnston et al. 2009]. Последнее оценивается как соотношение долей акцепторной группы (*host community*) и этнических меньшинств в совокупной численности населения. Один из полученных типов Р. Д. Джонстон с коллегами обозначил как этническое гетто (этнически гомогенный, изолированный иммигрантский район). С. Пич отмечает, что выделение гетто таким путем нивелирует важнейшую историко-политическую специфику гетто в США, связанную с легитимной сегрегацией и другими дискриминационными практиками (например, редлайнингом) [Peach 2010].

Райт с соавторами предлагает выбрать «срединный путь» между двумя этими подходами, сохранив концептуальную проработанность исследований сегрегации, но при этом взяв на вооружение идею Р. Д. Джонстона и коллег о типологии городских районов [Wright et al. 2011]. Таким образом, предлагается изучать расселение этнических групп в комплексе, как результат **и пространственной сегрегации, и этнорасовой диверсификации**. Кроме того, при количественной оценке необходимо применять те методы, которые адекватны сложившейся мультирасовой структуре населения, а не продолжать использовать классические метрики, разрабатывавшиеся для расово дихотомических американских городов середины XX в.

В последующих работах при участии Р. Райта, а также его регулярных соавторов, С. Р. Холлоуэя и М. Эллиса, развивается идея об одновременном действии сегрегации и расовой диверсификации в американских городах [Holloway et al. 2012] [Wright et al. 2014] [Ellis et al. 2018a] [Ellis et al. 2018b]. Они убедительно иллюстрируют тезис о том, что повышение расового разнообразия совершенно **необязательно приводит к снижению сегрегации**, а нередко, наоборот, **приводит к ее росту** [Holloway et al. 2012] [Wright et al. 2014]. Публикации других исследователей, изучавших взаимосвязь между расовой диверсификацией и сегрегацией, также выявили неоднозначность ее характера [Freeman 2009] [Onésimo Sandoval 2011] [Pinto-Coelho, Zuberi 2015] [Fowler et al. 2016].

Несколько иную позицию в своих публикациях отстаивает один из ведущих американских демографов, У. Х. Фрей. В своей книге «Взрыв разнообразия» (*Diversity Explosion*) он подводит итоги демографических тенденций и приходит к выводу, что во многих городских агломерациях сформировались **«новые плавильные котлы»**²⁷ [Frey 2014]. В начале XX в. ассимиляции подвергались в основном белые мигранты, затем этот образ ушел на второй план на фоне сегрегации, а теперь начался новый этап смешения расовых групп. По мнению У. Х. Фрея, это неизбежно приведет к тому, что все большее число американцев будет относиться к двум и более расовым группам, и **сегрегация по расовому признаку постепенно уйдет в небытие** [Frey 2014]. Кроме того, на протяжении нескольких десятилетий уровень сегрегации между белыми и афроамериканцами — основной компонент сегрегации вообще — снижается [Farley, Frey 1994] [Frey 2014].

Количественные работы географов и социологов внесли заметный вклад в понимание взаимосвязи **пространственно-институционального континуума сегрегации и расовой диверсификации** как одного из ключевых социально-экономических процессов, влияющего на расселение афроамериканцев. Выводы, к которым приходят авторы, зачастую противоречивы, что связано с **плюрализмом методологических подходов**. Мы видим в этом проблему, вытекающую из ключевого недостатка такого рода исследований, — они **лишены собственной теоретической рамки**. В качестве базовой теории берется опыт исследований сегрегации, оттуда же заимствуются и методические подходы. В связи с этим, несмотря на богатство эмпирических свидетельств влияния расовой диверсификации на расселение афроамериканцев, **они не формируют целостное понимание современной специфики**.

²⁷ «Плавильный котел» (*melting pot*) — распространенная в поп-культуре метафора, описывающая этническое многообразие американского общества. Иммигранты из самых разных стран приезжают в США, постепенно ассимилируются и образуют прочный «сплав» — американскую нацию.

Изучение социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев (исследования социально-экономического неравенства, изучение соотношения расы, класса и пространства, анализ эффектов расовой диверсификации американского общества) формирует разные схемы пространства. Соответствие направлений и схем пространства отображено на рис. 1.4.

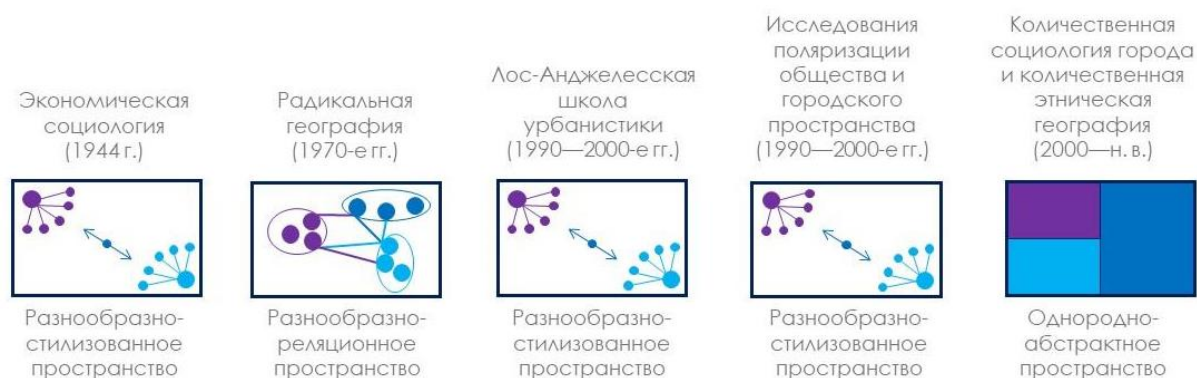

Рисунок 1.4 — Схемы пространства по Р. Капелло в основных исследованиях социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев. Составлено автором

Работы с фокусом на социально-экономическом аспекте в течение долгого времени оставались **под влиянием** первопроходца в данном направлении, **Г. К. Мюрдаля**. Открытый им принцип кумулятивной причинности получил множество эмпирических подтверждений и остается рабочей теоретической рамкой для исследования межрасового неравенства. Пространство у Г. К. Мюрдаля и последователей разнообразно-стилизованное. Оно воспроизводилось и «лос-анджелессцами» (которые, несмотря на близость — в теоретическом отношении — к критической географии, все же при моделировании процессов больше опирались на труды Г. К. Мюрдаля), и исследователями поляризации. Две других схемы, которые обнаруживаются в работах по изучению социально-экономического аспекта, уже рассматривались нами ранее: это разнообразно-стилизованное пространство у радикальных географов и однородно-абстрактное — у «количественников» из социологии и этнической географии.

Получив представление о схемах пространства в работах по всем трем аспектам, определим некоторые характерные свойства. Во-первых, ни в одном направлении **не используется физико-метрическое пространство**. Это говорит о недостаточном внимании к вопросам взаимного расположения тех или иных объектов, расстояний между ними. Впрочем, такая схема в большей степени соотносится с точечными объектами, поэтому для изучения социальных групп он может быть не самым подходящим.

Во-вторых, **работам по каждому аспекту свойственна особая динамика смены главенствующих образов**. В работах по пространственному аспекту наблюдается статика,

лишь однажды нарушенная У. У. Бунге, который вместо однородно-абстрактного пространства предложил разнообразно-реляционное. Исследователи институтов своими трудами сформировали своего рода цикл схем, где однородно-абстрактное сменяется разнообразно-стилизованным, а затем разнообразно-реляционным. Для трудов социально-экономического аспекта расселения афроамериканцев свойственна стабильность обращения к первоисточнику — разнообразно-стилизованному пространству Г. К. Мюрдаля.

В-третьих, парадоксальным образом **наименее субъектная и осмысленная схема пространства создана исследователями пространственного аспекта** расселения афроамериканцев. Оно чаще всего представляется как математическое множество, пассивная абстракция, лишенная возможности влиять на расселение. В лучшем случае оно работает как ретранслятор импульсов, задаваемый факторами иной природы. Это связано с излишней увлеченностью количественными методами, не всегда подкрепленными сильной теоретической базой по институциональным, социально-экономическим и историческим вопросам расселения афроамериканцев.

1.5. Формирование методики исследования пространственной дифференциации расселения афроамериканцев

1.5.1. Недостатки существующих подходов

Обобщая критический обзор теоретико-методологических подходов к изучению трех аспектов расселения афроамериканцев (разделы 1.2—1.4), можно выделить их общие недостатки — с учетом цели и задач исследования:

- 1. Несмотря на повышенное внимание ряда исследователей к пространству, в целом концептуальная проработанность этого аспекта уступает двум другим.** При крайне развитых методологиях и методиках количественной оценки пространственных процессов, само пространство часто имеет упрощенный, абстрактную схему. Для детализации схемы зачастую не хватает анализа особенностей институциональной и социально-экономической среды.
- 2. Продолжая тему контекста, нельзя не обратить внимание на то, что кейсы отдельных городов и городских агломераций, как правило, не рассматривались в их связи с другими масштабами — например, региона.** Нечасто встречается и одновременный анализ микроуровня (внутригородского деления) и уровня городских агломераций — чаще всего исследователи фокусировались либо на одном, либо на другом. Зацикленность на одном—двух масштабах ограничивает возможности выделения структурных элементов системы расселения.

3. Другая проблема, свойственная не только пространственным исследованиям, но и большинству работ, рассмотренных нами, связана с **представлением о безусловно главенствующей роли пространственной сегрегации в формировании паттернов расселения афроамериканцев**. Нет никаких сомнений в том, что роль этого процесса велика, но сводить все свойства территориальных структур расселения только к нему было бы непозволительным упрощением.
4. **Доминирование пространственной сегрегации в тематических работах приводит к необоснованному отождествлению с ней других пространственных процессов. Наиболее яркий и важный пример — пространственная концентрация.** Изучение пространственной концентрации афроамериканцев позволяет выявить ключевые структурные элементы в системе их расселения, поэтому для географа этот процесс не менее важен, чем пространственная сегрегация. Однако в методологической традиции, заложенной Д. С. Мэсси и Н. А. Дентон, концентрация рассматривается как одно из пяти «измерений» сегрегации, то есть как вторичное явление.
5. **В изучении институционального аспекта расселения афроамериканцев замечен один ключевой недостаток, связанный с недостаточным исследованием истории институтов.** Такого рода анализ встречается в некоторых работах, но чаще всего без связки с двумя другими аспектами расселения афроамериканцев. Сочетание всех трех аспектов можно встретить в работах Л. Вакана, но он смотрит на процесс расселения афроамериканцев через призму социологии гетто. Для географического исследования в качестве исходной позиции следует брать пространственную дифференциацию.

Таким образом, мы видим необходимость в **дополнении существующей теоретико-методологической основы исследования расселения афроамериканцев двумя концептуальными блоками**, ранее не использовавшихся в рамках подобных работ.

Первый такой блок позволит решить проблемы 2, 3 и 4. Он включает в себя теорию **территориальных структур и принцип полимасштабности**. Второй блок — это **эволюционный подход**, используемый для изучения трансформации системы расселения афроамериканцев во времени и пространстве под влиянием трех выделенных нами аспектов. Применение этого блока решает проблемы 1 и 5. В разделах 1.5.2 и 1.5.3 мы сформируем наше видение того, как можно использовать два этих блока для формирования теоретико-методологической основы исследования.

1.5.2. Концепция территориальных структур и принцип полимасштабности

Современная география изучает расселение через призму представления о пространственной **самоорганизации** этого процесса [Шупер 1995] [Haken, Portugali 1995] [Portugali

2000] [Фукс 2007] [Дохов, Энтин 2020]. В этой же парадигме обычно рассматривается феномен концентрации как следствие повышенной привлекательности места [Ткаченко 2002]. В случае с изучением расселения афроамериканцев, однако, необходимо сделать поправку на существенную **ограниченность самоорганизационной способности**. Ограничения накладывались институтами рабства и сегрегации, и в известной мере присутствуют до сих пор.

В теоретических работах отечественных географов И. М. Маергойза, П. М. Поляна, А. И. Трейвиша и Л. И. Василевского, посвященных **территориальным структурам**, предложен подход к феномену пространственной концентрации, который не основывается на представлении о полной самоорганизации [Василевский, Полян 1978] [Полян, Василевский, Трейвиш 1978] [Маергойз 1986] [Полян, Трейвиш 1988] [Полян 2014]. Территориальная структура, согласно определению И. М. Маергойза, — это «совокупность определенным образом взаиморасположенных и сочлененных территориальных элементов народного хозяйства, находящихся в сложном взаимодействии в процессе (и в результате) его развития и функционирования» [Маергойз 1975] [Полян 2014]. Из определения следует изначальный фокус на экономической географии, однако впоследствии **системно-структурный подход** (частью которого является концепция территориальных структур) был апробирован и активно применялся для изучения расселения [Полян 2014].

Выделяют четыре основных параметра территориальных структур: территориальная концентрация, дифференциация, интеграция и композиция [Полян 2014]. По П. М. Поляну, **территориальная концентрация населения** — это «его преимущественное сосредоточение лишь в некоторых районах или центрах рассматриваемой территории (очагах концентрации)» [Полян 2014]. Как и прочие структурные параметры, территориальная концентрация объединяет **процесс (концентрирование)** и **состояние (концентрированность)** [Полян 2014].

В рамках настоящей работы предлагается оперировать термином **«пространственная концентрация»**. Он не имеет принципиальных отличий от понятия «территориальная концентрация» в контексте системно-структурного подхода. П. М. Полян выделяет территорию в качестве географической спецификации пространства²⁸ [Полян 2014]. Однако в определении территориальной концентрации содержатся термины «район» и «центр», в то

²⁸ «Территория — это географическая спецификация пространства. Она, как и пространство, — трехмерный континуум, но ее вертикальная составляющая качественно отлична от горизонтальных составляющих, что физически обусловлено силами тяготения (по полу ходить гораздо легче, чем по стене), и в то же время количественно ограничена (несколькими десятками километров, составляющих вертикальную протяженность биосферы, за пределы которой географы, как правило, в своих исследованиях не выходят). Эта специфика территории, ее условная «плоскостность» позволяют при описании и анализе ограничиваться двумерными моделями (самый яркий пример — географические карты)» [Полян 2014].

время как в настоящем исследовании в качестве территориальных ячеек используются переписные участки. Они лишены той смысловой нагрузки, что содержится в районах и центрах, и по сути своей являются условными пространственными ячейками. Поэтому для различения с территориальной концентрацией, применяемой для «осмысленных» территорий, мы используем понятие «пространственная концентрация».

Таким образом, используемый нами системно-структурный подход к изучению явления пространственной концентрации позволяет **преодолеть зависимость от концепций пространственной сегрегации**. Традиционное для американских социологов отождествление двух этих феноменов заменяется нами на рассмотрение каждого из них в отдельности²⁹.

Поскольку на расселение афроамериканцев влияют не только локальные факторы, но также и процессы на уровне агломерации, региона и даже страны, в нашем исследовании полезным будет применить также **принцип полимасштабности**. Традиция его применения заложена И. М. Маергойзом и развита П. М. Поляном и А. И. Трейвишем [Маергойз 1975] [Трейвиш 2006а] [Трейвиш 2006б] [Полян 2014]. «Игра масштабами» — кредо географии, важный способ анализа и синтеза информации, — подразумевает сочетание сужений и расширений объекта исследования, то есть повышения и снижения детализации [Трейвиш 2006а].

Применение принципа полимасштабности позволит нам **более эффективно анализировать пространственный аспект в расселении афроамериканцев**. То же справедливо и в отношении институционального аспекта, поскольку **институты локализуются по-разному** и нередко на нескольких пространственных уровнях одновременно. Например, институт легитимной сегрегации оформлен соответствующими законами, принимаемыми на уровне штатов. В то же время, на финальной стадии существования таких законов, он работал исключительно в рамках одного макрорегиона — Американского Юга. Поскольку легитимная сегрегация регулировала жизнь отдельных людей, она приводила к формированию особых видов институтов и на локальном уровне. В связи с этим рассмотрение институционального аспекта в соответствии с принципом полимасштабности позволяет изучить его более детально.

²⁹ Наше понимание пространственной концентрации, помимо представлений о самоорганизации расселения и территориальных структурах, также соотносится с «первым законом географии» У. Р. Тоблера (Tobler's First Law of Geography), который он сформулировал в 1970 г.: «все связано со всем, но близкие явления связаны между собой сильнее, чем удаленные» [Tobler 1970] [Miller 2004]. Он метафорически подчеркивает важность агломерирования явлений в пространстве и концентрации в целом.

В соответствии с принципом полимасштабности нами выделяются следующие **масштабные уровни**: США как совокупность макрорегионов, отдельные макрорегионы, городские агломерации в целом и внутренняя структура городских агломераций (центральный город и пригороды). Пространственные, институциональные и социально-экономические факторы рассматриваются нами **на всех четырех уровнях**. Фокус на том или ином уровне зависит от того, какой процесс и на каком уровне влияет на расселение афроамериканцев в большей степени.

1.5.3. Эволюционный подход

Социальные институты представляют собой продукт **исторического развития** — такой точки зрения придерживался как основоположник учения об институтах Э. Дюркгейм, так и более поздние исследователи этого феномена, рассматривавшие его с разных теоретических позиций (в частности, Т. Веблен, Д. Норт, П. Бергер и Т. Лукман) [Дюркгейм 1990] [Веблен 1984] [Бергер, Лукман 1995] [Норт 1997]. В контексте нашего исследования оптимальной концептуальной рамкой для исследования пространственных, институциональных и социально-экономических факторов с учетом их исторического развития является **эволюционный подход**.

Использование эволюционного подхода в исследованиях расселения и смежных процессов имеет богатые традиции как в англоязычной, так и в русскоязычной научной литературе. Пионерной работой в данном направлении следует считать статью Дж. П. Джиббса 1963 г., в которой он выделил сменяющие друг друга стадии урбанизации — причем этот процесс он рассматривал в контексте пространственной концентрации населения [Gibbs 1963] [Нефедова, Трейвиш 2001]. В течение следующих десятилетий эволюционный подход к изучению расселения в городах утвердился в качестве одного из основных [Berry 1976] [Hall, Hay 1980] [Friedmann 1986] [Fujita et al. 1999] [Lang, Knox 2009]. Широкое распространение подход получил и в отечественных исследованиях, в частности, в работах А. И. Трейвиша с соавторами [Зайончковская 1985] [Заславский 1991] [Нефедова, Трейвиш 2001] [Горкин, Трейвиш, Фетисов 2005] [Важенин 2006] [Худяев 2008] [Трейвиш 2009] [Трейвиш 2016].

Эволюционный подход в общественной географии можно рассматривать шире, чем определение стадийного характера социально-пространственных процессов. Так, А. С. Фетисов, разрабатывая концепция **эволюционного страноведения**, выражает ее суть в «признании важности и обязательном использовании современных исторических подходов при исследовании хозяйства и общества стран мира» [Фетисов 2011]. Оно исходит из метакронности социально-экономических явлений и многообразия локальных резонансов в социуме [Фетисов 2011].

Многообразие связей между пространственным и временным развитием территорий можно также описать с помощью богатого концептуального аппарата **эволюционной экономической географии** (*evolutionary economic geography*; далее — ЭЭГ). В рамках этого направления объекты экономической географии рассматриваются в их эволюции, то есть последовательной смене стадий или этапов развития за счет усложнения процессов [Boschma, Frenken 2006] [Boshma, Frenken 2015]. Через эту призму изучаются такие феномены, как пространственная концентрация, кластеризация, развитие сетей и роль институтов в экономике [Boschma, Frenken 2015]. ЭЭГ представляет собой адаптацию принципов эволюционной экономики [Nelson, Winter 1982], корни которой уходят в работы А. Маршалла и Й. Шумпетера [Marshall 1920] [Schumpeter 1980] [Henning, McKelvey 2020].

Как следует из названия, основной фокус исследований ЭЭГ сводится к экономико-географическим феноменам. Представители этого направления подчеркивают значимость экономической (в целом) и индустриальной (в частности) «наследственности» территории для ее последующего развития [Grabher 1993] [Martin, Sunley 2006] [Zhu et al. 2019]. Существовавшие прежде преимущества территории могут стать недостатками для ее развития, и наоборот [Grabher 1993] [Martin, Sunley 2006] [Henning et al. 2013] [Zhu et al. 2019]. Такое представление позволяет уловить гибкость и неоднозначность, свойственные социальным процессам.

На первый взгляд, нацеленность ЭЭГ на объяснение экономических феноменов может служить помехой на пути ее интеграции в общую теоретико-методологическую платформу данного исследования. Однако при рассмотрении принципов ЭЭГ в более общем виде заметно, что главные проблемы, которые она отвечает, **актуальны и для пространственного, и для институционального аспектов расселения афроамериканцев**. К их числу относятся: неравномерность экономической активности в пространстве, пространственное развитие сетей, диспропорциональное развитие регионов [Boschma, Frenken 2007] [Boschma, Frenken 2015]. Если в этих вопросах сместить акценты с собственно экономики на социально-экономические и институциональные феномены, то станет очевидно, что они важны и для исследования пространственной дифференциации афроамериканцев: например, пространственная неравномерность расселения и диспропорции в социально-экономическом развитии территорий внутри городских агломераций.

В контексте эволюционного подхода часто применяют **анализ социальных сетей** (*social network analysis*). Это ключевой компонент сетевой теории, описывающей самые разнообразные социальные феномены с точки зрения их взаимных связей. Он позволяет изучать структуру и эволюцию социальных сетей — систем взаимосвязей между акторами со-

циального взаимодействия [Wasserman, Faust 1994] [Boschma, Frenken 2007]. Если в контексте ЭЭГ под социальными сетями понимаются формы взаимодействия между фирмами и производственными кластерами, то в социологии устоялось применение сетевой теории для социальных групп и индивидов [Boschma, Frenken 2007] [Newman 2010].

Применительно к городам рядом исследователей было выявлено, что возрастающая плотность связей приводит к аккумуляции как положительных социально-экономических эффектов, так и негативных — таких, как нарастающая поляризация общества [Pred 1977] [Hohenberg, Lees 1995] [Castells 1996]. Пространство здесь играет важнейшую роль: чем ближе территория расположена к более крупному узлу сети (то есть к точке пересечения многих связей), тем больше вероятность, что она присоединится к этой сети [Barabasi, Albert 1999] [Boschma, Frenken 2007]. В последние годы набирает популярность применение сетевой теории — с заметным акцентом на пространственный аспект — для изучения внутригородской сегрегации [Vaughan, Arbaci 2011] [Batty 2013] [Wissink et al. 2016] [Brelsford et al. 2018].

Предлагаемая в исследованиях сегрегации пространственная интерпретация сетевой теории видится нам излишне инструментальной. Под сетями чаще всего понимаются **графы**, а пространство сводится к набору топологических характеристик. Такой подход весьма плодотворен для количественного анализа, но он видится **неподходящим для анализа институциональных и социально-экономических факторов**.

С точки зрения ЭЭГ, экономическое пространство не может рассматриваться вне исторического контекста [Boschma, Frenken 2015]. Его нынешнее состояние во многом определяется **зависимостью от предшествующего развития** (*path dependence*) [Martin, Sunley 2006]. Последнее определяет общий путь развития, который может быть изменен только с помощью появления принципиально новых феноменов (в контексте ЭЭГ — новых секторов экономики, изобретений, миграции предпринимателей, развития транснациональных корпораций) [Garud et al. 2010] [Dawley 2014] [Boschma, Frenken 2015] [Neffke et al. 2018]. Представление о зависимости от предшествующего развития позволяет связать между собой все три аспекта расселения афроамериканцев, выделяемых нами: как на пространственные особенности расселения влияет историческое развитие социальных институтов и социально-экономических процессов, и какие факторы приводят к сдвигам в расселении.

Подытоживая краткий обзор основных положений эволюционного подхода, выделим те из них, которые используются нами в качестве основных **принципов эволюционного анализа расселения афроамериканцев**. Расселение афроамериканцев рассматривается нами в своем историческом развитии, поскольку этот процесс зависит от **предшествующего развития**. Выделяются ключевые **факторы, влияющие на путь развития**. С их

помощью историческое развитие рассматривается в логике **смены этапов и трансформации территориальных структур расселения афроамериканцев**. Для определения характерных свойств этой трансформации на разных уровнях выделяются важнейшие **структурные элементы**. Таким образом, Глава 2 настоящего исследования представляет **собой синтез системно-структурного подхода** (с применением принципа полимасштабности) и **эволюционного подхода** (с представлением о зависимости от предшествующего развития). Также она во многом основывается на **теории районирования общества США** Л. В. Смирнягина. Синтез трех этих теоретических подходов был осуществлен **впервые**.

1.5.4. Методика количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев

В разработке методологии исследования мы отталкиваемся от работ географов и социологов, количественно оценивавших городские процессы. Как показал критический обзор в разделах 1.2—1.4, эти направления наиболее детально проработаны, и их методологические принципы оптимизированы для изучения расселения афроамериканцев. Те недостатки, которые были свойственны количественным исследованиям, решаются за счет привлечения системно-структурного и эволюционного подхода в Главе 2, а также переосмысления феноменов пространственной концентрации и пространственной сегрегации.

Концентрация понимается нами как, в первую очередь, пространственный процесс; два других аспекта (институциональный и социально-экономический), безусловно, влияют на нее, но остаются на вторых ролях. В свою очередь, пространственная сегрегация как наследие легитимной сегрегации представляет собой укорененный в пространстве институциональный феномен (опять же, не без воздействия социально-экономического аспекта). Кроме того, для понимания неоднородности общественных явлений в пространстве необходимо также уделить внимание социально-экономическому аспекту, который мы описываем с помощью социально-экономического статуса (как показателя неравенства) и уровня расового разнообразия; оба этих концепта также прочно связаны с пространством и испытывают влияние институтов. Таким образом, **в рамках количественного анализа пространственной дифференциации афроамериканцев** на уровне городских агломераций мы оцениваем четыре феномена:

- пространственную концентрацию афроамериканцев;
- пространственную сегрегацию между расовыми группами;
- социально-экономический статус территории;
- уровень расового разнообразия населения.

Пространственная концентрация. Согласно П. М. Поляну, механизм развития территориальной (пространственной) концентрации складывается из двух составляющих: **централизации** и **агломерации** [Полян 2014]. Первый процесс подразумевает опережающий рост центров (очагов концентрации) и, одновременно с этим, формирование сложных структур вокруг центров. Агломерация не может развиваться без централизации, поскольку центры являются обязательным условием возникновения агломерации (последние можно проинтерпретировать как «сгущение группировки центров») [Полян 2014]. Соответственно, при оценке пространственной концентрации следует учитывать не только степень развития централизации явления на какой-то территории, но и способность к формированию агломерации.

Количественная оценка пространственной концентрации той или иной группы населения традиционно рассматривается в контексте сегрегации. В то же время ряд эмпирических исследований указывает на неоднозначность взаимосвязи двух этих феноменов [Massey, Denton 1988] [Massey, Eggers 1993] [Massey, Fischer 2000] [Quillian 2012].

Методики количественных исследований пространственной концентрации основываются на расчете разнообразных **индексов**. Наиболее часто используемые среди них перечислены в Приложении А; они также сопровождаются комментариями относительно их применения и недостатков. Дополняя содержащуюся в этом приложении информацию, отметим, что все рассмотренные метрики имеют существенный изъян: они оценивают каждую территориальную ячейку по отдельности, без учета окружения. Из-за этого могут возникать искажения, связанные с неравномерным распределением плотности населения по территориальным ячейкам — это особенно актуально для сетки переписных участков, нарезанных искусственно.

Альтернативой традиционным индексным методам оценки концентрации является **анализ пространственной автокорреляции** (*spatial autocorrelation analysis*). Эта методика в течение долгого времени применяется в экологии и биологии [Sokal, Neal 1978] [Legendre 1993] [Dormann et al. 2007]. В 1990-е гг. ее начали активно использовать в эконометрике и региональной экономике. [Dubin 1992] [Kelejian, Robinson 1992] [Getis 2007]. В течение последних 20 лет анализ пространственной автокорреляции апробировался в работах по выявлению расовых и этнических кластеров в американских и европейских городах [Beggs, Villemez, Arnold, 1997] [Wong 1999] [Logan, Alba, Zhang 2002] [Brown, Chung 2006] [Lloyd 2010] [Poulsen, Johnston, Forrest 2010] [Logan, Zhang, Chunyu 2015]. Пространственная автокорреляция — это количественная взаимосвязь между соседством рассматриваемых объектов и сходством значений некоего параметра в них [Lee 2017]. Пространственная

автокорреляция может быть положительной (когда соседние объекты имеют схожие значения) и отрицательной (когда соседние объекты имеют различные значения). Если анализ проводится не по одному, а по двум параметрам, то такая процедура называется **анализ пространственной корреляции** (*spatial correlation analysis*).

Оценка пространственной автокорреляции (как и корреляции) осуществляется путем расчета индекса Морана (*Moran's I*), который бывает **глобальным** (*global*) и **локальным** (*local*). Глобальный индекс оценивает пространственную автокорреляцию для всей совокупности объектов, а локальный присваивает значение каждому объекту в отдельности. Глобальный индекс был предложен П. А. П. Мораном в 1950 г. для биометрических исследований [Moran 1950], а его локальный вариант — Л. Анселеном в 1995 г. уже непосредственно для анализа концентрации этнических групп [Anselin 1995].

Для наглядности представим, что расчет проводится для оценки концентрации некоего меньшинства по абсолютной численности его представителей. Формула глобального индекса Морана имеет следующий вид:

$$I = \frac{n}{W} \times \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где I — глобальный индекс Морана, n — количество ячеек в пределах изучаемой территории, w_{ij} — элемент матрицы пространственных весов³⁰, W — сумма всех w_{ij} , x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , x_j — численность представителей меньшинства в ячейке j , $\bar{x}$ — средняя численность представителей меньшинства во всех ячейках. Значения варьируют от 0 до 1.

Расчет локального индекса Морана осуществляется по следующей формуле:

$$I_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\frac{\sum_{j=1, i \neq j}^n w_{ij}}{n-1} - \bar{x}^2} \times \sum_{j=1, i \neq j}^n w_{ij} \times (x_j - \bar{x}),$$

где I_i — локальный индекс Морана в ячейке i , n — количество ячеек в пределах изучаемой территории, w_{ij} — элемент матрицы пространственных весов, W — сумма всех w_{ij} , x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , x_j — численность представителей меньшинства в ячейке j , $\bar{x}$ — средняя численность представителей меньшинства во всех ячейках. Значения варьируют от 0 до 1.

Представленные выше формулы используются в **анализе пространственной автокорреляции**, то есть анализа по одной переменной. Анализ по двум переменным (**анализ пространственной корреляции**) подразумевает использование видоизмененных формул.

³⁰ Под матрицей пространственных весов понимается количественная концептуализация соседства двух ячеек. При наиболее простом бинарном взвешивании наличие общей границы между ячейками i и j соответствует значению $w_{ij} = 1$, ее отсутствию — $w_{ij} = 0$.

В качестве первой переменной остается численность меньшинства, а в качестве второй переменной — его доля. В таком случае глобальный индекс Морана рассчитывается по формуле вида:

$$I = \frac{n}{W} \times \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(y_j - \bar{y})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где I — глобальный индекс Морана, n — количество ячеек в пределах изучаемой территории, w_{ij} — элемент матрицы пространственных весов, W — сумма всех w_{ij} , x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , $\bar{x}$ — средняя численность представителей меньшинства во всех ячейках, y_j — доля представителей меньшинства в ячейке j , $\bar{y}$ — средняя доля представителей меньшинства во всех ячейках. Значения варьируют от 0 до 1.

Локальный индекс Морана по двум переменным рассчитывается по следующей формуле:

$$I_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\frac{\sum_{j=1, i \neq j}^n w_{ij}}{n-1} - \bar{x}^2} \times \sum_{j=1, i \neq j}^n w_{ij} \times (y_j - \bar{y}),$$

где I_i — локальный индекс Морана в ячейке i , n — количество ячеек в пределах изучаемой территории, w_{ij} — элемент матрицы пространственных весов, W — сумма всех w_{ij} , x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , $\bar{x}$ — средняя численность представителей меньшинства во всех ячейках, y_j — доля представителей меньшинства в ячейке j , $\bar{y}$ — средняя доля представителей меньшинства во всех ячейках. Значения варьируют от 0 до 1.

Анализ пространственной корреляции (по двум переменным) имеет преимущество по сравнению с анализом пространственной автокорреляции (по одной переменной). В отличие от последнего, **использование двух переменных** (численности и доли интересующей группы населения) **позволяет избежать искажений, связанных с инженерным характером статистико-территориального деления**. Типична ситуация, когда небольшая территориальная ячейка с большой численностью населения граничит с большой по площади, но малой по людности ячейкой. При этом в последней может быть аномально высокая доля изучаемой группы. Анализ по двум переменным позволит вынести ее за скобки при выделении ареалов концентрации. Аналогичные искажения могут проявляться и при анализе исключительно численности населения.

Анализ пространственной корреляции также подразумевает интерпретацию полученных результатов. Она проводится одновременно с расчетом индекса в специализированном программном обеспечении *GeoDa*, разработанном командой под руководством Л. Анселена [Anselin et al. 2006].

После импорта шейп-файла с пространственной и статистической информацией по переписным участкам в *GeoDa* составляется матрица пространственных весов. Соседство между участками определяется по «правилу ферзя» (*queen contiguity*), то есть соседними участками считаются те, у которых есть общая граница или вершина угла (это условие важно в случае регулярной сетки, где многие участки имеют квадратную или прямоугольную форму).

После расчета локального индекса Морана в этой же программе осуществляется пространственный анализ LISA (*Local Indicator Spatial Analysis* или **анализ локальных индикаторов пространственной ассоциации**). Каждый участок, у которого есть хотя бы один сосед, а значение локального индекса Морана превышает $|0,05|$, относится к одному из 4 кластеров. Кластеры в данном контексте можно представить в виде четвертей координатной плоскости, где по оси абсцисс откладываются значения независимых переменных в каждой ячейке, а по оси ординат — значения зависимой переменной в соседних с ней ячейках:

- Кластер HH (*high-high*) — участки с относительно **высоким** значением независимой переменной, соседствующие с участками с относительно **высокими** значениями зависимой переменной. Пространственная автокорреляция **положительная**. Мы интерпретируем этот кластер как **ареалы концентрации** афроамериканцев (далее — АКА).
- Кластер HL (*high-low*) — участки с относительно **высоким** значением независимой переменной, соседствующие с участками с относительно **низкими** значениями зависимой переменной. Пространственная автокорреляция **отрицательная**. Мы интерпретируем этот кластер как **участки концентрации** афроамериканцев (далее — УКА).
- Кластер LL (*low-low*) — участки с относительно **низким** значением независимой переменной, соседствующие с участками с относительно **низкими** значениями зависимой переменной. Пространственная автокорреляция **положительная**. Мы интерпретируем этот кластер как **ареалы деконцентрации** афроамериканцев.
- Кластер LH (*low-high*) — участки с относительно **низким** значением независимой переменной, соседствующие с участками с относительно **высокими** значениями зависимой переменной. Пространственная автокорреляция **отрицательная**. Мы интерпретируем этот кластер как **участки деконцентрации** афроамериканцев.

Пространственная сегрегация. Поскольку мы рассматриваем пространственную концентрацию отдельно от пространственной сегрегации, для ее оценки необходима соб-

ственная метрика. В Приложении А помимо индексов концентрации также указаны наиболее часто используемые **индексы сегрегации**. За счет удобства использования и интерпретации индекс диссимилиации до сих пор остается одной из самых популярных метрик сегрегации [Allen et al. 2015]. Однако, по мере накопления критических статей, в которых подчеркиваются его недостатки, а также с появлением альтернативных метрик, индекс диссимилиации постепенно теряет в популярности.

Ограничения и допущения индекса диссимилиации стали поводом для ряда бурных научных дискуссий в 1960—1980-е гг. Среди наиболее важных критических суждений следует выделить четыре:

1. Использование антиномии «сегрегация/равномерное распределение в пространстве» концептуально неверно: лучшим выбором было бы случайное распределение [Cortese et al. 1976].
2. Сравнение двух городов по величине индекса диссимилиации некорректно, так как он не учитывает долю меньшинства (соответственно, в городах, где доля меньшинства мала, оно, как правило, оказывается «гиперсегрегированным» вследствие своей концентрации в малом количестве мест) [Cortese et al. 1976].
3. Индекс подвержен искажениям, связанным с выборкой ячеек. Выбросы в небольшой выборке оказывают более заметный эффект на значение индекса, чем выбросы в большой выборке [Cortese et al. 1976] [Massey 1978] [Winship 1977].
4. Предложенная авторами и ставшая классической интерпретация значений индекса (описанная ранее) подвергалась критике по причине того, что переехавших представителей меньшинства могут заменить другие представители меньшинства [Cortese et al. 1976]. Также данная интерпретация уместна лишь в том случае, если представители меньшинства перемещаются из ячеек с повышенной долей в ячейки с пониженной долей меньшинства [James, Taeuber 1985] [White 1986].

Необходимо отметить, что вышеперечисленные проблемы в большей или меньшей степени свойственны и всем остальным метрикам сегрегации, перечисленным в Приложении А. Большой вклад в решение этих проблем внес Ш. Ф. Риардон, который написал две важных методологических статьи:

1. «Измерения мультигрупповой сегрегации» (*Measures of Multigroup Segregation*) — в 2002 г. в соавторстве с Г. Файрбо [Reardon, Firebaugh 2002].
2. «Измерения пространственной сегрегации» (*Measures of Spatial Segregation*) — в 2004 г. в соавторстве с Д. О’Салливаном [Reardon, O’Sullivan 2004].

В обеих публикациях была поставлена задача пересмотреть классические индексы сегрегации путем исправления проблем, связанных с невозможностью учета мультигруппового этнорасового состава и фактора соседства территориальных ячеек. В первой статье на основе существующих метрик были предложены **индексы мультигрупповой сегрегации**. Основным принцип изменения индексов — добавление в их формулы весов, соответствующих доле той или иной группы [Reardon, Firebaugh 2002]. Во второй для четырех традиционных индексов предложены **пространственные версии**. Для их разработки использовались значительно усложненные формулы, основанные на интегралах [Reardon, O'Sullivan 2004]. В рамках нашего исследования остановимся на индексе диссимилиации, поскольку для него был разработан **пространственный мультигрупповой вариант** (*spatial multigroup index of dissimilarity*; **ПМИД**).

Пространственный мультигрупповой индекс диссимилиации рассчитывается следующим образом:

$$\tilde{D} = \sum_{m=1}^M \int_{i \in R} \frac{\tau_i}{2TI} |\tilde{\pi}_{mi} - \pi_m| di,$$

где $\tilde{D}$ — значение пространственного мультигруппового индекса диссимилиации, M — количество расовых групп в городе R , m — численность населения расовой группы m в городе R , m_i — численность населения расовой группы m в ячейке i , τ_i — плотность населения в ячейке i , T — численность всего населения в городе R , I — вспомогательный индекс интеракции, π_m — доля расовой группы m в населении города R , $\tilde{\pi}_{mi}$ — доля расовой группы m в населении ячеек, граничащих с ячейкой i . Значения варьируют от 0 до 1.

Вспомогательный индекс интеракции имеет формулу:

$$I = \sum_{m=1}^M (\pi_m)(1 - \pi_m),$$

где I — значение индекса интеракции, M — количество расовых групп в городе R , m — численность населения расовой группы m в городе R .

Помимо двух выделенных нами проблем, эта формула также исправляет два из четырех недостатка, выделенных в 1960—1980-е гг. (см. выше, недостатки 2 и 4). Недостаток 3 (проблема выборки) решается за счет использования только больших множеств ячеек, которыми и являются городские агломерации США.

Таким образом, пространственный мультигрупповой индекс диссимилиации представляется нам **наиболее продвинутой метрикой для количественной оценки пространственной сегрегации**. Он не идеален, но прочие способы оценки имеют большее число не-

достатков. Расчет пространственного мультигруппового индекса диссимилиации в программе *Geo-Segregation Analyzer*, разработанной для анализа сегрегации и смежных процессов коллективом канадских исследователей под руководством канадского географа Ф. Аппарисио [Apparicio 2014].

Расовое разнообразие. Поскольку расовое разнообразие стало актуальной исследовательской проблемой не так давно, как сегрегация или концентрация, для его оценки не разработано такое большое количество индексов. Традиционной метрикой расового разнообразия является **индекс энтропии** (*entropy index*), который рассчитывается следующим образом:

$$E_i = \frac{\left(\frac{P_i}{P}\right) \ln \left(\frac{P_i}{P}\right)}{\ln n},$$

где E — индекс энтропии, P — доля группы в населении города, P_i — доля группы в населении ячейки i , n — количество групп [Theil 1972] [Theil, Finizza 1972]. Значения варьируют от 0 до 1.

Индекс энтропии, очевидно, представляет собой **мультигрупповую** метрику. Чем выше его значение, тем выше расовое разнообразие. Оно достигается в случае пропорционального распределения групп в пределах ячейки [Apparicio et al. 2014]. То есть, например, если в ячейке проживает 4 расовых группы, доля каждой из которых составляет 25%, то значение индекса составит 1 (в данном исследовании значения индекса будут нормироваться на среднее, поскольку абсолютные значения индекса зависят от количества расовых групп). Как и в случае с пространственным мультигрупповым индексом диссимилиации, расчет индекса энтропии проводится в программе *Geo-Segregation Analyzer*.

Социально-экономический статус. Продолжая традицию, начатую Уилсоном в «Истинно обделенных», количественную оценку СЭС до сих пор чаще всего проводят на основании медианного дохода или доли населения за чертой бедности [Leventhal, Brooks-Gunn 2000] [Sampson et al. 2002] [Reardon et al. 2015]. Использование показателей, относящихся исключительно к уровню доходов, видится нам, во-первых, **упрощением** комплексной концепции СЭС, а во-вторых, чревато **неточностями**, связанными с несовершенством статистических данных, — использование нескольких видов данных могло бы обезопасить от части подобных искажений. Поскольку концепция СЭС подразумевает неравенство не только условий в данный момент времени, но и возможностей для их улучшения, необходима некая оценка не только нынешнего положения группы, но и ее потенциала, выраженного, прежде всего, в уровне образования.

Глубоко проработанная альтернатива базовым статистическим показателям предложена в ряде публикаций американского географа Дж. Т. Дардена с соавторами [Darden,

Kamel 2000] [Darden et al. 2010] [Darden et al. 2019]. В них он последовательно апробирует и модифицирует **композитный социально-экономический индекс Дардена—Камела** (*Darden—Kamel Composite Socioeconomic Index*; **КСЭИ**), разработанный непосредственно для оценки СЭС в контексте сегрегации и расового неравенства. В нем учитывается девять социально-экономических показателей:

1. Медианный доход домохозяйства, долл. США;
2. Уровень безработицы среди трудоспособного населения, %;
3. Доля населения с доходами ниже уровня бедности, %;
4. Доля людей с высшим образованием (со степенью бакалавра) среди граждан старше 25 лет, %;
5. Доля занимающих руководящие должности или работающих в сферах интеллектуального труда среди занятых, %;
6. Медианная стоимость дома, долл. США;
7. Медианная стоимость аренды дома (с учетом затрат на эксплуатацию и оплаты коммунальных услуг), долл. США;
8. Доля заселенных домов, %;
9. Доля домохозяйств с автомобилем, %.

Индекс рассчитывается для каждой территориальной ячейки как сумма стандартизированных оценок (*z-score*) вышеперечисленных индикаторов:

$$\text{КСЭИ}_i = \sum_{i=0}^n \frac{x_i - \bar{x}}{S_{x_i}},$$

где x_i — значение индикатора x в территориальной ячейке i , $\bar{x}$ — среднее значение индикатора x , S — стандартное отклонение. Полученные значения могут быть как положительными (что свидетельствует об уровне социально-экономического развития выше среднего), так и отрицательными (уровень ниже среднего).

Сумма стандартизированных оценок может принимать различные значения — как положительные, так и отрицательные. Нам представляется правильным не нормировать значения КСЭИ, поскольку в данном случае принципиально выявление именно неравенства. Аналогичной точки зрения придерживаются и Дж. Т. Дарден с коллегами, предлагая делить значения на квантили (высокое, выше среднего, среднее, ниже среднего, низкое) [Darden et al. 2010] [Darden et al. 2019].

КСЭИ, рассчитываемый по территориальным ячейкам, является **наиболее удобным инструментом** для изучения пространственной социально-экономической дифференциации. Использование девяти разнородных показателей позволяет комплексно оценить СЭС и выгодно отличает этот метод от традиционной оценки по уровню доходов.

Формирование выборки городских агломераций. Чтобы составить комплексное представление о географических особенностях расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях и выявить важнейшие закономерности этого процесса, необходима разнообразная выборка. Это позволит рассмотреть многообразие паттернов, складывавшихся на протяжении всего исторического развития системы расселения афроамериканцев. В связи с этим основной задачей при составлении выборки было достижение максимального разнообразия представленных штатов, районов и макрорегионов с учетом пространственной диспропорциональности системы расселения афроамериканцев в масштабах США.

Для составления выборки были сформулированы следующие условия:

- численность населения не менее 1 млн чел. (по данным за 2018 г.);
- доля афроамериканского населения не менее 5%;
- покрытие значительной части территории США с учетом специфики расселения афроамериканцев и репрезентацией различных районов и регионов страны.

В результате было выбрано **20 городских агломераций**, представляющие 30 штатов. Макрорегионы неодинаково покрыты отобранными городскими агломерациями, что объясняется неравномерностью расселения афроамериканцев в макрорегионах. Юг представлен семью агломерациями (Атланта, Даллас, Майами, Мемфис, Новый Орлеан, Хьюстон, Шарлотт), Средний Запад — шестью (Детройт, Индианаполис, Канзас-Сити, Кливленд, Милуоки, Чикаго), Северо-Восток — пятью (Балтимор, Бостон, Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия), Запад — двумя (Лос-Анджелес и Лас-Вегас).

Районы США в основном представлены одной агломерацией, за исключением трех случаев. Глубокий Юг как первый район, заселенный афроамериканцами, представлен двумя совершенно непохожими во всех трех аспектах расселения агломерациями — Атлантой и Новым Орлеаном. Столичный район почти полностью покрыт двумя агломерациями из выборки — вашингтонской и балтиморской. Их экономика и пространство столь тесно связаны между собой, что нередко они рассматриваются в контексте единой конурбации [Sexton et al. 2013]. В связи с этим исключение одной из этих агломераций было бы излишним. Наконец, район Индустриальное Приозерье представлен тремя агломерациями — Чикаго, Детройтом и Кливлендом. Каждая из них сыграла очень важную роль в формировании паттернов расселения афроамериканцев в XX в., а изменения последних десятилетий, связанные с постиндустриализацией, делают их особенно интересными для детального анализа. Расположение отобранных агломераций проиллюстрировано на рис. 1.5.

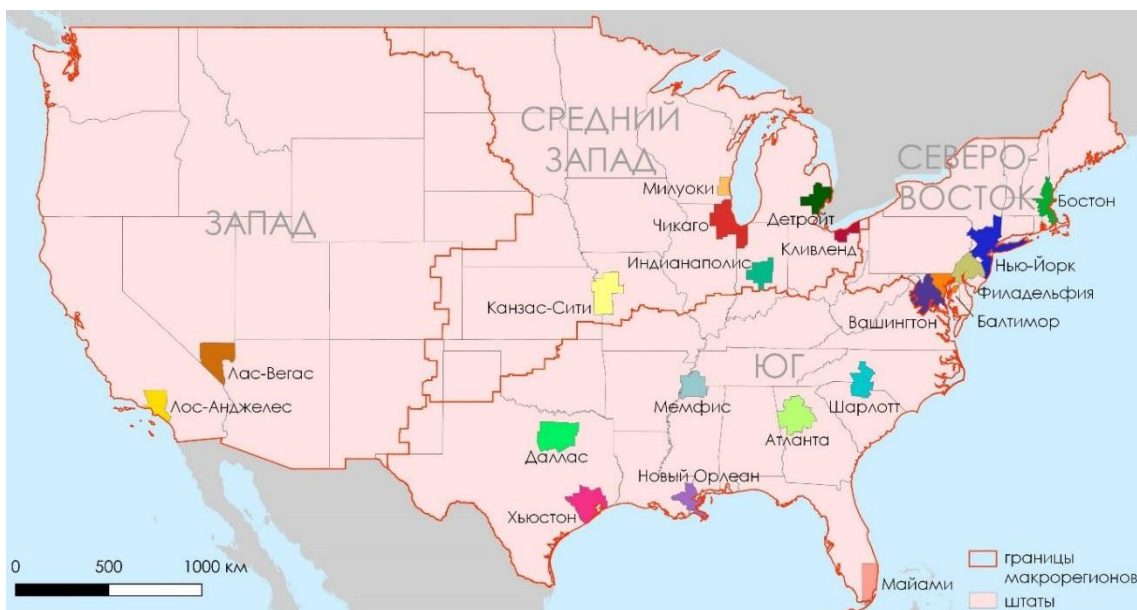

Рисунок 1.5 — Отобранные городские агломерации в «континентальных» штатах и макрорегионах по Л. В. Смирнягину. Составлено автором

1.5.5. Теоретико-методологическая логика исследования

Подводя итог обзора теоретико-методологических подходов к изучению расселения афроамериканцев, а также нашего решения ключевых недостатков, свойственных этому исследовательскому полю, опишем логику исследования. Она отражена на рис 1.6 (Глава 2) и рис. 1.7 (Глава 3).

Рисунок 1.6 — Теоретико-методологическая логика Главы 2. Составлено автором

Рисунок 1.7 — Схема теоретико-методологическая логика Главы 3. Составлено автором

Схемы несколько отличаются друг от друга. Мы разделяем **предмет исследования** — пространственную дифференциацию расселения афроамериканцев — на три **аспекта** (пространственный, институциональный, социально-экономический); при этом в Главе 2 мы анализируем все три аспекта в своем историческом развитии. В Главе 3, в свою очередь, мы проводим количественную оценку, для чего усложняем структуру исследования, добавляя дополнительную концептуальную сущность — **компоненты предмета исследования**. Под компонентами предмета исследования мы понимаем некоторые ключевые для настоящего времени процессы, которые можно описать **количественно**. Для такой параметризации мы применяем **связку теоретических подходов и методов количественной оценки** — подобная структуризация исследования проводится **впервые**.

Глава 2. Эволюция расселения афроамериканцев в США

2.1. Взаимодействие пространственных, институциональных и социально-экономических факторов расселения афроамериканцев

Расселение любой группы населения зависит от свойств пространства, действия институтов и развития социально-экономической дифференциации общества. Для изучения влияния этих свойств мы выделяем ключевые **факторы** расселения афроамериканцев. Под фактором понимается определенная сила, совокупность сил, необходимых для совершения процесса [Алаев 1983].

Мы предлагаем сгруппировать факторы в той же логике, в какой ранее, в Главе 1, были выделены три аспекта исследований пространственной дифференциации расселения афроамериканцев:

- пространственные факторы;
- институциональные факторы;
- социально-экономические факторы.

Каждая из этих групп факторов воспринимается как ключевая при анализе соответствующего аспекта. В данном исследовании они рассматриваются как равноценные, но с гипотезой о решающей роли пространственных факторов. Она связана с **накопленными в пространстве негативными эффектами** регуляторных институтов и социально-экономического межрасового неравенства.

Каждый из факторов, который мы относим к любой из трех групп, может как расширять, так и сужать многообразие возможностей для расселения. При этом нельзя рассматривать только один фактор в отдельности. Любое пространство, населенное какой-либо группой людей, оказывается ареной институционального и социально-экономического взаимодействия. Верно и обратное утверждение — любые институты и социально-экономические явления так или иначе испытывают влияние вмещающего их пространства.

Расселение афроамериканцев нельзя изучать по аналогии с другими расовыми группами населения США. Белое население осваивало пространство, формировало фронтир, расселялось в логике пространственной самоорганизации общества, было достаточно свободным в принятии решений. Латиноамериканцы и азиаты, имея значительно больше ограничений для расселения, тем не менее, добровольно заселяли различные части страны и

мигрировали. Принципиальным и очевидным отличием афроамериканцев является недобровольный характер их появления на территории будущих США³¹ и продолжительная история принудительных миграций. Впоследствии проявились и иные специфические особенности расселения афроамериканцев, которые можно рассмотреть в контексте взаимодействия трех групп факторов.

Пространственные факторы. Роль первой группы факторов в расселении афроамериканцев связана с неравномерностью пространственного развития страны. Его можно рассмотреть с помощью двух ключевых концепций современной региональной науки: **центро-периферийную модель** Дж. Фридмана или **«новую экономическую географию»** П. Р. Кругмана [Зубаревич 2017].

В первом случае расселение оформляется центрами разного уровня, которые «стягивают» на себя ресурсы (будь то природные, финансовые или человеческие) [Friedmann 1966]. Соответственно, пространство выступает в качестве **организатора** процесса расселения. В данном случае пространство выступает в тесной взаимосвязи с социально-экономическими факторами, поскольку центры притяжения формируются за счет экономической деятельности. Институты задают рамки для нее и потому тоже участвуют в процессе, но в целом их роль менее заметна.

«Новая экономическая география» также создает связку между пространственными и социально-экономическими факторами. Экономическое неравенство, создающее гравитацию потоков расселения, связано с концентрацией экономической деятельности в местах, обладающих конкурентными преимуществами. Эти преимущества были разделены П. Р. Кругманом на факторы «первой природы» (в основном связанными с физической средой — географическим положением и обеспеченностью природными ресурсами) и факторы «второй природы» (больше связанными с социальными взаимодействиями — это институциональная среда, агломерационный эффект, человеческий капитал) [Krugman 1991]. В данном случае пространство тоже **организует** расселение в сочетании с социально-экономическими факторами (хотя и с возможностью их отделения друг от друга при анализе факторов «первой природы») и значительно более заметной ролью институциональных факторов. Последние относятся к факторам «второй природы».

При рассмотрении расселения афроамериканцев, однако, необходимо сделать некоторые поправки. Из-за отсутствия в течение нескольких столетий той же свободы переме-

³¹ Первыми выходцами из Африки, появившимися в североамериканских колониях Великобритании, стали пассажиры судна, пришвартовавшегося в колонии Джеймстаун в 1619 г. [Wood 1997]. Они были работниками, нанятыми по праву сервитута, — формально этот статус отличен от рабского, однако лишает человека целого ряда свобод [Grizzard, Smith 2007].

щения, что была у белого населения, афроамериканцы не могли расселяться в полном соответствии с формировавшимся опорным каркасом территории США. Поэтому многие важные экономические центры, «стягивавшие» потоки белых мигрантов, долгое время оставались (или остаются по сей день) практически не заселенными афроамериканцами.

На более низком пространственном уровне несоответствие расселения афроамериканцев общеамериканской логике прослеживается в агломерационных процессах. Расселение афроамериканцев в городских агломерациях проходило иначе, чем расселение белых из-за сегрегации (как легитимной, так и пространственной ее формы). Несмотря на то, что эти особенности явно выражены в пространстве, они не являются результатом его прямого воздействия. Последнее в данном случае выступает в качестве ретранслятора институциональных ограничений.

Институциональные факторы. Институты исторически имеют особое влияние на расселение афроамериканцев, так как некоторые из них по сути своей были нацелены на **фиксацию** этой расовой группы в пространстве. Основные институты фиксации — рабство и легитимная сегрегация.

Институт рабства сыграл роль исходной позиции для расселения афроамериканцев. Первые представители этой расовой группы появились на территории колоний, затем сформировавших США, именно вследствие существования там рабства. Лишенные свободы, афроамериканские рабы были зафиксированы в пространстве, их расселение было недобровольным и **подконтрольным** белым рабовладельцам. Несмотря на то, что после обретения США независимости рабство существовало только в южных штатах, этот фактор влиял и на расселение свободных афроамериканцев вне Юга, лишая их возможности свободно заселять значительную часть территории страны или, иными словами, **сужая выбор** мест для расселения.

Таким образом, институт рабства влиял на расселение афроамериканцами тремя способами: фиксируя его структуру, контролируя ее изменение и уменьшая широту выбора мест для расселения. Те же три способа влияния на расселение афроамериканцев разделяет и институт легитимной сегрегации, но в «облегченной» форме. Фиксация, контроль и сужение выбора носят не абсолютный характер, а относительный (по сравнению с белым населением).

Помимо связи с пространством (через фиксацию и контроль перемещений) эти регуляторные институты обнаруживают и тесное переплетение с социально-экономическими факторами. Первопричиной появления рабства стала экономическая целесообразность использования рабской силы для развития плантационной экономики [Wright 1978]. Впоследствии уже сами институты фиксации стали оказывать существенное влияние на экономику:

рабство сделало плантационное сельское хозяйство главной специализацией Американского Юга, а легитимная сегрегация замедляла экономическое развитие страны в целом [Myrdal 1944] [Wright 1986].

В связке с социально-экономическими факторами институты рабства и легитимной сегрегации прямо оказывали и косвенное воздействие на расселения афроамериканцев. Помимо прямо артикулированной фиксации и контроля в пространстве они ухудшали и социально-экономическое положение этой расовой группы, что не давало ей той же свободы выбирать место жительства, что была у белых.

Помимо двух основных регуляторных институтов, ушедших в прошлое, по сей день есть и другие, дискриминирующие афроамериканцев, и еще теснее связанные с социально-экономическими факторами. Это разного рода дискриминационные практики на рынке недвижимости — такие, как редлайнинг (см. раздел 1.2) и блокбастинг³² (несмотря на активную борьбу с ними, они до сих пор имплицитно влияют на расселение афроамериканцев на уровне городских агломераций [Rothstein 2017]). Они не приводят к фиксации расселения или тотальному контролю над ним, но по-прежнему сужают многообразие возможностей для него.

Социально-экономические факторы. Пространственные и институциональные факторы во многом пересекаются с социально-экономическими. Более того, при взгляде на те же вышеупомянутые факторы с другой позиции можно обнаружить, что они напрямую относятся к социально-экономическим (экономические центры, регуляторные институты и т.д.). Тем не менее, мы можем выделить еще одну группу процессов, природа которых в наибольшей степени социально-экономическая.

К ним мы относим социально-экономическую дифференциацию и ее экстремальную форму — социальную поляризацию. Последняя обладает особенно мощной способностью воздействовать на расселение — и как фактор интеграции систем расселения, и как фактор их фрагментации (распада) [Горюнов, Белоусова 2017]. Применительно к расселению афроамериканцев это выражается так же, как и в случаях других расовых групп: в виде миграционных перетоков из одних мест в другие вследствие дифференциации социально-экономической привлекательности пространства.

³² Блокбастинг (*blockbusting*) — практика манипулирования общественным сознанием со стороны риэлторов. Ими искусственно создавалась видимость перспективы массового переселения в гомогенно белый район афроамериканцев. Белые начинали стремительно продавать свои дома по цене, ниже рыночной, а риэлторы перепродавали их с наценкой афроамериканцам. В результате происходило замещение белых афроамериканцами [Mehlhorn 1998] [Rubenstein 2016].

Миграции афроамериканцев на протяжении всей истории США имели особый статус. При действующем институте рабства они в большинстве случаев были принудительными, а легитимная сегрегация сужала выбор мест для переселения (то же влияние оказывают дискриминационные рыночные практики). После того, как миграции афроамериканцев стали добровольными, возможность сменить места жительства стала своего рода привилегией, шансом значительно улучшить свое социально-экономическое положение.

Вне зависимости от того, рассматриваем ли мы социально-экономическую дифференциацию и социальную поляризацию только среди афроамериканцев или в межрасовом контексте, эти феномены, как и добровольная миграция, приводят к **сортировке** потоков расселения. Имеющие возможность мигрировать внутри страны могут менять место жительства, в то время как наименее благополучные слои афроамериканского общества оказываются зафиксированными в пространстве — уже не за счет регуляторных институтов, но в результате социально-экономического неравенства.

Одновременное действие трех групп факторов. Анализ трех групп факторов, влияющих на расселение афроамериканцев показал, что они оказывают воздействие на этот процесс в пяти основных формах:

- организация расселения;
- пространственная фиксация;
- контроль расселения;
- сужение выбора мест для расселения;
- сортировка в зависимости от уровня благополучия.

Также было показано, что они не действуют в отрыве друг от друга, и при выборе того или иного угла обзора на первый план процессов могут выходить разные факторы (например, «стягивание» потоков миграций в экономический центр может рассматриваться как, в первую очередь, пространственный процесс и как в большей степени социально-экономический феномен).

Собственно взаимодействие между тремя группами может проходить в двух формах: когда один фактор ретранслирует другой (или два других) и когда факторы разной природы взаимно усиливают действие друг друга (см. рис. 2.1).

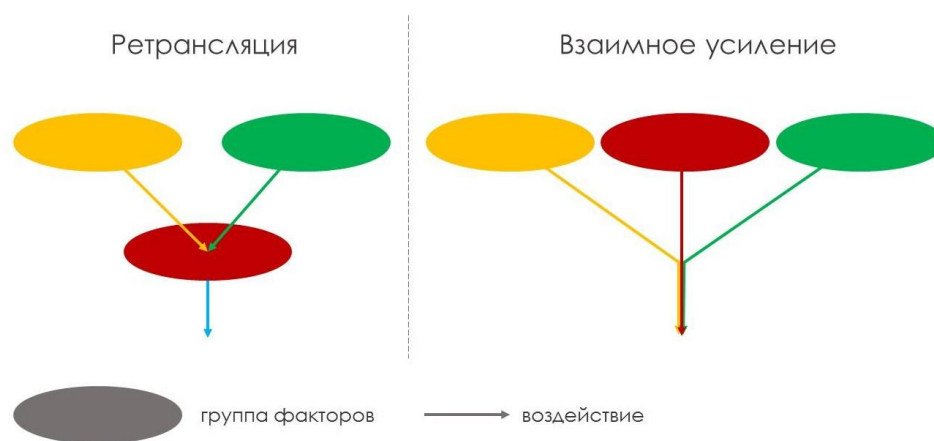

Рисунок 2.1 — Формы взаимодействия групп факторов, влияющих на расселение афроамериканцев. Составлено автором

В качестве примера можно рассмотреть легитимную сегрегацию и пространственную сегрегацию. Первая подразумевала ретрансляцию в пространстве институциональных ограничений: реакцией на изоляцию афроамериканского населения в общественной жизни стало возникновение гетто. Пространственная сегрегация (после отмены легитимной или в тех городах, где сегрегационных законов не было) представляет собой пример взаимного усиления действия факторов разной природы. Изоляция в пространстве приводила к формированию особых институтов в гетто, а также к специфическим социально-экономическим явлениям, сильно влиявшим на расселение (например, гиперконцентрация бедности в центральных городах агломераций).

Пространственная сегрегация органично сочетает в себе все три группы факторов и, соответственно, все пять выделенных форм воздействия на расселение. Она приводит к организованности расселения, поскольку она создает ситуацию, обратную формированию экономических центров, — когда отдельные пространства (гетто) как бы отталкивают от себя потоки ресурсов и людей. Часть жителей гетто в результате гипергеттоизации оказались зафиксированы в пространстве, а их возможности для расселения в других местах сильно сужены и подконтрольны государству. Пространственная сегрегация как сопутствующий поляризации фактор, очевидно, приводит и к сортировке афроамериканцев в зависимости от их социально-экономического положения.

Некоторые важные факторы, описанные нами выше, лишились актуальности с течением времени — прежде всего, это касается институтов рабства и легитимной сегрегации. В то же время регуляторные функции, которые они выполняли, воздействуя на расселение афроамериканцев, оказались переданными другим факторам. Наиболее полно эти функции воспроизвел процесс пространственной сегрегации.

Анализ общих принципов взаимодействия трех групп факторов расселения афроамериканцев показал, что они не теряют в актуальности, но при этом имеют свойство меняться

с течением времени. Исходя из этой особенности, можно сформулировать несколько принципиально новых исследовательских вопросов, ответ на которые будет получен в ходе выявления пространственно-временных этапов расселения афроамериканцев:

- Какие территориальные структуры расселения афроамериканцев формируются под воздействием тех или иных соотношений факторов?
- Как эволюционировали пространственные формы расселения афроамериканцев под воздействием различных факторов?
- Как на географические особенности расселения афроамериканцев влияет упразднение регуляторных институтов?

Для поиска ответов на эти вопросы в разделе 2.2 прослеживается эволюция основных территориальных структур расселения афроамериканцев за период с начала XVII в. по начало XXI в.

2.2. Пространственно-временные этапы расселения афроамериканцев на национальном и региональном уровнях

2.2.1. Эпоха рабовладения (1619—1865 гг.): формирование инвариантных элементов территориальной структуры расселения афроамериканцев

Первый этап расселения афроамериканцев заложил некоторые общие пространственные принципы, свойственные его рисунку до сих пор. Так, в этот период **возник Черный пояс** и **неюжные городские центры** расселения афроамериканцев, а Запад и сельские территории вне Юга стали отличаться немногочисленностью представителей данной расовой группы. На рис. 2.2 отражены **основные элементы территориальной структуры расселения афроамериканцев** к концу первого этапа.

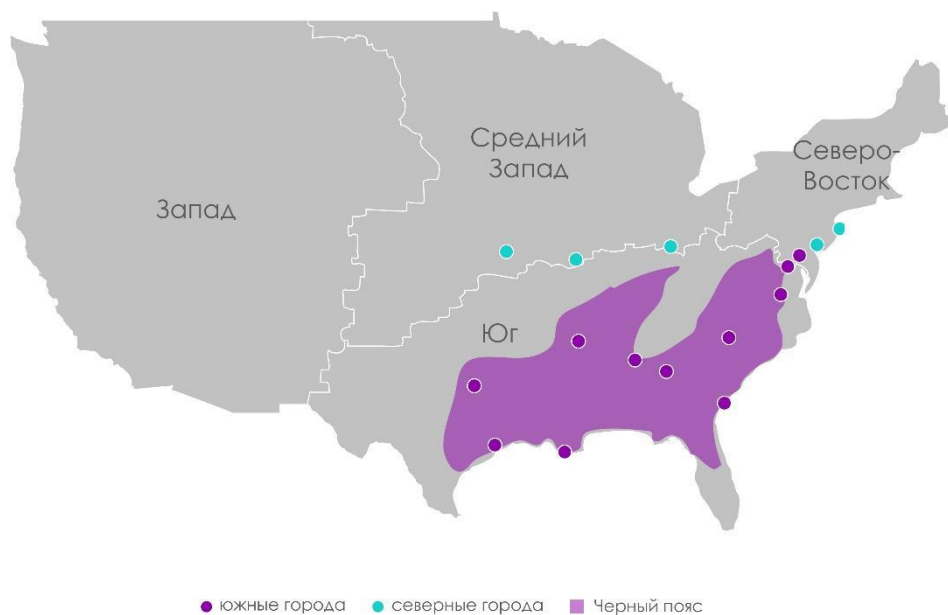

Рисунок 2.2 — Основные структурные элементы расселения афроамериканцев к концу первого этапа эволюции. Составлено автором

Сложившаяся территориальная структура расселения афроамериканцев двойственна. Она включает в себя два основных элемента: спорадические **очаги концентрации** (на Севере и в городах Юга) и **ареальное расселение** в сельской местности на Юге. Как ареал, так и очаги концентрации, возникшие в тот период, в той или иной форме сохранились до сих пор, поэтому их можно назвать **инвариантными элементами** расселения афроамериканцев.

Ключевым фактором, приведшим к формированию этой двойственной территориальной структуры, является **институциональный**. На первом этапе он, в первую очередь, был выражен в институте рабства, который не только стал причиной появления первых афроамериканцев на территории североамериканских колоний, но и оказал мощное воздействие на основные принципы системы расселения афроамериканцев.

Рабство возникло еще в колониальный период, а после обретения США сохранилось в пределах южных штатов, специализировавшихся на экстенсивном выращивании сельскохозяйственных культур (прежде всего, хлопка) [Knight 2005] [Young 2005]. Поскольку основу трудовых ресурсов в производстве хлопка составляли афроамериканские рабы³³, структура расселения этой расовой группы в пределах южных штатов во многом определялась плантационной экономикой: на уровне штатов и отдельных графств она была разреженной, поскольку рабовладельческие плантации обычно занимали большие площади, а в масштабах страны афроамериканцы были сконцентрированы почти исключительно в пределах одного макрорегиона (примерно 90% численности всей расовой группы) [Gregory 2005].

Система расселения афроамериканцев на Юге подверглась **жесткой фиксации**: они могли сменить место жительства в случае либо продажи на другую плантацию, либо побега, либо дарования свободы. Крайне **низкая мобильность** рабов привела к концентрации афроамериканцев в макрорегионе с наиболее благоволящими плантационной экономике климатическими условиями.

Процесс расселения афроамериканцев на Юге проходил автономно, с очень ограниченным числом связей с Севером, поэтому можно выделить отдельную **южную рабовладельческую систему расселения**. Помимо сельских территорий с низкой плотностью населения она включает в себя и расселение афроамериканцев в крупнейших городах Юга —

³³ Суммарная численность афроамериканских рабов в 1790 г. составляла 700 тыс. чел., а в 1860 г. — 3,9 млн чел. [Census 1790] [Census 1860]

Ричмонде, Атланте, Саванне, Бирмингеме, Новом Орлеане, Чарлстоне и некоторых других [McGraw 1987] [Johnson 1999] [Kimball 2003] [Wilson 2019].

Южная рабовладельческая система отличается **низкой плотностью населения и низким уровнем разнообразия связей между элементами**: перемещение афроамериканцев между населенными пунктами было либо чрезвычайно затруднено, либо зависело от воли белых американцев. Тем не менее, даже в условиях рабства она обладала системными свойствами, поскольку торговля хлопком и невольниками тяготела к вышеперечисленным центрам. Следовательно, при затрудненности добровольных миграций связность обеспечивалась потоками товаров и принудительными миграциями, что не противоречит основным представлениям о системах расселения [Ткаченко 2018].

Инвариантом южной рабовладельческой системы расселения стал **Черный пояс** — регион, регулярно становящийся предметом для научных дискуссий относительно его границ и культурно-смысловой наполненности [Webster, Bowman 2008]. Черный пояс представляет собой главный ареал расселения афроамериканцев, преимущественно занимающий сельские территории, но также включающий в себя города с разной людностью. Он простирается от штата Виргиния до северной Флориды вдоль Приатлантической низменности, а также захватывает большую часть Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы.

Спорадические очаги концентрации свободных афроамериканцев вне Юга сформировали вторую систему расселения — **северную свободную**, которая представляет собой продукт ранней индустриализации. В некоторых крупных городах Северо-Востока (Нью-Йорк, Филадельфия), а также в наиболее быстро растущих городах Среднего Запада (Чикаго, Детройт, Индианаполис) вокруг промышленных предприятий сформировались рабочие афроамериканские районы [Zelinsky 1950] [Baer 2012] [Boehm, Corey 2014].

Связи между элементами северной свободной системы расселения **были значительно более интенсивными**: афроамериканцы расселялись относительно свободно. Наиболее распространенной формой перемещения были миграции в поисках работы на каком-либо предприятии. Субъектами таких миграций часто были не отдельные люди, но семьи и группы земляков, из-за чего в северных городах формировались тесно спаянные афроамериканские сообщества. К ограничениям для перемещения между городами помимо значительно худшего, чем у белых, социально-экономического положения относятся также проявления расизма в виде неформальных институтов, но они плохо поддаются анализу ввиду низкой степени кодификации. Для северной свободной системы расселения главенствующей группой факторов стали **социально-экономические**.

Особую роль играли крупные города вблизи границ с рабовладельческими штатами — в первую очередь, Цинциннати (штат Огайо, на границе с Кентукки) и Вашингтон (Округ

Колумбия, на границе с Виргинией) [Wade 1954] [Provine 1973]. Цинциннати нередко выступал в качестве временного остановочного пункта беглых рабов, но в этом городе также оставались на постоянное место жительства и освобожденные рабы. Последнее справедливо и в отношении Вашингтона, хотя в нем исторически сложилось большое сообщество свободных афроамериканцев [Williams 1980]. Эти города стали **узловыми элементами** системы расселения, в которых происходило **перераспределение потоков** афроамериканских миграций.

Внутри южной рабовладельческой системы расселения связи между населенными пунктами **были подконтрольны белым рабовладельцам**. Северная свободная система, наоборот, **отличалась самоорганизацией**, поэтому расселение свободных афроамериканцев подчинялось экономико-географическим закономерностям (концентрация в крупных торговых и производственных центрах). Связь между двумя системами осуществлялась через узловые элементы — города на границе Юга и Севера.

Доля афроамериканцев, проживавших в свободных штатах, не достигала и 10% от общей численности этой расовой группы, поэтому доминирующим элементом сложившейся на первом этапе территориальной структуры была **ареально-очаговая** южная рабовладельческая система. Несмотря на несравнимо меньшую людность, очаги расселения в свободных городах сыграли важную роль при дальнейшем расселении афроамериканцев на следующих этапах.

2.2.2. Реконструкция Юга и введение легитимной сегрегации (1865—1910 гг.): начало трансформации территориальной структуры расселения афроамериканцев

Второй этап эволюции не привел к возникновению принципиально новой территориальной структуры расселения афроамериканцев, но в это время внутри сложившегося ранее паттерна происходили важные трансформации (см. рис. 2.3).

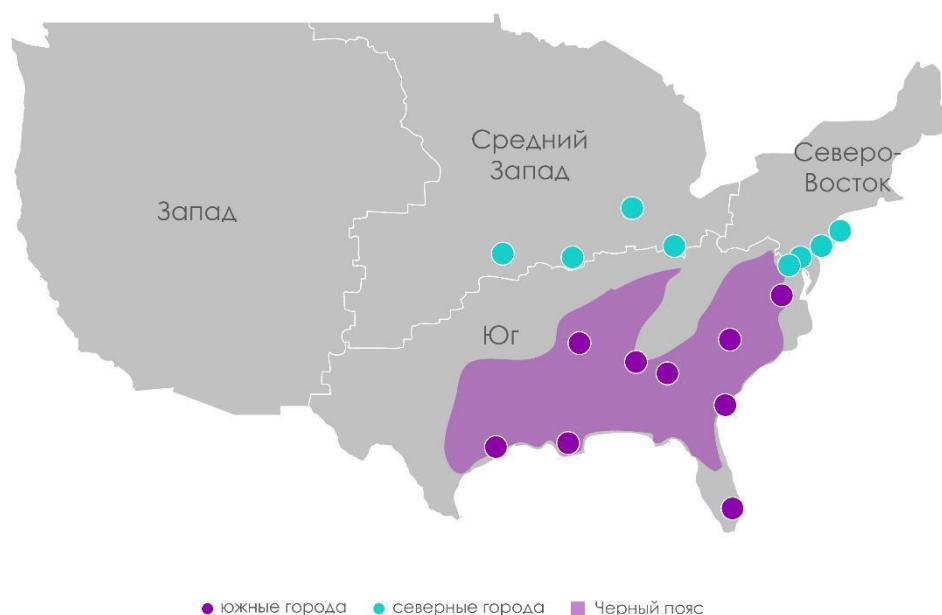

Рисунок 2.3 — Основные структурные элементы расселения афроамериканцев к концу второго этапа эволюции. Составлено автором

Как на Юге, так и на Северо-Востоке и Среднем Западе на стыке XIX и XX вв. активизировалась **урбанизация**, обусловленная развитием промышленности. Этот процесс затронул как белое население, так и афроамериканское. Главный ареал сельского расселения афроамериканцев — Черный пояс — стал донором мигрантов для разраставшихся городов (прежде всего, южных).

Урбанизация обусловила один из ключевых процессов второго этапа. Разрастание городских индустриальных центров начало **преобразовывать опорный каркас расселения афроамериканцев**. Согласно Г. М. Лаппо, трансформация опорного каркаса расселения, как правило, проходит три стадии: 1) точечная концентрация; 2) агломерирование; 3) регионализация [Лаппо 1997]. В теории размещения промышленности А. Вебера агломерирование определяется как «сосредоточение промышленного производства в каком-либо месте, причем сюда включается как сосредоточение в виде простого расширения — укрупнения отдельных производственных единиц, — так и соединение в одном месте большего или меньшего числа таких единиц, раньше рассеянных по территории» [Вебер 1926]. Именно этот процесс и происходил в американских городах во время второго этапа, и он же привлекал афроамериканских мигрантов из сельских графств Черного пояса. Индустриализация стала предпосылкой для будущих массовых волн афроамериканских миграций, на и на втором этапе стала важным фактором повышенной миграционной привлекательности не-южных городов. В этом проявляется более выраженная, чем на первом этапе, роль **социально-экономических факторов**, сочетающихся с **пространственными**.

Несмотря на относительную стабильность территориальной структуры расселения афроамериканцев во второй половине XIX в., в стране начались **институциональные** процессы, которые заложили основу для ее коренной трансформации. Они связаны с поражением Юга в Гражданской войне в 1865 г. и отменой рабства³⁴ на всей территории США.

После отмены рабства быстро сформировался общественный запрос на создание новых институтов, которые изолировали бы афроамериканское население от белого³⁵. Таким институтом стала **легитимная сегрегация**, оформившаяся к 1890 г.³⁶ Сегрегационные законы отличались крайним разнообразием и детальностью, затрагивая почти весь спектр социальных практик: во многих штатах были запрещены межрасовые браки, была установлена сегрегация в образовательных и медицинских учреждениях, общественных пространствах городов и транспорте.

Институт легитимной сегрегации быстро начал оказывать заметное воздействие на пространственные особенности расселения афроамериканцев. Наиболее явно оно проявлялось на микроуровне, но и в масштабах всей страны смена одного регуляторного института другим также имела заметное влияние. Если рабство фиксировало процесс расселения афроамериканцев, то сегрегация **сужала его вариативность**. Перемещение афроамериканцев по стране никак не ограничивалось, но фактически многие районы городов были недоступны для заселения представителями этой расовой группы [Rothstein 2017]. Смена регуляторных институтов привела к ослаблению контроля над расселением, но оно по-прежнему **не могло соответствовать принципу пространственной самоорганизации**.

Отлаженные на первом этапе расселения **связи были частично нарушены**. Так, к примеру, маршруты, по которым беглые и освобожденные рабы переселялись на Север, лишились своей значимости. Отмена рабства привела к повышению доступности пространственной мобильности (особенно на Юге), и ее направления подчинялись экономико-географическим закономерностям: небогатые афроамериканские фермеры чаще всего мигрировали в ближайший экономический центр.

³⁴ Прокламация об освобождении рабов (*Emancipation Proclamation*) была подписана президентом А. Линкольном в 1862 г., но ратифицирована Конгрессом только после окончания Гражданской войны в 1865 г.

³⁵ Инициированная федеральными властями Реконструкция Юга — попытка адаптации бывших Конфедеративных Штатов Америки (13 южных штатов, вышедших из состава США и начавших Гражданскую войну) к гармоничному сосуществованию со штатами Севера, возымела прямо противоположный эффект. Она вызвала резкую консервативную реакцию со стороны большей части белых южан, в результате чего доминирующей идеологией региона стал белый супремасизм. Это радикальная расистская концепция, согласно которой белая раса «выше» афроамериканцев и, следовательно, ее представители должны иметь больше прав и свобод [Baker 2009].

³⁶ В штате Миссисипи была принята «дедушкина оговорка» (*grandfather clause*) — закон, согласно которому право голоса на выборах имел лишь тот, чей дед обладал аналогичным правом. В том же году в Луизиане был принят закон о сегрегации на железных дорогах.

Вышеописанные процессы происходили на фоне глубокого послевоенного экономического кризиса на Юге, а также технологическим отставанием от Севера [Clark 1966] [O'Brien 1981]. Афроамериканцы, обретя гражданские права, не получили вместе с ними капитал, которым обладало белое население, из-за чего проблема межрасового **социально-экономического неравенства** сохранилась и после отмены рабства [Miller 2020].

Таким образом, афроамериканцы имели легальную возможность (вследствие отмены рабства) и существенную мотивацию (обострение расизма и введение легитимной сегрегации) покинуть Юг, но социально-экономическое отставание и низкая трудовая квалификация вынуждали их оставаться в пределах этого макрорегиона. Основная миграционная активность на Юге сводилась к перемещению из сельской местности в ближайший город в поисках низкооплачиваемых вакансий, требовавших физического труда [Tolnay, Beck 1992].

Тем не менее, совокупное действие трех групп факторов **сформировало потенциал** для **массового исхода** афроамериканцев с Юга и существенной трансформации системы расселения этой расовой группы на национальном уровне. Институциональная среда, препятствовавшая свободному расселению на Юге и улучшению социально-экономического положения афроамериканцев, межрасовое неравенство, связанное с накопленными негативными эффектами рабства, и постепенное коммуникационное сжатие пространства³⁷ за счет развития железнодорожного и автомобильного сообщения создали условия для начала Первой великой миграции.

2.2.3. Первая великая миграция (1910—1941 гг.): перенос центра тяжести расселения афроамериканцев на север

Первая великая миграция афроамериканцев (термин, традиционно используемый исследователями истории расселения афроамериканцев [Gregory 2005]) привела к формированию новой территориальной структуры расселения этой расовой группы (см. рис. 2.4). Рисунок, состоящий из двух элементов (ареально-очаговой структуры на Юге и очаговой — на Северо-Востоке и Среднем Западе), сменился иным пространственным паттерном. Крупные промышленные центры Северо-Востока и Среднего Запада стали активно заселяться афроамериканскими мигрантами с Юга. Благодаря этому неюжные города перестали быть очагами расселения афроамериканцев, и их функция в большей степени соответствует

³⁷ Снижение роли расстояния вследствие роста проницаемости, связности, доступности пространства [Трейвиш 2010].

представлению об узлах. Соответственно, вместо раздвоенной ареально-очаговой структуры сформировалась **более связная линейно-узловая** (при сохранении инвариантного ареала, Черного пояса).

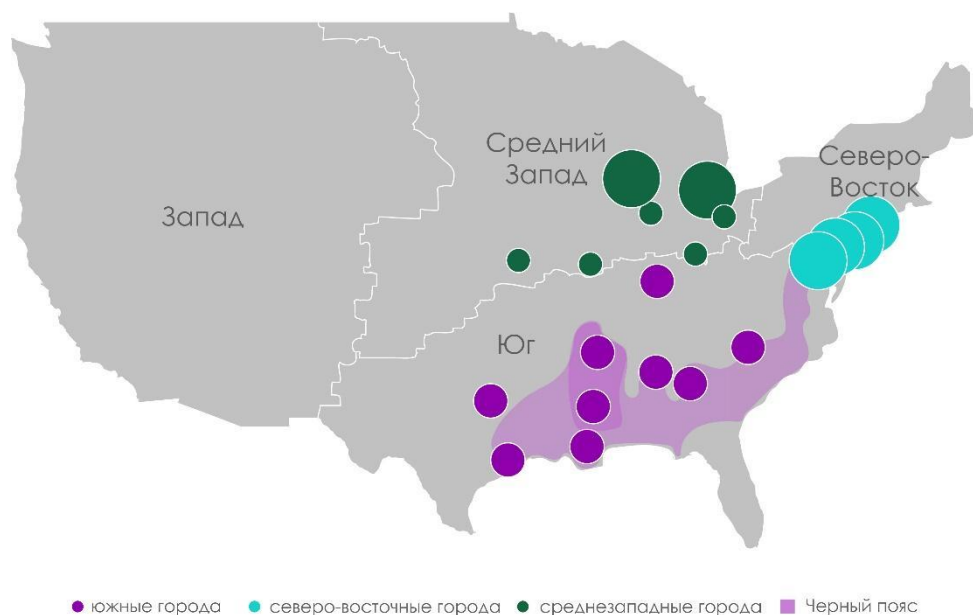

Рисунок 2.4 — Основные структурные элементы расселения афроамериканцев к концу третьего этапа эволюции. Составлено автором

Значительно увеличившееся количество связей между сельской и урбанизированной местностью, а также между отдельными городами обусловлено активизацией межрегиональных миграций. Они имеют ярко выраженную пространственную специфику. На основании данных Бюро переписи о месте рождения и расовой принадлежности за 1910—1940 гг. можно выделить основные направления внутренних межрегиональных миграций афроамериканцев за этот период (см. рис. 2.5).

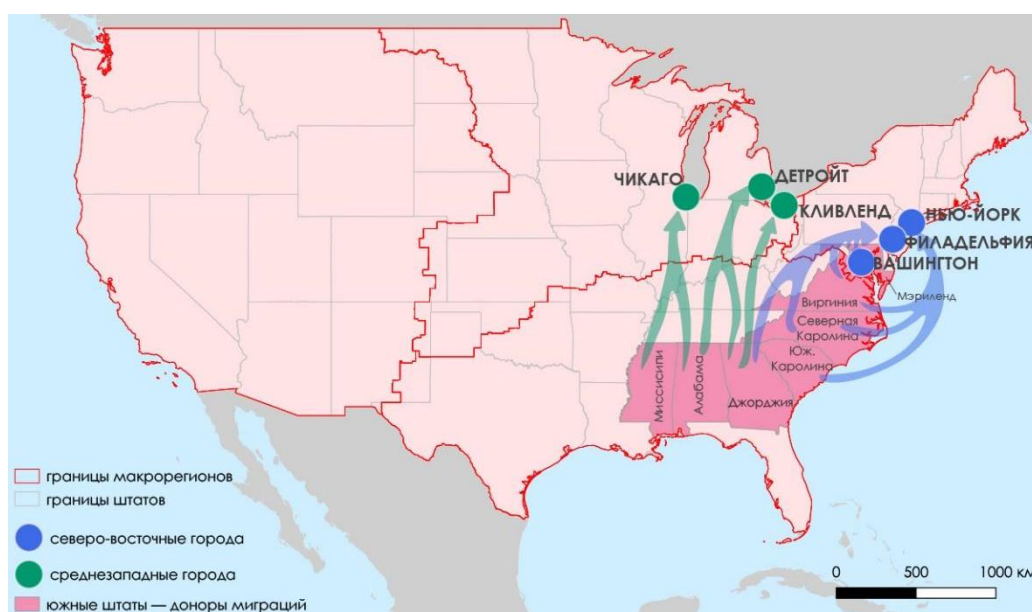

Рисунок 2.5 — Основные направления межрегиональных миграций афроамериканцев в период 1910—1940 гг. Составлено автором по данным [IPUMS] [1910 Census] [Census of Population and Housing] [The Great Migration] [African American Migration Patterns]

География межрегиональных миграций афроамериканцев (см. рис 2.5) подчиняется определенной логике. Тяготение потоков миграций из южных штатов к тем или иным городам в большинстве случаев соответствует **направлениям железных дорог** (см. Приложение Б).

Через приатлантические южные штаты — Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию — проходят линии до Филадельфии и Нью-Йорка. Штаты Миссисипи и Алабама связаны железнодорожным сообщением с Чикаго и Детройтом. От Джорджии нет прямого пути до Чикаго, поэтому мигранты из этого штата чаще переезжали в Детройт и Кливленд. Аналогичные закономерности обнаруживаются и при соотношении направлений миграций со схемой маршрутов **междугородних автобусов «Грейхаунд»** (*Greyhound*; см. Приложение Б). Этот во многом обусловленный транспортной доступностью пространственный процесс можно назвать **миграциями в центр межрегионального хинтерланда**³⁸.

Помимо новых процессов, на третьем этапе также произошла интенсификация некоторых процессов, развивавшихся и раньше. Так, жители сельской местности в южных штатах стали более активно переезжать в ближайшие крупные города. Часть из них расположена на вблизи границ штатов (например, Мемфис, Новый Орлеан, Шарлотт), другие — на удалении от них (Атланта, Ричмонд, Бирмингем, Монтгомери, Хьюстон, Джексон). Кроме того, участились миграции в города на северной границе Американского Юга — Вашингтон, Балтимор, Сент-Луис, Луисвилл, Цинциннати. «Глубинные» города стягивали на себя мигрантов из своего штата, приграничные города — жителей нескольких соседних штатов. Данный процесс можно обозначить как **миграции в центр локального хинтерланда**. Его географические закономерности также можно проиллюстрировать схемами железных дорог (см. Приложение Б) и междугородних автобусных маршрутов (см. Приложение Б).

Прогресс в транспортном освоении страны вывел на первый план **линейно-узловую территориальную структуру** расселения афроамериканцев. Города, замыкавшие на себе большое количество транспортных артерий, становились акцепторами крупных миграционных потоков. Во многом эта структура повторяет очертания существовавшей ранее, но в ней появилось множество новых элементов. Ареальная структура, представленная Черным

³⁸ Хинтерланд — «зона тяготения какого-либо города, экономического центра, транспортного узла. В географии транспорта под хинтерландом понимается зона тяготения транспортного узла или линии — территория, которая по преобладанию транспортных потоков в определенных направлениях тяготеет к тому или иному транспортному узлу» [Тархов 2013].

поясом, сохранилась, но на Северо-Востоке и Среднем Западе расселение перестало носить очаговый характер. Этот сдвиг в расселении свидетельствует о возросшей значимости **пространственных факторов**. Быстро разветвление связей позволило системе расселения существенно разрастись в разных направлениях, что обусловило **усложнение ее внутренних связей**.

Однако, несмотря на более яркое проявление пространственных факторов и сохранение схожих со вторым этапом институциональных особенностей, особенно высокое значение приобретают **социально-экономические факторы**. Основа экономики Юга, плантационное сельское хозяйство, становилось все более интенсивным и механизированным. Из-за этого потребность в дешевой рабочей силе, которую традиционно во многом удовлетворяли афроамериканцы, значительно снизилась [Holley 2000]. Сильнее всего сказалось на заготовке хлопка — большинство издольщиков были афроамериканцами [Fligstein 1981] [Lemann 1991] [Tolnay, Beck 1995].

Напротив, в других регионах спрос на дешевую рабочую силу резко возрос. Активная интеграция ирландских и — несколько позднее — итальянских и еврейских иммигрантов в американское общество обусловила их стремление к преуспеванию и отходу от тяжелого физического труда или малоприбыльной торговли [Burgess 1924]. В сочетании с ускорившейся индустриализацией городов Северо-Востока и Среднего Запада это привело к необходимости быстрого найма большого количества работников. Оптимальным вариантом для предприятий стали афроамериканцы с Юга — граждане США, остро нуждающиеся в работе и, следовательно, не требовательные к условиям труда. Именно эти социально-экономические факторы и **обусловили общий вектор** Первой великой миграции — с юга на север.

На Юге к началу XX в. сформировались **неблагоприятные институциональные условия** для жизни афроамериканцев. Популяризация белого супремасизма, принятие сегрегационных законов и нарушение политических прав вынудили многих людей задуматься о переселении в другие регионы [Tolnay, Beck 1992]. При выборе места для миграции, помимо социально-экономической привлекательности, важную роль играла также **менее агрессивная институциональная среда**. Потенциальными мигрантами учитывались такие факторы, как наличие местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения³⁹ и других правозащитных организаций, афроамериканских церквей, афроамериканских газет и несегрегированных профсоюзов [Price-Spratlen 1998]

³⁹ *National Association for the Advancement of Colored People (NAACP)* — одна из старейших и крупнейших общественных организаций, специализирующихся на защите прав афроамериканцев.

[Price-Spratlen 1999a] [Price-Spratlen 1999b]. Это приводило к концентрации afroамериканцев в определенных промышленных центрах с благоприятной институциональной средой (они и стали главными точками назначения массовых потоков миграций).

Первая великая миграция afroамериканцев внесла в процесс расселения этой расовой группы целый ряд важных изменений. Несмотря на то, что 77% afroамериканцев в 1940 г. по-прежнему жило на Юге, к тому времени сформировалась **диаспора**. Активизировалась урбанизация: в 1910 г. доля городских жителей среди afroамериканцев составляла 27,4%, а в 1940 г. она достигла 48,6% (для сравнения, аналогичный показатель среди белых вырос с 48,7% до 57,4%) [Price et al. 1970].

Главным географическим итогом третьего этапа расселения afroамериканцев стала трансформация территориальной структуры. Система расселения усложнилась за счет разветвления направлений миграции. При сохранении неблагоприятной институциональной среды и социально-экономического отставания от белого населения afroамериканцы получили возможность расселиться на большей площади — в основном за счет развития транспортных систем и возросшей потребности в рабочей силе на неюжных промышленных предприятиях. Кроме того, переток огромного числа мигрантов из сельского Юга в урбанизированные ареалы Северо-Востока и Среднего Запада привел к заметному **смещению центра тяжести расселения afroамериканцев** на север.

2.2.4. Вторая великая миграция (1941—1967 гг.): максимальное расширение территориальной структуры расселения afroамериканцев

Начавшаяся после вступления США во Вторую Мировую войну новая, значительно более мощная и разнообразная по направлениям, волна afroамериканской миграции с Юга составила основу четвертого этапа расселения этой расовой группы. Сложившаяся к его завершению территориальная структура расселения afroамериканцев проиллюстрирована на схеме на рис. 2.6.

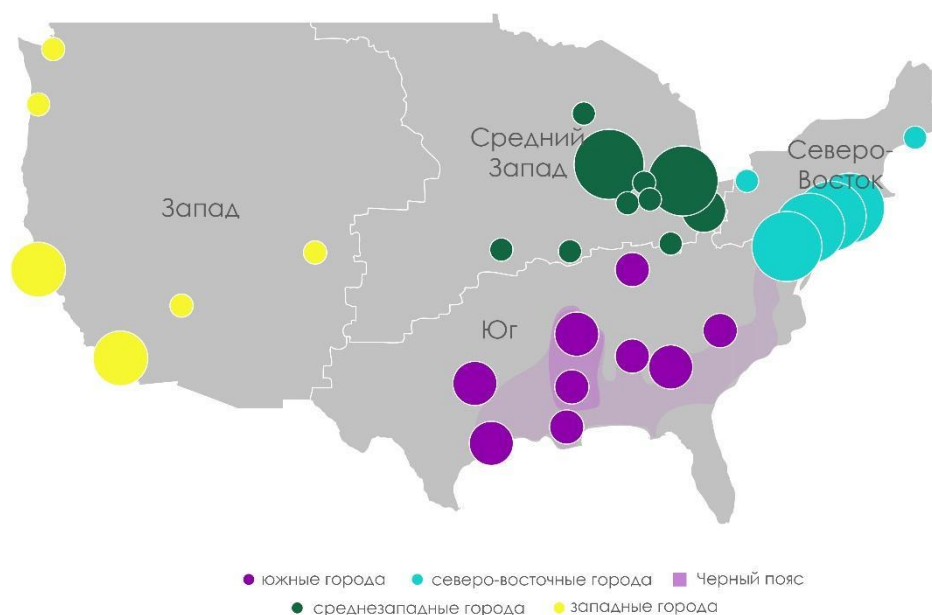

Рисунок 2.6 — Основные структурные элементы расселения афроамериканцев к концу четвертого этапа эволюции. Составлено автором

В результате Второй великой миграции афроамериканцев территориальная структура расселения этой расовой группы снова трансформировалась. Стадия агломерирования в наиболее развитых индустриальных районах сменилась регионализацией; ярким примером может служить наполненный многочисленными тесными производственными и непроизводственными связями район Индустриальное Приозерье, выделенный Л. В. Смирнягиным [Смирнягин 1989b]. Эта трансформация затронула и расселение афроамериканцев, которое сформировало новые, **урбанизированные ареалы** вокруг Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Кливленда.

Возник целый ряд **новых центров расселения**, причем как в пределах тех регионов, где афроамериканцы появились на предыдущих этапах, так и на Западе, где прежде афроамериканцы практически не расселялись. Это позволяет говорить о завершении процесса **освоения** территории США афроамериканцами к концу 1960-х гг. Дальнейшее разрастание системы расселения уже может осуществляться только в форме **сдвигов** внутри сложившейся системы, а не добавления к ней принципиально новых элементов (см. рис. 2.7).

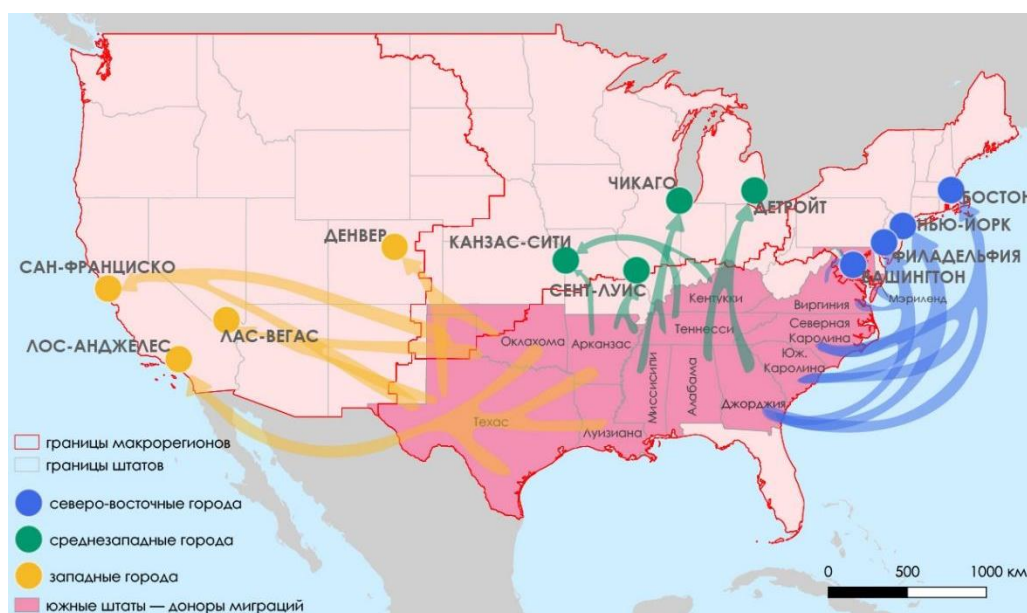

Рисунок 2.7 — Основные направления межрегиональных миграций афроамериканцев в период 1940—1970 гг. Составлено автором по данным [IPUMS] [Census of Population and Housing] [The Great Migration] [African American Migration Patterns].

Ключевой макрогеографической процесс Второй великой миграции — **исход афроамериканцев на Запад**. Целый ряд городов в этом регионе впервые оказался среди лидеров по притоку афроамериканских мигрантов (в основном из ближайших южных штатов — Техаса, Арканзаса и Луизианы). Практически «на пустом месте» возникли крупные гетто в Лос-Анджелесе, Области залива Сан-Франциско⁴⁰ (особенно в Окленде), Сан-Диего, Лас-Вегасе, Сиэтле, Портленде, Денвере [Bagwell 1982] [Crouchett 1989] [Taylor 1999] [Moore 2001] [Sides 2006].

Сегрегационные законы на Юге продолжали действовать, формируя **институт регулирования расселения**. В тех штатах, где такого рода юридических норм не существовало, бытовало представление о «естественном» характере раздельного проживания расовых групп, основывавшееся на социал-дарвинистских работах Чикагской школы. По сравнению с южными штатами эта ситуация выглядела более предпочтительной [Tolnay 2003]. Таким образом, фактор неблагоприятной социальной среды продолжал играть роль, хотя и несколько менее заметную, чем на предыдущем этапе расселения афроамериканцев.

Завершившаяся в конце предыдущего этапа механизация процесса хлопкоуборки высвободила большие по численности трудовые ресурсы среди афроамериканцев-южан. В свою очередь, вступление США во **Вторую Мировую войну** в конце 1941 г., стало главной причиной восстановления миграционного потока в неюжные промышленные города, снизившегося в 1930-е гг. из-за Великой депрессии.

⁴⁰ Область залива Сан-Франциско (*Bay Area*) — традиционное название конурбации, основными центрами которой являются Сан-Франциско, Сан-Хосе, Окленд и Фримонт.

Война повлияла **не только на интенсификацию промышленного производства**, но и на его отраслевую **специализацию**. Динамично развивавшееся в 1920—30-е гг. авиастроение испытало настоящий бум благодаря расположению театров военных действий, в которых участвовали США, за океанами. Важные предприятия отрасли в основном располагались в западных (Сиэтл, целый ряд городов южной Калифорнии) и среднезападных городах (Уичито, Сент-Луис) [Орлов 1991] [Смирнягин 1971a] [Смирнягин 1971b] [Смирнягин 1988b] [Смирнягин 1989b] [Смирнягин 1991a]. Крупные предприятия других отраслей, в первую очередь, металлургические комбинаты и автомобильные заводы, резко нарастили производственные мощности после Великой депрессии. Они интегрировались в военно-промышленный комплекс США, в основном сосредоточившись на выпуске оружия, танков, военных грузовиков, деталей для самолетов [Hyde 2013].

Сразу же после окончания войны американская промышленность начала получать отдачу в виде бурного прогресса в целом ряде отраслей. Авиастроение, автомобилестроение и металлургия активно пользовались наработками военного периода. Принятый при активной поддержке со стороны президента Эйзенхауэра Закон о федеральном финансировании строительства автомобильных дорог 1956 г. (*Federal Aid Highway Act of 1956*) существенно повысил межрегиональную мобильность американского населения, крепко связав Запад с остальной частью страны [Hanlon 2006]. Этот фактор также обусловил **разветвление связей** между отдельными населенными пунктами и регионами в целом.

Крупные индустриальные центры — Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Кливленд — продолжали принимать афроамериканцев с Юга в логике **цепной миграции**. В этих городах сформировались и продвинулись в культурном и институциональном отношении коммунальные гетто, а промышленность и сфера услуг испытывали послевоенный бум. Менее благополучные, но близкие к Югу города — Вашингтон и Сент-Луис — также по инерции становились все в большей степени афроамериканскими. Были **освоены** крупные города, в которых доля афроамериканцев оставалась низкой вплоть до войны, — к ним можно отнести Бостон и Милуоки. В то же время некоторые важные центры Первой великой миграции заметно потеряли в своем значении — это, в первую очередь, Канзас-Сити, Индианаполис и Питтсбург [Gregory 2004].

Пространственные закономерности миграций афроамериканцев **усложнились** не только на национальном уровне, но и внутри Американского Юга. Сельские поселения и мелкие города по-прежнему выступали в качестве доноров афроамериканского населения. Однако если раньше крупные южные города представляли собой центры локальных хинтерландов, то теперь некоторые из них повысили свой статус и стали привлекать мигрантов

не только из ближайших графств. Более того, ближе к концу Второй великой миграции активизировалась **обратная миграция афроамериканцев на Юг** [Tolnay 2003]. Поскольку экономика региона после войны постепенно становилась все более индустриальной, они возвращались не в руральные графства, откуда переезжали на Север или Запад их семьи, а в наиболее активно развивающиеся крупные города. В качестве примеров можно привести Атланту, ставшую настоящей афроамериканской столицей Юга, крупнейшие города Техаса (Хьюстон и Даллас), а также Новый Орлеан и Майами. Все они испытали прирост афроамериканского населения — как за счет южан, так и за счет обратной миграции из других макрорегионов.

Повышение миграционной привлекательности Юга в 1950—1960-е гг. можно объяснить двумя основными причинами. Первая заключается в исчерпании индустриального потенциала и перехода к **постиндустриализации** ключевых промышленных центров страны [Beauregard 2003]. Если в 1940 г. средний доход по паритету покупательной способности на Юге был на примерно 50% ниже, чем на Среднем Западе, на 60% ниже, чем на Западе, и на 70% ниже, чем на Северо-Востоке, то к 1970-му г. этот гандикап снизился до 5—15% [Mitchener, McLean 1999]. Южные города оказались в выигрышном положении за счет того, что они не успели стать столь зависимыми от определенных промышленных отраслей, как, например, Детройт. Вторая причина повышения привлекательности Юга для афроамериканцев — значительный прогресс в борьбе с открытыми проявлениями дискриминации. В целом ряде штатов началась активная **десегрегация** общественной жизни [Tolnay 2003]. Соответственно, сразу два важнейших фактора миграционного оттока с Юга начали терять в значении.

2.2.5. Обратная миграция на Юг (1967 г.—начало XXI в.): сжатие территориальной структуры расселения афроамериканцев

После отмены легитимной сегрегации как последнего формального регуляторного института расселение афроамериканцев впервые в истории получило возможность развиваться в соответствии с принципом **самоорганизации**. Сложившаяся к началу XXI в. система расселения афроамериканцев представлена на схеме на рис. 2.8.

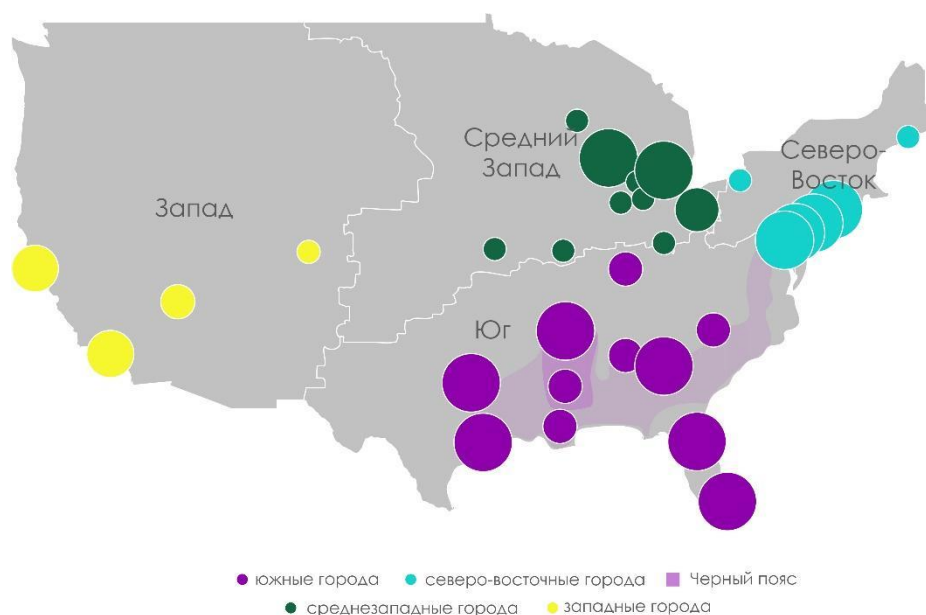

Рисунок 2.8 — Основные структурные элементы расселения афроамериканцев в 2000 г. Составлено автором

Территориальная структура расселения афроамериканцев на пятом этапе подверглась сжатию. В данном случае имеет место **интенсификационное сжатие**, а не коммуникационное, более ярко проявлявшееся в ходе транспортного освоения США. Интенсификационное сжатие означает сокращение площади экономически освоенных территорий на фоне стягивания населения и ресурсов к ядрам [Трејвиш 2010] — применительно к расселению афроамериканцев наблюдается именно этот процесс.

Несмотря на то, что институциональная среда на предыдущих этапах была значительно менее благоприятной для расселения, общей тенденцией было разрастание территориальной структуры на национальном масштабе. Наибольшего размера она достигла к концу Второй великой миграции, когда был освоен Запад. Теперь же большинство западных и часть среднезападных и северо-восточных городов стали терять афроамериканское население за счет обратной миграции на Юг. В этом регионе, в свою очередь, численность населения городов резко возросла.

Пятый этап также отличается сильным **снижением влияния институционального фактора** на расселение афроамериканцев. В 1964 г. Конгресс США принял Закон о гражданских правах (*Civil Rights Act*), а в 1967 г. Верховный суд США установил свободу межрасовых браков, сняв последний серьезный запрет сегрегационного толка в целом ряде южных штатов. С этого момента Юг окончательно уравнился с остальными макрорегионами с точки зрения развития сегрегационных процессов. Отныне сегрегация сохранилась в **социально-пространственной** (пространственная сегрегация) и **структурно-имплицитной** (имплицитная расовая дискриминация) формах, но в публичном дискурсе она воспринимается сугубо негативно.

За счет избавления от институциональной проблемы легитимной сегрегации Юг более привлекательным для потенциальных мигрантов, чем начавшие деградировать индустриальные города Северо-Востока и Среднего Запада, а также поляризованные западные агломерации. Возникла концепция «**Нового Юга**» — во многом преодолевшего хронический расизм, бедность и специализацию на неквалифицированном труде [Wright 1986] [Falk 2004] [Hunt et al. 2008].

Главная тенденция на макрорегиональном уровне — **массовая обратная миграция** афроамериканцев на Юг. М. О. Хант, Л. Л. Хант и У. У. Фолк делают особый акцент на термине «обратная миграция» (*reverse migration*), отличая его от возвратной (*return*) [Hunt et al. 2012]. Разница заключается в том, что последняя описывает только возвращение афроамериканцев-южан или их семей на Юг, а первая включает также тех афроамериканцев, кто никак не связан с этим регионом (первичных мигрантов) [Hunt et al. 2012]. Особенностью **пятого этапа расселения** афроамериканцев стала смена тенденции: обратная миграция стала более массовой, чем возвратная. При этом объемы потоков миграций на Юг обоих типов заметно возросли в период 1970—2000-х гг. [Hunt et al. 2008] [Hunt et al. 2012].

На рис. 2.9 отображены наиболее интенсивные потоки межрегиональных миграций афроамериканцев в период 1970—2000 гг.

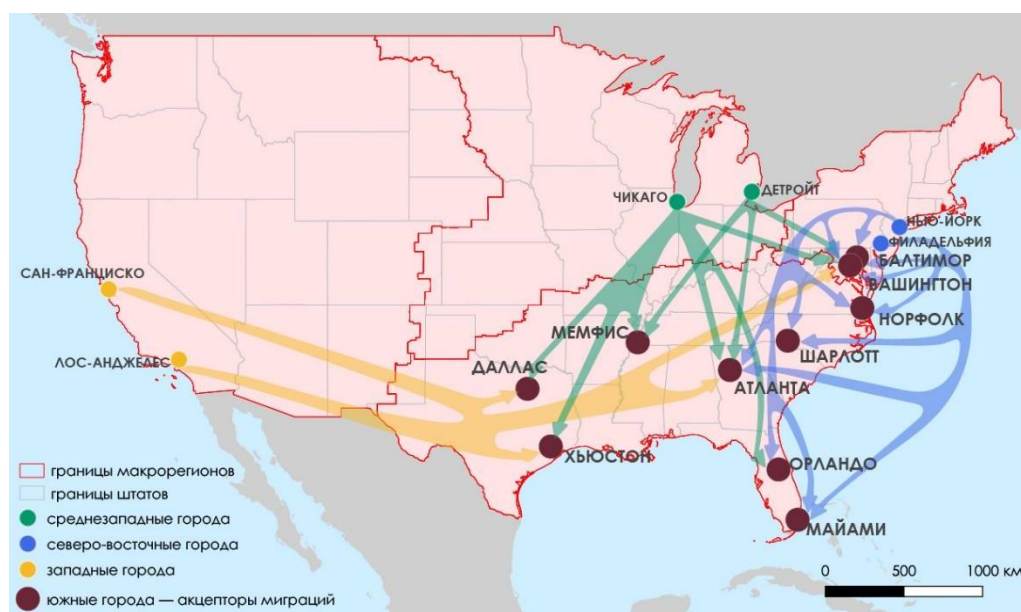

Рисунок 2.9 — Основные направления межрегиональных миграций афроамериканцев в период 1970—2000 гг. Составлено автором по данным [Frey 2014] [IPUMS] [Census of Population and Housing] [The New Great Migration] [African American Migration Patterns].

Закономерности межрегиональных обратных миграций отличаются от выделенных в периоды великих миграций. Результатом массового исхода афроамериканцев с Юга стала масштабная урбанизация, приведшей и к росту уровня образования. Соответственно, теперь миграция в другую часть страны — это не столько «бегство» от социальных проблем,

сколько осознанный выбор города, позволяющего максимально **реализовать свои амбиции**. Учитывая, что по сравнению с довоенными и первыми послевоенными годами значительно большей популярностью стали пользоваться авиаперелеты, логика выделения хинтерландов более не работает. Раньше миграции в основном соответствовали сетям автомобильных и железных дорог, теперь же, по мере строительства новых аэропортов, направления перемещений диверсифицировались, а средние расстояния миграций увеличились.

В период 1965—1970 гг. среди 10 городских агломераций с наибольшим миграционным оттоком афроамериканцев было 9 южных (в основном в Алабаме и Луизиане). Через 10 лет первые места в аналогичном рейтинге занимали уже Нью-Йорк (отток более чем в два раза превысил совокупный объем эмигрантов из всех городов топ-10 за конец 1960-х), Чикаго, Филадельфия, Кливленд и Сент-Луис; из южных в этот перечень попал только Новый Орлеан. Первые четыре города еще десять лет назад входили в число лидеров по численности миграционного прироста среди афроамериканцев. Аналогичный путь из лидеров по приросту на верхние строчки рейтинга по оттоку прошли в 1980-е гг. Лос-Анджелес и Сан-Франциско [The New Great Migration].

Главным акцептором афроамериканских миграций в отрезки 1985—1990 и 1995—2000 гг. была Атланта. Среди других центров, попавших в топ-10 за оба эти периода, выделяются Даллас (второе место к 2000 г.), Шарлотт, Орlando и конурбации Вашингтон—Балтимор, Роли—Дарем (штат Северная Каролина) и Норфолк—Виргиния-Бич в Виргинии. В рейтинге за последнюю пятилетку XX в. 8 городов из 10 — южные (исключения составляют Лас-Вегас и Вашингтон—Балтимор). В то же время среди лидеров оттоку осталось лишь две южных агломерации — Новый Орлеан и Майами [The New Great Migration].

Однако на данном этапе **Юг как ключевой регион, принимающий афроамериканских мигрантов, доминировал не столь явно**, как другие макрорегионы в периоды двух великих миграций. Так, Нью-Йорк и Чикаго, хоть и в большей степени служили донорами афроамериканских мигрантов, тем не менее, оставались и заметными центрами притяжения на макрорегиональном уровне. Если оценивать общий объем нетто-миграции на уровне макрорегионов, то в 1995—2000 гг. впервые в истории в плюс вышел только Юг (прирост в 347 тыс. чел. при 334 тыс. уехавших в другие регионы). Северо-Восток потерял 233 тыс., Средний Запад — 64 тыс., Запад — 50 тыс. чел.; при этом каждый из регионов принял более 100 тыс. афроамериканских мигрантов. Для сравнения, в 1965—1970 гг. показатель абсолютной нетто-миграции имел следующие значения: -287 тыс. чел. на Юге, 59 тыс. чел. на Северо-Востоке, 102 тыс. чел. на Западе и 127 тыс. чел. на Среднем Западе [The New Great Migration].

Обратная миграция привела к уменьшению численности неюжной части афроамериканской диаспоры. В 1970-м г. 54% афроамериканцев вне Юга родились в южных штатах, а в 2000-м г. эта доля снизилась до 29,4% [Hunt et al. 2008]. В 2000 г. 45% внутренних афроамериканских мигрантов, родившихся вне Юга, направлялись в южные штаты; среди уроженцев регионов эта доля достигала 73%. Обратная миграция на Юг внесла решающий вклад в общее повышение миграционной мобильности афроамериканского населения; несмотря на то, что белое население по-прежнему более активно в этом отношении, темп роста численности мигрантов среди афроамериканцев стабильно возрастал на протяжении всего периода 1970—2000 гг. [Hunt et al. 2012].

После упразднения формальных регуляторных институтов афроамериканцы перестали расселяться в новых местах и, наоборот, вернулись в тот же регион, где они были вынуждены были расселяться в эпоху рабства. В отличие от белых американцев, которые добровольно заселяли США, осваивали и присваивали пространство себе, создали культуру фронта [Бурстин 1993], расселение афроамериканцев долгое время искусственно сдерживалось. Их освоение территории США связано не со стремлением к расширению ойкумены, но с принципиально иными причинами (расизм и бедность на Юге). Когда же основные препятствия для расселения были устранены, афроамериканцы не продолжили осваивать новые территории, а начали возвращаться в регион с повышенной долей представителей своей расовой группы в населении и налаженными связями внутри общества и пространства. В результате, если сравнивать общую логику расселения белых американцев и афроамериканцев в условиях самоорганизации, можно выделить ключевое различие: расселение белых стремится к расширению своей территориальной структуры [Житин, Прокофьев 2019], а расселение афроамериканцев — **к перераспределению ее внутренних элементов за счет интенсификационного сжатия пространства.**

2.2.6. Сравнение этапов эволюции расселения афроамериканцев в США

Принципиально новых факторов, меняющих территориальную структуру расселения афроамериканцев, в последние 2—3 десятилетия отмечено не было. В связи с этим итоги эволюции расселения афроамериканцев подводятся по состоянию на начало XXI в., не давая привязки к конкретному году. На рис. 2.10 представлена обобщенная схема смены эволюционных этапов расселения афроамериканцев, подробно рассмотренных в разделах 2.2.1—2.2.5. Рассмотрим на этом рисунке разнообразие и изменчивость территориально-структурных процессов⁴¹.

⁴¹ Территориально-структурные процессы — это такие пространственные процессы, которые вызывают изменения в территориальной структуре [Алаев 1983].

Рисунок 2.10 — Эволюция территориальных структур расселения афроамериканцев. Составлено автором

На первом этапе сформировались инвариантные элементы территориальной структуры расселения афроамериканцев — Черный пояс и городские поселения на Северо-Востоке и Среднем Западе. Структура была сильно фрагментирована из-за принципиальных институциональных и политических расхождений между северными и южными штатами, выраженных, в первую очередь, институтом рабства. Действие этого регуляторного института, а также экономическая дезинтеграция двух частей страны привели к обособлению двух систем расселения афроамериканцев — южной рабовладельческой и северной свободной. Общенациональная территориальная структура расселения афроамериканцев может быть охарактеризована как двойственная **ареально-очаговая**. На Юге главенствовал пространственный процесс **ареалообразования**, в то время как на Севере преобладало **очаговое освоение** территории афроамериканцами.

Урбанизация и отмена рабства повысили мобильность афроамериканцев, в результате чего они повсеместно начали переселяться в города — как правило, близлежащие. Территориальную структуру на втором этапе можно охарактеризовать как более мобильный и усложненный (за счет интенсификации связей между городом и сельской местностью) вариант той же структуры, что сформировалась на первом этапе. Основная форма связей между ее элементами соответствует переезду сельских жителей в город — с целью смены постоянного места жительства или отходничества. Ключевым пространственным процессом на данном этапе является **стягивание** населения и экономической активности в города. Отмена рабства как главного института контроля над расселением афроамериканцев не имела быстрых пространственных последствий, поскольку на смену ему пришел новый регуляторный институт — **легитимная сегрегация**.

Третий этап, на котором институциональные факторы стали менее выраженным, чем социально-экономическая дифференциация между Югом и другими регионами (несмотря на сохранение регуляторного института легитимной сегрегации), привел к мощной трансформации территориальной структуры расселения. Это позволяет говорить о том, что **изменение социально-экономического положения регионов** оказало на структуру более заметное воздействие, чем смена регуляторных институтов. Вследствие Первой великой миграции афроамериканцев произошел **сдвиг центра тяжести расселения** на север. К концу этапа территориальная структура **трансформировалась из ареально-очаговой в линейно-узловую**.

В крупных промышленных центрах Среднего Запада и Северо-Востока на третьем этапе активизировалась **концентрация и агломерирование** афроамериканского населения. Поскольку в тот временной период промышленные города Среднего Запада и Северо-

Востока не имели отлаженных межрегиональных связей и развивались достаточно автономно [Смирнягин 1989b], целесообразно разделить их друг от друга — что и отражено на схематичном изображении территориальной структуры третьего этапа. Другим доводом в пользу их отделения друг от друга является большая диверсификация экономики на Северо-Востоке [Смирнягин 1989b].

Переход к четвертому этапу расселения афроамериканцев также произошел вследствие социально-экономических преобразований при неизменно сильной регуляторной функции институциональной среды. В этот период произошло наиболее существенное **разрастание территориальной структуры** — как за счет экстенсивного развития (освоения афроамериканцами Запада), так и благодаря интенсификации процесса расселения внутри опорного каркаса расселения. Последнее связано с усилившимся **агломерированием, переходящим в стадию регионализации**. Возникли новые центры концентрации афроамериканского населения как на Западе, так и в исторически освоенных афроамериканцами регионах страны. За счет развития транспортной системы в США особенно заметно проявилось **коммуникационное сжатие пространства**, благодаря чему расселение становилось все более **разветвленным** (поскольку большие расстояния более не играли столь значимую роль, как на более ранних этапах).

Ближе к завершению четвертого этапа началась активизация обратной миграции афроамериканцев на Юг, и после отмены легитимной сегрегации в этом регионе процесс принял массовый характер. Структура расселения афроамериканцев, избавленная от эксплицитных институциональных ограничений (вопрос о том, возможно ли избавление от имплицитных форм и последствий существования таких институтов, остается открытым), впервые стала развиваться в логике **самоорганизации**. Оказавшись в таком состоянии, она **перестала расширяться и, наоборот, уменьшилась**.

Магистральный процесс пятого этапа расселения афроамериканцев, имеющий место и по сей день, — **интенсификационное сжатие пространства**. Некоторые центры концентрации афроамериканцев (в первую очередь, на Западе) **депопулировали**, а другие, наоборот, стали все более активно **стягивать** на себя миграционные потоки. Таким образом, высвобожденный из-под действия регуляторных институтов потенциал расселения афроамериканцев в пространстве проявил стремление не к экстенсивному освоению территорий (что свойственно белому населению), но к более **интенсивному расселению** в пределах территорий, освоенных ранее.

Каждому этапу эволюции расселения афроамериканцев свойственно определенное сочетание ключевых факторов, определяющих этот процесс. В той или иной степени все три группы факторов (пространственные, институциональные, социально-экономические)

действуют на каждом этапе, но соотношения их вкладов меняются. Динамика этих соотношений проиллюстрирована на рис. 2.11.

Рисунок 2.11 — Соотношение трех групп факторов расселения афроамериканцев по этапам эволюции системы расселения. Составлено автором

Пятый этап расселения афроамериканцев стал первым в истории этой расовой группы, когда **пространственные факторы вышли на первый план**. Однако пространство в данном контексте имеет специфические свойства: оно накопило в себе регулирующий и поляризующий потенциал, сформированный негативными эффектами регуляторных институтов и социально-экономического неравенства.

2.3. Расселение афроамериканцев на внутриагломерационном и внутригородском уровнях

2.3.1. Эволюция расселения афроамериканцев на внутриагломерационном и внутригородском уровнях

Этапы эволюции расселения афроамериканцев были выделены в разделе 2.2 на основании комплекса процессов общенационального и регионального уровней. Однако эта периодизация адекватна и для анализа расселения внутри городов и городских агломераций. Это связано с полимасштабностью воздействия процессов, по которым были разграничены этапы.

Отмена рабства привела к началу урбанизации афроамериканцев, прежде практически полностью сельской группы населения. Первая великая миграция резко ускорила этот процесс, а Вторая — завершила его. Отмена легитимной сегрегации, в первую очередь, важна для городов, поскольку она в основном влияла на характер землепользования и специфику функционального зонирования; процессы регионального и национального уровня были следствием.

Вызванные вышеупомянутыми процессами реакции проявились на всех пространственных уровнях, поэтому справедливо говорить о **синхронной смене этапов расселения**

афроамериканцев в США в целом, в отдельных регионах, городских агломерациях и городах. На каждом этапе формировался особый рисунок расселения афроамериканцев на внутригородском уровне. В обобщенном виде смена этих паттернов отражена на рис. 2.12.

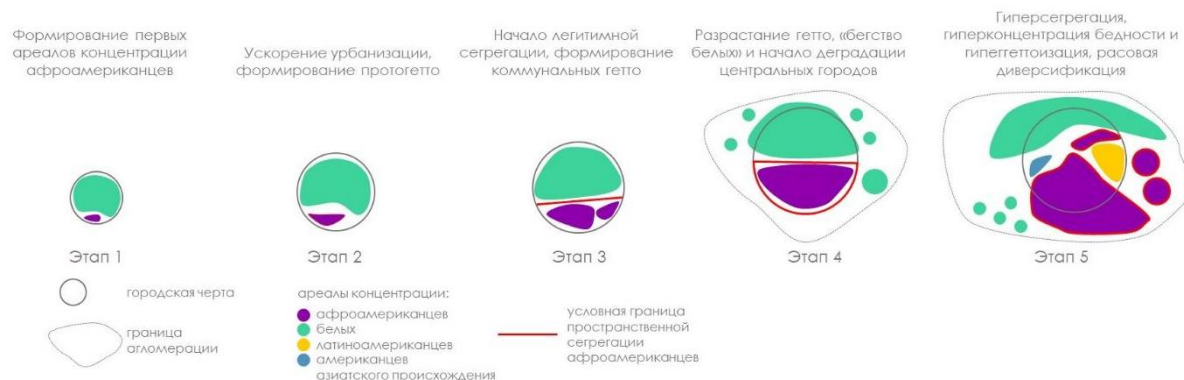

Рисунок 2.12 — Обобщенный вариант эволюции расселения афроамериканцев на внутригородском и внутриагломерационном уровнях. Составлено автором

Эпоха рабовладения. Как отмечалось в разделе 2.2.1, на первом этапе расселения афроамериканцев подавляющее большинство представителей этой расовой группы жило в сельской местности. Логика расселения внутри городов отражала специфику выделенных нами систем расселения — северной свободной и южной рабовладельческой. В свободных штатах самоорганизация расселения афроамериканцев, в первую очередь, ограничивалась неблагоприятным социально-экономическим положением (имеющим, однако, институциональную основу в виде расовой дискриминации), а в рабовладельческих — институтом рабства.

В итоге во всех городах, заселяемых афроамериканцами на первом этапе, вне зависимости от региона, сформировались изолированные районы с повышенной концентрацией представителей этой расовой группы. Социально-экономическое отставание от белого населения обусловило концентрацию в наименее престижных районах городов.

Реконструкция Юга и введение легитимной сегрегации. По мере распространения сегрегационных законов на втором этапе эволюции территориальных структур расселения афроамериканцев концентрация лишь увеличивалась, как и изолированность от белых районов, что можно считать формированием территорий, предшествующих гетто; назовем их **протогетто**. В них еще не успели сформироваться неформальные институты, но они составили основу будущих коммунальных гетто (см. раздел 1.3).

Первая великая миграция. Третий этап расселения афроамериканцев оставил заметный след на микрогеографическом уровне. Несмотря на то, что в северных штатах легитимная сегрегация отсутствовала, девелоперы, власти и местное население не были лишены расовых предрассудков и не хотели жить в смешанных районах. Результатом этого стало широкое распространение различных форм дискриминации на рынке недвижимости.

Афроамериканские сообщества в городах отличались крайней бедностью по сравнению с другими расовыми группами; особенно велико было отставание южан-афроамериканцев. Соответственно, имея меньше возможностей селиться в относительно благополучных районах, афроамериканцы активно концентрировались в тех местах, которые были им доступны [Wacquant 2008]. К ним относились уже существовавшие небольшие афроамериканские районы вокруг предприятий, а также новые, также обычно формировавшиеся вблизи заводов, портов, скотобоен и иных непрестижных рабочих мест [Wilson, Wacquant 1993]. В результате в этот период выкристаллизовались первые полноценные **гетто** — сначала на месте старых афроамериканских кварталов (обычно сложившихся еще в 1880-е гг.), а затем и за их пределами [Logan et al. 2015]. Общую пространственную логику их распространения можно уподобить **почкованию** — гетто чаще всего формировались из «выростов» уже существовавших протогетто.

Другой важной причиной концентрации афроамериканцев в определенных районах городов была **цепная миграция** (*chain migration*), то есть последовательный переезд в одно и то же место сначала нескольких семей, а затем — их земляков [MacDonald, MacDonald 1964] [Tolnay 2003] [Collins, Wanamaker 2014]. В случае афроамериканцев этот эффект был выражен особенно ярко в связи с географическими закономерностями миграций, описанных выше. Цепная миграция создает благоприятные условия для накопления в мигрантских сообществах социального и культурного капитала [Савоскул 2019].

В гетто быстро возникла тесная социальная спаянность, сочетающая в себе **сильные и слабые связи**⁴². Жизнь рядом с родственниками обеспечивала чувство места, а не обезличенного пространства, а обилие слабых связей повышало уровень взаимного доверия [Hannerz 1967]. Это принципиально отличало афроамериканцев от мигрантов из других стран, переезжавших в то время в США. Вплоть до середины XX в. переезд в другую страну практически неизбежно приводил к ослаблению и разрыву социальных связей с родиной, а затем — к интеграции в новое сообщество [Савоскул 2015]. В том числе поэтому афроамериканцы не стремились к ассимиляции. За счет сохранения социальных связей афроамериканские гетто, разросшиеся в 1910—1940 гг., далеко не всегда соответствовали той негативной коннотации, что несет этот термин сегодня. Более того, некоторые гетто того времени были вполне благополучными районами [Wacquant 2008].

⁴² Сильные и слабые связи (*strong and weak ties*) понимаются нами в соответствии с теорией М. Грановеттера [Granovetter 1973] [Granovetter 1983]. Сильные связи — это семья и близкие друзья, слабые — соседи, знакомые, знакомые знакомых.

В ответ на легитимную сегрегацию на Юге и более скрытые формы дискриминации в других макрорегионах в гетто формировались **параллельные неформальные институты**, заменявшие плохо функционировавшие государственные (см. раздел 1.3). В наиболее успешных гетто — таких, как Гарлем в Нью-Йорке и Бронзвилл в Чикаго, возникали крупные культурные кластеры, офисные центры, специализировавшиеся на обслуживании афроамериканцев [Watson 1995] [Lipsett 2017].

Вторая великая миграция. Вторая великая миграция включила в процесс расселения афроамериканцев города Запада. Эти новые для афроамериканцев города быстро «импортировали» дискриминационные практики из городов других регионов (в первую очередь, на рынке недвижимости). За счет этого на Западе сформировались гетто, которые сразу же стали сильно стигматизированными и оттого более неблагополучными, чем их аналоги в Нью-Йорке или Чикаго. Несмотря на то, что в сравнении с другими макрорегионами Запад казался значительно менее недружелюбным, в действительности там сразу же началась сильная пространственная сегрегация, наиболее ярко проявившаяся в Лос-Анджелесе [Soja et al. 1983] [Колосова, Смирнягин, Харитонов 1987] [Davis 2006].

На уровне городских агломераций в этот период начался процесс, сильно трансформировавший их пространственную структуру на десятилетия вперед. Белое население начало массово переезжать из центральных городов в пригороды, запустив самую активную в истории страны фазу субурбанизации. Исход был столь же впечатляющим, как и миграции афроамериканцев с Юга, и получил название «**бегство белых**» (*white flight*) [Duncan, Duncan 1957] [Mayer 1960] [Wolf 1963] [Damerell 1968] [Crowder 2000].

Ранее (см. раздел 2.1) мы уже рассматривали практику блокбастинга с последующим замещением белого среднего класса афроамериканцами; особенно распространен он был на Западе, частности, в Лос-Анджелесе. Этот механизм нередко позиционируется в качестве основного триггера «бегства белых», однако исследование на примере Кливленда показало, что в некоторых случаях исход начинался в ситуации, когда белые составляли более 95% населения района [Galster 1990]. Большой вклад в процесс субурбанизации все же вносил неудовлетворенный спрос на жилье среди белого среднего класса, сильно расширившегося в период послевоенного экономического бума [Freu 1979a].

В то же время дискриминационные практики на рынке недвижимости, особенно остро проявившиеся в 1940—1950-е гг. препятствовали субурбанизации афроамериканцев, из-за чего **пригороды становились гомогенно белыми** [Foley 1973] [Taeuber 1975]. Важную роль играл и фактор имплицитных расовых предубеждений среди белых американцев, стремившихся жить отдельно от этнических и расовых меньшинств (не только от афроамериканцев, но и от латиноамериканцев) и, в отличие от последних, имевших полную свободу

выбора мест в соответствии со своими предпочтениями [Clark 1991] [Vigdor 2003] [Pais et al. 2009].

«Бегство белых» лишь интенсифицировалось со временем, подчиняясь логике **модели Шеллинга**. Эта модель описывает ситуацию, при которой в расово неоднородном районе возникает переломный момент (*tipping point*), когда представители одной расовой группы начинают массово переезжать из-за достижения другой расовой группой некоего «критического» долевого значения [Schelling 1971] [Schelling 1972]. Т. Шеллинг разработал ее именно для математического моделирования «бегства белых», и она достаточно точно объясняет, почему массовая субурбанизация белого населения имела «эффект домино» [Clark 1991] [Card et al. 2008] [Kollmann et al. 2018].

На фоне ухудшения институциональных и социально-экономических условий вне Юга — с одной стороны, и отмены легитимной сегрегации на Юге — с другой, началась массовая обратная миграция афроамериканцев, оформившая пятый этап эволюции расселения этой расовой группы. Тем не менее, доля афроамериканцев во многих городах Северо-Востока и Среднего Запада все же росла. Это объясняется продолжающимся эффектом «бегства белых». В 1970-е гг. активизировалась борьба местных, региональных и федеральных властей с проявлениями расовой дискриминации на рынке недвижимости, и примитивные механизмы вроде редлайнинга и блокбастинга постепенно ушли в прошлое [Lee 1985]. Несмотря на то, что основанная на них расовая фильтрация ослабла, сам процесс не прекратился; теперь действовал за счет повысившейся привлекательности пригородов: в них постоянно улучшалась инфраструктура, а жители наращивали капитал [Frey 1979a].

Обратная миграция на Юг. Постепенно потенциал для субурбанизации белых снижался, поскольку почти все, кто имел возможность и желание переехать, уже сделали это [Frey 1979a]. Теперь афроамериканцы имели больше **институциональных** возможностей для переезда в субурбию, но продолжали быть отрезанными от нее социально-экономическим отставанием. Крайняя степень развития расово-пространственной поляризации привела к развитию в центральных городах трех процессов: гиперсегрегации, гиперконцентрации бедности и гипергеттоизации. Они сыграли ключевую роль в микрогеографическ

Первоочередным элементом в этой триаде является **гиперсегрегация**. На протяжении всей истории расселения афроамериканцев они были в той или иной степени отделены от белого населения. После отмены легитимной сегрегации они получили значительно лучшие возможности для пространственной и социальной мобильности, но в результате оказались лишь еще в большей степени изолированы. Основная причина этого парадокса — аккумуляция негативных социальных явлений, продолжавшаяся на протяжении многих десятилетий открытой и имплицитной сегрегации [Wison 1987] [Massey, Denton 1993]. В гетто

сформировался мощный андеркласс, который не был способен одновременно интегрироваться в «нормальное» общество. Этому мешали и социально-экономические, и институциональные факторы. К первым относится крайняя бедность, ко вторым — криминальная культура и отсутствие положительных ролевых моделей [Wilson 1987]. У представителей андеркласса не было ни финансовых возможностей, ни стратегического видения того, как выйти из замкнутого круга преступности, безработицы, наркозависимости.

В то же время те жители гетто, что оказались устойчивыми по отношению к негативной среде, получили шанс уехать. В 1970-е гг. началась **афроамериканская субурбанизация**, которая, однако, все же отличалась от белых заметно меньшим благосостоянием переезжающих [Rose 1976] [Clay 1979] [Galster 1991] [Schneider, Phelan 1993]. Благодаря этому процессу, а также накопленному социальному капиталу в некоторых наиболее развитых гетто (например, в нью-йоркском Гарлеме) начал оформляться **афроамериканский средний класс** [Landry 1987] [Schneider, Phelan 1993].

Эти позитивные проявления, однако, не помешали развитию катастрофической гиперконцентрации бедности в центральных городах. В ходе наблюдения за этим процессом Уилсон выработал расово-классовую концепцию сегрегации: теперь на нижней ступени социальной иерархии были не все афроамериканцы, но бедные афроамериканцы-горожане, живущие в гетто [Wilson 1987]. Гиперсегрегация по двум признакам оказалась более крепкой и строго определенной в пространстве, чем сегрегация только по расовой принадлежности; вместе с тем, она более проницаема для отдельных людей (о чем свидетельствует формирование афроамериканского среднего класса).

В свою очередь, гиперконцентрация бедности сыграла решающую роль в развитии третьего процесса с приставкой «гипер-» — **гипергеттоизации**. С точки зрения развития процесса расселения афроамериканцев в ней важно отметить свойство **зависимости от высших ступеней иерархии**, коллективно представленных государственной властью и органами местного самоуправления [Wacquant 1996]. Из этого следует, что во второй раз в американской истории возникает парадоксальная ситуация, когда однозначно позитивный социальный и институциональный сдвиг (отмена рабства и отмена легитимной сегрегации) приводит к новому витку **закрепощения афроамериканцев в пространстве и социально-экономическом измерении**.

Более того, **роль пространства стала более заметной**. В период рабства (первый этап расселения афроамериканцев) свободы афроамериканцы были закрепощены за счет расовых предубеждений и легальности рабовладения, а также экономической потребности доминирующей группы (белых) в эксплуатации максимально дешевой рабочей силы. В эпоху легитимной сегрегации (второй, третий и четвертый этапы) изоляция и ограничение

прав афроамериканцев были обусловлены, в первую очередь, соответствующими законами (на Юге) и дискриминационными рыночными и нерыночными механизмами регулирования застройки (повсеместно, особенно в пригородах). Но на пятом этапе все эти факторы либо полностью, либо до известной степени перестали действовать, и на первый план вышло пространство. Теперь афроамериканцы находятся в худших условиях по причине **укорененного в пространстве** социально-экономического, институционального, культурного и политического неравенства.

Неравенство стало **более выраженным в пространстве и менее выраженным в расовом контексте**, усилившись внутри самого афроамериканского общества. Начал формироваться афроамериканский средний класс, который за счет ослабления дискриминационных барьеров получил доступ к более престижным пространствам — в первую очередь, пригородам. Кроме того, преобразование общественной жизни и экономики Юга создало благоприятные условия для **обратной миграции** в этот макрорегион. Этой возможностью смогли воспользоваться не все, из-за чего среди афроамериканцев активизировалась **социально-экономически-пространственная стратификация**.

Механизмы гипергеттоизации, гиперсегрегации и гиперконцентрации бедности, запустившиеся в 1970-е гг., несмотря на заметный социальный прогресс с тех времен, **функционируют до сих пор** [Wacquant 2016] [Flint 2019]. Они поддерживают статус-кво между белым населением и афроамериканцами (наименее благополучной их частью).

Эмпирические исследования показали, что уровень сегрегации афроамериканского населения **начал снижаться** еще в 1990-е гг. [Iceland, Wilkes 2006], а в 2000-е этот процесс резко ускорился [Massey, Tannen 2015]. В то же время никаких революционных институциональных мер, подобных отмене рабства и сегрегационных законов, за последние десятилетия не предпринималось.

Активизировалась расовая диверсификация американских городов, которую Фрей назвал «**взрывом разнообразия**» (*diversity explosion*) [Frey 2014]. Пятый этап эволюции расселения афроамериканцев на микроуровне логически продолжил предшествующие процессы, которые наблюдались в преимущественно расово дихотомических городах. Однако теперь расовая структура во многих из них сильно изменилась: где-то афроамериканцы перестали быть самым многочисленным меньшинством, где-то возникли смешанные афро-латиноамериканские районы.

2.3.2. Типология городских агломераций по соотношению факторов расселения афроамериканцев

В разделе 2.2 были выявлены особенности эволюции территориальных структур расселения афроамериканцев на национальном и региональном уровнях, а в разделе 2.3.1 были прослежены основные проявления свойственных каждому этапу процессов, но уже на внутригородском и внутриагломерационном уровнях. Получив представление о географических закономерностях, сформировавших структуру расселения афроамериканцев к началу XXI в., сфокусируемся на микромасштабе. Комплексные процессы расселения, такие, как массовые межрегиональные миграции, на внутригородском и внутриагломерационном уровнях могут проявляться иначе, чем на национальном.

Помимо выделенных в разделе 1.5.4 критериев отбора городских агломераций для количественного анализа, для формирования выборки также важна ее **репрезентативность** — широкая представленность многообразия территориальных структур расселения афроамериканцев. Отобранные 20 городских агломераций отражают первые четыре этапа эволюции расселения этой расовой группы; на пятом этапе новые крупные центры пока не сформировались. Кроме того, эта выборка покрывает и все региональные особенности расселения афроамериканцев, поскольку она включает в себя агломерации из всех четырех макрорегионов США.

Отобранные агломерации имеют ряд черт, позволяющих разбить их на типы. Предлагаемая типология имеет **два основания**:

- этап эволюции расселения афроамериканцев, на котором в центральном городе агломерации сформировалось афроамериканское сообщество⁴³;
- принадлежность местной территориальной структуры расселения афроамериканцев к тому или иному элементу национальной территориальной структуры расселения.

Помимо типологических черт, каждая агломерация имеет **локальную специфику**, которую обобщенно можно описать с помощью одной группы факторов (пространственных, институциональных, социально-экономических) или их сочетания. Специфический фактор (или факторы) оказывают особое влияние на местную систему расселения афроамериканцев, оформляя основные принципы ее территориального устройства.

⁴³ Помимо анализа литературных источников, для определения периода формирования афроамериканского сообщества использовались данные переписи населения на конец каждого этапа. Для определения сформировавшегося сообщества была взята отметка в 5% афроамериканского населения (в целях гармонизации с принципом отбора агломераций). Исключение составила агломерация Нью-Йорка, в которой есть несколько альтернативных центров расселения афроамериканцев, и в центральном городе которой при низкой доле афроамериканского населения его численность всегда была одной из самых больших в стране.

Факторы, которые обусловили возникновение локальной территориальной структуры расселения афроамериканцев (как элемента национальной территориальной структуры), обозначим как **экзогенные**. Они в большей степени обусловлены процессами национального или регионального уровня — отмена рабства, вступление США во Вторую мировую войну. После возникновения локальной территориальной структуры города продолжили свое развитие в соответствии с местными особенностями пространственного, институционального или социально-экономического характера. Те из них, что оказали влияние на расселение афроамериканцев на внутригородском и внутриагломерационном уровнях, обозначим как **эндогенные**.

В результате каждую агломерацию можно рассматривать как продукт взаимодействия небольшого числа национальных или региональных экзогенных (типологических) факторов с эндогенными (специфическими) факторами. Первые играли решающую роль на ранней стадии расселения афроамериканцев в городе или агломерации⁴⁴, а вторые задали основной вектор развития территориальной структуры расселения и связей внутри нее на последующих исторических этапах. Выделенные типы, а также краткая характеристика специфических свойств отобранных агломераций с точки зрения их влияния на расселение афроамериканцев представлены в Таблице 2.1.

⁴⁴ Во многих случаях афроамериканцы заселяли город в эпоху, когда городские агломерации еще не формировались.

Таблица 2.1 — Типы городских агломераций по характеру формирования в них системы расселения афроамериканцев. Составлено автором

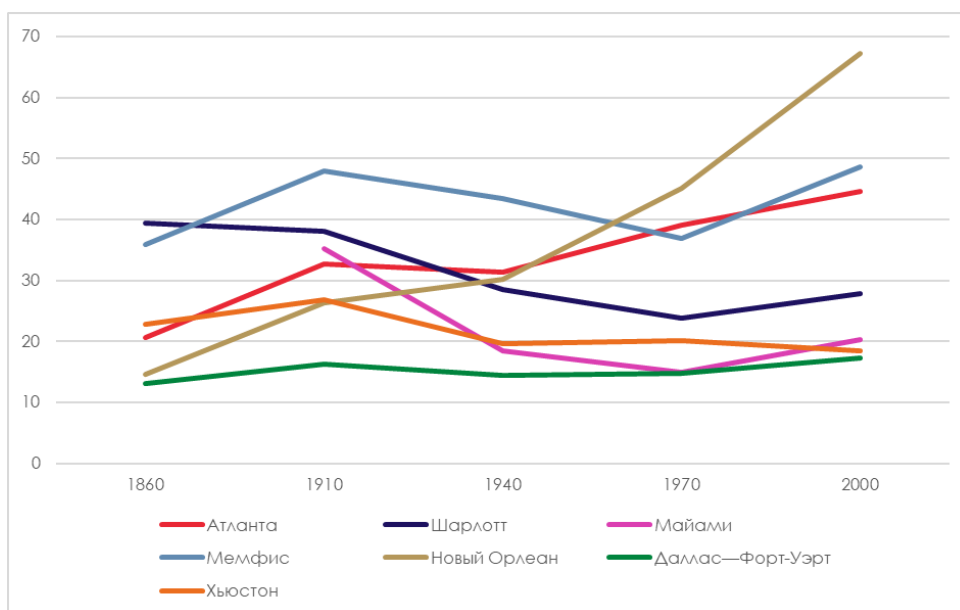
Тип городских агломераций	Городская агломерация	Элемент национальной территориальной структуры расселения афроамериканцев на момент формирования местной системы расселения	Экзогенные факторы на этапе формирования местной территориальной структуры расселения афроамериканцев	Эндогенные факторы формирования местной системы расселения афроамериканцев
Южные городские агломерации раннего афроамериканского освоения	Атланта	Очаги расселения афроамериканцев в пределах южной рабочей владельческой системы расселения.	Институциональные	Социально-экономические и институциональные
	Шарлотт			Социально-экономические и институциональные
	Мемфис			Пространственные
	Хьюстон			Социально-экономические
	Даллас—Форт-Уэрт			Социально-экономические
	Новый Орлеан			Пространственные и социально-экономические
	Майами			Пространственные и социально-экономические
Северо-восточные и среднезападные городские агломерации раннего афроамериканского освоения	Нью-Йорк	Очаги расселения афроамериканцев в пределах северной свободной системы расселения.	Социально-экономические	Пространственные
	Филадельфия			Пространственные
	Вашингтон			Социально-экономические
	Балтимор			Социально-экономические
	Канзас-Сити			Пространственные
	Индианаполис			Социально-экономические и институциональные
Городские агломерации Ржавого пояса	Чикаго	Крупные ядра расселения афроамериканцев. Центры межрегиональных хинтерландов Первой великой миграции.	Социально-экономические	Социально-экономические
	Детройт			Пространственные и социально-экономические
	Кливленд			Пространственные и социально-экономические
Городские агломерации позднего афроамериканского освоения	Лос-Анджелес	Крупные ядра расселения афроамериканцев. Центры межрегиональных хинтерландов Второй великой миграции.	Социально-экономические	Пространственные
	Лас-Вегас			Пространственные, социально-экономические и институциональные
	Бостон			Социально-экономические
	Милуоки			Социально-экономические

2.3.3. Южные городские агломерации раннего афроамериканского освоения⁴⁵

Расселение афроамериканцев в городах Юга началось в эпоху рабовладения, а после его отмены продолжалось в условиях легитимной сегрегации. Соответственно, изначально экзогенными факторами, сформировавшими структуру расселения афроамериканцев в городах этого типа, стали многочисленные ограничения **институционального** характера. Они влияли на социально-экономические возможности представителей данной расовой группы, а также сужали пространственную вариативность при выборе места жительства.

Почти все крупные южные города были заселены афроамериканцами до конца XIX в. (Майами был заселен афроамериканцами не позднее 1896 г.⁴⁶). В тот период городские агломерации еще не формировались, а не вступившие в активную фазу индустриализации города занимали сравнительно небольшие площади. С этим связано возникновение исторических афроамериканских районов в центральных частях городов, а не на окраинах. В эпоху легитимной сегрегации они превратились в гетто с развитыми неформальными институтами (см. раздел 1.3).

На рис. 2.13 отражена динамика доли населения в графствах, где расположены центральные города агломераций.

⁴⁵ При работе над данным разделом диссертации использованы 2 публикации автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. **Алов И. Н.** Сдвиги в расселении и социально-экономическое положение афроамериканцев в агломерации Майами // Региональные исследования. — 2020. — № 2 (68). — С. 75—87.
2. **Алов И. Н.** Социально-экономическое положение ареалов концентрации афроамериканцев в городской агломерации Нового Орлеана в начале XXI в. // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2020. — № 8. — С. 115—126.

⁴⁶ Из-за того, что южная Флорида чрезвычайно заболочена, в течение долгого времени в этой местности не могло возникнуть крупное поселение. Майами обрел статус города лишь в 1896 г., когда в городе уже проживала афроамериканская община [George 1978].

Рисунок 2.13 — Доля афроамериканского населения в графствах⁴⁷, где расположены центральные города южных агломераций раннего афроамериканского освоения, в 1860—2000 гг. Составлено автором по данным [1860 Census] [1910 Census] [1940 Census] [1970 Overview] [2000 Overview]

За весь рассматриваемый период ни в одном случае значение не опустилось ниже 13%. Во всех городах, кроме Атланты и Нового Орлеана, заметен спад, связанный с великими миграциями. Также повсеместно в ходе пятого этапа расселения доля афроамериканцев выросла.

Типологическими чертами расселения афроамериканцев в южных агломерациях раннего афроамериканского освоения являются:

- значительная доля в численности населения высокая пространственная концентрация с момента формирования центрального города;
- жесткая фиксация в период рабства;
- низкая пространственная мобильность в эпоху легитимной сегрегации;
- расселение в старой части центрального города.

Несмотря на то, что экзогенные факторы здесь сыграли важную роль, и часть из них фактически детерминировала процесс расселения, в каждом городе важную роль играли (и продолжают играть) эндогенные факторы.

Для расселения афроамериканцев в агломерации *Атланты* принципиальное значение имеют эндогенные **социально-экономические факторы** и нетипичная для Юга **институциональная среда**. Они входят в конфликт с накопленным в пространстве межрасовым неравенством, вызванным регуляторными институтами рабства и сегрегации. Афроамериканцы в Атланте исторически имеют значительно больше возможностей для повышения своего социально-экономического статуса, чем в большинстве других крупных агломераций.

Это во многом связано с высокой концентрацией престижных афроамериканских учебных заведений⁴⁸ (Университет Атланта—Кларк, Спелман-Колледж, Морхаус-Колледж, Медицинская высшая школа Морхауса)⁴⁹ [Новиков 1989]. Свойственное университетской среде свободомыслие и открытость к инновациям сделали город культурной столицей афроамериканской части населения США. [Dent 2001] [Bullard 2007] [Hobson 2017].

⁴⁷ Использование данных в разрезе графств связано с тем, что в переписях 1860, 1910 и 1940 гг. не было территориальных ячеек меньшего размера. В большинстве случаев центральный город расположен в пределах одного графства и занимает более 80% его территории. В случае конурбации Далласа—Форт-Уэрта использовались данные по двум графствам (Даллас и Тэррант).

⁴⁸ После отмены рабовладения при поддержке президента Линкольна был принят закон о создании специализированных высших учебных заведений, куда гарантированно зачисляли бы афроамериканцев.

⁴⁹ Также в этом городе начинал свою карьеру проповедника, а затем активно проводил акции Движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг. В 1974 г. Атланта стала первым крупным городом на Юге, где мэром был выбран афроамериканец.

Активное развитие сферы услуг во второй половине XX в. превратило Атланту в один из главных финансовых центров страны [Sjoquist 2009].

Главным результатом действия эндогенных факторов Атланты стала высокая привлекательность для афроамериканских мигрантов из других штатов. Сочетание локальных институциональных и социально-экономических условий позволили афроамериканцам лучше интегрироваться в рынок труда и дали лучшие возможности для свободного расселения, в том числе в пригородах. Конфликт эндогенных и экзогенных факторов в данном случае создал благоприятные условия для расселения афроамериканцев в соответствии с принципом самоорганизации.

Расселение афроамериканцев в *Шарлотт* также проходит в условиях конфликта между эндогенными **социально-экономическими факторами** и типичной для Юга институциональной основой. Город так и не стал важным промышленным центром, но здесь развивалась эффективная сфера услуг с опорой на банковский сектор. Благодаря этому еще в 1980-е гг. в Шарлотт сформировалась диверсифицированная и динамично растущая экономика [Сахаров 1989].

Бурное развитие сектора финансовых услуг оказало влияние и на расселение афроамериканцев. Легитимная сегрегация сопровождалась открытыми проявлениями расизма, менее острыми, однако, чем на Глубоком Юге. Оформленное в таких условиях пространство было весьма сегрегированным, но превращение города в успешный финансовый центр позволило смягчить «бегство белых» и дискриминацию на рынке недвижимости в пригородах [Hanchett 1998].

Для расселения афроамериканцев в агломерации *Мемфиса* среди эндогенных факторов ключевым является **пространственный**. Положение Мемфиса на границе трех штатов превратило его в экономический центр сразу трех штатов. При этом в Теннесси у него есть сразу три мощных конкурента (Нэшвилл, Чаттануга, Ноксвилл), а в Арканзасе и Миссисипи альтернативу — в меру своих возможностей — составляют только столицы штатов, Литл-Рок и Джексон соответственно. В связи с этим Мемфис исторически в большей степени опирался на южный, миссисипский хинтерланд. Этот город привлекает афроамериканских мигрантов из проблемных частей Среднего Запада и окрестных штатов — более бедных, чем окрестности Атланты и Шарлотт. Агломерация Мемфиса выделяется самой высокой долей афроамериканцев по всей выборке настоящего исследования — 46,6% [ACS].

В случае Мемфиса роль дискриминационных институтов и их последствий в формировании системы расселения афроамериканцев не сглаживается социально-экономиче-

скими факторами. Роль пространственного фактора здесь, наоборот, весьма велика: трансграничное географическое положение на стыке двух беднейших (Миссисипи, Арканзас) и одного небогатого штата (Теннесси) закрепило за мемфисской агломерацией статус центра неблагополучного хинтерланда, а барьерная функция р. Миссисипи создала оптимальные условия для развития сегрегации.

Для агломерации *Хьюстона* и конурбации⁵⁰ *Далласа—Форт-Уэрта* в качестве ключевого эндогенного фактора можно выделить **социально-экономический** — местные особенности афроамериканских миграций. Однако в первом случае он лишь усиливает экзогенные факторы, а во втором — входит с ними в конфликт.

В агломерации и конурбации проживают практически идентичные по численности (1,1 млн чел.) афроамериканские сообщества, они формировались совершенно по-разному. Хьюстон был одним из трех ключевых центров работорговли (наряду с Мемфисом и Новым Орлеаном) — местные плантаторы в основном приобретали завезенных в другие порты невольников. После Гражданской войны многие из них осели в городе и окрестных поселениях [Beeth, Wintz 2000]. Поэтому Хьюстон представляет собой вполне типичный пример южной агломерации, продукта своей сильно афроамериканизированной среды и институциональной фиксации системы расселения этой расовой группы. Даллас и Форт-Уэрт в течение долгого времени отставали по интенсивности миграций афроамериканцев, поскольку окрестные территории преимущественно заселялись белыми. Это справедливо и для третьего—четвертого этапов расселения (Первой и Второй великих миграций).

Хьюстон, несмотря на в целом весьма развитую экономику и благоприятные условия миграции, во многом унаследовал территориальную структуру расселения афроамериканцев, сформировавшуюся в период сегрегации. В то же время Даллас—Форт-Уэрт если не пропустил эту стадию, то, по крайней мере, аккумулировал в своем пространстве меньше негативных пространственно-социальных феноменов и в целом отличается более свободным расселением афроамериканцев.

Расселение афроамериканцев в агломерации *Нового Орлеана* во многом оформляется физико-географическим **пространством** и **социально-экономической** специализацией, однако последняя также во многом опирается на пространство — в первую очередь, культурное, связанное с колониальной историей. Поскольку Новый Орлеан до вступления в состав США успел побывать и французской, и испанской колонией, в городе сформировалась многоукладная территориальная структура расселения небелого населения

⁵⁰ Наличие двух центральных городов позволяет отнести Даллас—Форт-Уэрт к числу конурбаций; в США для обозначения этого образования традиционно используют имя собственное Метроплекс (*Metroplex*).

[Campanella, Notes 2007] [Campanella 2019]. Кроме того, наделенное богатой культурой пространство обусловило специализацию города на туризме, которая приводит к сильной социально-расовой поляризации [Gotham 2005].

Физико-географическое положение агломерации Нового Орлеана определило диспропорции в локальной системе расселения всех этнорасовых групп: более половины площади агломерации представляет собой слабозаселенные заболоченные и сельские территории. Большая часть населенных пунктов расположена вдоль берегов р. Миссисипи и оз. Пончартрейн. Эти свойства территории новоорлеанской агломерации не только повлияли на начальные этапы формирования местной системы расселения, но продолжают играть важную роль и в современных процессах расселения, что проявилось в результате урагана «Катрина», ущерб от которого лишил домов не менее 700 тыс. чел. [Brunsma et al. 2010] [Алов 2020d].

Другая южная агломерация, где на расселение афроамериканцев сильно повлияло физико-географическое положение (**пространственный фактор**) и специализация на туризме (**социально-экономический фактор**), — *Майами*. Физико-географические условия агломерации Майами создают ограничения для экстенсивного расширения за счет малоэтажных пригородов. Восточная и южная часть агломерации омываются водами Атлантического океана, а вдоль западного рубежа урбанизированной территории тянутся бескрайние болота национального парка Эверглейдс. Ввиду этих ограничений агломерация исторически имеет ресурс к расширению только на север вдоль побережья [Алов 2020с].

Афроамериканцы в Майами — наиболее сконцентрированная в пространстве расовая группа, причем бедные слои данной группы более сконцентрированы, чем богатые. При этом бедные афроамериканцы в период 1980—2000 гг. стремились селиться рядом с бедными белыми и бедными латиноамериканцами в большей степени, чем с небедными афроамериканцами [Strait 2002]. Это иллюстрирует ярко выраженную поляризацию, основанную в первую очередь на социальной стратификации, а не на расовой принадлежности. Данный процесс связан с исторической специализацией Майами и всех его прибрежных пригородов на туризме [Nijman 1996a] [Nijman 1996b]. Близость к океану обусловила возникновение четкого «градиента благополучия» районов по мере удаления от берега.

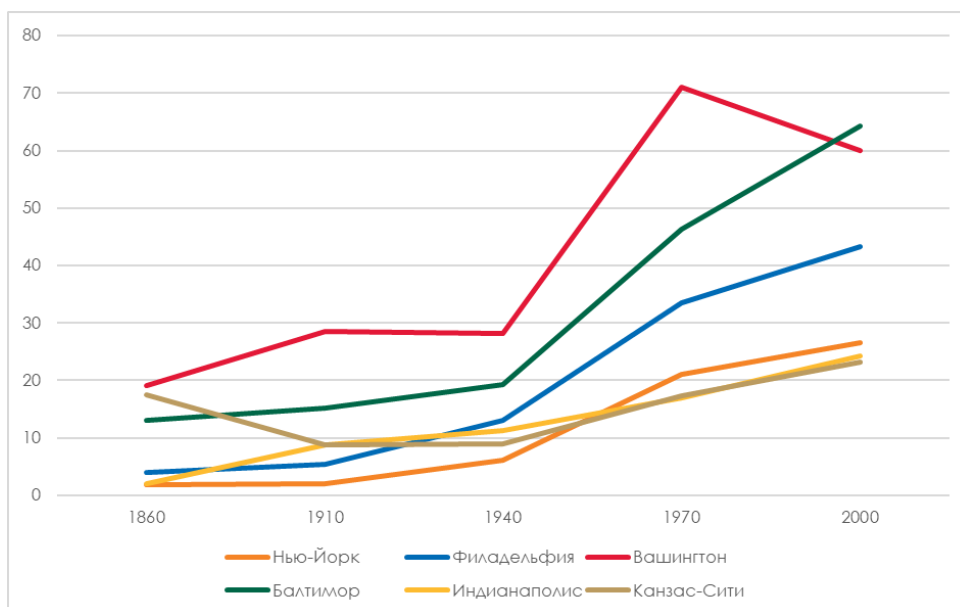
Другим фактором, способствовавшим развитию поляризации, стало активное вовлечение Майами в международную торговлю (в частности, со странами Латинской Америки). Городские агломерации Флориды, вытянутые вдоль побережья, можно уподобить европейским приморским коридорам развития, выделенным Г. М. Федоровым в странах Балтийского региона, — территориям с повышенным торговым и инновационным потенциалом, обязанным своим выгодным экономико-географическим положением близостью к морю (в

случае Майами — к океану) [Федоров, Михайлов, Кузнецова 2017]. Афроамериканцы зачастую не имели возможностей для полноценной конкуренции на подобных рынках труда за счет низкого уровня образования и квалификации.

2.3.4. Северо-восточные и среднезападные городские агломерации раннего афроамериканского освоения⁵¹

Центральные города северо-восточных и среднезападных городских агломераций раннего афроамериканского освоения заселялись афроамериканцами на первых двух этапах расселения. Соответственно, они были очагами концентрации афроамериканского населения и элементами северной свободной системы расселения. Ключевыми экзогенными факторами были **социально-экономические**. Они связаны с сильным межрасовым неравенством в доходах, доступе к высшему образованию и высококвалифицированным рабочим местам, а также с мощным притоком афроамериканских мигрантов.

Этот тип, так же, как и южные агломерации, отличается исторически высокой концентрацией афроамериканского населения в центральном городе и низкой мобильностью. Кроме своего положения в других регионах (на Северо-Востоке и Среднем Западе) они также отличаются большей свободой перемещения на внутригородском уровне, поскольку здесь не было рабства и сегрегационных законов. На рис. 2.14 показан график изменения доли афроамериканцев в графствах, где расположены центральные города агломераций данного типа.

⁵¹ При работе над данным разделом диссертации использована 1 публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Алов И. Н. Пространственная концентрация афроамериканского населения в крупных городских агломерациях США // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2020. — № 5. — С. 694—703.

Рисунок 2.14 — Доля afroамериканского населения в графствах⁵², где расположены центральные города северо-восточных и среднезападных агломераций раннего afroамериканского освоения, в 1860—2000 гг. Составлено автором по данным [1860 Census] [1910 Census] [1940 Census] [1970 Overview] [2000 Overview]

Доля afroамериканцев в городах различается достаточно существенно на всех этапах. Особенно высока она в Вашингтоне и Балтиморе, расположенных на границе с Американским Югом. К 2000 г. не осталось ни одного города, где значение показателя было бы меньше 20%. Почти во всех случаях доля росла постоянно, но в разном темпе: во время Второй великой миграции — быстрее всего. Выделяется только Вашингтон, где на пятом этапе началось снижение доли afroамериканцев и Канзас-Сити, из которого afroамериканцы массово мигрировали после отмены рабства в штате Миссури.

Экзогенные социально-экономические факторы расселения в агломерациях данного типа связаны с несколькими типологическими феноменами:

- существовавшим с момента заселения данной расовой группой центральных междуречных неравенством;
- массовой миграцией afroамериканцев с Юга и особенно заметным ростом доли этой расовой группы в период Второй великой миграции;
- гиперсегрегацией, гипергеттоизацией и гиперконцентрацией бедности в центральных городах и «бегством белых», начиная с 1970-х гг.;
- активной джентрификацией центральных городов в 1990—2010-е гг.;
- повышенной долей afroамериканцев на начало XXI в.

Они оказали наибольшее влияние на расселение afroамериканцев в северо-восточных и среднезападных агломерациях раннего освоения и его дифференциацию. В отличие от южных агломераций, здесь не действовали общие регуляторные институты, хотя в известной степени их замещали имплицитные проявления дискриминации.

Городская агломерация *Нью-Йорка* отличается не только самой большой численностью населения в стране, но и сложностью локальной системы расселения afroамериканцев [Алов 2020b]. Наиболее характерной ее чертой является полицентричность — этот **пространственный фактор** выделяется нами в качестве ключевого эндогенного для данной агломерации.

В состав одного только центрального города агломерации входит пять графств (боро), расположенных на трех крупных островах (Манхэттен, Лонг-Айленд и Стэйтен-Айленд), множестве более мелких, и частично — на материке. К концу XVIII в. сформировались первые крупные сообщества свободных afroамериканцев [White 1988]. В отличие от

⁵² Для Нью-Йорка использовались данные по пяти боро, входящим в состав центрального города (Нью-Йорк, Кингс, Куинс, Бронкс, Ричмонд).

других городов раннего освоения, где афроамериканцы стремились концентрироваться в некой определенной части, они основали поселения в удаленных местах на территории трех современных боро⁵³, сразу сформировав полицентрическую структуру расселения [Lundrigan, Navarra 1997] [Wall et al. 2008] [Wellman 2017].

Агломерация Нью-Йорка включает в себя множество крупных промышленных городов (в первую очередь, в штате Нью-Джерси), которые в результате «бегства белых» в 1970-е гг. стали преимущественно афроамериканскими (например, Трентон, Ньюарк). За счет этого полицентричность территориальной структуры расселения афроамериканцев, свойственная центральному городу, воспроизвелась на уровне всей агломерации [Алов 2020b]. Эндогенный пространственный фактор расселения афроамериканцев в случае Нью-Йорка лишь усилил социальную поляризацию, свойственную этой агломерации [Mollenkopf, Castells 1991].

Городской агломерации *Филадельфии* также свойственна высокая роль эндогенного **пространственного** фактора, сильно повлиявшего на расселение афроамериканцев. В данном случае он выражен в высокой степени сегрегации пространства, что непосредственно связано с историей города. Его основали квакеры, стремившиеся не допустить в новом городе религиозных гонений, которым они подвергались в Англии; для этого в Филадельфии действовала неформальная сегрегация по религиозному признаку [Смирнягин 1989]. Раздельное проживание социальных групп привело к неравенству, и в худших условиях оказались афроамериканцы [Du Bois 1995] [Logan, Bellman 2016].

Сформировавшийся еще в XIX в. паттерн расселения афроамериканцев с повышенной их концентрацией в беднейших районах города сохранился вплоть до 1980-х гг. [Massey et al. 1987]. Активизация процесса джентрификации в 1990—2010-е гг. внесла определенные изменения в эту территориальную структуру [Moore 2009] [Ding et al. 2016], но в целом пространственный фактор продолжает оставаться наиболее значимым среди эндогенных. Пригородам Филадельфии не свойственны какие-либо уникальные факторы расселения афроамериканцев: они развивались по типичной траектории с «бегством белых» и постепенным отказом от дискриминационных практик на рынке недвижимости.

Агломерации *Вашингтона* и *Балтимора* столь тесно связаны между собой инфраструктурными, экономическими и социальными связями, что их нередко рассматривают в

⁵³ Первыми афроамериканскими поселениями, основанными в 1820—1830-х гг., стали Сенека-Вилладж и Литл-Африка на Манхэттене (нынешнее боро Нью-Йорк), Уиксвилл в Бруклине (боро Кингс) и Сэнди-Граунд на Стэйтен-Айленде (боро Ричмонд).

качестве составляющих единой конурбации⁵⁴ [Sexton et al. 2013]. В пространственном отношении они представляют собой комбинацию плотных и сложно переплетенных сетей, компактно расположившуюся на Приатлантической низменности с сильно изрезанным бухтами побережьем. Для обеих агломераций свойственно большое влияние эндогенных **социально-экономических факторов**, которые входят в противоречие с типологическим, связанным с межрасовым неравенством.

Близость Вашингтона и Балтимора к Югу обусловила стабильно интенсивный поток мигрантов на всех этапах расселения. Она также отличает эти города от более северных центров притяжения мигрантов, поскольку они представляют собой одновременно и центр локального хинтерланда (например, Вашингтон для Виргинии), и центр межрегионального хинтерланда (поскольку оба города неюжные). Вашингтон и Балтимор выступали в качестве распределительных центров миграционных потоков в ходе Первой и — в меньшей степени — Второй великой миграции [Wilkerson 2010]

Стабильность прироста афроамериканского населения отличает не только Вашингтон и Балтимор, но и их пригороды. Дискриминационные практики на рынке недвижимости здесь не были столь распространенными и эффективными, в результате чего активная афроамериканская субурбанизация началась одновременно с белой [Wiggins 2002]. За счет этого ни в Вашингтоне, ни в Балтиморе, не проявилось «бегство белых»: субурбанизация была свойственна всем наиболее благополучным стратам населения, без деления по признаку расы. Пригородные графства штата Мэриленд в результате стали столь же (и местами даже более) преуспевающими, как и в других агломерациях, но при этом не гомогенно белыми, причем такая картина сложилась уже в 1980-е гг. [Смирнягин 1989a].

Этот феномен объясняется спецификой занятости в двух агломерациях. Обе они являются, в первую очередь, центрами федеральных органов власти. Белый дом, Капитолий, штаб-квартиры федеральных агентств находятся в Вашингтоне, а многие подведомственные структуры — в пригородах в Виргинии и Мэриленде. Помимо них, существует и большое количество разнообразных структур, как государственных, так и частных, которые выполняют государственный заказ. Федеральная власть борется с открытыми проявлениями дискриминации и поощряет этническое и расовое разнообразие в штатах своих ведомств. В связи с этим афроамериканцы и другие небелые расовые группы получают несравнимо лучшие возможности для продвижения по карьерной лестнице, накопления капитала и, как следствие, вариативность при выборе места жительства [Bratt et al. 1986]. Таким образом,

⁵⁴ Если под городскими агломерациями в США понимаются метрополитенские или микрополитенские ареалы, то конурбации — это совокупности двух и более МСА. Такие совокупности также выделяются Административно-бюджетным управлением Администрации Президента США. Они называются комбинированными статистическими ареалами (*combined statistical area*). В их число входит и Вашингтон—Балтимор.

локальная социально-экономическая специфика «сглаживает» межрасовое неравенство, свойственное неюжным агломерациям раннего афроамериканского освоения.

Индианаполис был основан специально как столичный город в самом центре штата Индиана. В 1970-м г. он стал одним из крупнейших городов, объединивших свой муниципалитет с окружающим его графством Мэрион⁵⁵. Именно это решение *институционального* характера, а также его *социально-экономические* последствия стали ключевым эндогенным фактором расселения афроамериканцев.

Консолидация органов местного самоуправления решила проблемы оттока налоговой базы из города в пригороды. Из-за этого центральный город сильно деградировал, даже несмотря на благоприятную экономическую обстановку. Субурбанизация и «бегство белых» достаточно равномерно распределялись по направлениям дорог, причем местная власть лишь поддерживала этот процесс.

Решение о централизации управления пригородами позволило (за счет имплицитной расовой дискриминации) исключить афроамериканцев из процесса субурбанизации, поэтому данная расовая группа оказалась лишена многих социально-экономических выгод, связанных с переселением в благополучную субурбию. В результате, помимо беднейших районов в центре Индианаполиса, заселенных афроамериканцами еще на втором этапе эволюции расселения (на стыке XIX и XX вв.), в агломерации практически не осталось территорий, которые были бы доступны для представителей этой расовой группы. Таким образом, в данном случае сочетание эндогенных институционального и социально-экономического факторов привели к усилению экзогенного социально-экономического.

Канзас-Сити еще в первой половине XX в. называли «Перекрестком Америки» благодаря расположению на пересечении сразу нескольких крупных межрегиональных трасс [Garwood 1948]. Этот статус закрепился за городом еще сильнее после развития системы межштатских шоссе (интерстейтов). Этот **пространственный фактор** на межрегиональном уровне, так же, как и внутригородская пространственная специфика, является ключевым для расселения афроамериканцев.

Выгодное транспортное положение, с одной стороны, помогло городу стать важным экономическим центром и привлечь значительные потоки мигрантов, а с другой — привело к экстенсивному разрастанию пригородов (спролу) [Ji et al. 2006]. Процессы, свойственные большинству американских агломераций, — неравный доступ к предложению на рынке не-

⁵⁵ В США существуют различные формы консолидации городов и графств. В случае Индианаполиса в городе сосредоточена вся полнота местной власти, включая решения по территориальному планированию и составлению бюджета.

движимости, «бегство белых», упадок центрального города и последующая джентрификация с неоднозначными последствиями — развивались в Канзас-Сити в полном соответствии с общенациональными трендами [Gotham 2002].

Афроамериканское сообщество сформировалось здесь еще до Гражданской войны, когда рабовладение в штате Миссури было легальным [Coulter 2006] [Martin 2018]. Его пространственная укорененность привела к формированию относительно благополучных, коммунальных гетто (по Вакану) с развитой культурной и институциональной средой. Их автономное развитие было обусловлено жесткой сегрегацией по одной из главных улиц города, Труст-авеню, широко известной как «Миллионерский ряд» [Gotham 2002] [Schirmer 2002].

Наряду с четко оформленной легитимной сегрегацией и удобством для «автомобильной» субурбанизации, пространство Канзас-Сити отличается обилием барьеров. Помимо «Миллионерского ряда», город дробится двумя крупными реками — Миссури и ее притоком, Канзасом, — а также границей двух одноименных штатов. В результате только центральный город делится на пять частей, причем барьерами служат и физико-географические, и легислативные, и символические границы. Разделена на две части и территория агломерации, расположенная и в штате Миссури, и в штате Канзас.

2.3.5. Городские агломерации Ржавого пояса

Территория типа городских агломераций Ржавого пояса значительной степени совпадает с районом Индустриальное Приозерье по Л. В. Смирнягину. Многие из промышленных центров, составлявших его костяк, теперь принято объединять в регион Ржавый пояс [Смирнягин 2015].

В выборке агломераций для данного исследования три кейса относятся к Ржавому поясу — Чикаго, Детройт и Кливленд. Все три агломерации относятся к числу наиболее заметных центров межрегиональных хинтерландов — как во время Первой, так и во время Второй великой миграции афроамериканцев. Динамика доли афроамериканского населения в этих городах отражена на рис. 2.15.

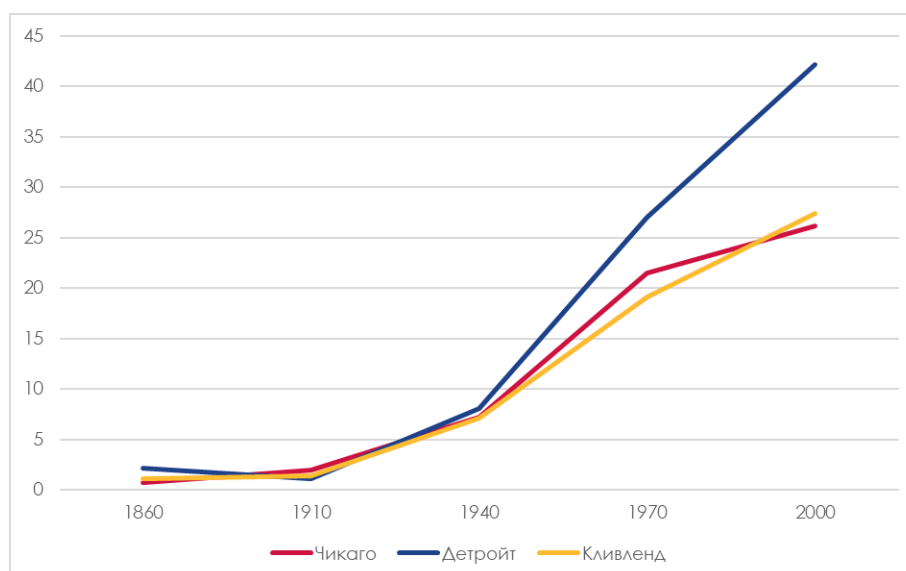

Рисунок 2.15 — Доля афроамериканского населения в графствах, где расположены центральные города агломераций Ржавого пояса, в 1860—2000 гг. Составлено автором по данным [1860 Census] [1910 Census] [1940 Census] [1970 Overview] [2000 Overview]

Форма линий на рис. 2.15 схожа с центральными городами неюжных агломераций раннего освоения (Нью-Йорком и Филадельфией): они дважды резко преломляются в начале двух великих миграций. Прирост доли афроамериканцев на четвертом и пятом этапе эволюции расселения значительно более мощный, чем на предыдущих этапах. Во всех трех городах доля афроамериканцев продолжает расти, но в Чикаго заметно более активное замедление этой динамики, чем в двух других случаях.

Ключевые экзогенные факторы расселения афроамериканцев — **социально-экономические**, связанные с активным участием в массовых межрегиональных миграциях, а также с последующей социально-экономической стратификацией между белыми и афроамериканцами. Эти факторы роднят данный тип с неюжными агломерациями раннего освоения. Типологические черты агломераций Ржавого пояса, включают в себя:

- практически полное отсутствие афроамериканского населения на первых двух этапах расселения;
- мощный приток мигрантов с Юга во время Первой великой миграции и еще больший — во время Второй великой миграции;
- продолжение активного прироста доли афроамериканцев и на этапе обратной миграции на Юг;
- социально-экономическая деградация центральных городов и отдельных пригородов вследствие деиндустриализации местной экономики.

Крупнейший город и агломерация Ржавого пояса — **Чикаго** — выделяется на общем фоне региона диверсифицированной и развитой экономикой, что исторически связано с

чрезвычайно выгодным экономико-географическим положением [Харитонов 1987]. Главным отличием Чикаго от других агломераций Ржавого пояса является эндогенный **социально-экономический фактор** — более выраженная социальной поляризация внутри афроамериканского сообщества, что связано с более успешной постиндустриализацией местной экономики [Patillo-McCoy 2000].

Чикаго — ключевой объект исследования Л. Вакана, выявившего на примере этого города феномен гипергеттоизации. В рамках этого процесса небольшая (наиболее образованная и финансово стабильная) часть афроамериканцев получила возможность покинуть гетто и существенно повысить свой социально-экономический статус. В то же время наименее благополучные жители гетто стали еще более уязвимыми, поскольку не они не обладают навыками, необходимыми для работы на квалифицированных должностях в сфере услуг [Wacquant 2008]. Из-за этого часть афроамериканских районов возвысилась, но большинство таких территорий, наоборот, деградировала. За счет этого активизировалась поляризация среди афроамериканцев, которая дополнила существовавшую раньше межрасовую поляризацию.

В 2003 г. в состав городской агломерации Чикаго был включен город Гэри, штат Индиана. Он воплощает в себе все проблемы Ржавого пояса: прежде один из главных мировых центров черной металлургии стабильно депопулирует (численность населения упала со 178 тыс. до 75 тыс. чел. в период 1960—2018 гг.), в нем отмечены одни из худших показателей преступности в стране, проживает большое число граждан за чертой бедности и бездомных, расширяются заброшенные пространства, накапливаются пролонгированные негативные экологические эффекты и отсутствуют внятные перспективы улучшения ситуации [Davich 2015].

Городская агломерация, которая наряду с Гэри выражает квинтэссенцию Ржавого пояса, но в большем масштабе, — *Детройт*. Социально-экономический спад в Детройте начался раньше, чем в Чикаго, потому что его экономика значительно менее диверсифицирована — весь XX в. название крупнейшего города штата Мичиган было синонимично автомобилестроению. Эта индустрия оказалась не готова к снижению объемов оборонного заказа после войны [Орлов 1988]. Из-за это «Город моторов» стал «ржаветь» раньше промышленных окраин Чикаго. Деграция городского пространства Детройта позволяет выделить в качестве основного эндогенного фактора **социально-экономический**, который накладывается на экзогенный и усиливает его. В то же время детройтская отличается и важной ролю **пространственного фактора**.

Последний связан с полицентричностью местной территориальной структуры расселения афроамериканцев [Алов 2020а]. Крупнейшие альтернативные центры расселения

этой расовой группы — автопромышленные моногорода Дирборн и Понтиак, в некоторых других городах агломерации афроамериканцы также составляют значимую долю.

Социально-экономический фактор выражается в резком изменении вектора развития Детройта после начала деиндустриализации. Центральный город деградировал сильнее, чем другие промышленные центры страны. Если Чикаго был полигоном для изучения расселения афроамериканцев в контексте формирования мигрантских сообществ до войны (в рамках работ Чикагской школы), то Детройт стал архетипом негативных эффектов повальной субурбанизации в послевоенные десятилетия [Thompson 1999] [Crowder 2000] [Boyle 2001].

Исход белого населения мало повлиял на уровень сегрегации в городе. Детройт как в эпоху процветания, так и затянувшийся период упадка, остается одним из самых сегрегированных городов страны, и афроамериканцы, как и повсеместно в США, испытывают негативные эффекты этого явления особенно сильно [Darden 1990] [Darden, Kamel 2000] [Darden et al. 2010] [Darden et al. 2019].

Обилием исторически афроамериканских пригородов отличается и агломерация *Кливленда*. В отличие от Детройта, в данном случае имела место именно афроамериканская субурбанизация, которая развивалась здесь в условиях меньших расово-институциональных препятствий, чем в других городах [Michney 2017]. Она началась одновременно с белой субурбанизацией и в целом также отличалась формированием благополучных пригородов как антиподов деградирующего центрального города (с поправкой на общий меньший уровень благополучия афроамериканцев). Два этих фактора — **пространственный** (расползание внутригородского центра концентрации афроамериканцев в ближайшие пригороды) и **социально-экономический** (меньшая выраженность расовой дискриминации на рынке недвижимости в субурбии, чем в большинстве других агломераций) — составляют основу эндогенных факторов, противоречащих типологическим экзогенным.

В случае Кливленда неверно было бы говорить о «бегстве белых» — скорее здесь происходило «бегство среднего класса». В масштабе всей агломерации в целом это менее негативный вариант, поскольку в пригородах сформировалась относительно гетерогенная расовая среда. Но для центрального города это означало тотальный кризис на фоне деиндустриализации [Смирнягин 1988с].

2.3.6. Городские агломерации позднего афроамериканского освоения

Часть городских агломераций, заселявшихся афроамериканцами преимущественно на этапах двух великих миграций, вплоть до их завершения не отличалась повышенной долей представителей этой расовой группы. В отличие от предыдущих типов, такие агломе-

рации не сконцентрированы в конкретном регионе. Динамика доли афроамериканцев в центральных городах городских агломераций позднего афроамериканского освоения отражена на рис. 2.16.

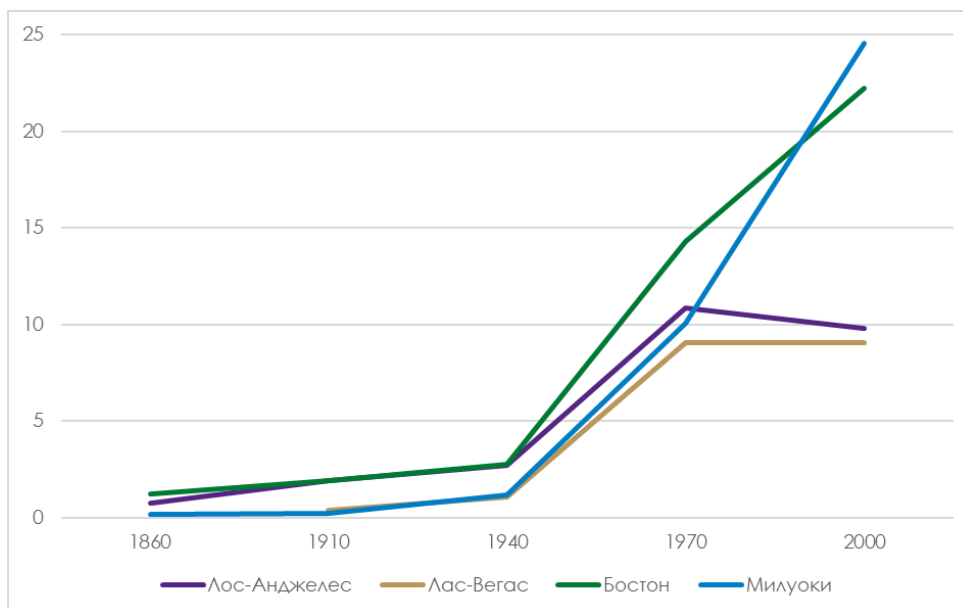

Рисунок 2.16 — Доля афроамериканского населения в графствах, где расположены центральные города агломераций позднего афроамериканского освоения, в 1860—2000 гг. Составлено автором по данным [1860 Census] [1910 Census] [1940 Census] [1970 Overview] [2000 Overview]

Повышение темпа роста доли афроамериканцев в период Второй великой миграции в данных городах особенно сильное: в 4—8 раз. При этом к 1970 г. только в Бостоне она превысила среднюю долю по стране. Следует отметить, что афроамериканское население в западных городах (Лос-Анджелес и Лас-Вегас) перестало расти, в то время как в Милуоки на пятом этапе оно выросло даже сильнее, чем на четвертом.

Общими экзогенными факторами для данного типа являются социально-экономические — те же, что и в северо-восточных и среднезападных агломерациях раннего афроамериканского освоения, и в агломерациях Ржавого пояса, но с поправкой на иную историческую эпоху. Активизация миграций в эти города пришлась на период борьбы с сегрегацией, поэтому местным афроамериканцам свойственна повышенная мобильность в обратном направлении, на Юг. К типологическим чертам агломераций позднего афроамериканского освоения можно отнести:

- принадлежность к разным регионам страны (в этот тип по умолчанию входят западные агломерации, но также и отдельные среднезападные и северо-восточные)
- расселение афроамериканцев преимущественно на четвертом—пятом этапах;
- практически полное отсутствие представителей этой расовой группы вплоть до 1940-х гг.;
- освоение в период общенациональной борьбы против сегрегации;

- неодинаковая динамика доли афроамериканцев на пятом этапе — замедление роста и снижение (Запад), продолжение активного роста (другие регионы).

Эндогенный фактор, особенно сильно повлиявший на расселение афроамериканцев в агломерации *Лос-Анджелеса*, проявился в центральном городе; это специфическая гипсометрическая сегрегация, при которой положение района относительно уровня моря соответствует его социально-экономическому статусу. Несмотря на его комплексность, мы относим его к числу **пространственных**.

Наиболее преуспевающие лос-анджелессцы стремились изолироваться от остальных, а средний класс ориентировался на высшие страты. Сложный рельеф городской агломерации с большими перепадами высот и холмами на окраинах и в пригородах создал условия для ярко выраженной гипсометрической сегрегации. Чем выше по склону располагается дом или район, тем он престижнее. Эта социально-геоморфологическая реальность полностью соответствовала теоретическому представлению Берджесса [Burgess 1929].

В результате афроамериканцы не стали жертвами организованных для отгораживания от них сегрегационных практик, но встроились в уже поляризованный социально-экономический ландшафт. Не имея доступа к склонам, они расселялись в долинах рек, которые прежде были заняты районами среднего класса. После войны началось очень стремительное «бегство белых», а афроамериканцы оказались изолированы не только институционально, но и за счет рельефа. Сильнейшая изолированность сочеталась с плохо функционирующим институтом полиции, результатом чего стали многочисленные расовые беспорядки [Soja 2014].

Агломерация *Лас-Вегаса* представляет собой пример **сочетания** необычных **пространственных, институциональных и социально-экономических факторов**, повлиявших на расселение афроамериканцев. Все они в той или иной мере обусловили уникальность агломерации. Особенность Лас-Вегаса в контексте изучения расселения афроамериканцев заключается в его десегрегированности и аморфности пространства. Кроме того, город не испытывал социально-экономических потрясений, с которыми приходилось сталкиваться центрам промышленности Среднего Запада и Северо-Востока, и не так резко сокращал гандикап, как Американский Юг. В итоге он стал одним из самых быстрорастущих в послевоенных США, избежав (или не застав из-за своей молодости) большинства недостатков американских городов. Афроамериканцы сформировали здесь одно из самых благополучных сообществ в стране.

Расселение афроамериканцев в Лас-Вегасе началось вскоре после легализации игорного бизнеса, но первопричиной стала не она. В 1940-е гг., на фоне общего упадка прежде главной отрасли хозяйства штата Невада (горнодобывающей промышленности), рядом с

городом было открыто крупное месторождение магниевых руд [Смирнягин 1991b] [Douglass, Raento 2004]. Послевоенный бум потребления, затронувший индустрию азартных игр, в сочетании с автомобилизацией, надежно связавшей Лас-Вегас с другими городами США (в первую очередь, с Лос-Анджелесом), создал в городе постоянно растущий рынок труда.

С точки зрения ведения бизнеса Лас-Вегас середины XX в. был значительно свободнее большинства американских городов, благодаря чему изолированный афроамериканский район в центральном городе не превратился в гетто. Более того, сформировался достаточно мощный афроамериканский средний класс [Moehring 1989]. В период, когда повсеместно начиналась деградация коммунальных гетто и гипергеттоизация, в Лас-Вегасе возник вполне благополучный, хотя и сегрегированный афроамериканский район.

В 1960—1970-е гг. местные власти активно боролись с сегрегацией (легального статуса она не имела, но практиковалась некоторыми частными структурами), благодаря чему афроамериканцы практически избавились от каких-либо ограничений в расселении. «Открывшийся» перед ними город не был похож ни на один другой в Америке: полностью ориентированный своей планировкой на индустрию развлечений, нарочито завлекающий, лишенный промышленных зон и гетто [Venturi et al. 2017]. Возможно, единственными узнаваемыми чертами были спол (не связанный, однако, с «бегством белых») и отгораживание наиболее богатых жителей — формирование закрытых сообществ (*gated communities*) [Vesselinov, Le Goix 2012].

Ключевой эндогенный фактор расселения афроамериканцев в агломерации *Бостона* связан с местной спецификой миграционного притока, что мы относим к числу **социально-экономических** факторов. Вплоть до послевоенного времени в Бостоне не формировалось многочисленное сообщество афроамериканцев [Kusmer 1995]. Несмотря на то, что первые афроамериканцы появились здесь еще в период рабовладения, первое заметное гетто возникло только в 1940—1950-е гг. в южной части города — за счет карибских мигрантов [Johnson 2006].

Основной причиной столь позднего афроамериканского освоения стала экономическая специализация города. Пик его индустриализации пришелся на середину и конец XIX в., а в период великих миграций местная промышленность испытывала серьезный кризис [Смирнягин 1987]. При этом исторически развитые отрасли — производство тканей и бумаги — не требовали столь значительных трудовых ресурсов, как металлургия или автозаводы. Необходимость в рабочей силе полностью покрывалась европейскими мигрантами — в первую очередь, ирландцами, а также итальянцами, поляками и евреями.

Довоенная история Бостона не привела к отходу от типичного пространственно-расового паттерна в 1970-е гг. [Armor 1980]. Сконцентрированные в южной части города афроамериканцы в результате «бегства белых» испытали полномасштабное развитие гиперсегрегации, гипергеттоизации и гиперконцентрации бедности (связанных с весьма успешной, но поляризующей общество постиндустриализацией). Ситуация усложнялась тем, что значительную долю в этой расовой группе составляли мигранты, родившиеся не в США.

В случае Бостона 2000 г. можно считать точкой отсчета нового демографического этапа в развитии города. Согласно Бюро переписи, именно тогда впервые в истории белое население по численности стало уступать небелому (всей совокупности остальных расовых групп). Это во многом связано с растущей миграцией из латиноамериканских стран, но доля афроамериканцев также демонстрирует тренд на повышение. Уникальность кейса Бостона, таким образом, определяется короткой историей концентрации и сегрегации афроамериканцев, высокой долей среди них выходцев из карибских стран, а также недавним всплеском расовой диверсификации после нескольких столетий доминирования белого населения.

Милуоки, как и Бостон, «пропустил» первые три этапа расселения афроамериканцев вследствие особого **социально-экономического фактора** — специализация местной экономики не требовала больших трудовых ресурсов, которые могли бы удовлетворить только миграции с Юга. Крупнейший город Висконсина, «самого немецкого» и «самого молочного» штата страны, исторически славится как «пивная столица США» [Смирнягин 1988а]. Милуокская промышленность привлекала некоторое число афроамериканских мигрантов с Юга, но их доля не превышала первых процентов вплоть до 1960-х гг. [Trotter 1985]. Это было связано с сильным противодействием найму афроамериканцев со стороны владельцев предприятий [Geib 1998]. Подобная трудовая сегрегация сильно отличала Милуоки от соседнего Чикаго и других промышленных центров Среднего Запада, где найму афроамериканских рабочих обычно не препятствовали.

После десегрегации местных производств в городе быстро сформировался многочисленный афроамериканский рабочий класс. Хронические проблемы Ржавого пояса — гиперсегрегация, гипергеттоизация, гиперконцентрация бедности в центральном городе и «бегство белых» — начали проявляться с лагом в 10 лет, и наиболее тяжелая фаза пришлась на 1980-е гг. [Geib 1998]. В этот период американская экономика в целом развивалась более чем стремительно, поэтому агломерация стала поляризованной едва ли не в большей степени, чем Чикаго.

Вышеописанные процессы превратили афроамериканское сообщество Милуоки в одно из самых бедных, подверженных преступности и пространственно изолированных (на фоне резкого контраста в благополучии между центральным городом и субурбией [Massey

2017]. Эта агломерация представляет собой «Чикаго 10 лет назад»: начиная с 1960-х гг. Милуоки очень точно повторяет путь своего ближайшего крупного соседа, но отставая на одну декаду. В этом проявляется местная зависимость от пройденного пути (*path dependence*), что входит в противоречие с экзогенными факторами расселения афроамериканцев в агломерациях данного типа.

2.3.7. Соотношение экзогенных и эндогенных факторов расселения афроамериканцев

Подытоживая типологию городских агломераций по условиям для расселения афроамериканцев, определим, в каких случаях эндогенные факторы противоречат экзогенным, а в каком — наоборот, усиливают их. Многообразие сочетаний экзогенных и эндогенных факторов представлено на рис. 2.17.

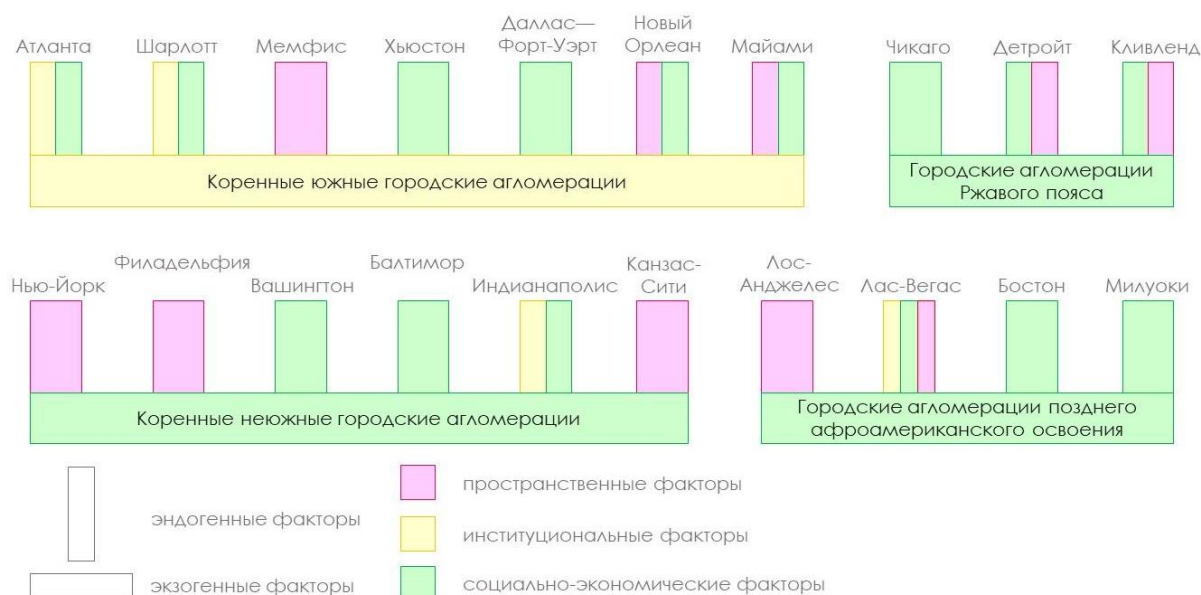

Рисунок 2.17 — Соотношения трех групп факторов расселения афроамериканцев по типам расселения и конкретным городским агломерациям. Составлено автором

Было выявлено, что в половине отобранных агломераций местная пространственная специфика оказывает значительное влияние на расселение афроамериканцев; в пяти случаях без совместного действия иных эндогенных факторов. Наиболее распространенной группой эндогенных факторов стали социально-экономические — они проявляются в 15 городах. В четырех случаях отмечена высокая роль эндогенных институциональных факторов.

Выделенные типы агломераций по характеру освоения афроамериканцами, а также сочетания экзогенных и эндогенных факторов будут использоваться в Главе 3 для выявления закономерностей расселения афроамериканцев и социально-экономической дифференциации внутри территориальных структур расселения этой расовой группы. В сочетании с

результатами анализа эволюции расселения афроамериканцев на национальном и региональном уровнях сформулируем две **гипотезы** для проверки с помощью методов количественного анализа:

- в некоторых агломерациях вследствие действия локальных эндогенных факторов начался **новый этап расселения афроамериканцев**;
- в начале XXI в. на формирование территориальных структур расселения афроамериканцев и паттернов социально-экономической дифференциации этой расовой группы особенно сильное влияние оказывает **пространство**.

Первая гипотеза связана с неодинаковым развитием некоторых типологических процессов: например, социально-экономическая деградация центральных городов, свойственная агломерациям Ржавого пояса, постепенно преодолевается в Чикаго, в то время как в Детройте ситуация остается по-прежнему крайне негативной. Соответственно, можно предположить, что изменение действия тех или иных факторов в некоторых агломерациях привело к началу нового этапа расселения афроамериканцев, отличного от пятого (периода обратной миграции).

Если такой переход начался, то, вероятно, есть некие сочетания экзогенных и эндогенных факторов, особенно благоволящих к изменению ситуации. Было отмечено, что пятому этапу расселения свойственна особо высокая роль пространства. На уровне страны и регионов (то есть на уровне **экзогенных факторов**) — за счет интенсификационного сжатия пространства как доминирующего процесса, определяющего форму территориальной структуры, а также снижения роли институтов (вследствие отмены легитимной сегрегации) и социально-экономических факторов (вследствие устранения ряда препятствий для свободного расселения афроамериканцев). На внутриагломерационном и внутригородском уровнях (на уровне **эндогенных факторов**) — за счет аккумулированных в пространстве негативных институциональных и социально-экономических эффектов и роли пространства как ключевого организатора процесса расселения.

Глава 3. Количественный анализ пространственной дифференциации расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях США в начале XXI в.

3.1. Алгоритм количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев

В соответствии с теоретико-методологической логикой количественного анализа пространственной дифференциации расселения афроамериканцев, представленной в разделе 1.5.5, осуществляется расчет четырех показателей:

1. пространственного мультигруппного индекса диссимилиации (ПМИД) — в геоинформационной системе *Geo-Segregation Analyzer*;
2. индекса Морана (в двух вариантах — глобальном и локальном) — в геоинформационной системе *GeoDa*;
3. индекса энтропии — в геоинформационной системе *Geo-Segregation Analyzer*;
4. композитного социально-экономического индекса Дардена—Камела (КСЭИ) — в геоинформационной системе *QGIS* (версия 3.4 *Madeira*).

ПМИД оценивает **уровень пространственной сегрегации** между всеми представленными расовыми группами, индекс Морана используется в алгоритме анализа пространственной концентрации для выявления **территорий концентрации афроамериканцев (ТКА)**, индекс энтропии — для оценки **уровня расового разнообразия**, КСЭИ — для оценки **социально-экономического статуса территорий (СЭС)**. Формулы этих индексов содержатся в разделе 1.5.4.

Количественный анализ проведен на **трех пространственных уровнях**:

1. агломераций в целом;
2. внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев;
3. отдельных элементов этих структур.

Отобранные 20 агломераций (см. разделы 1.5.4 и 2.3.2) включают в свой состав 21 760 переписных участков по состоянию на 2000 г., а к 2018 г. их количество достигло 23 927 шт. Это связано с ежегодными корректировками сетки статистико-территориального деления, проводимыми Бюро переписи США. Соответственно, совокупное количество оцененных переписных участков составило 45 687 шт.

Рассчитываемые метрики по-разному соотносятся с пространственными уровнями. ПМИД применим только для оценки агломерации в целом; на этом уровне также рассчитывается глобальный индекс Морана. Индекс энтропии рассчитывается по переписным участкам, но на основе множества значений в этих территориальных ячейках можно рассчитать

средний показатель по агломерации. Локальный индекс Морана и КСЭИ используются для оценки переписных участков. С учетом этих особенностей был составлен **алгоритм количественного анализа** пространственной дифференциации расселения афроамериканцев на трех уровнях.

Перед переходом к непосредственному анализу была составлена база данных, где каждому из 45 687 переписных участков соответствуют значения локального индекса Морана, индекса энтропии, КСЭИ. Соответственно, с учетом рассчитываемых на уровне городских агломераций метрик (ПМИД, глобальный индекс Морана, усредненный индекс энтропии), **в базе данных содержится 137 121 значение индексов.**

Оценка общих тенденций в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций. На первом этапе анализируются показатели динамики численности и доли афроамериканцев в населении всей агломерации (с учетом остальных расовых групп), а также рассчитываются ПМИД и индекс энтропии. Данные за 2000 и 2018 гг., взятые для 20 отобранных агломераций, визуализированы с помощью диаграмм (см. раздел 3.2).

Выявление внутриагломерационных территориальных структур расселения афроамериканцев и их составных элементов. Территориальные структуры, согласно трактовке Э. Б. Алаева, можно определить как «членение географического образования» [Алаев 1983]. Использование прилагательного «внутриагломерационные» видится полезным ввиду ранее использовавшегося в данной работе понятия территориальных структур на других уровнях (национальном, региональном). В качестве синонима далее также будет использоваться словосочетание «внутриагломерационные структуры», поскольку агломерация в данном случае и есть территория.

Для выявления внутриагломерационных структур был проведен анализ пространственной корреляции между двумя переменными — численностью афроамериканцев и долей афроамериканского населения в совокупной численности населения. С его помощью были выделены ареалы и участки концентрации афроамериканцев (подробнее о методике — в разделе 1.5.4). Количество участков, отнесенных к ареалам концентрации, в 2000 г. составило 3 354 шт., в 2018 г. — 3 656 шт. В то же время количество участков концентрации составило лишь 47 и 86 шт. соответственно. Поскольку количество участков концентрации столь незначительно, они рассматривались в совокупности с ареалами концентрации как **территории концентрации афроамериканцев (ТКА).**

Соотношение ТКА и расселения афроамериканцев сильно варьирует от агломерации к агломерации. Рассмотрим это на конкретных примерах. Например, в Мемфисе в 2018 г. в пределах ТКА проживает 76,2% всех афроамериканцев; в то же время в Лас-Вегасе лишь

2,7% афроамериканцев проживает в пределах ТКА. Очевидно, что в этой связи внутриагломерационные структуры расселения афроамериканцев нельзя сводить исключительно к ТКА.

Было бы концептуально неверно дополнять ТКА ареалами и участками деконцентрации афроамериканцев, потому что они соответствуют территориям концентрации других расовых групп. Соответственно, ресурс для дополнения ограничивается переписными участками с незначительной пространственной концентрацией. В основном это территории с высоким показателем расового разнообразия — т. н. «плавильные котлы»⁵⁶. Мы дополняем ТКА теми «плавильными котлами», где **доля и численность афроамериканцев выше средних по агломерации**. Это позволяет отфильтровать слабозаселенные участки на периферии агломераций (такие, как в заболоченной западной части агломерации Майами). После проведения этой операции в Лас-Вегасе доля афроамериканцев, проживающих в выделенной нами территории расселения, возросла до 48,8%. Соответственно, более половины афроамериканского населения этой агломерации проживает либо на территориях концентрации других расовых групп, либо на участках с низкой плотностью населения.

Для всех отобранных агломераций был проведен анализ пространственной корреляции по численности афроамериканцев и их доле в суммарной численности населения с учетом оговоренной выше поправки и выявлены **структуры расселения афроамериканцев** по состоянию на 2000 и 2018 гг. Они состоят из:

- **структурных инвариантов**, то есть территорий, остающихся в составе структуры за оба рассматриваемых года,
- **новых структурных элементов** (присутствуют только в 2018 г.)
- **отпавших структурных элементов** (присутствуют только в 2000 г.).

Термин «инвариант» традиционно используется в физической географии (в теории геосистем [Сочава 1975] [Пузаченко 2010]) и в культурной географии (в теории гуманитарной географии [Замятин 2010]) в значении неизменного элемента системы или процесса, который не исчезает в динамике. В контексте данного исследования понятие инварианта вполне подходит для описания тех элементов внутриагломерационной структуры, что не отпадают в процессе расселения афроамериканцев. Структуры и их составные элементы отражены на картосхемах (см. раздел 3.3).

⁵⁶ Это название в известной мере условно, поскольку в микромасштабе (на уровне отдельных кварталов) может выявиться изоляция и сегрегация, но в рамках нашего исследования задача изучения этого уровня не стоит.

Оценка социально-экономических процессов в составных элементах внутриагломерационных территориальных структур расселения афроамериканцев. Выделенные на предыдущем этапе элементы внутриагломерационных структур были отдельно проанализированы на предмет динамики СЭС и уровня расового разнообразия. Результаты расчетов соответствующих метрик — КСЭИ и индекса энтропии — отражены в таблицах (см. раздел 3.4).

Выявление траекторий развития внутриагломерационных территориальных структур расселения афроамериканцев. В качестве синтеза всех проанализированных на предыдущих этапах процессов выделены **траектории** развития внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев. Они отражают типы пространственной и социально-экономической динамики внутриагломерационных структур. Траектории проиллюстрированы с помощью картосхем (см. раздел 3.5).

3.2. Тенденции в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций

Динамика численности и доли расовых групп. Отобранные городские агломерации сильно различаются как по численности населения, так и по расовому составу. Основные сдвиги в распределении численности расовых групп и долей в совокупном населении отражены на рис. 3.1.

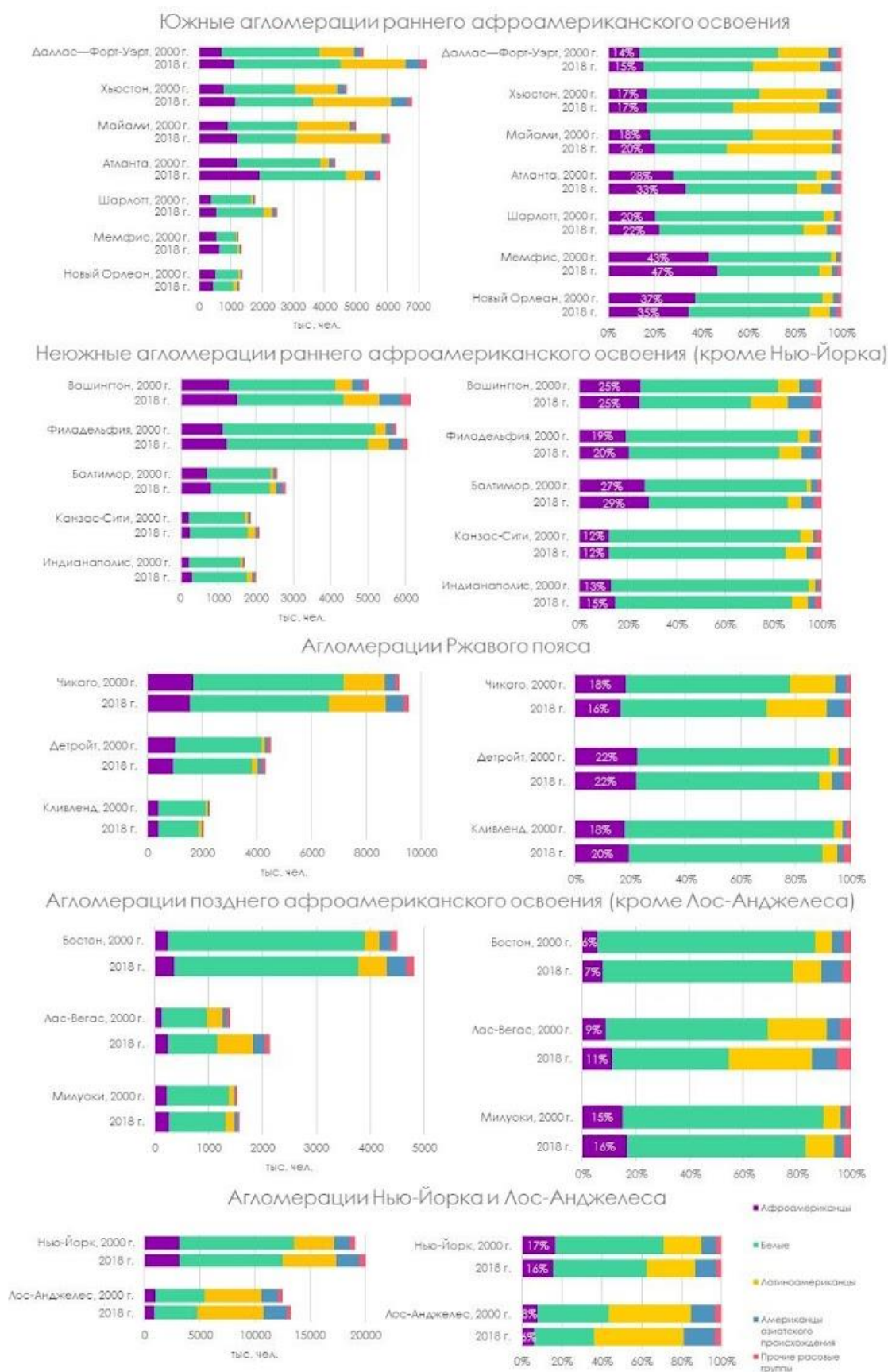

Рисунок 3.1 — Графики численности и доля основных расовых групп в населении городских агломераций.

Составлено автором по данным [ACS]

Общий для всех 20 агломераций процесс — **замещение белого населения другими расовыми группами**. Оно происходит вне зависимости от региона и исходного расового состава агломерации в 2000 г. Темпы замещения неодинаковы: в Лос-Анджелесе и Майами латиноамериканцы уже стали более многочисленной группой, чем белые, в то время как Детройт, Кливленд и Бостон вошли в раннюю фазу расовой диверсификации.

Роль афроамериканцев в процессе замещения белых чаще всего второстепенна, поскольку прирост доли этой группы не превышает 5 п. п. Темп роста численности афроамериканцев опережает аналогичный показатель для латиноамериканцев в тех случаях, когда изначальная доля афроамериканцев превышала 20%: в Атланте, Шарлотт, Мемфисе и Балтиморе. Это свидетельствует о **кумулятивном характере прироста афроамериканского населения**.

В трех агломерациях наблюдается **депопуляция**: это наиболее депрессивные в социально-экономическом положении центры Ржавого пояса (Детройт и Кливленд) и Новый Орлеан (вследствие урагана «Катрина»). При этом вместе с сокращением общей численности населения в Новом Орлеане также снизилась доля афроамериканцев, в Детройте она стабильна, а в Кливленде — увеличилась.

Тенденция последних десятилетий XX в. — резкий прирост численности населения в крупнейших агломерациях Американского Юга (Даллас—Форт-Уэрт, Хьюстон, Майами, Атланта, Шарлотт) с динамично развивающейся экономикой — сохраняется. Если в быстрорастущих агломерациях белое население замещается за счет сокращения своей численности, то агломерация Лас-Вегаса выделяется существенным приростом численности всех расовых групп за счет мощного притока мигрантов. При этом белые все равно отстают по темпу прироста от других групп.

Крупнейшие агломерации страны, — Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго — несмотря на существенно различающийся расовый состав, демонстрируют схожую динамику. Латиноамериканское и азиатское население растет очень быстрыми темпами, активно **замещая и белых, и афроамериканцев**.

Динамика пространственной концентрации афроамериканцев, межрасовой сегрегации и расового разнообразия. В рамках данного исследования каждому из трех аспектов соответствует одна-две метрики. На уровне агломераций рассчитываются: глобальный индекс Морана (пространственный аспект), ПМИД (пространственный и институциональный аспекты) и индекс энтропии (социально-экономический аспект). Напомним, что все они принимают значения от 0 до 1 и интерпретируются по аналогии друг с другом. Динамика значений глобального индекса Морана отражена на рис. 3.2.

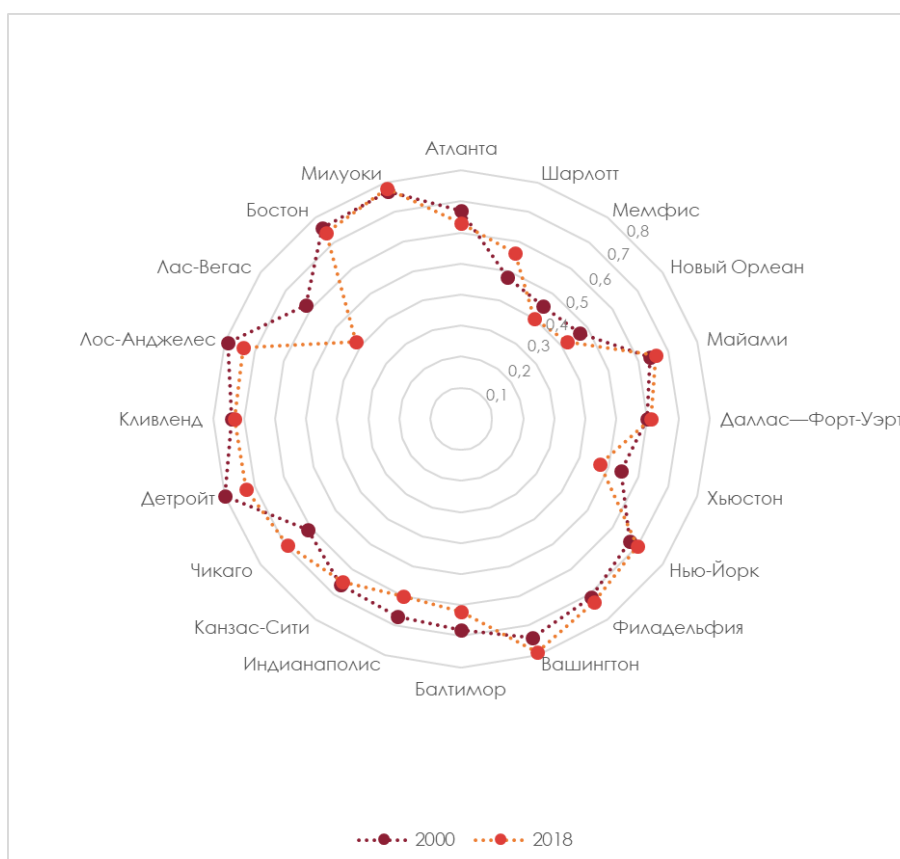

Рисунок 3.2 — Изменение значений глобального индекса Морана в отобранных агломерациях. Составлено автором

Тезис о том, что афроамериканцы чрезвычайно сконцентрированы в пространстве, высказывался многими исследователями, и он подтверждается нашими расчетами. В 2018 г. лишь в четырех случаях отмечено пониженное значение глобального индекса Морана (менее 0,5): это две агломерации с повышенной долей афроамериканцев (Мемфис и Новый Орлеан) и две агломерации с повышенной долей латиноамериканцев (Лас-Вегас и Хьюстон). Расселение афроамериканцев наименее сконцентрировано в тех агломерациях, где отмечается **пониженная доля белого населения**.

Самые низкие значения уровня концентрации (0,42 и ниже) отмечены в агломерациях с особой ролью эндогенных пространственных факторов — Мемфисе, Новом Орлеане и Лас-Вегасе. Однако во всех остальных агломерациях, где пространство было выделено в качестве одного из (или единственного) важных эндогенных факторов расселения, значение глобального индекса Морана остается очень высоким (0,65—0,74). Более того, в Майами, Нью-Йорке и Филадельфии по сравнению с 2000 г. оно выросло. Такая разнонаправленная динамика уровня пространственной концентрации говорит о неоднозначной, **сортирующей роли пространства**: где-то оно способствует децентрализации, а где-то — наоборот, создает благоприятные условия для концентрации.

Другая метрика, связанная с пространством, но также отражающая институциональный аспект, — пространственный мультигрупповой индекс диссимилиации. Его динамика показана на рис. 3.3.

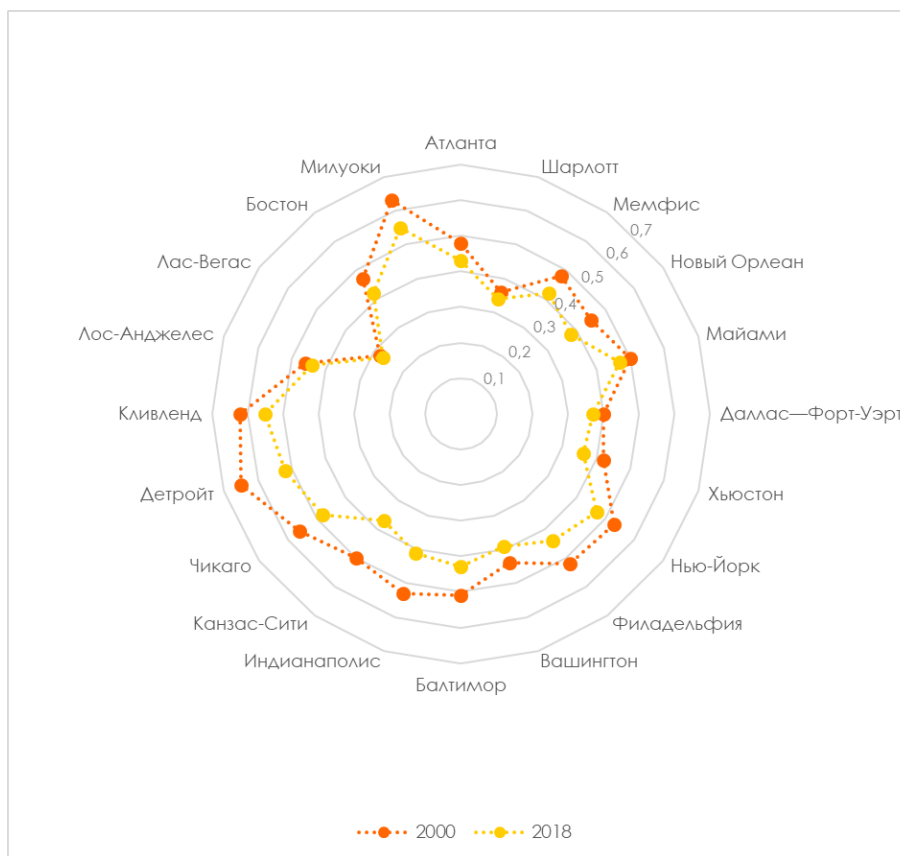

Рисунок 3.3 — Изменение значений пространственного мультигруппового индекса диссимилиации в отобранных агломерациях. Составлено автором

В отличие от показателя пространственной концентрации афроамериканцев, **уровень сегрегации расовых групп снизился во всех рассмотренных агломерациях**, то есть тенденция 1990—2000-х гг. (десегрегация пространства) сохраняется. Кроме того, заметна определенная закономерность в темпах этого снижения. В агломерациях, где сегрегация и так была значительно ниже среднего по выборке (Лас-Вегас, Шарлотт), ее уровень упал не столь сильно, как в сильно сегрегированных агломерациях (Детройт, Милуоки, Индианаполис). Это можно интерпретировать как наличие некоего **минимально достижимого уровня сегрегации**.

Наиболее сегрегированными в 2018 г. остаются депрессивные агломерации Ржавого пояса — Детройт и Кливленд, а также Милуоки. Мы отмечали, что, несмотря на то, что Милуоки был заселен афроамериканцами позже, эндогенные факторы сформировали условия для расселения этой расовой группы, похожие на условия в Чикаго примерно десятью годами раньше. Также отмечалось, что траектория постиндустриального развития Чикаго постепенно отдаляет его от Детройта и Кливленда. На примере динамики концентрации заметно, что Милуоки «заменяет» Чикаго в качестве третьей агломерации Ржавого пояса.

Это иллюстрирует интересный случай **«догоняющего развития»** процесса расселения афроамериканцев.

Важный показатель социально-экономической природы — уровень расового разнообразия, роль которого в процессах расселения афроамериканцев трактуется исследователями по-разному. Количественная оценка этого явления показана на рис. 3.4.

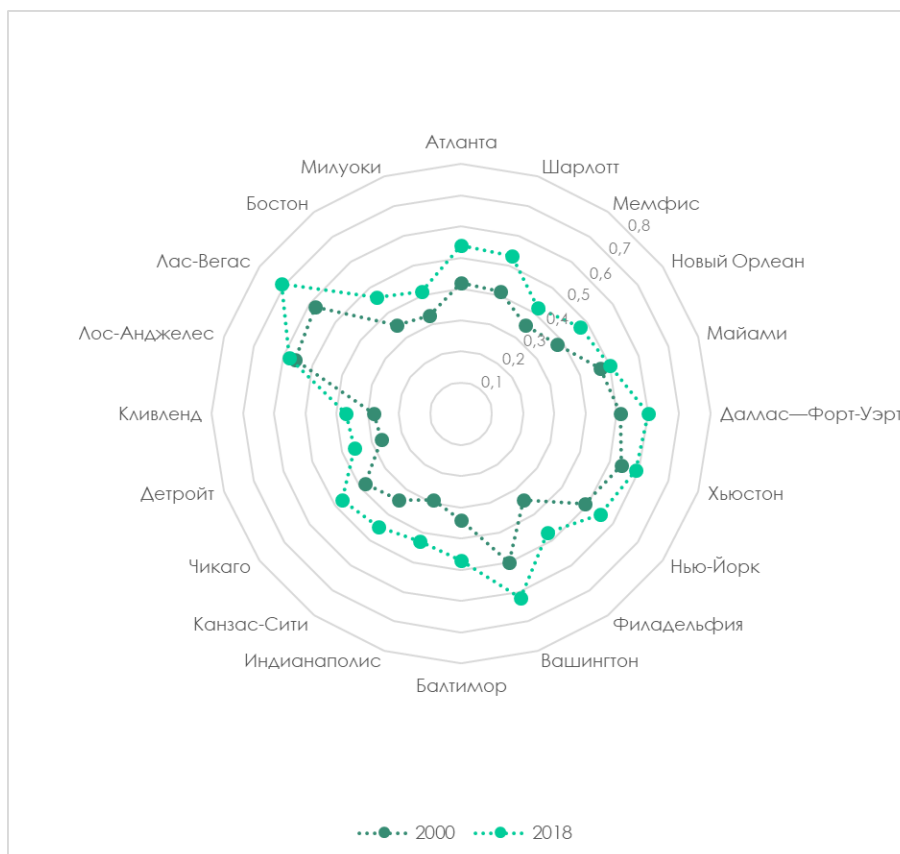

Рисунок 3.4 — Изменение значений индекса энтропии в отобранных агломерациях. Составлено автором

Как и в случае с пространственным мультигрупповым индексом диссимилиации, изменение уровня расового разнообразия имеет общее направление во всех агломерациях: в данном случае наблюдается повсеместный рост. Это подтверждает тезис У. Х. Фрея о **«взрыве разнообразия»** в американских городах. Лишь в шести агломерациях темп прироста оказался ниже 0,09, причем в четырех случаях (Нью-Йорк, Хьюстон, Майами, Лос-Анджелес) уровень расового разнообразия в 2000 г. был заметно выше среднего. В то же время в других агломерациях с изначально повышенным расовым разнообразием (Лас-Вегас, Вашингтон, Атланта), наоборот, прирост оказался выше среднего. Вероятной причиной этого следует считать относительно **позднее вступление в активную фазу латиноамериканской и азиатской миграции** в Вашингтоне и Атланте, а также уникальность кейса Лас-Вегаса, где ярко проявляется местная специфика каждой из трех групп эндогенных факторов расселения афроамериканцев.

Чтобы количественно описать характер взаимосвязи между вышеописанными показателями, определим корреляцию между ними. Для этого рассчитаем **коэффициент корреляции Пирсона**, который имеет следующую формулу:

$$r_{xy} = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \sum (y - \bar{y})^2}},$$

где r_{xy} — корреляция между переменными x и y , $\bar{x}$ и $\bar{y}$ — средние значения выборок [Rodgers, Nicewander 1988] [Гмурман 2004].

Пары переменных были составлены из значений глобального индекса Морана и средних по агломерации значений пространственного мультиграфпового индекса диссимилиации и индекса энтропии. Наиболее **сильная зависимость** была выявлена между **уровнем сегрегации и расовым разнообразием**, при этом она же в меньшей степени изменчива: в 2000 г. значение коэффициента корреляции между двумя соответствующими метриками принимает значение -0,72, в 2018 г. — -0,71.

Если сильная отрицательная корреляция между сегрегацией и расовым разнообразием неудивительна, то характер взаимосвязи между пространственной концентрацией и двумя другими процессами менее тривиален. Выявленная корреляция между значениями глобального индекса Морана и индекса энтропии оказалась слабой, но с трендом на усиление: она изменилась с -0,17 до -0,26.

Большее усиление корреляции отмечено между пространственной концентрацией и сегрегацией: значение коэффициента поднялось с 0,52 до 0,65. Отметим, что в среднем по 20 агломерациям за период 2000—2018 гг. уровень пространственной концентрации снизился незначительно (с 0,65 до 0,63), в то время как сегрегация ослабла в большей степени (с 0,49 до 0,43). Расовое разнообразие, напротив, выросло, причем сильнее: с 0,41 до 0,5.

Подытоживая эти расчеты, мы приходим к выводу о том, что в условиях десегрегации пространства и расовой диверсификации **пространственная концентрация все в большей степени становится атрибутом сегрегации**. В свою очередь, **расовая диверсификация является атрибутом десегрегации**. Необходимо заметить, что эти заключения справедливы по отношению к процессам агломерационного уровня; внутри агломераций может прослеживаться иная логика.

Были выявлены основные тенденции в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций:

- главные тенденции конца XX в. (десегрегация пространства и «взрыв разнообразия») по-прежнему активны;

- в агломерациях, где сильно проявляются эндогенные пространственные факторы расселения афроамериканцев, пространство может создавать благоприятные условия как для концентрации, так и для деконцентрации;
- в крупнейших агломерациях страны афроамериканцы наряду с белыми замещаются латиноамериканскими и азиатскими мигрантами;
- прирост афроамериканского населения имеет кумулятивный характер (возрастающая отдача) — самые высокие темпы отмечаются в агломерациях, где доля этой расовой группы уже была высокой в 2000 г.;
- неодинаковая динамика снижения уровня сегрегации свидетельствует о вероятном существовании минимально достижимого уровня сегрегации.

3.3. Трансформация внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев

После оценки общих тенденций в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций были выделены территориальные структуры расселения на более мелком уровне — внутриагломерационном. Их основные количественные характеристики за 2000 и 2018 гг. представлены в Таблице 3.1.

Таблица 3.1 — Изменения площади внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев, численности и плотности афроамериканского населения в них⁵⁷. Составлено автором

Агломерация	Площадь структуры, км ²		Численность афроамериканцев в пределах структуры, чел.		Плотность афроамериканского населения в пределах структуры, чел./ км ²	
	2000 г.	2018 г.	2000 г.	2018 г.	2000 г.	2018 г.
Атланта	4 946	6 125	926 979	1 503 726	187	246
Шарлотт	2 108	2 047	202 950	357 646	96	175
Мемфис	8 141	7 992	469 245	554 671	58	69
Новый Орлеан	4 206	4 322	452 434	367 319	108	85
Майами	2 876	1 381	665 947	880 501	232	638
Даллас—Форт-Уэрт	1 469	1 198	277 127	527 786	189	441
Хьюстон	2 025	1 918	478 160	588 618	236	307
Нью-Йорк	921	783	2 353 839	2 145 790	2 556	2 741
Филадельфия	667	764	824 733	864 088	1 237	1 131
Вашингтон	1 655	2 118	918 277	1 032 519	555	488
Балтимор	520	529	552 972	609 871	1 063	1 153
Индианаполис	270	603	166 405	207 448	616	344
Канзас-Сити	288	332	155 787	142 973	541	431
Чикаго	1 062	1 806	1 375 263	1 178 435	1 295	653
Детройт	540	746	910 164	760 830	1 686	1 020

⁵⁷ Цвет чисел в столбцах с данными за 2018 г. соответствует характеру изменения показателя в период 2000—2018 гг.: зеленый — рост, красный — снижение.

Кливленд	202	402	333 688	317 916	1 652	791
Лос-Анджелес	226	169	447 709	274 942	1 981	1 627
Лас-Вегас	607	2 707	42 863	114 979	71	43
Бостон	42	116	110 856	171 898	2 639	1 482
Милуоки	136	199	201 873	214 532	1 484	1 078

Классический концептуально-понятийный аппарат исследований территориальных структур богат на термины для описания и объяснения динамических процессов, но для материала данной работы его объемов недостаточно. Это можно проиллюстрировать термином «сжатие». Под сжатием территориальной структуры обычно понимается снижение численности населения в населенных пунктах, составляющих эту структуру, а также уменьшение площади (пространства) структуры. В Таблице 3.1, однако, можно обнаружить специфические сочетания изменений площади, численности населения и плотности структур, которые не вписываются в традиционное понимание сжатия. Например, в шести агломерациях и площадь структуры, и численность афроамериканского населения выросли, но плотность афроамериканского населения при этом снизилась; есть и обратный пример уменьшения площади и численности при возросшей плотности. Таким образом, наше понимание процесса расселения требует ввода новых терминов (а также реинтерпретации некоторых существующих) для адекватного описания его пространственных закономерностей.

Общее направление трансформации внутриагломерационных территориальных структур определяется по трем показателям: изменение площади структуры, изменение численности афроамериканцев в ней и изменение плотности афроамериканского населения. Было выделено шесть вариантов соотношений этих показателей:

- **интенсификационное сжатие:** уменьшение площади, снижение численности, рост плотности;
- **абсолютное сжатие:** уменьшение площади, снижение численности, снижение плотности;
- **экстенсификационное расширение:** увеличение площади, рост численности, снижение плотности;
- **абсолютное расширение:** увеличение площади, рост численности, рост плотности;
- **уплотнение:** уменьшение площади, рост численности, рост плотности;
- **расползание:** увеличение площади, снижение численности, снижение плотности.

Ранее мы уже использовали термин «интенсификационное сжатие» при описании процесса расселения на национальном уровне. На внутриагломерационном уровне он понимается аналогично: снижение численности населения на периферии ведет к уменьшению площади структуры, а центры при этом растут, за счет чего повышается средняя плотность.

Когда же уменьшаются все три показателя, можно говорить об абсолютном сжатии, связанным с миграцией афроамериканцев за пределы агломерации.

Антонимичным по отношению к интенсификационному сжатию является процесс экстенсификационного расширения. В данном случае плотность снижается, но площадь структуры и численность населения возрастают — это может свидетельствовать об активизации миграций на периферию. Соответственно, абсолютное расширение подразумевает рост всех трех показателей, что обычно происходит при взрывном росте миграционного притока населения.

Наконец, третья пара противоположных процессов — уплотнение и расползание. В первом случае структура лишается части составных элементов, но при этом в оставшихся численность и плотность афроамериканского населения растут. Процесс расползания структуры наблюдается при расселении афроамериканцев на большей площади при «разгрузке» части элементов.

Обозначим также пространственные процессы, которые приводят к тем или иным вариантам трансформации. Перечень агломераций с соответствующими основными направлениями трансформации структур и процессами, которые определяют их характер, содержится в Таблице 3.2.

Таблица 3.2 — Направления трансформации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев и основные процессы, определяющие их. Составлено автором

Агломерация	Направление трансформации структуры	Основные процессы, определяющие характер трансформации структуры
Атланта	Абсолютное расширение	Резкое разрастание
Балтимор	Абсолютное расширение	Резкое разрастание
Лас-Вегас	Экстенсификационное расширение	Резкое разрастание, спорадическое распространение
Индианаполис	Экстенсификационное расширение	Плавное разрастание
Милуоки	Экстенсификационное расширение	Плавное разрастание
Филадельфия	Экстенсификационное расширение	Плавное разрастание, спорадическое распространение, отпадение
Вашингтон	Экстенсификационное расширение	Плавное разрастание, спорадическое распространение, заполнение лакун, отпадение
Бостон	Экстенсификационное расширение	Спорадическое распространение, отпадение
Кливленд	Расползание	Плавное разрастание
Детройт	Расползание	Плавное разрастание, спорадическое распространение, заполнение лакун
Новый Орлеан	Расползание	Заполнение лакун
Канзас-Сити	Расползание	Заполнение лакун, отпадение
Чикаго	Расползание	Заполнение лакун, спорадическое распространение, отпадение
Шарлотт	Уплотнение	Плавное разрастание

Хьюстон	Уплотнение	Плавное разрастание, спорадическое распространение
Майами	Уплотнение	Плавное разрастание, спорадическое распространение, отпадение
Мемфис	Уплотнение	Заполнение лакун
Даллас—Форт-Уэрт	Уплотнение	Заполнение лакун, отпадение
Нью-Йорк	Интенсификационное сжатие	Отпадение, заполнение лакун
Лос-Анджелес	Абсолютное сжатие	Отпадение

Перед переходом к объяснению терминов, которыми описываются процессы, обуславливающие трансформацию структур, выделим три основных категории элементов структуры:

- **структурные инварианты** — элементы, находящиеся в составе структуры за оба рассматриваемых года;
- **новые элементы** — отсутствуют в 2000 г., но появляются в 2018 г.;
- **отпавшие элементы** — присутствуют в 2000 г., но отсутствуют в 2018 г.

Разрастание структуры может быть **резким** и **плавным**; в последнем случае она прирастает лишь соседними элементами, не захватывая отдаленные территории. При резком разрастании общий рисунок структуры подвергается существенным изменениям, при этом рост все равно исходит из самой структуры. В случае **спорадического распространения** новые элементы структуры возникают в принципиально новых местах и не граничат с инвариантами. **Заполнение лакун**⁵⁸ — рост структуры из двух и более инвариантов (или точек в одном инварианте), направленный на заполнение «пробелов» между инвариантами (или внутри инварианта). Наконец, **отпадение**, как и следует из формулировки, приводит к потере структурных элементов.

Абсолютное расширение. Абсолютное расширение структур обусловлено процессом резкого разрастания; этот процесс проявился только в двух агломерациях — **Атланте** (см. рис. 3.5) и **Балтиморе** (см. Приложение В).

⁵⁸ Термин «лакуна» ввел в понятийный аппарат социально-экономической географии Л. В. Смирнягин. Под лакуной он понимал разрывы в сетке районов [Смирнягин 1989b].

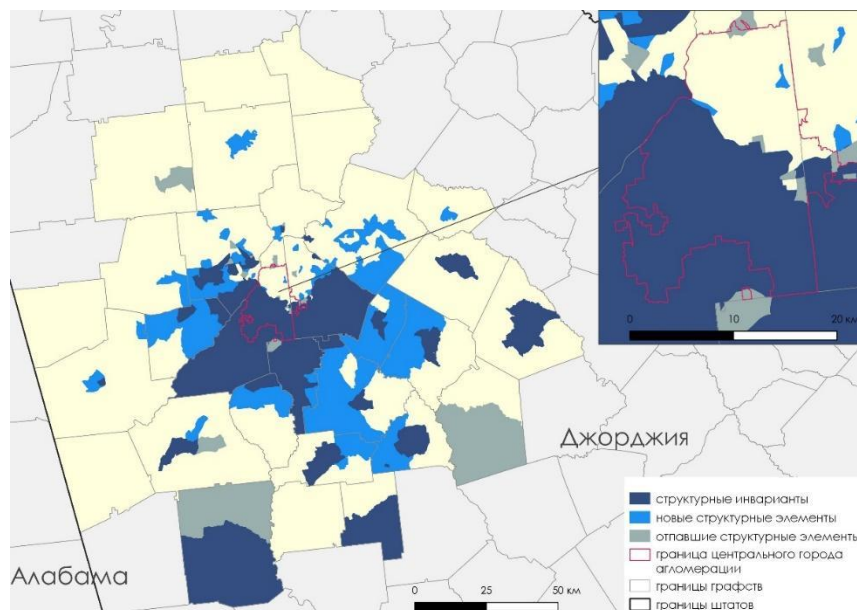

Рисунок 3.5 — Абсолютное расширение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Атланты в начале XXI в. Составлено автором

Резкое разрастание структуры происходит в том случае, если пространство для ее увеличения в пределах центрального города агломерации ограничено, но пригороды при этом относительно «открыты» для афроамериканцев. Подобная ситуация возникает в тех южных агломерациях, где, с одной стороны, эндогенные социально-экономические факторы нивелируют действие экзогенных институциональных (фиксирующих расселение), а с другой — существует внутригородской инвариант, который оформился в эпоху легитимной сегрегации и практически не меняется со временем. Атланта и Балтимор представляют собой характерные примеры подобного соотношения факторов: инварианты здесь возникли в эпоху рабства и были зафиксированы институтом сегрегации, но эндогенные факторы (комфортная институциональная среда в Атланте и наличие социальных лифтов в государственных ведомствах в Балтиморе — см. разделы 2.3.3 и 2.3.4) повысили доступность расселения в пригородах. Таким образом, абсолютное расширение внутриагломерационных структур связано с тем, что **расселение афроамериканцев в центральном городе достигло предела** — большую площадь оно занять не может, и миграционный приток приводит к **повышению плотности населения в пределах инварианта и экстенсивному росту площади структуры в пригородной зоне.**

Экстенсификационное расширение. Наиболее распространенный вариант трансформации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев в выборке — экстенсификационное расширение. Оно развивается в шести случаях: **Филадельфии** (см. рис 3.6), **Вашингтоне** (см. рис 3.7), **Индианаполисе** (см. Приложение Г), **Лас-Вегасе** (см. рис 3.8), **Бостоне** (см. Приложение Г), **Милуоки** (см. Приложение Г).

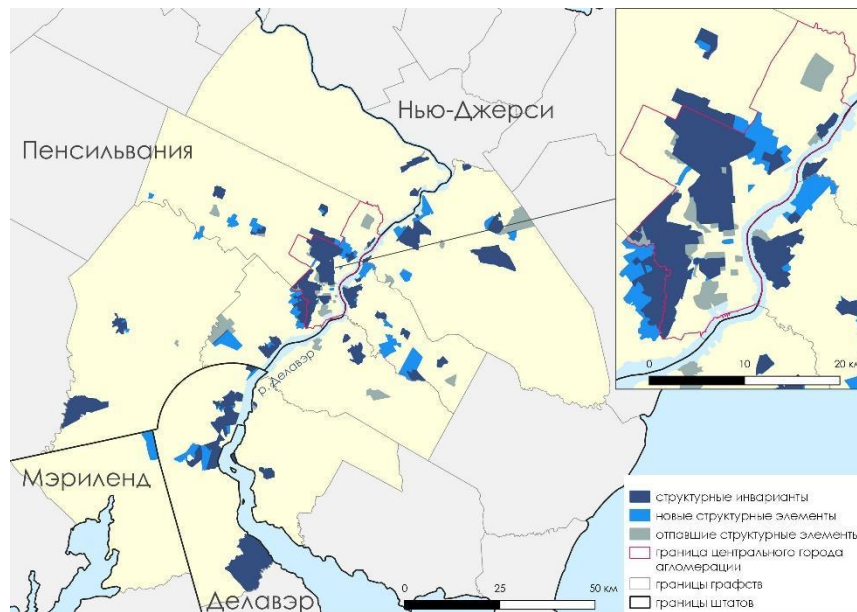

Рисунок 3.6 — Экстенсификационное расширение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Филадельфии в начале XXI в. Составлено автором

На примере Филадельфии (см. рис. 3.6) можно проиллюстрировать ключевые различия экстенсификационного расширения от абсолютного. Инварианты здесь **разрастаются плавно**, поскольку для субурбанизации афроамериканцев существуют укоренившиеся в пространстве институциональные **препятствия** (когда накопленный в пространстве эффект от расовой дискриминации продолжает действовать и после активизации борьбы с такими неформальными институтами). В центральном городе, в свою очередь, существуют те же **ограничения**, что и в Атланте и Балтиморе, усугубляемые **джентрификацией** (на рис. 3.6 ей соответствуют отпавшие элементы в центре Филадельфии).

Тем не менее, в пригородах возникают **новые элементы** структуры расселения афроамериканцев, но они, в отличие от процесса резкого разрастания, располагаются вдалеке от инвариантов, будучи приуроченными к центрам пригородов. Так проявляется процесс **спорадического распространения элементов**: по аналогии со спорами растений, элементы структуры рассеиваются, зачастую на большой площади, не формируя крупных ареалов. В отсутствие возможностей для массовой субурбанизации афроамериканцы расселяются в пригородах именно таким образом.

В агломерации Вашингтона, как и в Филадельфии, наблюдается экстенсификационное расширение структуры (см. рис. 3.7), но оно обусловлено несколько иным сочетанием процессов.

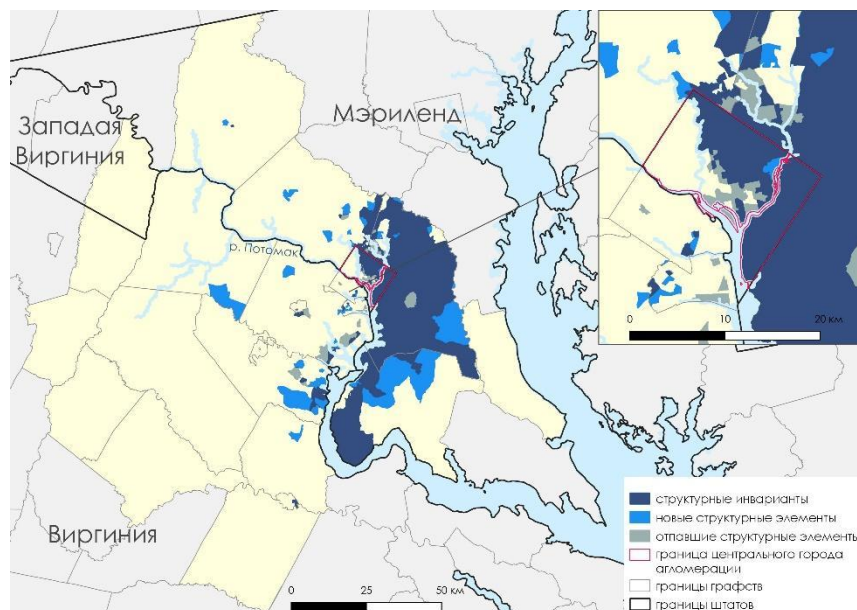

Рисунок 3.7 — Экстенсификационное расширение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Вашингтона в начале XXI в. Составлено автором

Как и в Балтиморе, здесь для субурбанизации афроамериканцев существует **меньше препятствий**, чем в других агломерациях, и этот процесс в Вашингтоне начался еще раньше. Активная фаза субурбанизации афроамериканцев завершилась, и инвариант **разрастается плавно**. Кроме того, в Вашингтоне проявляется процесс **заполнения лакун**, то есть структура стремится и к интенсивному пространственному развитию. В то же время здесь есть и общие с Филадельфией процессы: **отпадение элементов** в центральном городе, связанное с джентрификацией, и спорадическое распространение элементов в субурбии. Последнее, однако, связано не с тем, что остальные пригороды «закрываются» для афроамериканцев, а с **насыщением** восточной части агломерации.

Агломерация Лас-Вегаса представляет собой исключение практически во всех результатах анализа в данной работе. Экстенсификационное расширение здесь также развивается достаточно оригинально (см. рис. 3.8).

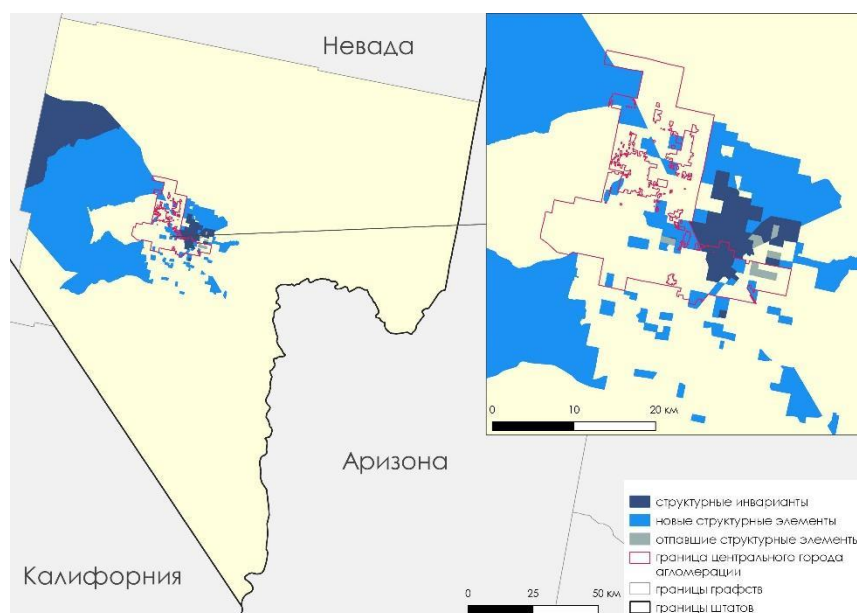

Рисунок 3.8 — Экстенсификационное расширение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Лас-Вегаса в начале XXI в. Составлено автором

Агломерации Лас-Вегаса как наименее сегрегированной в выборке (и исторически (см. раздел 2.3.6), и на современном этапе (см. раздел 3.2)) свойственно **отсутствие институциональных барьеров** для афроамериканской субурбанизации, поэтому здесь наблюдается процесс **резкого разрастания** структуры в субурбию. При этом, будучи поздно освоенной, эта агломерация отличается от Атланты и Балтимора тем, что центральный город еще **не исчерпал ресурс для вмещения расселения афроамериканцев**. С этим связано необычное сочетание резкого разрастания и экстенсификационного (а не абсолютного) расширения структуры: переезжая в город, афроамериканцы не повышают плотность населения, а расселяются в ранее не освоенных районах. С другими агломерациями экстенсификационного расширения Лас-Вегас роднит очень активный процесс **спорадического распространения** элементов структуры.

Подытоживая анализ агломераций, в которых структура расселения афроамериканцев трансформируется в логике экстенсификационного расширения, можно выделить некоторые характерные особенности. **Расселение афроамериканцев в пригородах** проходит здесь **более активно**, чем в центральном городе. На то могут быть разные причины: насыщение центрального города и джентрификация, ведущая к **отпадению элементов** (Филадельфия), свободные условия для субурбанизации (Лас-Вегас), либо и то, и другое (Вашингтон). Активность разрастания структуры регулируется **эндогенными факторами**; чаще всего оно проходит **плавно** (в агломерациях раннего освоения), но в поздно освоенном Лас-Вегасе — **резко**.

Уплотнение. Уплотнение внутриагломерационных структур можно считать типичным южным вариантом трансформации, поскольку он наблюдается только в южных агломерациях раннего освоения: **Шарлотт** (см. Приложение Д), **Мемфисе** (см. рис 3.9), **Майами** (см. рис 3.10), **Далласе—Форт-Уэрте** (см. Приложение Д) и **Хьюстоне** (см. Приложение Д).

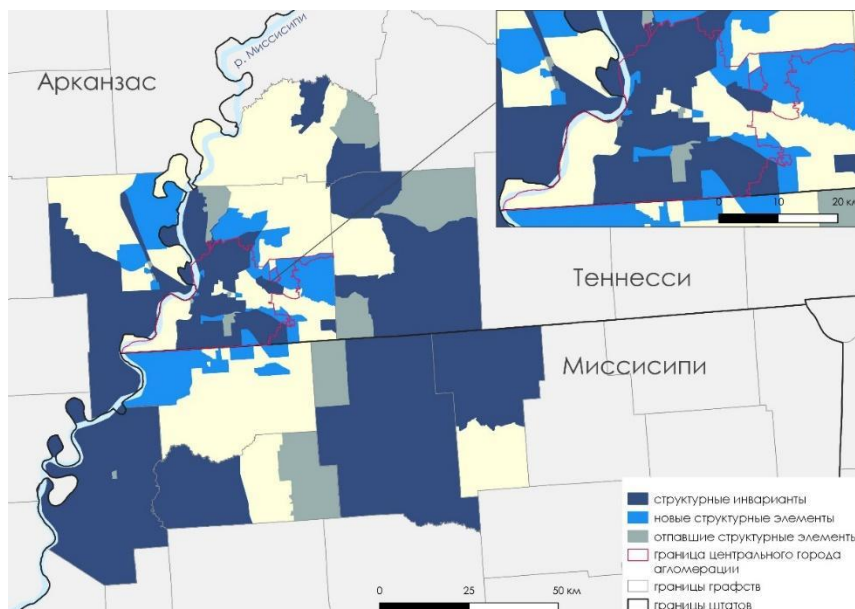

Рисунок 3.9 — Уплотнение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Мемфиса в начале XXI в. Составлено автором

На примере агломерации Мемфиса ярко проявляется сущность уплотнения структуры расселения афроамериканцев. Уплотнение подразумевает постепенный отход от сложившегося в эпоху легитимной сегрегации и нескольких последующих десятилетий «бегства белых» паттерна: афроамериканский город, белые пригороды и дальняя, сельская периферия агломерации с высокой долей афроамериканцев (часть Черного пояса). Происходит постепенное **стягивание** афроамериканцев из сельских территорий в центральный город и ближайшие пригороды, за счет чего площадь структуры уменьшается, а плотность увеличивается. При этом, в отличие от интенсификационного сжатия, при этом процессе возрастает и совокупная численность населения структуры, поскольку кроме внутренних миграционных перетоков активно и миграция извне.

Резкое разрастание не наблюдается, поскольку в Мемфисе дальние пригороды исторически входят в Черный пояс; в других случаях (например, Далласе—Форт-Уэрте) не складываются благоприятные институциональные условия для массовой афроамериканской субурбанизации. Основные процессы расширения — плавное разрастание и заполнение лакун (последнее развито в Мемфисе, где белые пригороды выступали в качестве лакун). Отличная от Мемфиса ситуация сложилась в агломерации Майами (см. рис. 3.10).

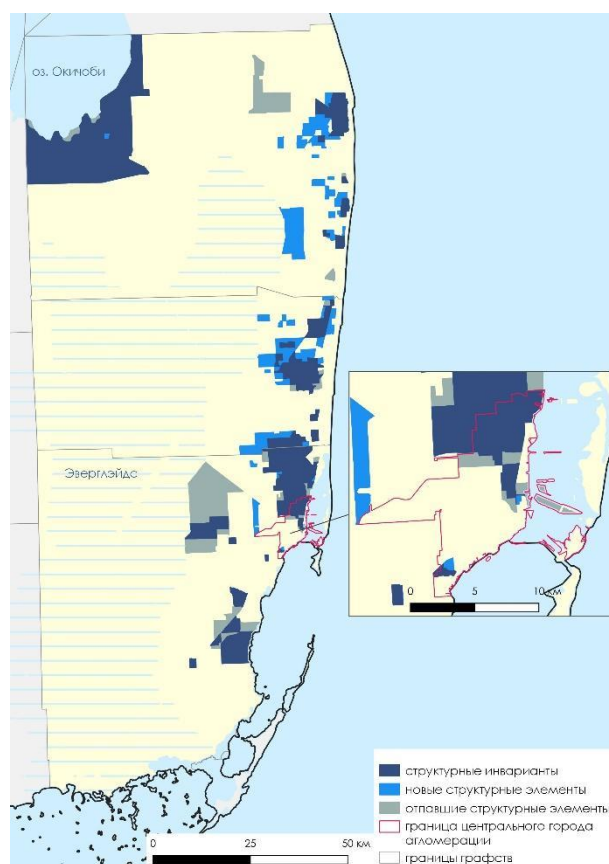

Рисунок 3.10 — Уплотнение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Майами в начале XXI в. Составлено автором

Если мемфисская агломерация моноцентрична и слабо стратифицирована в социально-экономическом отношении, то Майами, наоборот, представляет собой полицентрическую агломерацию и отличается высокой степенью социальной поляризации (см. раздел 2.3.3). Также здесь нет исторически афроамериканской сельской периферии, поэтому уплотнение в большей степени связано с миграциями из других городов страны. При этом, как и в Мемфисе, здесь можно говорить о **перетоках расселения**: инвариант в собственно Майами и его ближайшей субурбии не прирастает новыми элементами и сжимается. При этом в крупных пригородах Майами наблюдается плавное разрастание структуры, совмещающееся с отпадением элементов в прибрежной зоне. Соответственно, пространство агломерации Майами, сильно дифференцированное социальной поляризацией, переформирует структуру расселения афроамериканцев в соответствии с внутренними принципами.

Эта своего рода «настройка механизма» расселения — развитие процесса, затрагивающее небольшие по площади элементы, — наблюдаются и в других южных агломерациях. Обобщая наблюдения за процессом уплотнения можно сформулировать его ключевую особенность: будучи во многом обусловленным локальными факторами, он служит **организатором расселения афроамериканцев** в пространстве агломерации за счет **перетоков расселения и дифференцированного концентрирования** (то есть совмещения процессов концентрирования и деконцентрирования). Мемфис, который не является крупным

акцептором афроамериканских миграций, в таком случае «замыкается в себе»: перетоки в основном связаны с переселениями внутри агломерации; Майами же демонстрирует пример перетоков не только местного населения, но и мигрантов. **Пространство** агломерации Майами **направляет процесс расселения**, меняя паттерны концентрации в соответствии с местными условиями. Три остальных агломерации (Шарлотт, Даллас—Форт-Уэрт и Хьюстон) соответствуют майамскому типу трансформации, хотя за счет менее выраженных эндогенных пространственных факторов основной рисунок их территориальных структур меняется не столь сильно.

Расползание. Если при уплотнении структур расселение распределяется интенсивно, то есть в результате этого процесса численность населения растет при уменьшении площади, то расползание приводит к экстенсивному росту структуры. В нашей выборке оно встречается так же часто, как уплотнение, в пяти случаях: в **Новом Орлеане** (см. рис 3.11), **Канзас-Сити** (см. Приложение Е) и всех трех агломерациях Ржавого пояса (**Чикаго** (см. рис 3.12), **Детройте** (см. рис 3.13), **Кливленде** (см. Приложение Е)).

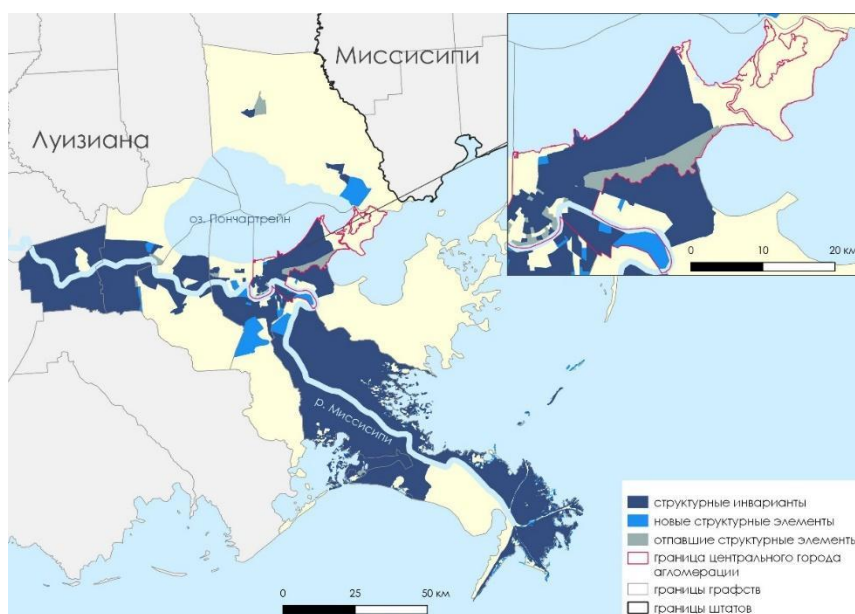

Рисунок 3.11 — Расползание структуры расселения афроамериканцев в агломерации Нового Орлеана в начале XXI в. Составлено автором

Новоорлеанская структура расселения подверглась мощному физико-географическому воздействию — ураган «Катрина» и последующее затопление значительной части территории привело к вынужденному переселению десятков тысяч афроамериканцев. Часть из них так и не вернулась назад, поэтому в 2018 г. здесь проживает меньше афроамериканцев, чем в 2000 г. Тем не менее, покинутые территории остались в пределах структуры расселения этой расовой группы, поскольку на их место не переехали представители других групп. Также в ближней субурбии отмечен процесс заполнения лакун: резкий рост структуры в сложных физико-географических условиях и исторической устойчивости рисунка

расселения невозможен. В данном случае имеет место **«настройка механизма» расселения**, как и в Майами, но с обратным эффектом: пространство агломерации Нового Орлеан распределяет перетоки расселения афроамериканцев с помощью точечного воздействия, поскольку выбор мест для заселения ограничен, а форс-мажор в виде стихийного бедствия обусловил общую депопуляцию структуры.

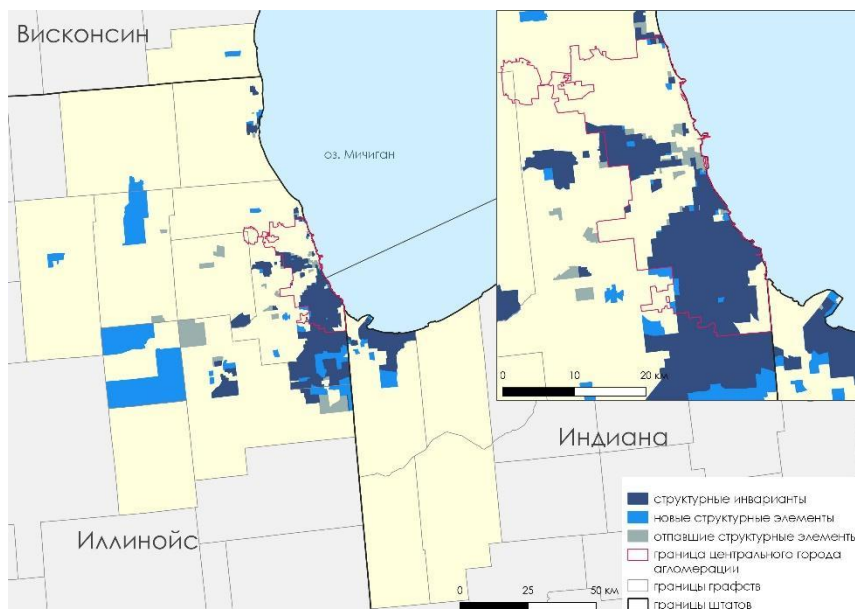

Рисунок 3.12 — Расположение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Чикаго в начале XXI в.

Составлено автором

Иная «настройка механизма» расселения происходит в агломерации Чикаго (см. рис. 3.12). Снижение численности и плотности афроамериканского населения здесь связана не с массовой депопуляцией, но с отпадением внутригородских элементов структуры расселения вследствие джентрификации. В то же время главный структурный инвариант, тянувшийся из центра города на юг, который на протяжении всех этапов расселения афроамериканцев расширялся, теперь увеличивается преимущественно за счет заполнения лакун. Расположение чикагской структуры расселения афроамериканцев соответствует логике социальной поляризации: развитие центрального города вынуждает **структуру «перетекать» в субурбию** с потерей в плотности и численности афроамериканского населения. За пределами городской черты она стремится к консолидации за счет заполнения разрывов в пространстве.

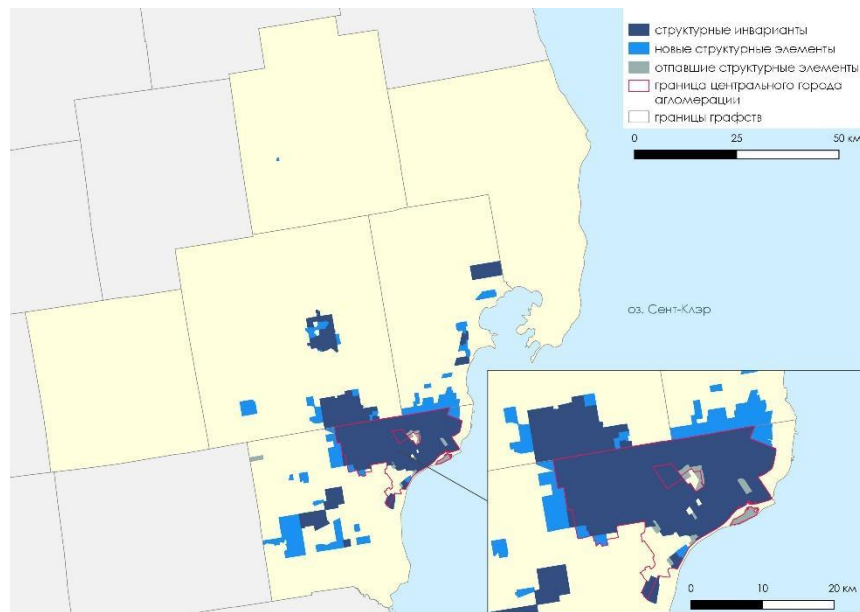

Рисунок 3.13 — Расположение структуры расселения афроамериканцев в агломерации Детройта в начале XXI в. Составлено автором

Наиболее характерный пример расположения структуры расселения афроамериканцев можно наблюдать в детройтской агломерации (см. рис. 3.13). Центральный город практически полностью занят структурным инвариантом, и доминирующий процесс расселения здесь — переток населения из Детройта в пригороды, то есть субурбанизация (насколько она соответствует классическому представлению о субурбанизации как о переезде в более благополучное место, мы выясняем в разделе 3.5). В отличие от процесса экстенсификационного сжатия, переезд за пределы структуры расселения (и, вероятно, агломерации вообще) в данном случае более активен, чем собственно внутриагломерационный переток расселения.

Процесс расползания прямо противоположен уплотнению. При уплотнении промежуточным результатом расселения является формирование новых пиков концентрации в пространстве; при расползании, в свою очередь, происходит как бы «**разравнивание**» **пространства структуры** за счет перетоков населения. **Направления перетоков и обуславливающие их факторы могут различаться:** из дальней периферии агломерации в сторону ближней — в силу физико-географических причин (Новый Орлеан), из центрального города в лакуны пригородной части структуры — как результат поляризации (Чикаго), из центрального города в пригороды за счет плавного разрастания, заполнения лакун и спорадического распространения — из-за деградации центра агломерации (Детройт). В двух агломерациях с расползающейся структурой, не рассмотренных подробно, наблюдаются чикагский (в Канзас-Сити) и детройтский (в Кливленде) варианты.

Интенсификационное сжатие. Процесс, при котором и площадь структуры, и численность афроамериканского населения в ней уменьшается, а плотность при этом растет, наблюдается только в агломерации Нью-Йорка (см. рис. 3.14).

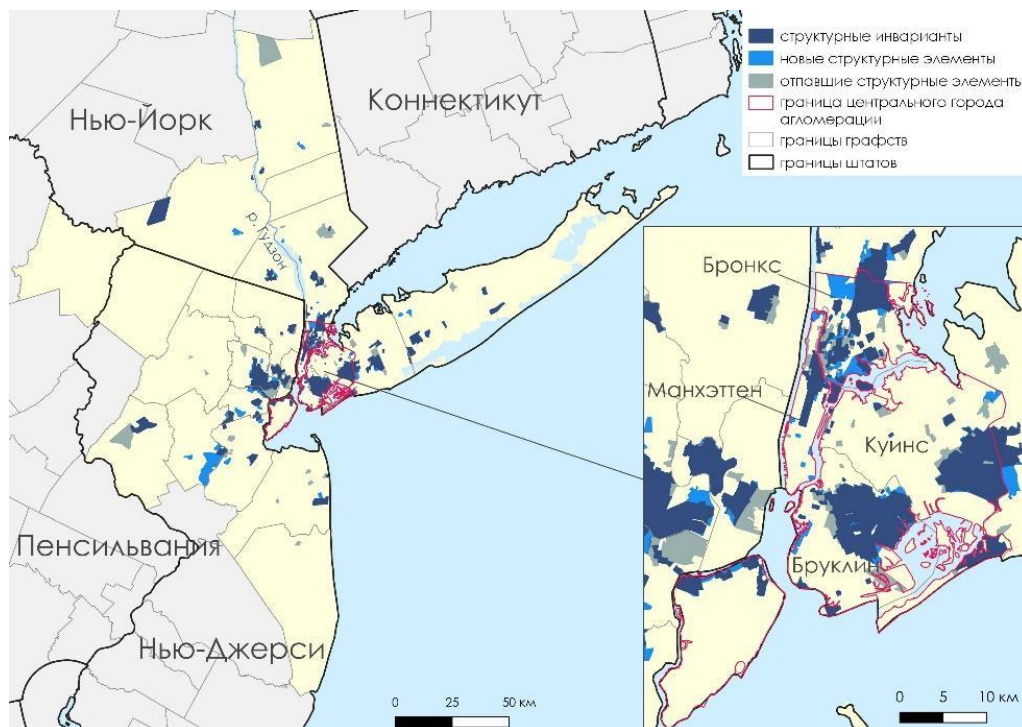

Рисунок 3.14 — Интенсификационное сжатие структуры расселения афроамериканцев в агломерации Нью-Йорка в начале XXI в. Составлено автором

Нью-йоркская агломерация обладает самой сложной структурой расселения афроамериканцев, и разнообразие процессов трансформации здесь велико. В центральном городе преобладает процесс **отпадения структурных элементов**, связанный с мощным притоком мигрантов из латиноамериканских и азиатских стран, а также с джентрификацией. В результате отпадения прежде единый манхэттенно-бронкский инвариант **распался на три части**. При этом параллельно некоторые части этого инварианта, наоборот, срастаются за счет **заполнения лакун**. Сочетание этих противоположных по сути процессов сильно отличает Нью-Йорк от центральных городов других агломераций, где инвариант либо устойчив, либо преимущественно расширяется, либо преимущественно сжимается. Подобная динамика свидетельствует о том, что при свойственной Нью-Йорку социальной поляризации **вариативность расселения афроамериканцев в пределах города не слишком сдерживается регуляторными факторами**.

Два других крупных инварианта — бруклинский и куинский — менее мобильны, и их динамика в целом схожа с Чикаго, где поляризация приводит к **медленному перетоку** расселения из центрального города за его пределы. В пригородах Нью-Йорка наблюдается одновременное **спорадическое распространение** новых элементов и **отпадение** столь же единичных элементов.

В целом пространственная трансформация структуры расселения афроамериканцев в агломерации Нью-Йорка, как и в случаях уплотнения и расползания, обнаруживает **стремление к внутренней реструктуризации за счет перетоков расселения**. Сокращение площади структуры происходит не столь быстро, как снижение численности населения, поэтому **воздействие пространства как организатора** процесса расселения в большей степени проявляется в виде **увеличения пиков концентрации**. Особенностью нью-йоркской агломерации также является **плюрализм пространственных процессов**, отсутствие резко преобладающего.

Абсолютное сжатие. Уменьшение и площади, и численности, и плотности афроамериканского населения отмечено только в агломерации Лос-Анджелеса (см. рис. 3.15).

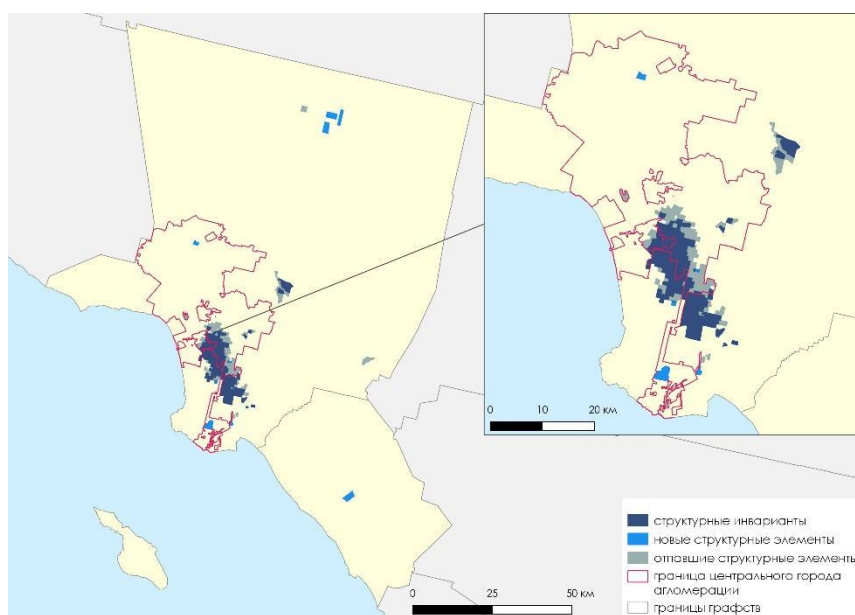

Рисунок 3.15 — Абсолютное сжатие структуры расселения афроамериканцев в агломерации Лос-Анджелеса в начале XXI в. Составлено автором

В Лос-Анджелесе особенно сильно проявляется замещение афроамериканцев латиноамериканцами. За счет этого **структура расселения афроамериканцев постоянно сжимается**. Несмотря на то, что движущей силой процесса сжатия в данном случае выступает социально-экономический фактор внешних миграций, **пространство по-прежнему играет роль организатора социально-экономической дифференциации**. Инвариант значительно активнее сжимается с восточной стороны (см. рис. 3.15). Это соответствует логике **повышенной значимости рельефа** для формирования паттернов расселения в Лос-Анджелесе, потому что к структурный инвариант расположен у подножия холмов, то есть вблизи от районов среднего класса. Соответственно, повышение расового разнообразия происходит именно в транзитной зоне между афроамериканским структурным инвариантом и благополучными районами на склонах. Это могло бы привести к перетоку афроамериканского населения в пригороды (по аналогии с Чикаго), но в данном случае этому препятствует

крайняя степень социальной поляризации между пригородами и центральным городом. Расселение за пределами Лос-Анджелеса связано исключительно со **спорадическим пространством** элементов в удаленных пригородах. Таким образом, абсолютное сжатие структуры расселения афроамериканцев в Лос-Анджелесе связано с постепенным **вытеснением** этой расовой группы из наиболее благополучных частей структуры и **миграцией** в другие города страны.

3.4. Социально-экономические процессы в составных элементах внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев

3.4.1. Динамика социально-экономического статуса

Выделенные в разделе 3.3 типы элементов внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев (структурные инварианты, новые и отпавшие элементы) являются субъектами не только пространственной динамики, но и **социально-экономической дифференциации**. Для количественной оценки такой дифференциации нами используется композитный социально-экономический индекс Дардена—Камела (КСЭИ) и индекс энтропии. Первый оценивает социально-экономический статус территории (СЭС), второй — уровень расового разнообразия.

КСЭИ является относительной и безразмерной метрикой, сравнивающей совокупность показателей со средним уровнем по городу. Очевидно, что отрицательные значения свидетельствуют о негативном положении — пониженном СЭС. Однако отрицательные значения могут иметь весьма значимую амплитуду, в связи с чем следует принять некоторые правила их интерпретации. То же справедливо и в адрес положительных значений.

Дж. Т. Дарден, апробировавший эту метрику на материале Детройта, предлагает интерпретировать ее значения на основе выделения квинтилей [Darden et al. 2010]. Он с соавторами рассматривает весь город как с отрицательными, так и с положительными значениями. Забегая вперед, отметим, что в нашем исследовании резко преобладают значения из отрицательной части шкалы. Поэтому мы предлагаем группировать значения в интервалы: от 0 до -2, от -2 до -4, от -4 до -6 и так далее.

Чтобы определить траектории социально-экономической дифференциации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев, рассмотрим динамику КСЭИ и индекса энтропии в разрезе основных структурных элементов. К ним относятся инварианты, отпавшие и новые элементы. Также анализируются территории концентрации афроамериканцев (ТКА) как основные части инвариантов. Значения КСЭИ по трем типам элементов и ТКА отражены в Таблице 3.3.

Таблица 3.3 — Социально-экономический статус в основных элементах внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев. Составлено автором

Агломерация	Композитный социально-экономический индекс Дардена—Камела							
	Структура в целом, 2000 г.	Структура в целом, 2018 г.	ТКА, 2000 г.	ТКА, 2018 г.	Структурные инварианты, 2000 г.	Структурные инварианты, 2018 г.	Отпавшие элементы	Новые элементы
Атланта	-5,97	-4,75	-6,62	-5,43	-4,93	-6,14	-3,75	-0,95
Шарлотт	-7,14	-5,01	-7,80	-5,32	-5,70	-7,62	-4,91	-1,51
Мемфис	-4,87	-3,90	-5,60	-4,58	-4,33	-5,63	-1,60	1,32
Новый Орлеан	-5,13	-4,66	-6,00	-5,32	-4,78	-5,23	-3,18	0,37
Майами	-6,71	-5,35	-6,75	-5,60	-6,21	-6,54	-5,17	-1,66
Даллас—Форт-Уэрт	-7,29	-6,14	-9,36	-6,94	-6,66	-8,09	-7,41	-2,08
Хьюстон	-6,53	-4,97	-6,90	-5,42	-5,75	-6,31	-6,08	-1,45
Нью-Йорк	-6,03	-4,70	-5,88	-4,41	-5,66	-4,93	-5,65	-2,86
Филадельфия	-7,62	-7,19	-8,50	-8,80	-7,57	-8,84	-5,96	-4,39
Вашингтон	-5,79	-4,99	-6,70	-5,30	-4,38	-4,72	-3,33	-1,64
Балтимор	-7,16	-6,70	-8,23	-8,10	-6,65	-7,42	-1,76	-0,98
Индианаполис	-6,90	-6,81	-8,00	-7,43	-6,82	-7,86	-3,78	-4,25
Канзас-Сити	-7,95	-8,90	-8,80	-9,35	-8,07	-10,43	-5,20	-2,88
Чикаго	-7,65	-7,88	-7,95	-8,27	-7,64	-8,73	-5,26	-3,35
Детройт	-8,12	-7,80	-8,38	-8,17	-8,08	-8,85	-9,44	-3,72
Кливленд	-7,72	-7,45	-7,58	-7,51	-7,57	-8,96	-11,59	-4,05
Лос-Анджелес	-6,61	-5,38	-5,76	-4,19	-5,81	-5,48	-8,09	-6,78
Лас-Вегас	-10,91	-6,42	-10,70	-4,72	-10,52	-9,39	-9,59	-4,05
Бостон	-9,48	-9,43	-10,04	-10,50	-10,10	-10,89	-4,36	-7,54
Милуоки	-8,95	-9,17	-9,01	-9,60	-8,89	-10,33	-4,19	-1,43

Структуры в целом. Все структуры за оба рассматриваемых периода демонстрируют **пониженный СЭС**. Величина отставания от среднего уровня агломерации неодинакова, как и его динамика. В трех агломерациях (Чикаго, Милуоки, Канзас-Сити) СЭС структур понизился, при этом он в них изначально был в пределах двух низших интервалов (между -7 и -10). В большинстве других кейсов отмечен небольшой рост (в пределах 2). Это свидетельствует о сохранении **повсеместного сохранения межрасового неравенства** в ярко выраженной пространственной форме; преобладающая тенденция, однако, почти везде направлена на **выравнивание** диспропорций.

Исключения составляют Шарлотт (прирост в 2,13) и Лас-Вегас (прирост в 4,49). Обе этих агломерации ранее были выделены нами как обладающие эндогенными институциональными и социально-экономическими факторами, способствующими повышению уровня благосостояния реализации афроамериканцев.

Территории концентрации афроамериканцев. ТКА во многом состоят из гетто, поэтому они ожидаемо имеют **более низкий СЭС, чем** соответствующие **структуры расселения в целом**. Из этого правила есть исключения: агломерация Лас-Вегаса, где СЭС ТКА **превышает** средний по структуре расселения уровень (разрыв увеличился с 0,21 до 1,7), Лос-Анджелес (превышение выросло с 0,85 до 1,19) и Нью-Йорк (с 0,15 до 0,29). Причины, по которым ТКА в трех агломерациях более благополучны, чем структуры в целом, связаны с двумя разными процессами.

Афроамериканцы в Лас-Вегасе являются **мигрантами**, как и выходцы из-за пределов США, и их расселение в благоприятных институциональных и социально-экономических условиях (а также весьма специфических пространственных) **можно уподобить модели Берджесса**, где этнорасовые группы по мере накопления капитала начинают жить во все более престижных районах.

В свою очередь, Нью-Йорк и Лос-Анджелес, в большей степени ориентированные на сжатие структур расселения, скорее демонстрируют примеры **депопуляции беднейших афроамериканцев** и начала **формирования афроамериканского среднего класса**. Его представители концентрирующегося в *относительно* благополучных районах. Иными словами, рост СЭС афроамериканских районов в Лас-Вегасе связан с экстенсификационным расселением этой расовой группы, а в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе — с оттоком бедных афроамериканцев.

Среди тех агломераций, где ТКА обладают особенно низким СЭС (по сравнению со структурой в целом), выделяются случаи Филадельфии, Балтимора, Бостона и Далласа. Заметное отставание от и без того весьма низкого уровня свидетельствует о сильнейшей **поляризации** — как между расовыми группами, так и **среди афроамериканцев**.

Структурные инварианты. Несмотря на то, что ТКА составляют основу **структурных инвариантов**, эти типы элементов не тождественны. СЭС в инвариантах также чаще всего **снижается**, а соотношения со средними значениями по структуре более разнообразны. Агломерации-**исключения**, в которых СЭС в инвариантах выше среднего по структуре, те же — Лас-Вегас, Лос-Анджелес, Нью-Йорк. Необходимо заметить, однако, что инвариант в Лас-Вегасе, несмотря на повышение своего СЭС, остается одним из худших по выборке (-9,39); нью-йоркский и лос-анджелесский, в свою очередь, относятся к числу более благополучных (-4,93 и -5,48 соответственно).

Если в 2000 г. только в Канзас-Сити и Бостоне инварианты отставали от среднего СЭС по структуре, то в 2018 г., наоборот, лишь в Вашингтоне этот элемент превысил среднее значение. Такой сдвиг показывает, что **инварианты не только статичны в пространстве, но и депрессивны** (имеют стабильно низкий СЭС): новые элементы обычно опережают их.

Отпавшие элементы. Отпавшие элементы целом имеют значительно **более высокий СЭС**, чем инварианты. Исключения составляют Кливленд, Лос-Анджелес, Детройт, Даллас—Форт-Уэрт и Хьюстон (где СЭС инвариантов выше на 4,01, 2,29, 1,36, 0,74 и 0,33 соответственно), а также Нью-Йорк (где СЭС отпавших элементов и инвариантов почти идентичен). Это может говорить о неких радикальных преобразованиях самых неблагополучных афроамериканских районов: **замещении местных жителей небогатыми мигрантами**, представляющими другие расовые группы, или **джентрификации** (также сопровождающейся замещением, но уже средним классом, чаще всего белым).

Среди всех выделенных нами структурных элементов за оба года **повышенный СЭС отмечен лишь в двух случаях** — новых структурных элементах в **Мемфисе** (КСЭИ = 1,32) и **Новом Орлеане** (КСЭИ = 0,37). Еще в ряде агломераций СЭС новых элементов ненамного ниже нуля (в пределах -2): Атланта, Балтимор, Милуоки, Хьюстон, Шарлотт, Вашингтон, Майами. Большинство относится к одному из двух (южному и неюжному) типов раннего освоения. Исключение составляет Милуоки, агломерация позднего афроамериканского освоения.

Почти во всех других случаях СЭС новых элементов низок, но значительно превышает аналогичный показатель у отпавших элементов, что говорит о позитивном процессе **замещения неблагополучных районов более успешными**. Есть, однако, два исключения, где замещение носит характер **деградации**: это **Бостон** (СЭС новых элементов — -7,54, отпавших — -4,36) и **Индианаполис** (-3,78 и -4,25 соответственно). Единственная агломерация, где новые элементы имеют более низкий по сравнению с инвариантами СЭС, — лос-анджелесская. Как отмечалось в разделе 3.3, новые элементы здесь в основном возникают

в дальней субурбии, в то время как инвариант в основном находится в пределах города или ближних пригородах.

Рассмотрение динамики значений КСЭИ и индекса энтропии в контексте различий между структурными элементами позволило выявить некоторые закономерности. Социально-экономический статус структур расселения афроамериканцев повсеместно **отрицательный, но имеет тенденцию к росту**. В основном рост достигается за счет замещения отпавших структурных элементов **более благополучными новыми**. Исключения составляют Бостон и Индианаполис, где новые элементы имеют более низкий СЭС, чем отпавшие. Структурные инварианты в целом и их каркас (ТКА) в частности в основном **деградируют**; обратный процесс отмечен в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. В целом ряде агломераций новые элементы вплотную подбираются к среднему уровню по значению КСЭИ, а в двух случаях (Мемфис и Новый Орлеан) даже **превышают** его.

3.4.2. Динамика уровня расового разнообразия

Индекс энтропии может принимать значения от 0 до 1, поэтому таких перепадов, как в случае измерения СЭС, здесь быть не может. Интерпретация значений этой метрики логически вытекает из диапазона возможных значений: 0,5 служит в качестве пограничной отметки между повышенными и пониженными значениями. Дифференциация уровня расового разнообразия по основным элементам внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев отражена в Таблице 3.4.

Таблица 3.4 — Уровень расового разнообразия в основных элементах внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев. Составлено автором

Агломерация	Индекс энтропии							
	Структура, 2000 г.	Структура, 2018 г.	ТКА, 2000 г.	ТКА, 2018 г.	Инварианты, 2000 г.	Инварианты, 2018 г.	Отпавшие элементы	Новые эле- менты
Атланта	0,43	0,53	0,37	0,47	0,44	0,46	0,54	0,69
Шарлотт	0,51	0,66	0,45	0,64	0,53	0,60	0,62	0,74
Мемфис	0,35	0,40	0,32	0,36	0,37	0,36	0,43	0,60
Новый Орлеан	0,40	0,48	0,35	0,43	0,40	0,45	0,52	0,64
Майами	0,54	0,58	0,46	0,55	0,55	0,53	0,63	0,74
Даллас—Форт-Уэрт	0,55	0,65	0,42	0,57	0,54	0,58	0,64	0,79
Хьюстон	0,54	0,62	0,49	0,54	0,54	0,58	0,66	0,73
Нью-Йорк	0,52	0,56	0,45	0,50	0,50	0,54	0,62	0,72
Филадельфия	0,46	0,54	0,39	0,47	0,44	0,50	0,62	0,72
Вашингтон	0,46	0,56	0,38	0,49	0,47	0,53	0,65	0,76
Балтимор	0,38	0,47	0,31	0,38	0,42	0,46	0,64	0,73
Индианаполис	0,47	0,62	0,40	0,60	0,48	0,59	0,56	0,69
Канзас-Сити	0,46	0,58	0,39	0,52	0,43	0,56	0,62	0,66
Чикаго	0,29	0,38	0,24	0,33	0,27	0,35	0,53	0,67
Детройт	0,30	0,35	0,27	0,30	0,30	0,30	0,57	0,61
Кливленд	0,32	0,40	0,26	0,33	0,31	0,33	0,62	0,59
Лос-Анджелес	0,56	0,60	0,50	0,56	0,53	0,58	0,59	0,73
Лас-Вегас	0,62	0,78	0,46	0,79	0,60	0,71	0,73	0,79
Бостон	0,64	0,70	0,57	0,66	0,63	0,65	0,75	0,78
Милуоки	0,44	0,49	0,40	0,46	0,43	0,46	0,61	0,69

Структуры в целом. Как и в случае со средними значениями по агломерациям, в структурах наблюдается повсеместный **рост расового разнообразия**. При этом соотношение показателей структур и агломераций в целом различается от места к месту. В пяти агломерациях (Чикаго, Вашингтон, Мемфис, Детройт, Атланта) структуры расселения афроамериканцев в 2018 г. отличаются **пониженным расовым разнообразием** относительно среднего уровня агломерации; в 2000 г. такая картина наблюдалась только в Чикаго и Вашингтоне.

В остальных агломерациях расовое разнообразие в структурах расселения афроамериканцев **выше среднего**. По величине превышения выделяются Бостон (0,24 в 2018 г.), Индианаполис (0,19), Канзас-Сити и Шарлотт (в обеих — 0,13). Шарлотт отличается от трех других агломераций особенно высоким значением индекса в пределах структуры расселения афроамериканцев (0,66).

Территории концентрации афроамериканцев. Уровень расового разнообразия ТКА повсеместно вырос. Если сравнивать его с показателями соответствующих структур, то он ожидаемо ниже почти везде, кроме Лас-Вегаса (где превышение составляет 0,01). Однако при сопоставлении со средними значениями по агломерациям в целом выявляются случаи, где **ТКА относительно разнообразны**. Это Бостон, Индианаполис, Шарлотт, Милуоки, Майами, Лас-Вегас, Канзас-Сити и Филадельфия. Этот результат можно считать **неожиданным**, поскольку среди ТКА много гомогенно афроамериканских территорий. Тот факт, что уровень расового разнообразия в них выше среднего, свидетельствует о низком разнообразии на территориях концентрации других расовых групп.

Структурные инварианты. При рассмотрении структурных инвариантов в двух случаях — Майами и Мемфисе — впервые выявляется отрицательная динамика расового разнообразия. Если сравнить инварианты со структурами в целом, то замечен сдвиг от схожих значений в 2000 г. (в семи случаях инварианты более разнообразны, чем структура в целом) к повсеместному **отставанию** в 2018 г.

Новые структурные элементы. Новые структурные элементы отличаются **крайне высокими** значениями индекса энтропии. В среднем по выборке уровень разнообразия в новых элементах достигает 0,7 (варьируя от 0,59 в Кливленде до 0,79 в Лас-Вегасе и Далласе). При этом не везде новые элементы сильно отличаются от отпавших. Например, в Кливленде отпавшие элементы и вовсе отличаются более высоким средним значением индекса энтропии. Однако в целом замечен тренд на **замещение отпавших элементов более расово разнообразными**.

Подытоживая анализ уровня расового разнообразия по основным типам элементов внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев, можно выделить несколько закономерностей. **Уровень расового разнообразия возрос**, и в 15 случаях из 20 превышает средний по агломерации (хотя в 2000 г. таких кейсов было 19). **Неожиданным** стало выявление **повышенного** (относительно структуры и агломерации в целом) **расового разнообразия на ТКА** в восьми агломерациях (Бостон, Индианаполис, Шарлотт, Милуоки, Майами, Лас-Вегас, Канзас-Сити и Филадельфия). При этом инварианты чаще всего отстают от среднего показателя. Это говорит о том, что в перечисленных агломерациях **повышенная концентрация афроамериканцев** в пространстве **сочетается с относительно сбалансированным расселением других расовых групп**. В то же время на территориях концентрации иных расовых групп этот неожиданный эффект проявляется в меньшей степени (или не проявляется вообще).

3.5. Траектории социально-экономической дифференциации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев

Выделение **траекторий** пространственной дифференциации расселения афроамериканцев является синтезом всех наблюдений и закономерностей, выявленных нами в предшествующих разделах и главах. Для этого мы используем:

- типы расселения афроамериканцев в городских агломерациях и вариации соотношения экзогенных и эндогенных факторов расселения (Глава 2);
- количественную оценку современных процессов расселения афроамериканцев на уровне агломераций (раздел 3.2);
- выявленные закономерности трансформации пространственных структур расселения афроамериканцев в городских агломерациях (раздел 3.3);
- количественный анализ социально-экономической дифференциации структурных элементов расселения афроамериканцев (раздел 3.4).

Разнообразные сочетания этих количественных и качественных параметров формируют определенные траектории развития пространственной дифференциации расселения афроамериканцев. Под траекторией понимается **магистральное направление ключевых процессов, формирующих пространственную дифференциацию расселения афроамериканцев**.

Две агломерации с общей траекторией могут демонстрировать разные количественные показатели или иметь неодинаковую историю эволюции, но **аттрактор** у них общий.

Под аттрактором в исследованиях расселения понимают область притяжения данного процесса [Шупер 1995]. Аттрактором может быть некое состояние системы, которое можно параметризовать количественно или как определенное соотношение факторов.

Всего было выделено 8 траекторий социально-экономической дифференциации расселения афроамериканцев. Основные сведения о них отражены в Таблице 3.5.

Таблица 3.5 — Траектории социально-экономической дифференциации расселения афроамериканцев. Составлено автором

Траектория	Агломерация	Критерии выделения
Морфодетерминизм ⁵⁹	Нью-Йорк Лос-Анджелес Мемфис Новый Орлеан	Значения индексов (и направления их изменения) противоречат тенденциям во всех других агломерациях: • рост СЭС в инвариантах (Нью-Йорк и Лос-Анджелес); • СЭС выше 0 в новых элементах (Новый Орлеан и Мемфис).
Поздняя десегрегация	Детройт Кливленд	СЭС новых элементов выше, чем СЭС отпавших на 5 и более. СЭС новых элементов выше СЭС структуры менее чем на 4. Уровень расового разнообразия агломерации ниже 0,3 в 2000 г. и ниже 0,4 в 2018 г. Уровень пространственной сегрегации выше 0,6 в 2000 г. и выше 0,5 в 2018 г. Уровень пространственной концентрации афроамериканцев в структуре в интервале 0,7—0,8.
Поляризация на фоне поздней десегрегации	Чикаго Милуоки	СЭС структуры снижается. СЭС новых элементов выше СЭС структуры более чем на 4. Уровень пространственной сегрегации выше 0,6 в 2000 г. Уровень пространственной концентрации афроамериканцев в интервале 0,6—0,8.
Прогрессивная поляризация	Атланта Шарлотт Майами Хьюстон Вашингтон	СЭС в среднем по структуре в интервале между -5,5 и -4,5 в 2018 г. СЭС новых элементов выше -2. Уровень расового разнообразия структуры выше 0,5 в 2018 г. Уровень расового разнообразия новых элементов выше 0,69.
Усиленная поляризация	Даллас— Форт-Уэрт Канзас-Сити Балтимор Филадельфия	СЭС новых элементов выше СЭС инвариантов на 6 и более. СЭС структуры изменился менее чем на 1 . СЭС структуры ниже -6 в 2018 г. Уровень пространственной концентрации афроамериканцев выше 0,6 в 2018 г.
Энтропийная поляризация	Лас-Вегас	СЭС новых элементов выше СЭС отпавших более чем на 5. СЭС инвариантов ниже -9. Уровень расового разнообразия структуры выше 0,6 в 2000 г. и выше 0,7 в 2018 г. Уровень пространственной сегрегации ниже 0,3. Рост СЭС структуры более чем на 4.
Структурная деградация	Бостон	СЭС новых элементов ниже СЭС отпавших более чем на 3. СЭС структуры ниже -9. СЭС инвариантов ниже -10.

⁵⁹ Строго говоря, предлагаемый термин не совсем корректен, поскольку сочетает корни из разных языков (греческого и латыни) [Рогачев 2020]. Однако он видится нам наиболее выразительным, поскольку в географии давно устоялись понятия «морфология» и «детерминизм».

		Уровень пространственной концентрации афроамериканцев выше 0,7.
Нелинейная деградация	Индианаполис	СЭС новых элементов ниже СЭС отпавших менее чем на 1. СЭС структуры в интервале между -7 и -6. Уровень пространственной концентрации афроамериканцев ниже 0,6 в 2018 г.

Морфодетерминизм. Эта траектория связана с особенно значимой ролью **пространства**. Во всех четырех случаях (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Мемфис и Новый Орлеан) пространственный фактор играл особую роль при формировании структуры расселения афроамериканцев. На современном этапе здесь действуют специфические механизмы трансформации структуры. Ограничения, накладываемые пространством на активное увеличение структур расселения, приводят к преобладанию механизма заполнения лакун (в Мемфисе и Новом Орлеане) и отпадения (в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе).

Траектория морфодетерминизма отличается от прочих тем, что она необязательно приводит к формированию похожих пространственных паттернов дифференциации или достижению близких количественных показателей. В качестве аттрактора здесь выступает состояние, при котором **доминирование локальных пространственных процессов** над региональными, социально-экономическими и институциональными приводит к возникновению уникальных паттернов дифференциации расселения афроамериканцев. Подчеркнем, что сам факт уникальности сложившегося паттерна в той или иной агломерации не является причиной отнесения к данной траектории; принципиальным является именно **обусловленность этой уникальности пространственными факторами**.

Рассмотрим случай Нью-Йорка (см. рис. 3.16).

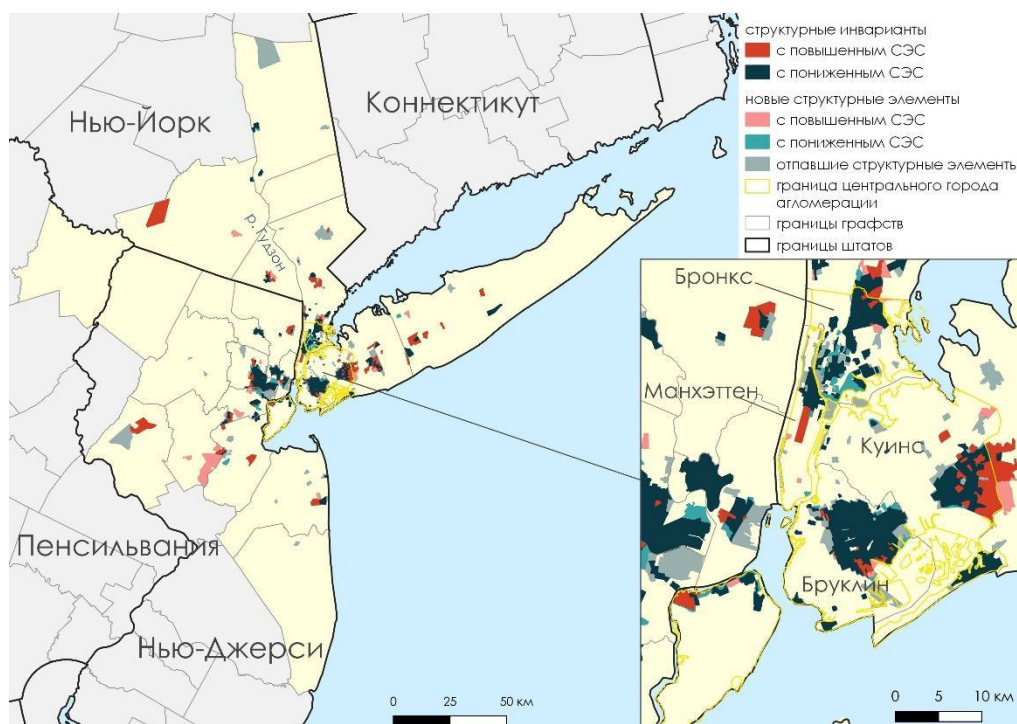

Рисунок 3.16 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории морфодетерминизма в агломерации Нью-Йорка в начале XXI в. Составлено автором

Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Нью-Йорка емонстрирует разнообразие локальных паттернов социально-экономического неравенства. Оно достигается благодаря главному пространственному свойству местной структуры расселения афроамериканцев — полицентричности.

Инвариант с преобладанием пониженного СЭС в Бруклине и дихотомический инвариант в Куинсе практически неизменны, в то время как основная активность по генерации новых элементов наблюдается в экотоне между манхэттенским и северо-бронкским инвариантами. Так выглядит процесс заполнения лакун; в нью-йоркском случае он связан с распространением элементов с низким СЭС. Аккумулировавшие позитивные социально-экономические явления инварианты в это же время становятся более благополучными.

Появление новых элементов с повышенным СЭС связано с принципиально новым процессом — **благополучной афроамериканской субурбанизацией**, которая схожа с белой субурбанизацией, когда в пригороды переезжают верхние социальные страты. Это контрастирует с расселением небогатых афроамериканцев в промышленных городах Нью-Джерси — типичным процессом для агломерации на протяжении большей части XX в. Теперь у афроамериканцев есть две пространственные стратегии достижения высокого СЭС: жизнь на периферии исторических центров расселения (например, в Куинсе) или субурбанизация.

Причина повышения СЭС в инвариантах лос-анджелесской структуры расселения становится понятной при рассмотрении карты социально-экономической дифференциации (рис. 3.17).

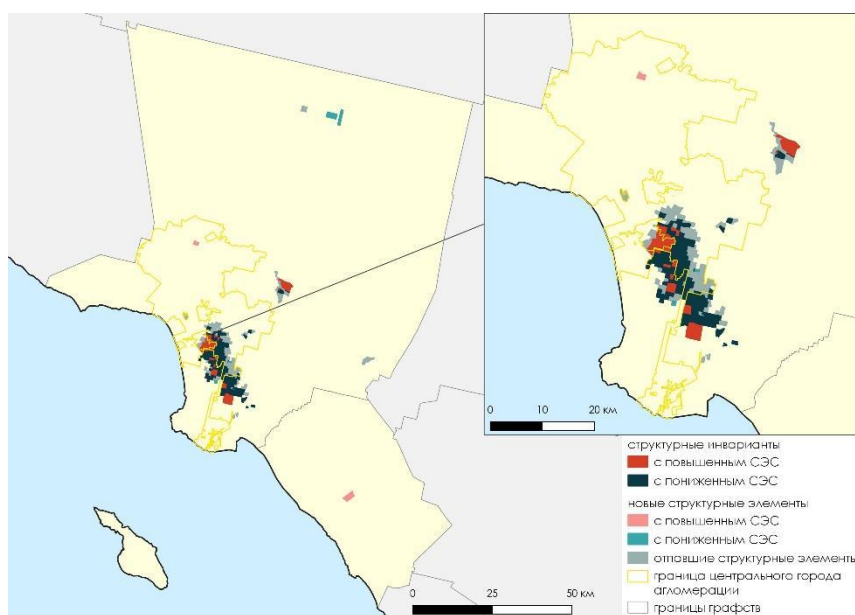

Рисунок 3.17 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории морфодетерминизма в агломерации Лос-Анджелеса в начале XXI в. Составлено автором

Процесс отпадения структурных элементов значительно сильнее развит вдоль периферии неблагополучной части инварианта. Соответственно, при дальнейшем развитии траектории в пространстве Лос-Анджелеса, которому, как мы отмечали в разделе 2.3.6, свойственна гипсометрическая сегрегация с низкой рельефной (и социально-экономической) мобильностью, **инвариант сократится до некоего «ядра благополучия»**.

Этот процесс похож на сжатие неблагополучных мигрантских районов до небольшого ареала, имеющего историческое и культурное значение (такой путь проделал, например, район Маленькая Италия в Нью-Йорке). Поскольку Лос-Анджелес является городом позднего афроамериканского освоения, и данная расовая группа выступает здесь в качестве мигрантской, этот процесс имеет определенную историческую обоснованность. Тем не менее, это явление ново и уникально, поскольку оно может привести к сохранению исключительно благополучной части структуры расселения афроамериканцев.

Структура расселения афроамериканцев в Новом Орлеане расплзлась, что сопровождалось определенными социально-экономическими последствиями (см. Приложение Ж). Новые структурные элементы не только имеют больший СЭС, чем отпавшие, но и являются благополучными на фоне среднего уровня всего города.

Несмотря на разрушающее воздействие урагана «Катрина», общая логика организации структуры в пространстве **осталась неизменной**. Мы связываем это с тем, что логика ее развития оформлена особенностями местности: афроамериканцы расселились вдоль берегов р. Миссисипи и оз. Пончартрейн, и этот «гидродетерминизм» остался инвариантным свойством пространства. Появление новых элементов с повышенным СЭС в основном развивает эту логику: заполнение лакун происходит вдоль реки и побережья озера. Морфодетерминистская траектория социально-экономической дифференциации в Новом Орлеане, таким образом, закрепляет пространственные закономерности.

Мемфис, подобно Новому Орлеану, выделяется благополучными новыми структурными элементами (см. рис. 3.18).

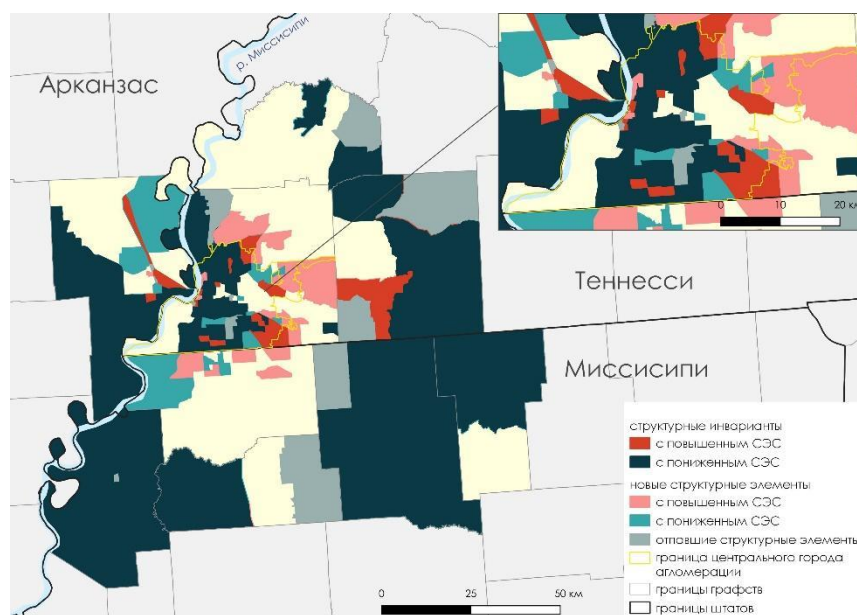

Рисунок 3.18 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории морфодетерминизма в агломерации Мемфиса в начале XXI в. Составлено автором

Однако пространственная динамика здесь совершенно иная: заполнение лакун здесь идет не вдоль р. Миссисипи, но в направлении отдаленных пригородов. При этом заметно, что распространение элементов с повышенным СЭС здесь ограничивается рекой. Даже в беднейшем штате Миссисипи появляются благополучные элементы, но на запад, в Арканзас, это не распространяется. В этом проявляется барьерность пространства. Тем не менее, в этих условиях вокруг Мемфиса сформировался полукруг пригородов с высоким СЭС — это принципиально новый для агломерации **процесс благополучной афроамериканской субурбанизации**.

Поздняя десегрегация. Под десегрегацией понимается снижение уровня пространственной сегрегации. В агломерациях, разделяющих данную траекторию, значение пространственного мультигруппового индекса диссимиляции было крайне высоким в 2000 г. и, несмотря на снижение, в 2018 г. по-прежнему заметно превышает средний уровень по выборке. Большая часть агломераций уже прошла аналогичный путь в 1990—2000-е, поэтому траекторию, наблюдаемую в городах Ржавого пояса, можно назвать поздней десегрегацией.

Вообще **пространственная сегрегация становится менее выраженной** по мере отдаления эпохи легитимной сегрегации. Ее уровень снижается повсеместно, и на фоне социально-экономических преобразований, связанных со сдвигами в расовом составе населения, роль этого институционально-пространственного феномена становится все менее определяющей.

Однако если значение пространственного мультигруппового индекса диссимиляции стабильно превышает 0,5, это свидетельствует о том, что **сегрегация все еще находится**

на высоком уровне. Мы подробно рассматривали концептуальные представления о роли пространственной сегрегации как основополагающего процесса, формирующего расселение афроамериканцев на пятом этапе. Соответственно, можно высказать предположение о том, что в тех немногочисленных агломерациях, где уровень сегрегации все еще высок, **развиваются те же процессы, что и на протяжении трех последних десятилетий XX в.**

Агломерации Детройта и Кливленда (см. Приложение 3), где структуры развиваются по траектории поздней десегрегации, можно рассматривать в паре, поскольку пространственные процессы здесь схожи. Важных отличий всего два: во-первых, агломерация Детройта депопулирует (здесь, как и в Новом Орлеане, это не мешает структуре расселения афроамериканцев увеличиваться), а во-вторых, местный структурный инвариант занимает почти всю площадь центрального города (в Кливленде — около половины).

Внутригородские структурные инварианты отличаются пониженным СЭС, и эта ситуация нарушается лишь немногочисленными новыми благополучными элементами в Кливленде. Увеличение структур в обоих случаях достигается за счет **неблагополучной субурбанизации** — появления новых элементов с пониженным СЭС за городской чертой. Эти элементы логически продолжают неблагополучные инварианты.

В то же время в обеих агломерациях существуют пригородные инварианты с повышенным СЭС. В отличие от новых благополучных афроамериканских пригородов в Нью-Йорке, они не динамичны, что говорит о том, что благополучная афроамериканская субурбанизация здесь не развивается. Можно говорить о том, что она проявлялась на прошлых этапах, но в начале XXI в. этот процесс точно не является определяющим для расселения афроамериканцев при траектории поздней десегрегации.

Проверим нашу гипотезу о продолжении тенденций 1970—1990-х гг. Гиперсегрегация, как мы отметили ранее, остается актуальной. Гиперконцентрация бедности в двух агломерациях явно продолжается: значение индекса Морана для афроамериканцев (несмотря на снижение) остается выше 0,7, а средний СЭС в структурах — ниже -7; новые элементы при этом также не отличаются благополучием (значение КСЭИ в обоих случаях близко к -4). Гипергеттоизация также не прекращается: наиболее активными субъектами расползания структура являются элементы с пониженным СЭС. Таким образом, гипотеза подтверждается, и **при поздней десегрегации действительно продолжается пятый этап эволюции расселения афроамериканцев.**

Поляризация на фоне поздней десегрегации. Траекторию поздней десегрегации можно считать своего рода **стагнацией**, при которой мало что принципиально меняется: прирост СЭС в структурах не превышает 0,5. В родственной ей траектории поляризации на фоне поздней десегрегации наблюдается иная картина.

В Чикаго и Милуоки СЭС структур снижается, несмотря на то, что новые элементы значительно благополучнее инвариантов. Отсутствие позитивного сдвига, пусть и незначительного, как в Детройте и Кливленде, позволяет выделить отдельную траекторию. Нюансом в данном случае является значительно меньший разрыв между отпавшими элементами и новыми (например, в Кливленде СЭС отпавших элементов минимален среди все оцененных элементов по выборке — -11,59). В Чикаго вместо элементов со значением КСЭИ в -5,26 появились элементы со значением -3,35; в Милуоки отпавшие элементы с КСЭИ в размере -4,19 были заменены элементами со значением -1,43. В то же время КСЭИ структур снизился в обоих случаях на 0,22—0,23, достигнув, соответственно, -7,88 и -9,17. Подобная разнонаправленная динамика СЭС свидетельствует о процессе **социально-экономической поляризации среди афроамериканцев**.

В пространственном отношении Милуоки (см. Приложение И) явно тяготеет к Детроиту и Кливленду: крупный неблагополучный инвариант, занимающий значительную часть центрального города и расширяющийся за счет новых элементов с пониженным СЭС — разве что неблагополучная субурбанизация здесь развита в куда меньшей степени. Чикаго имеет значительно более сложную структуру расселения (см. Приложение И), поэтому и процессы трансформации и дифференциации здесь более разнообразны. Инварианты в основном имеют низкий СЭС, но в Чикаго и его южной субурбии на периферии есть и благополучные инварианты. Расползание структуры — в основном за счет заполнения лакун — обеспечивается преимущественно элементами с пониженным СЭС.

Гиперсегрегация, гиперконцентрация бедности и гипергеттоизация в Чикаго и Милуоки так же выражены, как и в Детройте и Кливленде: индекс Морана для афроамериканцев достигает 0,69 и 0,78 соответственно, пространственный мультигрупповой индекс сегрегации — 0,48 и 0,55 (при относительно невысоком уровне сегрегации Чикаго отличается очень низким расовым разнообразием структуры — 0,38 в 2018 г.). Гипергеттоизация проявляется немного по-разному: в Чикаго она точечная, а в Милуоки — сплошная. Это подтверждает высказанный в разделе 2.3.6 тезис о **зависимости от пройденного пути Милуоки**, развивающегося в логике «Чикаго 10—20 лет назад».

Прогрессивная поляризация. При двух предыдущих траекториях средний СЭС по структуре либо незначительно рос, либо аналогичным образом снижался. В случае прогрессивной поляризации, во-первых, структуры изначально имели несколько больший СЭС (от -5,79 до -7,14), а во-вторых, что особенно важно, к 2018 г. достаточно сильно повысили его (средний прирост среди агломераций с той же траекторией — 1,41). Инварианты деградировали в схожей манере с двумя траекториями поздней десегрегации, а в ТКА, наоборот,

СЭС резко поднялся (в среднем на 1,54). Последнее свидетельствует о **снижившейся роли расы** в социально-экономической иерархии.

Наиболее ярким свойством прогрессивной поляризации является достижение всеми пятью агломерациями относительно высоких показателей СЭС в новых структурных элементах; они мало отстают от среднего уровня агломерации (значение КСЭИ варьирует от -1,66 до -0,95). В новых элементах также отмечается высокий уровень расового разнообразия (от 0,69 до 0,76). То же справедливо и в отношении структур в целом. Пространственная концентрация афроамериканцев и пространственная сегрегация не обнаруживают характерных значений или сдвигов; соответствующие метрики принимают разные значения, хотя чаще всего они не превышают средние по выборке.

Важной общей характеристикой агломераций, которые развиваются по траектории прогрессивной поляризации, является **активный рост численности населения**. Он укладывается в интервал от 21,1% до 43,9%. Основной причиной столь бурного роста является миграция — как внешняя, так и внутренняя (включая афроамериканскую).

Структура расселения афроамериканцев в Атланте (см. рис. 3.19) — самая динамичная по всей выборке.

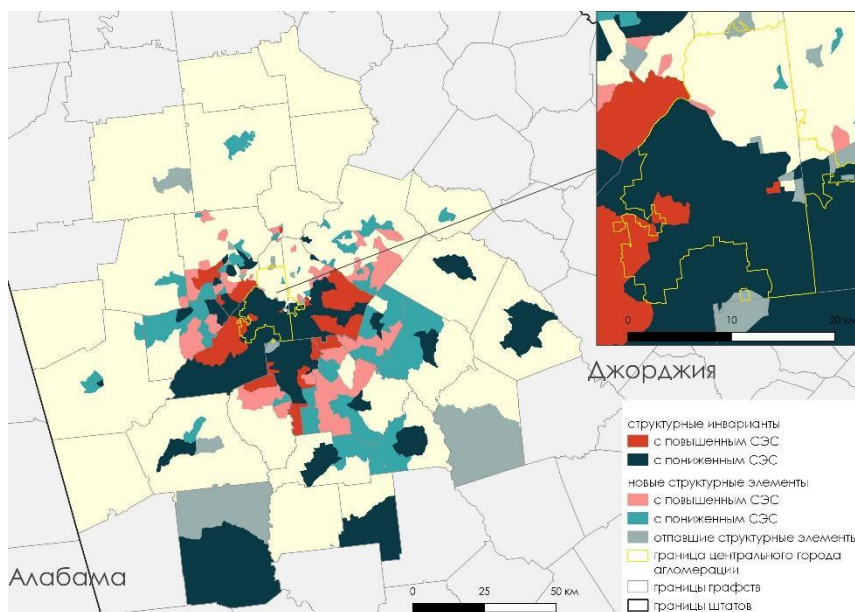

Рисунок 3.19 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории прогрессивной поляризации в агломерации Атланты в начале XXI в. Составлено автором

Ее резкое разрастание примерно в равной степени обеспечивается распространением новых элементов с повышенным и пониженным СЭС, составляющих два полюса благополучия в пригородах. Для Атланты эти процессы не новы: главный инвариант разросся далеко за пределы городской черты, причем благополучные пригороды сформировались как рядом с ним, так и на отдалении (в том числе, после пояса неблагополучных пригородов). **Процесс благополучной афроамериканской субурбанизации**, только зарождающийся в

некоторых агломерациях, в Атланте идет уже давно, и в 2000—2018 гг. лишь продолжил тенденцию последних десятилетий XX в.

В агломерации Шарлотт (см. Приложение К) новые структурные элементы в основном развивают логику дифференциации, задаваемую инвариантами. Ближние северные пригороды формируют пояс повышенного СЭС, а в отдаленной субурбии разрослись несколько альтернативных центров — почти полностью за счет неблагополучной субурбанизации. Этот же процесс сформировал и большинство отдаленных пригородных инвариантов, поэтому ничего нового в нем нет.

Главный принцип структуры расселения афроамериканцев в агломерации Майами (рис. 3.20) — концентрация вдоль побережья на некотором отдалении от океана, где находятся самые престижные территории — сохраняется.

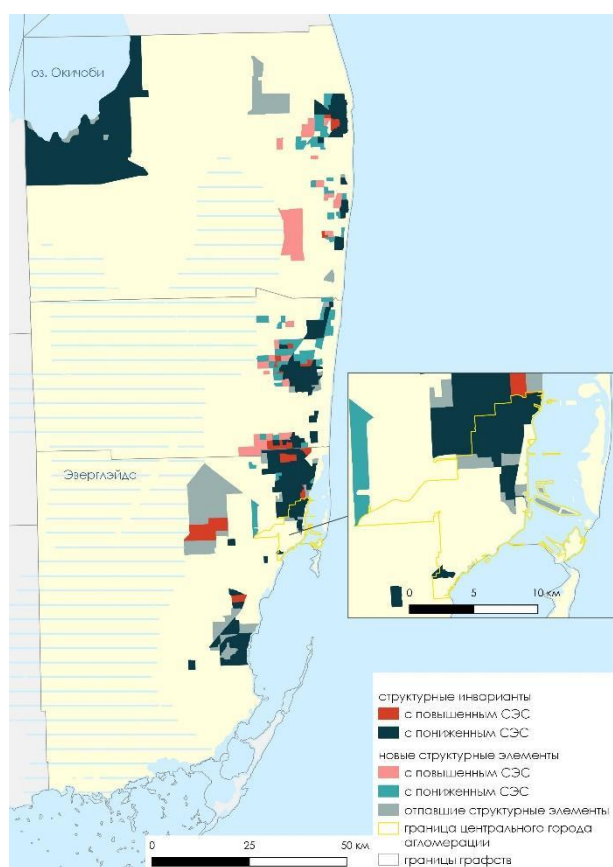

Рисунок 3.20 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории прогрессивной поляризации в агломерации Майами в начале XXI в. Составлено автором

При удалении на запад в противовес эти прибрежным территориям неблагополучия формируются пригороды с повышенным СЭС — причем как близ самого Майами, так и рядом с альтернативными центрами. Это проявление **благополучной афроамериканской субурбанизации** можно назвать **новым** для агломерации, поскольку среди пригородных инвариантов повышенный СЭС встречается крайне редко.

Постепенное развитие сложившейся структуры расселения без перехода на следующий этап наблюдается и в агломерации Хьюстона (см. Приложение К). Эпизодически возникающие пригородные территории с повышенным СЭС не нарушают общую логику: на южной периферии города концентрируются благополучные элементы, а остальная часть полукруга, формируемого инвариантом на востоке и новыми элементами на севере, имеет низкий СЭС. Хьюстонский паттерн можно считать архетипичным примером поляризованного пространства. Элементы с высоким и низким СЭС буквально образуют здесь полюса.

Агломерация Вашингтона (см. рис. 3.21), как и Атланта, давно отличается активной афроамериканской субурбанизацией, причем средний уровень благосостояния здесь даже выше.

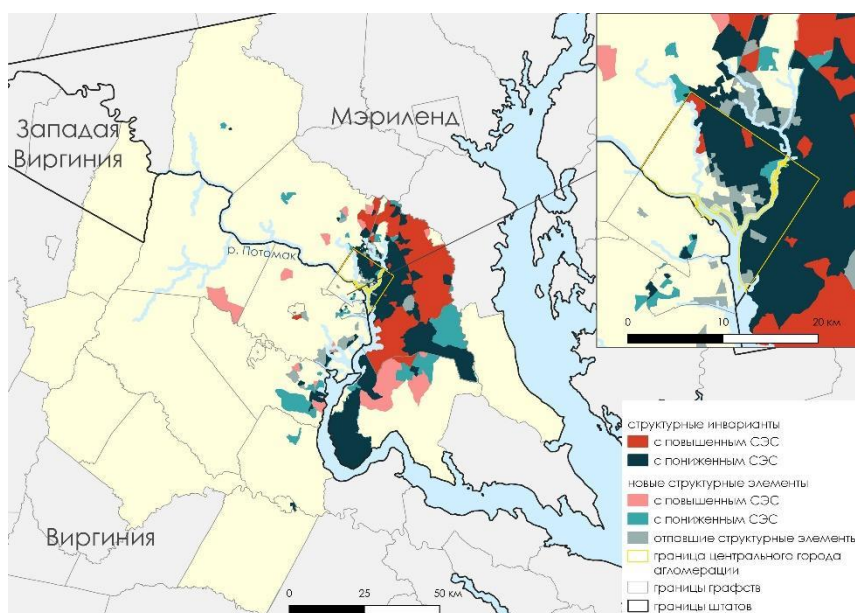

Рисунок 3.21 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории прогрессивной поляризации в агломерации Вашингтона в начале XXI в. Составлено автором

Период 2000—2018 гг. принципиально не поменял паттерн пространственной дифференциации, хотя, возможно, показал зачатки будущих сдвигов. Они связаны с достаточно активным отпадением структурных элементов в центральном городе и ближней субурбии к северо-востоку, а также спорадическим распространением новых элементов с высоким СЭС. Однако на данный момент об этом говорить еще рано, поскольку эти процессы не оказывают значимого влияния на структуру. Тем не менее, факт наличия пояса благополучных афроамериканских пригородов свидетельствует о том, что **в агломерации Вашингтона шестой этап расселения афроамериканцев начался еще до 2000 г.**

Траектория прогрессивной поляризации свойственна динамично развивающимся агломерациям, но пока она **не приводит к полноформатному переходу на следующий этап.** Рост структур в основном проходит в той же логике, что и до этого, с явным перекосом в сторону пригородного развития. Исключение из общей закономерности составляет Майами

с его сложным пространственным устройством. Здесь впервые активно проявилась благополучная афроамериканская субурбанизация, и в данном конкретном случае это свидетельствует о **начале нового этапа**.

Усиленная поляризация. Усиленная поляризация близка по своей сути к прогрессивной, но инварианты здесь деградируют активнее, и СЭС в них достигает крайне низких значений (от -7,42 в Балтиморе до -10,43 в Канзас-Сити). Средние значения КСЭИ по структурам растут медленнее, а в Канзас-Сити оно даже уменьшилось. Кроме того, общее направление трансформации пространственных структур расселения афроамериканцев не однозначно увеличительное — в трех агломерациях из четырех заметно также и отпадение элементов. Новые элементы, в свою очередь, менее благополучны, чем их аналоги в предыдущей траектории. Два последних тезиса, однако, не относятся к Балтимору, но в данном случае агломерация была отнесена к траектории усиленной поляризации из-за большого разрыва между средним СЭС по структуре и тем же показателем в новых структурных элементах.

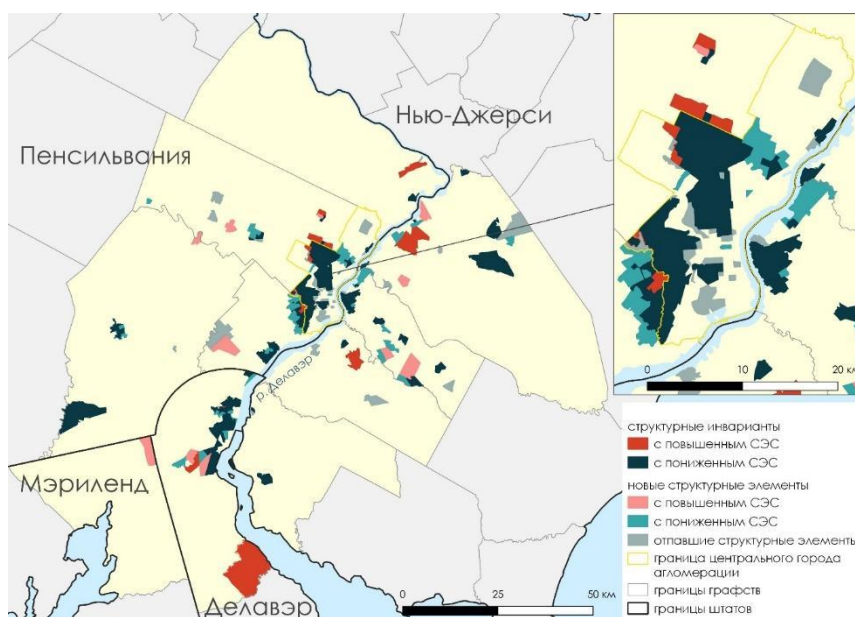
В Далласе и Форт-Уэрте происходят схожие процессы, но выраженные в разной степени: основные инварианты разрастаются на юг за счет новых элементов с повышенным СЭС, а в других направлениях — преимущественно за счет менее благополучных элементов (см. Приложение Л). Возникающая между двумя небогатыми городскими инвариантами связка в виде сгустка структурных элементов имеет пониженный СЭС. Увеличение структуры — заметно менее активное, чем в городах с прогрессивной поляризацией, — не формирует принципиально новых паттернов пространственной дифференциации расселения афроамериканцев.

Как и в случае агломерации Далласа—Форт-Уэрта, процесс заполнения лакун в Канзас-Сити в основном связан с неблагополучными новыми элементами (см. Приложение Л). Расширение за счет новых элементов с повышенным СЭС приурочено к более престижной части инварианта, за счет чего паттерн 2000 г. в общих чертах сохраняется. Можно также отметить, что роль физического пространства, выделявшаяся нами в качестве одной из ключевых в эволюции местной структуры расселения, на современном этапе не столь значима: реки не выступают в качестве барьеров между более и менее преуспевающими территориями.

Балтиморская структура расселения афроамериканцев (см. Приложение Л) представляет собой еще один пример четкого следования заданному курсу. Афроамериканская субурбанизация, начавшаяся еще во второй половине XX в., продолжается в том же (преимущественно северо-западном) направлении. Внутригородской инвариант с пониженным

СЭС остается достаточно стабильным: неактивное отпадение элементов компенсируется воспроизводством неблагополучия в новых элементах.

В отличие от трех предыдущих кейсов, в случае Филадельфии можно говорить о **начале нового этапа** расселения афроамериканцев (см. рис. 3.22).

Он связан с афроамериканской субурбанизацией, основным пространственным механизмом которой служит спорадическое распространение новых элементов с повышенным СЭС. Еще одной местной особенностью является сдвиг некоторых неблагополучных элементов из центра Филадельфии в ближайшую субурбию на юго-западе, по соседству с одним из двух крупнейших инвариантов. Эти новые неблагополучные элементы имеют очень низкий СЭС, из-за чего агломерация в целом отличается одним из самых низких средних значений КСЭИ в новых элементах. Поляризационный разрыв в данном случае проходит не между инвариантами и новыми элементами, а между новыми элементами в ближних и дальних пригородах.

Траектория усиленной поляризации в целом не благоволит для перехода на новый этап расселения афроамериканцев. В Далласе, Канзас-Сити и Балтиморе продолжают те же пространственные процессы, что формировали здесь пятый этап в 1967—2000 гг. Исключение составила Филадельфия, где в силу локальной специфики возникает своего рода «**двойная поляризация**»: СЭС новых структурных элементов в дальних пригородах обеспечивает им отрыв не только от инвариантов, но и от многих новых элементов, возникающих в ближней субурбии.

Энтропийная поляризация. Первая из трех уникальных траекторий пространственной дифференциации расселения афроамериканцев разворачивается в Лас-Вегасе. Она получила название энтропийной поляризации по двум причинам: во-первых, из-за максимального по выборке уровня пространственного разнообразия (индекса энтропии), во-вторых в соответствии с характером увеличения структуры. Его можно уподобить энтропии в понимании теории термодинамики, то есть рассеиванию энергии.

Подобное рассеивание в случае Лас-Вегаса оформлено спорадическим распространением новых структурных элементов (см. рис. 3.23).

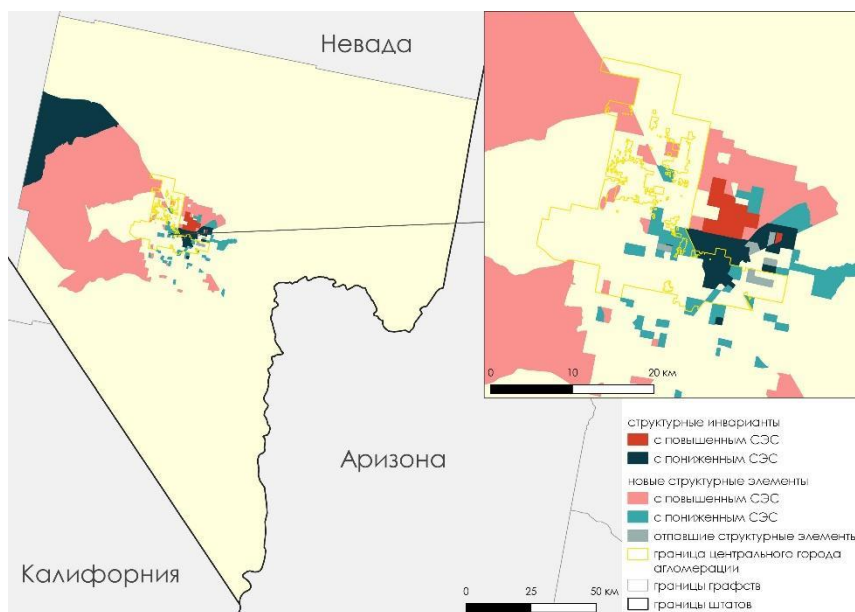

Рисунок 3.23 — Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев по траектории энтропийной поляризации в агломерации Лас-Вегаса в начале XXI в. Составлено автором

В основном они представляют собой территории неблагополучной субурбанизации — то есть расположены в пригородах и имеют пониженный СЭС. Реже встречаются спорадические элементы с повышенным СЭС — уже преимущественно в центральном городе. Второй заметный пространственный процесс — разрастание инварианта, причем за счет элементов как с высоким, так и с низким СЭС.

Специфические условия агломерации Лас-Вегаса (крайне низкая сегрегация и высочайшее расовое разнообразие) позволили структуре перейти на **следующий этап эволюции**. В 2000 г. ее основу составлял единственный инвариант на периферии центрального города, примерно пополам разделенный между благополучными и неблагополучными территориями. К 2018 г. структура заметно усложнилась за счет необычного сочетания спорадического распространения новых элементов (чаще неблагополучных) и резкого разрастания (в этот процесс большой вклад внесли уже территории с повышенным СЭС).

Структурная деградация. Еще одна траектория, которая встречается только в одном городе — структурная деградация. При ней бостонская структура в целом остается

примерно на одном и том же уровне СЭС, но все категории ее элементов (инварианты, ТКА, новые элементы) отличаются понижением своего статуса. Особенно заметно это при сравнении новых и отпавших элементов: значение КСЭИ для них составляет, соответственно, -7,54 и -4,36. Замещение отпавших элементов на менее благополучные происходит на фоне стабильно высокой концентрации афроамериканцев в пространстве (значение глобального индекса Морана снизилось с 0,76 до 0,74).

Активность пространственной трансформации бостонской структуры расселения невысока (см. Приложение М). Отпадение небольшого количества элементов в центральном городе компенсируется спорадическим распространением новых, в основном с низким статусом. При столь незначительных изменениях в пространстве переход на следующий этап расселения афроамериканцев не наблюдается.

Нелинейная деградация. Наряду с Бостоном в Индианаполисе можно заметить процесс деградации, поскольку СЭС новых элементов ниже, чем у отпавших (-4,25 против 3,78). Однако в данном случае разрыв не столь велик, да и не во всех категориях элементов проявляется негативная динамика КСЭИ (на ТКА этот показатель вырос). В этой связи деградация была названа нелинейной. Также Индианаполису свойственно самое сильное одновременное действие процессов десегрегации (-0,12) и роста расового разнообразия (+0,14).

В пространственном отношении структура расселения афроамериканцев в агломерации Индианаполиса увеличивается за счет механизма плавного расширения (см. Приложение Н). Основной вклад в его действие вносят новые элементы с пониженным СЭС, логически продолжающие аналогичные по уровню развития инварианты. При этом возникновение новых элементов с повышенным СЭС тяготеет к инварианту в меньшей степени. Однако малочисленность таких элементов не позволяет говорить о переходе структуры на новый этап эволюции.

Траектории социально-экономической дифференциации и переход на новый этап расселения афроамериканцев. Выделенные траектории социально-экономической дифференциации различаются по способности к переходу на новый этап расселения афроамериканцев. В двух случаях этот переход начался еще до 2000 г., а еще в шести стартовал в период 2000—2018 гг.

Траектория морфодетерминизма, приводящая к доминированию локальных пространственных факторов в формировании паттернов социально-экономической дифференциации, вывела три агломерации на новый этап расселения афроамериканцев. В ее рамках Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Мемфис **перестали соответствовать своим типам расселения** и стали развиваться в собственной, локально обусловленной логике. В Новом Орлеане,

наоборот, сложившаяся структура закрепились за счет расползания, вызванного ураганом «Катрина».

Родственные траектории поздней десегрегации и поляризации на фоне поздней десегрегации, напротив, **консолидируют вокруг региональной общности** схожие по истории своего социально-экономического развития и расселения афроамериканцев агломерации Ржавого пояса. При этом к трем «ржавым» агломерациям с давней историей афроамериканских структур расселения (Чикаго, Детройт, Кливленд) присоединился Милуоки, который был освоено афроамериканцами только в послевоенные десятилетия.

Различия между парами Детройт—Кливленд и Чикаго—Милуоки сводятся к социально-экономической **поляризации** афроамериканского населения, наблюдающейся во второй паре. Этот процесс был ранее свойственен только Чикаго, но теперь к нему присоединился Милуоки (ранее мы отмечали высокую степень зависимости от пройденного пути развития в этой агломерации и ее тяготение к Чикаго). Впрочем, поляризация пока не привела к переходу на новый этап, поэтому две траектории, связанные с поздней десегрегацией, **консервативны**.

Траектория прогрессивной поляризации разделяется наиболее активно растущими южными агломерациями, а также близкого к ним (и в пространстве, и в историческом отношении) Вашингтона. В его рамках, как правило, продолжают те же процессы, что имели место в последние десятилетия XX в. Исключением является Майами — агломерация со специфическим пространством и экономической специализацией, ранее сильно ограничивавшими свободу самоорганизации расселения афроамериканцев. Теперь **регуляторная способность пространства снизилась**, за счет чего активизировался процесс афроамериканской субурбанизации. Эта агломерация начал переход к новому этапу расселения за счет благополучной афроамериканской субурбанизации. На этом этапе еще с конца XX в. развиваются структуры расселения афроамериканцев в Атланте и Вашингтоне.

В рамках траектории усиленной поляризации переход на новый этап совершила только Филадельфия. Здесь, как и в Майами, **пространство исторически играло роль медиатора сегрегации**, продолжая изолировать расовые группы друг от друга спустя многие десятилетия после начала борьбы с подобными проявлениями. Теперь же за счет поляризации среди афроамериканцев возник заметный раскол между бедным центральным городом и новыми афроамериканскими пригородами с повышенным СЭС.

Помимо пяти траекторий, по которым развивались от двух до пяти агломераций одновременно, есть три уникальных. В Лас-Вегасе в рамках **энтропийной поляризации** сформировались очертания **нового этапа** расселения афроамериканцев. Он здесь также ос-

новывается на субурбанизации — причем неблагоприятный вариант здесь не менее распространен, чем пригороды с высоким СЭС. В Бостоне и Индианаполисе, где, соответственно, наблюдаются траектории структурной деградации и нелинейной деградации, нет признаков перехода на новый этап. Наоборот, процессы, составлявшие основу пятого этапа на внутриагломерационном уровне (гиперсегрегация, гиперконцентрация бедности и гипергеттоизация), остаются весьма актуальными и в начале XXI в.

3.6. Значение пространства на современном этапе расселения афроамериканцев в городских агломерациях

В ряде агломераций началась ранняя фаза перехода на новый этап расселения афроамериканцев. Это своего рода транзитный промежуток времени, и о полноценном переходе пока говорить рано. Однако в пространственном аспекте произошел важный функциональный сдвиг, схематически отображенный на рис. 3.24.

Рисунок 3.24 — Две основных функции пространства как фактора воздействия на расселения афроамериканцев. Составлено автором

На всех предшествующих этапах пространство оставалось **объектом** воздействия факторов иной природы: регуляторных институтов (до конца четвертого этапа) и социально-экономического неравенства между расовыми группами (на протяжении всех пяти этапов). На новом этапе, у которого нет определенной точки отсчета, но который уже начался в восьми изученных агломерациях, пространство выступает уже в качестве **субъекта** неравенства. Функциональный переход связан с комплексом причин: и с окончательным уходом в историю формальных регуляторных институтов, и со сдвигами этнорасовом составе населения страны, и с социально-экономической стратификацией среди афроа-

риканцев. Однако и роль самого пространства — сложного, сильно обработанного несколькими веками очень специфического процесса расселения афроамериканцев — чрезвычайно важна.

Пространство как объект иллюстрируется образом **аккумулятора**. Оно накапливает негативные эффекты от рабства и легитимной сегрегации и ретранслирует их на афроамериканцев в форме пространственной сегрегации. Фокусом всех трех факторов становится гетто как комплексная форма их проявления в городе. На новом этапе пространство становится **генератором**: теперь неравенство принимает иные формы, оно в меньшей степени расово детерминировано и разворачивается в том числе в пригородах.

Пространство-генератор сменяет пространство-аккумулятор в ходе эволюции расселения афроамериканцев, но структуры, сформированные на стадии аккумуляции, при этом не исчезают. В городских агломерациях по-прежнему существуют весьма устойчивые формы межрасовой поляризации в центральных городах, а пригороды по-прежнему в среднем более благополучны. Пространство-генератор дополняет их новыми формами неравенства: между афроамериканцами в благополучных пригородах и в гипергетто центральных городов, между пригородами с разным социально-экономическим статусом, и, если обобщать, **внутри афроамериканского сообщества**.

Предлагаем четыре доказательства тезиса о смене функции и возросшей значимости пространства для расселения афроамериканцев:

1. Основной территориальной формой межрасового неравенства на предыдущих этапах расселения была пространственная сегрегация. За исключением Лос-Анджелеса, во всех остальных 19 агломерациях она генетически восходила к институту легитимной сегрегации. В начале XXI в. наблюдается повсеместное быстрое снижение уровня пространственной сегрегации.
2. Дискриминационные институты (в том числе неформальные) в течение долгого времени блокировали расселение афроамериканцев в пригородах. На новом этапе этот процесс развивается очень активно, причем в двух формах — благополучной (когда в новых элементах структуры в пригородах отмечается высокий СЭС) и неблагополучной (при низком СЭС).
3. На предшествующих этапах социальная поляризация наблюдалась между афроамериканцами и другими расовыми группами (прежде всего, белыми). В 2000—2018 гг. резко активизировалась поляризация внутри афроамериканского сообщества, что свидетельствует о «выходе из строя» механизмов формирования межрасового социально-экономического неравенства. Последние были ключевыми последствиями действия регуляторных институтов.

4. На данный момент нет эмпирических свидетельств существования институтов или социально-экономических механизмов, формирующих поляризацию внутри афроамериканского сообщества и, в частности, в афроамериканских пригородах.
5. Все агломерации, в которых обнаружены признаки перехода на новый этап расселения с активной благополучной афроамериканской субурбанизацией, отличаются особой ролью эндогенных пространственных факторов.

Остановимся на последнем пункте несколько подробнее. В период 2000—2018 гг. на новый этап расселения афроамериканцев начали переходить следующие агломерации: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Мемфис, Майами, Филадельфия, Лас-Вегас. Все они отличаются особой ролью локальной специфики пространства, на что мы обращали внимание в разделе 2.3. При этом две агломерации, перешедшие на новый этап до 2000 г. (Атланта и Вашингтон), наоборот, не являются примерами мощного влияния эндогенных пространственных факторов; в них большую роль играют социально-экономические факторы (в Атланте дополняемые институциональными).

Несмотря на то, что переходящие в 2000—2018 гг. на новый этап агломерации развиваются по разным траекториям, **механизмы пространственной трансформации** во всех случаях **имеют точечный характер**: они включают в себя рост за счет заполнения лакун и спорадического распространения новых элементов, а также не массовое отпадение элементов. В социально-экономическом отношении эти механизмы приводят к возникновению новых элементов структуры расселения афроамериканцев с высоким СЭС и свидетельствуют о полномасштабном развитии **афроамериканской субурбанизации**.

Возвращаясь к описанной в разделе 1.1.2 концепции схем пространства, мы приходим к выводу, что сформированная в настоящем исследовании схема пространства-генератора сочетает в себе черты двух известных социально-экономической географии схем: однородно-абстрактного и разнообразно-стилизованного пространств. Это обусловлено, во-первых, методологией количественного анализа (она до известной степени сводит пространство к математической абстракции) и во-вторых, результатами этого анализа, которые позволили наделить пространство субъектностью. Поляризация афроамериканского сообщества в отсутствие открытых форм дискриминации становится все в большей степени обусловлена **пространственной дифференциацией их расселения**. В этой связи можно говорить о возвышении роли пространства-генератора как причины общественных процессов в США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространственная дифференциация расселения афроамериканцев в крупных городских агломерациях США была изучена как комплексное явление, являющееся результатом действия процессов пространственной, институциональной и социально-экономической природы.

Критический обзор разнообразных работ, так или иначе затрагивающих проблему расселения афроамериканцев в США и связанных с ним форм неравенства, показал, что при весьма детальной проработанности институционального и социально-экономического аспектов **вопросы, связанные непосредственно с пространством, зачастую остаются вне основного фокуса исследований**. Это связано, в первую очередь, с резким перекосом теоретических работ в сторону изучения сегрегации и отождествлением с ней иных пространственных процессов (например, концентрации). В качестве восполнения этого пробела было предложено дополнить зарубежные теории наработками отечественных исследователей в области изучения территориальных структур в рамках системно-структурного подхода.

Другой проблемой является **игнорирование контекста** — регионального, общенационального, исторического — при изучении конкретных кейсов. Это сужает окно возможностей для выявления принципиально важных феноменов, имеющих долгосрочное влияние на расселение афроамериканцев. Во избежание такого рода ограничений мы также применили эволюционный подход в сочетании с принципом полимасштабности, чтобы выделить этапы эволюции расселения афроамериканцев. Весь исторический путь расселения афроамериканцев был поделен на **пять этапов**:

1. Эпоха рабовладения (1619—1865 гг.);
2. Реконструкция Юга и введение легитимной сегрегации (1865—1910 гг.);
3. Первая великая миграция афроамериканцев (1910—1941 гг.);
4. Вторая великая миграция афроамериканцев (1941—1967 гг.);
5. Обратная миграция на Юг (1967—2000 гг.).

Каждому этапу свойственно **особое сочетание пространственных, институциональных и социально-экономических факторов**, которые рассматривались на трех уровнях: США в целом, макрорегионов и отдельных городских агломераций. Переход от одного этапа к другому происходил за счет либо радикальной смены институциональной среды (отмена рабовладения, внедрение и отмена легитимной сегрегации), либо достижения социально-экономическими процессами некой критической отметки (таким был старт Первой, а затем и Второй великой афроамериканской миграции).

На каждом этапе формировалась характерная территориальная структура расселения афроамериканцев. В эпоху рабовладения (первый этап) сформировались **инвариантные элементы** территориальной структуры расселения афроамериканцев — Черный пояс и городские поселения на Северо-Востоке и Среднем Западе. Из-за высокой степени политической и институциональной дезинтеграции между Югом и остальными регионами США сложившаяся структура была двойственной, состоящей из двух слабо связанных систем расселения афроамериканцев — **южной рабовладельческой и северной свободной**. На национальном уровне сложившуюся структуру можно назвать **ареально-очаговой**. На Юге главенствовал пространственный процесс **ареалообразования**, в то время как на Севере преобладало **очаговое освоение** территории афроамериканцами.

На втором этапе территориальная структура стала более связанной и динамичной за счет полноценной политической интеграции Американского Юга. Ускорение урбанизации и индустриализации привело к **стягиванию** афроамериканцев в крупные экономические центры.

В ходе третьего этапа, за счет Первой великой миграции афроамериканцев, произошел **сдвиг центра тяжести расселения** на север. К концу этапа территориальная структура **трансформировалась из ареально-очаговой в линейно-узловую**. В крупных промышленных центрах Среднего Запада и Северо-Востока на третьем этапе активизировалась **концентрация и агломерирование** афроамериканского населения.

Вторая великая миграция афроамериканцев, составившая четвертый этап расселения этой расовой группы, привел к **разрастанию территориальной структуры** — как за счет экстенсивного развития (освоения афроамериканцами Запада), так и благодаря интенсификации процесса расселения внутри опорного каркаса расселения. Вследствие развития транспортной системы в США проявилось **коммуникационное сжатие пространства**, благодаря чему расселение становилось все более **разветвленным** (поскольку большие расстояния более не играли столь значимую роль, как на более ранних этапах).

Окончательная отмена формальных регуляторных институтов привела к тому, что на пятом этапе расселение афроамериканцев впервые приблизилось к развитию в соответствии с **принципом самоорганизации**. Несмотря на это, территориальная структура не только перестала разрастаться, но и уменьшилась за счет **интенсификационного сжатия пространства**. Часть крупных центров расселения афроамериканцев резко **депопулировалась**, в то время как другие, напротив, стали активнее **стягивать** на себя миграционные потоки. Таким образом, лишенный фиксирующего влияния регуляторных институтов процесс расселения афроамериканцев обнаружил стремление к более **интенсивному расселению** в пределах территорий, освоенных ранее, а не к экстенсивному освоению территорий

(что свойственно расселению белого населения). Этот вывод является **новым для американистики**, поскольку показывает, что рассмотрение расселения американцев как единого процесса, без учета расовой специфики, неправомерно.

Отобранные для количественного анализа городские агломерации отличаются разной периодизацией формирования локальных структур расселения афроамериканцев. В связи с этим различаются и соотношения факторов, их сформировавших; для упорядочивания этих различий была проведена типология по двум основаниям: принадлежности к макрорегиону, и соотношению трех групп факторов формирования системы расселения афроамериканцев на этапе, когда этот процесс вступил в активную фазу. Группы факторов соответствуют аспектам дифференциации расселения афроамериканцев: пространственные, институциональные, социально-экономические. Каждая агломерация характеризуется типологическим или **экзогенным** фактором — он отражает доминанту влияния общенациональных процессов, а также **эндогенными** — теми, которые обуславливают локальную специфику расселения афроамериканцев.

В результате 20 агломераций были отнесены к **четырем типам**:

- южные агломерации раннего афроамериканского освоения (Атланта, Шарлотт, Мемфис, Новый Орлеан, Майами, Даллас—Форт-Уэрт, Хьюстон);
- неюжные агломерации раннего афроамериканского освоения (Нью-Йорк, Филадельфия, Вашингтон, Балтимор, Индианаполис, Канзас-Сити);
- агломерации Ржавого пояса (Чикаго, Детройт, Кливленд);
- агломерации позднего афроамериканского освоения (Лос-Анджелес, Лас-Вегас, Бостон, Милуоки).

Для южных агломераций в качестве экзогенной группы факторов выступают институциональные, а для остальных типов — социально-экономические. Эндогенные факторы накладываются на экзогенные и могут вступать с ними в противоречие или, наоборот, усиливать их действие. Были выделены следующие сочетания эндогенных факторов: пространственные (Мемфис, Нью-Йорк, Филадельфия, Канзас-Сити, Лос-Анджелес), пространственные и социально-экономические (Новый Орлеан, Майами, Детройт, Кливленд), пространственные, институциональные и социально-экономические (Лас-Вегас), институциональные и социально-экономические (Атланта, Шарлотт), институциональные (Индианаполис), социально-экономические (Даллас—Форт-Уэрт, Хьюстон, Вашингтон, Балтимор, Чикаго, Бостон, Милуоки).

С помощью расчета индексов были выявлены основные тенденции в расселении афроамериканцев на уровне городских агломераций на современном этапе: **десегрегация го-**

родского пространства и рост расового разнообразия. Расчеты пространственного мультигруппового индекса диссимилиации и индекса энтропии за 2000 и 2018 гг. показали, что два этих процесса развиваются весьма активно: средний по выборке уровень сегрегации снизился с 0,49 до 0,43, а уровень расового разнообразия вырос с 0,41 до 0,5 (значения обеих метрик могут варьировать от 0 до 1). **Оценка пространственной концентрации афроамериканцев** в агломерациях показала разнонаправленный характер изменений: значения разности между показателем за 2018 г. и показателем за 2000 г. варьируют от -0,2 до 0,08.

Были выявлены **внутриагломерационные территориальные структуры расселения афроамериканцев**. Они были составлены из территорий концентрации афроамериканцев (выделенных с помощью анализа пространственной корреляции) и тех переписных участков, где доля афроамериканского населения выше средней по агломерации. Будучи взятыми в динамике, они были разделены на **структурные инварианты** (те территории, что были отнесены к структуре расселения и за 2000 г., и за 2018 г.), **отпавшие** и **новые структурные элементы**.

На основании изменений в пространственном положении этих категорий элементов было сформировано представление о **направлениях трансформации** структур расселения афроамериканцев. Они включают в себя:

- **Интенсификационное сжатие:** уменьшение площади структуры, снижение численности и рост плотности афроамериканского населения. Выявлено в агломерации Нью-Йорка.
- **Абсолютное сжатие:** уменьшение площади структуры, снижение численности и снижение плотности афроамериканского населения. Выявлено в агломерации Лос-Анджелеса.
- **Экстенсификационное расширение:** увеличение площади структуры, рост численности и снижение плотности афроамериканского населения. Выявлено в агломерациях Филадельфии, Вашингтона, Индианаполиса, Лас-Вегаса, Бостона и Милуоки.
- **Абсолютное расширение:** увеличение площади структуры, рост численности и рост плотности афроамериканского населения афроамериканского населения. Выявлено в агломерациях Атланты и Балтимора.
- **Уплотнение:** уменьшение площади структуры, рост численности, рост плотности афроамериканского населения. Выявлено в агломерациях Шарлотт, Мемфиса, Майами, Далласа—Форт-Уэрта и Хьюстона.
- **Расползание:** увеличение площади структуры, снижение численности и снижение плотности афроамериканского населения. Выявлено в агломерациях Нового Орлеана, Канзас-Сити, Чикаго, Детройта и Кливленда.

Эти направления формируются конкретными пространственными процессами, которые включают в себя: резкое разрастание, плавное разрастание, заполнение лакун, спорадическое распространение новых элементов, отпадение элементов.

Также для каждой категории элементов в агломерациях была проанализирована динамика показателей социально-экономического статуса (с помощью композитного социально-экономического индекса Дардена—Камела, который оценивает статус относительно среднего уровня по агломерации) и уровня расового разнообразия. Расчеты соответствующих метрик показали, что социально-экономический статус внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев **повсеместно отрицательный, но имеет тенденцию к росту**. Основной способ такого роста — замещение отпавших структурных элементов более благополучными новыми. Замещение менее благополучными элементами наблюдается только в Бостоне и Индианаполисе. **Структурные инварианты** в целом, и их каркас (территории концентрации афроамериканцев) в частности, **чаще всего деградируют**; обратный процесс отмечен в двух случаях (в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе). В целом ряде агломераций **новые элементы** по социально-экономическому статусу **близки к среднему уровню**, а в двух случаях (Мемфис и Новый Орлеан) даже **превышают его**.

Уровень расового разнообразия в структурах расселения афроамериканцев **возрос**, но количество агломераций, где он выше среднего, уменьшилось с 19 до 15. Было обнаружено, что в восьми случаях территории концентрации афроамериканцев более разнообразны, чем структура и даже агломерация в среднем. Это свидетельствует о том, что в этих агломерациях (Бостон, Индианаполис, Шарлотт, Милуоки, Майами, Лас-Вегас, Канзас-Сити и Филадельфия) повышенная концентрация афроамериканцев в пространстве сочетается с относительно сбалансированным расселением иных расовых групп.

На основе синтеза четырех полученных ранее количественных и качественных параметров были выявлены траектории пространственной дифференциации расселения афроамериканцев. К этим параметрам относятся:

- типы городских агломераций по характеру расселения (раздел 2.3);
- основные тенденции в расселении афроамериканцев на уровне агломераций (раздел 3.2);
- выявленные закономерности трансформации внутриагломерационных структур расселения афроамериканцев (раздел 3.3);
- показатели социально-экономической дифференциации структурных элементов расселения афроамериканцев (раздел 3.4).

Траектория представляет собой магистральное направление ключевых процессов, формирующих пространственную дифференциацию расселения афроамериканцев. Было выделено восемь траекторий:

- Морфодетерминизм (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Мемфис, Новый Орлеан);
- Поздняя десегрегация (Детройт, Кливленд);
- Поляризация на фоне поздней десегрегации (Чикаго, Милуоки);
- Прогрессивная поляризация (Атланта, Шарлотт, Майами, Хьюстон, Вашингтон);
- Усиленная поляризация (Даллас—Форт-Уэрт, Канзас-Сити, Балтимор, Филадельфия);
- Энтропийная поляризация (Лас-Вегас);
- Структурная деградация (Бостон);
- Нелинейная деградация (Индианаполис).

Каждая из выделенных траекторий обнаруживает **разную способность к переходу внутриагломерационной структуры на новый этап**. Наиболее результативна в этом отношении траектория **морфодетерминизма**. Суть его сводится к стремлению агломераций к состоянию, при котором доминирование локальных пространственных процессов над региональными, социально-экономическими и институциональными приводит к возникновению уникальных паттернов дифференциации расселения афроамериканцев. За счет этого три из четырех морфодетерминистских агломерации (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Мемфис) перешли на новый этап. Помимо них, на новый этап также перешли по одной агломерации из траекторий прогрессивной и усиленной поляризации (Майами и Филадельфия соответственно) и уникальная агломерация Лас-Вегаса, где разворачивается траектория энтропийной поляризации. Также было определено, что на новом этапе к 2000 г. уже пребывали внутриагломерационные структуры расселения Атланты и Вашингтона.

Все шесть агломераций, начавших переход на новый этап расселения, отличаются **особой ролью локальной специфики пространства**. В начале XXI в. она проявилась путем точечной трансформации структуры расселения афроамериканцев за счет заполнения лакун и спорадического распространения новых элементов, а также эпизодического отпадение элементов. Эти механизмы приводят к возникновению новых элементов структуры расселения афроамериканцев с высоким социально-экономическим статусом и свидетельствуют о полномасштабном развитии афроамериканской субурбанизации. В то же время возникает и большое количество элементов с низким социально-экономическим статусом, что говорит об активизации процесса поляризации внутри афроамериканского сообщества.

Выявленные на конкретных примерах характерные черты **нового, шестого этапа расселения** афроамериканцев позволяют сформировать его образ, который рано или

поздно проявится и в других местах. Будет достигнут **беспрецедентно высокий плюрализм паттернов пространственной дифференциации**. За счет возросшей роли локальных факторов **нарушится целостность как траекторий, так и типов агломераций по характеру освоения афроамериканцами**. Морфодетерминистские агломерации уже вырвались из этого контекста, схожие тенденции можно проследить и при развитии других траекторий.

В период 2000—2018 гг. началась ранняя фаза перехода на новый этап расселения афроамериканцев. Этот период можно охарактеризовать как транзитный; полноценный переход еще не состоялся, но произошел важнейший сдвиг в функциональном наполнении пространства. На пятом этапе пространство, прежде всего, выступало в качестве фактора, фиксирующего положение афроамериканцев в нижней страте расовой иерархии. В начале XXI в. эта роль меняется в сторону поляризационной сортировки афроамериканского населения.

Функциональный сдвиг в более общих чертах иллюстрируется **переходом от пространства-аккумулятора к пространству-генератору**. Первое накапливает в себе негативные эффекты регуляторных институтов и межрасового социально-экономического неравенства и ретранслирует их на афроамериканские сообщества, формируя пространственную дифференциацию не самостоятельно. Пространство-генератор, в свою очередь, является **субъектом дифференциации**. Оно реализует поляризационную сортировку собственно афроамериканского сообщества уже без заметного влияния факторов иной природы, поскольку регуляторных институтов, закрепляющих внутрирасовую поляризацию, так же, как и массивных социально-экономических явлений, объясняющих этот феномен, пока выявлено не было.

Список литературы

1. Аксенов К. Э. Исторический центр постсоциалистического метрополиса: социальная деградация или джентрификация? // Материалы XXXV ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС) / Отв. ред. В. Н. Стрелецкий. — М: Матушкина И. И., 2019. — С. 25—37.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 289 с.
3. Алексеев А. И. Расселение и его системы // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 207.
4. Алексеев А. И., Савоскул М. С., Сафронов С. Г. Отечественная география населения в постсоветский период: основные направления и тренды их развития // Региональные исследования. — 2016. — № 2 (52). — С. 55—65.
5. Алов И. Н. Афроамериканские гетто: характеристика и типология // Городские исследования и практики. — 2018. — Т. 3, № 1. — С. 63—77.
6. Алов И. Н. Динамика процесса пространственной концентрации афроамериканцев в агломерации Детройта в начале XXI в. // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Пятые Максаковские чтения» / под ред. Е. А. Антиповой, Е. А. Гречко, Д. В. Заяца, В. А. Колосова, А. А. Лобжанидзе, Д. Л. Лопатникова, П. Ю. Фомичева. — М.: ПТ-Принт, 2020а. — С. 164—170.
7. Алов И. Н. Пространственная концентрация афроамериканского населения в крупных городских агломерациях США // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2020b. — № 5. — С. 694—703.
8. Алов И. Н. Сдвиги в расселении и социально-экономическое положение афроамериканцев в агломерации Майами // Региональные исследования. — 2020с. — № 2 (68). — С. 75—87.
9. Алов И. Н. Социально-экономическое положение ареалов концентрации афроамериканцев в городской агломерации Нового Орлеана в начале XXI в. // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2020d. — № 8. — С. 115—126.
10. Алов И. Н. Эволюция концепций пространственной сегрегации в городах США // Региональные исследования. — 2021. — № 1 (71). — С. 107—117.
11. Бабкин Р. А. Динамика расселения Московского региона по данным сотовых операторов: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. — М., 2020. — 234 с.
12. Баньковская С. П. Между границ: понятие маргинальности в социологической теории // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13, № 4. — С. 94—104.
13. Батуренко С. А. Исследования андеркласса в современном российском обществе: основные методологические подходы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. — 2011. — №1. — С. 44—52.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

15. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / Пер. с англ. под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника; послеслов. В. П. Шестакова. — М.: Изд. группа «Прогресс»—«Литера», 1993. — 480 с.
16. Важенин А. А. Эволюция пространственных структур расселения: смена закономерностей // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2006. — № 3. — С. 29—38.
17. Василевский Л. И., Полян П. М. Территориальные структуры народного хозяйства и их параметризация // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1978. — № 2. — С. 54—59.
18. Вебер А. Теория размещения промышленности. — М.: Книга, 1926. — 220 с.
19. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984. — 368 с.
20. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: Учебное пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 2004. — 479 с.
21. Горкин А. П., Трейвиш А. И., Фетисов А. С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2005. — № 2. — С. 18—27.
22. Горюнов А. П., Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. — 2017. — № 4. — С. 81—99.
23. Гусев А. Н. Андеркласс и маргинальность: сравнительный анализ современных теорий и Чикагской концепции // Социологическое обозрение. — 2006. — Т. 5, № 1. — С. 102—113.
24. Дохов Р. А., Энтин А. Л. Моделирование ранних этапов развития сетей расселения (на примере заселения Северного Иллинойса европейцами) // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2020. — Т. 84, № 6. — С. 819—831.
25. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. и послесловие А. Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — С. 391—532.
26. Жвитиашвили А. Ш. Андеркласс на Западе: дискуссии и реальность // Общественные науки и современность. — 2008. — № 3. — С. 102—110.
27. Житин Д. В., Прокофьев А. Д. Пространственные особенности смены этнической самоидентификации жителей США европейского происхождения // Изв. РГО. — 2019. — Т. 151. — № 3. — С. 18—40.
28. Зайончковская Ж. А. Некоторые направления эволюции расселения // Достижения и перспективы. — 1985. — Вып. 52. — С. 42—51.
29. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. — Т. 9, № 3. — С. 26—50.
30. Заславский И. Н. Эволюция городских агломераций: концептуальный подход // Пространственное развитие урбанизации: общие закономерности и региональные особенности. — М.: Институт географии РАН, 1991. — С. 26—39.
31. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Пространственная экономика — 2017. — № 2. — С. 46—57.
32. Кибальчич О. А., Лейзерович Е. Е. Размещение общественного производства и расселение как взаимосвязанные процессы // География отраслей и районов СССР и зарубежных стран / МФГО СССР. — М., 1974. — С. 12—23.

33. Колосова Ю. А., Смирнягин Л. В., Харитонов В. М. Лос-Анджелес // Крупнейшие города капиталистических и развивающихся стран / под ред. В. В. Вольского, Л. И. Бонифатьевой, В. М. Харитонova. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 127—148.
34. Лаппо Г. М. География городов. — М.: ВЛАДОС, 1997. — 480 с.
35. Маергойз И. М. Проблемы изучения экономико-географического положения крупного экономико-географического района // Проблемы экономической географии социалистических и капиталистических стран. — М., 1975. — С. 19—23.
36. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства / Сост.: Ю. И. Монич, П. М. Полян, А. И. Трейвиш. Отв. ред.: М. К. Бандман. — Новосибирск: Наука, 1986. — 304 с.
37. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Сост.: Полян П. М., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. — М.: ОГИ, 2001. — С. 171—195.
38. Нитобург Э. Л. Чёрные гетто Америки. — М.: Политиздат, 1971. — 160 с.
39. Нитобург Э. Л. Негры США. XVII — начало XX вв.: историко-этнографический очерк. — М.: Наука, 1979. — 292 с.
40. Нитобург Э. Л. США: цветной барьер в прошлом и настоящем // Новая и новейшая история. — 1997. — № 2. — С. 15—19.
41. Новиков А. В. Джорджия // США: Экономика, политика, идеология. — 1989. — № 7. — С. 117—123.
42. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. А. Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
43. Ныммик С. Я. О ядрах районообразования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1970. — № 1. — С. 47—51.
44. Орлов В. Н. Мичиган // США: Экономика, политика, идеология. — 1988. — № 3. — С. 109—117.
45. Орлов В. Н. Тихоокеанские штаты // США: Экономика, политика, идеология. — 1991. — № 6. — С. 118—120.
46. Перцик Е. Н. Геоурбанистика: учебник для студентов высших учебных заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 432 с.
47. Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова. — М.: АСТ, 2016. — 448 с.
48. Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения / Предисловия: Г. М. Лаппо и А. И. Трейвиша. — М.: Новый хронограф, 2014. — 788 с.
49. Полян П. М., Василевский Л. И., Трейвиш А. И. Контурь экономико-географической теории территориальных структур // Изучение территориальных производственных структур экономических районов — М.: МФГО, 1978. — С. 77—88.
50. Полян П. М., Трейвиш А. И. Территориальные структуры в науке и практике. — М.: Знание, 1988. — 48 с.
51. Пузаченко Ю. Г. Инварианты динамической геосистемы // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2010. — № 5. — С. 6—16.

52. Рогачев С. В. Пределы Центральной России в восприятии русских литераторов // Вопросы географии. Сб. 151: Российские литераторы, окружающая среда и Географическое общество. — М.: Медиа-ПРЕСС, 2020. — С. 15—110.
53. Савоскул М. С. Диаспора // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 93.
54. Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. — 2015. — № 4 (50). — С. 56—65.
55. Савоскул М. С. Теоретические и методические подходы к изучению международной миграции населения в географии и смежных науках // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии / Отв. ред. В. Л. Бабурин, М. С. Савоскул. — М., 2019. — С. 115—143.
56. Сахаров Н. А. Северная и Южная Каролина // США: Экономика, политика, идеология. — 1989. — №6. — С. 96—102.
57. Смирнягин Л. В. Калифорния // США: Экономика, политика, идеология. — 1971a. — №2. — С. 125—127.
58. Смирнягин Л. В. Канзас // США: Экономика, политика, идеология. — 1971b. — №3. — С. 120—122.
59. Смирнягин Л. В. Массачусетс // США: Экономика, политика, идеология. — 1987. — №5. — С. 115—123.
60. Смирнягин Л. В. Висконсин // США: Экономика, политика, идеология. — 1988a. — №1. — С. 115—121.
61. Смирнягин Л. В. Канзас // США: Экономика, политика, идеология. — 1988b. — №12. — С. 110—116.
62. Смирнягин Л. В. Огайо // США: Экономика, политика, идеология. — 1988c. — №6. — С. 101—107.
63. Смирнягин Л. В. Мэриленд // США: Экономика, политика, идеология. — 1989a. — №4. — С. 106—113.
64. Смирнягин Л. В. Районы США: Портрет современной Америки. — М.: Мысль, 1989b. — 380 с.
65. Смирнягин Л. В. Калифорния // США: Экономика, политика, идеология. — 1991a. — №10. — С. 119—126.
66. Смирнягин Л. В. Невада // США: Экономика, политика, идеология. — 1991b. — №3. — С. 117—123.
67. Смирнягин Л. В. Структурные сдвиги в экономике США и их географические последствия // Региональные исследования. — 2015. — № 2. — С. 108—117.
68. Смирнягин Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках // Изв. РАН. сер. геогр. — 2016. — № 4. — С. 7—19.
69. Сочава В. Б. Учение о геосистемах. — Новосибирск: Наука, 1975. — 37 с.
70. Стрелецкий В. Н. Расы // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 207—209.
71. Тархов С. А. Хинтерланд // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 292.

72. Ткаченко А. А. О процессе социологизации и элементах общей теории социально-экономической географии // Региональные исследования. — 2002. — №1 (1). — С. 20—23.
73. Ткаченко А. А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2018 — №2. — С. 10—15.
74. Трейвиш А. И. Географическая полимасштабность в развитии России // География. Первое сентября. — 2006а. — №11. — С. 3—8.
75. Трейвиш А.И. Географическая полимасштабность развития России (город, район, страна и мир): дисс. ... докт. геогр. наук. — М.: ИГ РАН. — 2006b. — 309 с.
76. Трейвиш А. И. География и развитие // География мирового развития. Сборник научных трудов / Под ред. Л. М. Синцера. — Т. 1. — Институт географии РАН Москва, 2009. — С. 8—43.
77. Трейвиш А. И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории территориального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцера. — М.: Эслан, 2010. — С. 16—31.
78. Трейвиш А. И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3, № 1. — С. 52—70.
79. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). — М.: Прогресс, 1971. — Т. 3. — 827 с.
80. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. — 2017. — Т. 9, № 2. — С. 7—27.
81. Фетисов А. С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению / Общественная география: многообразие и единство / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. — М.— Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 83—94.
82. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. В. Наумова. — М.: Ад Маргинем, 2018. — 416 с.
83. Фукс Л. П. Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления: дисс. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. — СПб, 2007. — 390 с.
84. Харитонов В. М. Чикаго // Крупнейшие города капиталистических и развивающихся стран / Под ред. В. В. Вольского, Л. И Бонифатьевой, В. М. Харитонova. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 114—127.
85. Худяев И. А. Эволюция систем расселения от регулярности к сингулярности // Региональные исследования. — 2008. — № 4 (19). — С. 15—25.
86. Шмерлина И. А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. — 2008. — № 4. — С. 53—69.
87. Шувалов В. Е. Регион // Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 209.
88. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. — М.: РОУ, 1995. — 167 с.
89. Alba R. D. The Great Demographic Illusion: Majority, Minority, and the Expanding American Mainstream. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 2020. — 336 p.

90. Alba R. D., Logan J. R. Minority Proximity to Whites in Suburbs: An Individual-Level Analysis of Segregation // *American Journal of Sociology*. — 1993. — Vol. 98. — P. 1388—1427.
91. Alba R. D., Logan J. R., Stults B. J. The Changing Neighborhood Contexts of the Immigrant Metropolis // *Social Forces*. — 2000. — Vol. 79 (2). — P. 587—621.
92. Alexander M. *The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness*. — New York: The New Press, 2012. — 224 p.
93. Allen R., Burgess S., Davidson R., Windmeijer F. More reliable inference for the dissimilarity index of segregation // *The Econometrics Journal*. — 2015. — Vol. 18 (1). — P. 40—66.
94. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association—LISA // *Geographical Analysis*. — 1995. — Vol. 27. — P. 93—115.
95. Anselin L., Syabri I., Kho Y. GeoDa: An Introduction to Spatial Data Analysis // *Geographical Analysis*. — 2006. — Vol. 38, Issue 1. — P. 5—22.
96. Apparicio D., Martori J. C., Pearson A. L., Fournier E., Apparicio D. An Open-Source Software for Calculating Indices of Urban Residential Segregation // *ILR Review*. — 2014. — Vol. 32 (1). — P. 190—222.
97. Armor D. J. White Flight and the Future of School Desegregation // *School Desegregation / Stephan W. G., Feagin J. R. (eds.)*. — Boston: Springer, 1980. — P. 187—226.
98. Atkinson A. B. On the Measurement of Inequality // *Journal of Economic Theory*. — 1970. — Vol. 2. — P. 244—263.
99. Baber W. L. *St. Clair Drake // African-American Pioneers in Anthropology / Harrison I. E., Harrison F. V. (eds.)*. — Urbana, IL: University of Illinois Press, 1999. — P. 196—198.
100. Bagwell B. *Oakland: The Story of a City*. — Oakland, CA: Oakland Heritage Alliance, 1982. — 292 p.
101. Baer M. T. *Indianapolis: A City of Immigrants*. — Indianapolis, IN: Indiana Historical Society, 2012. — 70 p.
102. Baker B. E. *What Reconstruction Meant: Historical Memory in the American South*. — Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 2009. — 234 p.
103. Barabasi A. L., Albert R. Emergence of scaling in random networks // *Science*. — 1999. — Vol. 286 (5439). — P. 509—512.
104. Batty M. *The New Science of Cities*. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2013. — 520 p.
105. Bayer P., McMillan R., Rueben K. S. What Drives Racial Segregation? New Evidence Using Census Microdata // *Journal of Urban Economics*. — 2004. — Vol. 56. — P. 514—535.
106. Beauregard R. A. *Voices of Decline: The Postwar Fate of U.S. Cities*. — London: Psychology Press, 2003. — 304 p.
107. Beeth H., Wintz C. D. (eds.). *Black Dixie: Afro-Texan History and Culture in Houston*. — College Station, TX: Texas A&M University Press, 2000. — 312 p.
108. Beggs J. J., Villemez W. J., Arnold R. Black Population Concentration and Black-White Inequality: Expanding the Consideration of Place and Space Effects // *Social Forces*. — 1997. — Vol. 76, No. 1. — P. 65—91.

109. Bell W. A Probability Model for the Measurement of Ecological Segregation // *Social Forces*. — 1954. — Vol. 32 (4). — P. 357—364.
110. Bentley G. C., McCutcheon P., Cromley R. G., Hanink D. M. Fitzgerald: A Return to the Neighborhood and Its Contemporary Structural and Geographical Contexts // *The Professional Geographer*. — 2016. — Vol. 68 (3). — P. 414—426.
111. Bergmann L., Morrill R. William Wheeler Bunge: Radical Geographer (1928–2013) // *Annals of the American Association of Geographers*. — 2018. — Vol. 108 (1). — P. 291—300.
112. Berry J. B. L. Urbanization and Counter-Urbanization in the United States // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. — 1980. — Vol. 451. — P. 13—20.
113. Berry J. B. L. Geography's Quantitative Revolution: Initial Conditions, 1954-1960. A Personal Memoir // *Urban Geography*. — 1993. — Vol. 14. — P. 434—441.
114. Blomley N. Uncritical critical geography? // *Progress in Human Geography*. — 2006. — Vol. 30 (1). — P. 87—94.
115. Boehm L. K., Corey S. H. *America's Urban History*. — London: Routledge, 2014. — 414 p.
116. Boschma R. A., Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography // *Journal of Economic Geography*. — 2006. — Vol. 6 (3). — P. 273—302.
117. Boschma R. A., Frenken K. Introduction: applications of evolutionary economic geography // *Applied Evolutionary Economics and Economic Geography* / Boschma R. A., Frenken K. (eds.). — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2007. — P. 1—24.
118. Boschma R. A., Frenken K. Evolutionary Economic Geography // *The New Oxford Handbook of Economic Geography* / Clark G. L., Feldman M. P., Gertler M. S., Wójcik D. — Oxford University Press, 2015. — P. 213—229.
119. Bourdieu P. Social Space and the Genesis of Groups // *Theory and Society*. — 1985. — Vol. 14 (6). — P. 723—744.
120. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Richardson J. G. (ed.). — New York: Greenwood Press, 1986. — P. 241—258.
121. Bourdieu P. *The Logic of Practice*. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 333 p.
122. Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. — Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 348 p.
123. Boyle K. The Ruins of Detroit: Exploring the Urban Crisis in the Motor City // *Michigan Historical Review*. — 2001. — Vol. 27 (1). — P. 109—127.
124. Bratt R. G., Hartman C. W., Meyerson A. (eds.). *Critical Perspectives on Housing*. — Philadelphia, PA: Temple University Press, 1986. — 686 p.
125. Brelsford C., Martin T., Hand L., Bettencourt L. M. A. Toward cities without slums: Topology and the spatial evolution of neighborhoods // *Science Advances*. — 2018. — Vol. 4 (8). — P. 1—8.
126. Brewer R. M., Heitzeg N. A. The Racialization of Crime and Punishment: Criminal Justice, Color-Blind Racism, and the Political Economy of the Prison Industrial Complex // *American Behavioral Scientist*. — 2008. — Vol. 51 (5). — P. 625—644.

127. Brown L. A., Chung S.-Y. Spatial segregation, segregation indices and the geographical perspective // *Population, Space and Place*. — 2006. — Vol. 12 (2). — P. 125—143.
128. Brunnsma D. L., Overfelt D., Steven Picou J. *The Sociology of Katrina: Perspectives on a modern catastrophe*. — Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2007. — 282 p.
129. Bullard R. D. *The Black Metropolis in the Twenty-first Century: Race, Power, and Politics of Place*. — Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007. — 282 p.
130. Bunge W. W. Racism in geography // *The Crisis*. — 1965. — Vol. 72 (8). P. 494—497.
131. Bunge W. W. *Fitzgerald: Geography of a revolution*. — Cambridge, MA: Schenkman, 1971. — 272 p.
132. Burgess E. W. *The Growth of the City: An Introduction to a Research Project* // *Publications of the American Sociological Society*. — 1924. — Vol. 18. — P. 85—97.
133. Burgess E. W. Residential Segregation in American Cities // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1928. — Vol. 140 (1). — P. 105—115.
134. Burgess E. W. *Urban areas* // *Chicago: An Experiment in Social Science Research* / Smith T. V., White L. D. (eds.). — Chicago: University of Chicago Press, 1929. — P. 113—138.
135. Campanella R. Straight Streets in a Curvaceous Crescent: Colonial Urban Planning and Its Impact on Modern New Orleans // *Journal of Planning History*. — 2019. — Vol. 18 (3). — P. 196—211.
136. Campanella R., Notes A. An Ethnic Geography of New Orleans // *Journal of American History*. — 2007. — Vol. 94 (3). — P. 704—715.
137. Capello R. Space, growth and development // *Handbook of Regional Growth and Development Theories* / Capello R., Nijkamp P. (eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. — P. 33—52.
138. Capello R. Location, Regional Growth and Local Development Theories // *Aestimum*. — 2001. — Vol. 58. — P. 1—25.
139. Card D., Mas A., Rothstein J. Tipping and the Dynamics of Segregation // *The Quarterly Journal of Economics*. — 2008. — Vol. 123 (1). — P. 177—218.
140. Castells M. *The Rise of the Network Society*. — Oxford: Blackwell, 1996. — 594 p.
141. Castree N. Professionalisation, activism, and the university: whither ‘critical geography’? // *Environment and Planning A*. — 2000. — Vol. 32. — P. 955—970.
142. Caves R. W. *Encyclopedia of the City*. — London: Routledge, 2013. — 594 p.
143. Charles C. Z. The Dynamics of Racial Residential Segregation // *Annual Review of Sociology*. — 2003. — Vol. 29. — P. 167—207.
144. Clark G. L. Brian Berry // *Key Thinkers on Space and Place* / Hubbard P., Kitchin R. (eds.). — London: SAGE Publications, 2011. — P. 63—68.
145. Clark K. B. Group Violence: A Preliminary Study of the Attitudinal Pattern of its Acceptance and Rejection: A Study of the 1943 Harlem Riot // *Journal of Social Psychology*. — 1944. — Vol. 19 (2). — P. 319—337.

146. Clark K. B. *Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power*. — New York: Harper, 1965. — 296 p.
147. Clark T. D. The Post-Civil War Economy in the South // *American Jewish Historical Quarterly*. — 1966. — Vol. 55 (4). — P. 424—433.
148. Clark W. A. V. Residential preferences and neighborhood racial segregation: A test of the schelling segregation model // *Demography*. — 1991. — Vol. 28. — P. 1—19.
149. Clay P. L. The Process of Black Suburbanization // *Urban Affairs Quarterly*. — 1979. — Vol. 14 (4). — P. 405—424.
150. Collins W. J., Wanamaker M. H. Selection and Economic Gains in the Great Migration of African Americans: New Evidence from Linked Census Data // *American Economic Journal: Applied Economics*. — 2014. — Vol. 6 (1). — P. 220—252.
151. Cortese C. F., Falk R. F., Cohen J. C. Further Considerations on the Dimensions of Segregation: Methodological Analysis of Segregation Indices // *American Sociological Review*. — 1976. — Vol. 41. — P. 630—637.
152. Coulter C. E. *Take Up the Black Man's Burden: Kansas City's African American Communities, 1865-1939*. — Columbia, MO: University of Missouri Press, 2006. — 345 p.
153. Cowgill D. O. Trends in Residential Segregation of Nonwhites in American Cities, 1940-1950 // *American Sociological Review*. — 1956. — Vol. 21 (1). — P. 43—47.
154. Crouchett L. P. *Visions Toward Tomorrow: The History of the East Bay Afro-American Community, 1852-1977*. — Oakland, CA: African American Museum & Library, 1989. — 70 p.
155. Crowder K. The Racial Context of White Mobility: An Individual-Level Assessment of the White Flight Hypothesis // *Social Science Research*. — 2000. — Vol. 29. — P. 223—257.
156. Crowder K., South S. J. Race, Class, and Changing Migration Patterns between Poor and Nonpoor Neighborhoods // *American Journal of Sociology*. — 2005. — Vol. 110 (6). — P. 1715—1763.
157. Crowder K., South S. J., Chavez E. Wealth, Race, and Inter-Neighborhood Migration // *American Sociological Review*. — 2006. — Vol. 71. — P. 72—94.
158. Dacey M. E. A Review on Measures of Contiguity for Two and K-Color Maps // *Spatial Analysis: A Reader in Statistical Geography* / Berry B. J. L., Marble D. E. — New York: Prentice-Hall, 1968. — 479—495.
159. Damerell R. G. *Triumph in a White Suburb*. — New York: William Morrow and Company, 1968. — 351 p.
160. Darden J. T. *Detroit: Race and Uneven Development*. — Philadelphia, PA: Temple University Press, 1990. — 229 p.
161. Darden J. T., Kamel S. M. Black residential segregation in the city and suburbs of Detroit: Does socioeconomic status matter? // *Journal of Urban Affairs*. — 2000. — Vol. 22. — P. 1—13.
162. Darden J. T., Malega R., Stallings R. Social and economic consequences of black residential segregation by neighbourhood socioeconomic characteristics: The case of Metropolitan Detroit // *Urban Studies*. — 2019. — 56 (1). — P. 115—130.
163. Darden, J. T., Rahbar M., Jezierski L. The measurement of neighborhood socioeconomic characteristics and black and white residential segregation in Metropolitan Detroit:

- Implications for the study of social disparities in health // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2010. — Vol. 100. — P. 137—158.
164. Davich J. Lost Gary, Indiana. — Mount Pleasant, SC: Arcadia Publishing, 2015. — 127 p.
 165. Davis M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. — New York: Verso, 2006. — 441 p.
 166. Dawley S. Creating new paths? Offshore wind, policy activism, and peripheral region development // *Economic Geography*. — 2014. — Vol. 90. — P. 91—112.
 167. De Lissovoy N. Conceptualizing the Carceral Turn: Neoliberalism, Racism, and Violation // *Critical Sociology*. — 2013. — Vol. 39 (5). — P. 739—755.
 168. Dear M. Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a debate. // *City and Community*. — 2002. — Vol. 1. — P. 5—32.
 169. Dear M. The Los Angeles School of Urbanism: An Intellectual History // *Urban Geography*. — 2003. — Vol. 24 (6). — P. 493—509.
 170. Dear M., Flusty S. Postmodern urbanism // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1998. — Vol. 88. — P. 50—72.
 171. Dent D. J. In Search of Black America: Discovering The African American Dream. — New York: Free Press, 2001. — 416 p.
 172. Ding L., Hwang J., Divringi E. Gentrification and residential mobility in Philadelphia // *Regional Science and Urban Economics*. — 2016. — Vol. 61. — P. 38—51.
 173. Donaldson F. Geography and the black American: The white papers and the invisible man // *Antipode*. — 1969. — Vol. 1 (1). — P. 17—33.
 174. Doreian P. Linear Models with Spatially Distributed Data: Spatial Disturbances or Spatial Effects? // *Sociological Methods and Research*. — 1980. — Vol. 9. — P. 29—60.
 175. Dormann C. F., McPherson J. M., Araújo M. B., Bivand R., Bolliger J., Carl G., Davies R. G., Hirzel A., Jetz W., Kissling W. D., Kühn I., Ohlemüller R., Peres-Neto P. R., Reineking B., Schröder B., Schurr F. M., Wilson R. Methods to Account for Spatial Autocorrelation in the Analysis of Species Distributional Data: A Review // *Ecography*. — 2007. — Vol. 30, Issue 5. — P. 609—628.
 176. Douglass W. A., Raento P. The Tradition of Invention: Conceiving Las Vegas // *Annals of Tourism Research*. — 2004. — Vol. 31 (1). — P. 7—23.
 177. Drake St. C., Cayton H. R. Black Metropolis: A Study of Negro Life in a Northern City. — New York: Harcourt, Brace, 1945. — 809 p.
 178. Dubin R. A. Spatial Autocorrelation and Neighborhood Quality // *Regional Science and Urban Economics*. — 1992. — Vol. 22, Issue 3. — P. 433—452.
 179. Du Bois W. E. B. The Philadelphia Negro: A Social Study. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. — 520 p.
 180. Du Bois W. E. B. On Sociology and the Black Community // *Heritage of Sociology Series* / Green D. S., Driver E. D. (eds.). — Chicago: University of Chicago Press, 2013. — 328 p.
 181. Duncan O. D., Cuzzort R. P., Duncan B. Statistical Geography: Problems in Analyzing Area Data. — Glencoe, IL: Free Press, 1961. — 191 p.
 182. Duncan O. D., Duncan B. A Methodological Analysis of Segregation Indices // *American Sociological Review*. — 1955. — Vol. 20. — P. 210—217.

183. Duncan O. D., Duncan B. The Negro Population of Chicago: A Study of Residential Succession. — Chicago: University of Chicago Press, 1957. — 367 p.
184. Duncan O. D., Lieberman S. Ethnic Segregation and Assimilation // *American Journal of Sociology*. — 1959. — Vol. 64 (4). — P. 364—374.
185. Ellis M., Wright R., Fiorio L., Holloway S. R. Predicting neighborhood racial change in large US metropolitan areas, 1990–2010 // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. — 2018. — Vol. 45 (6). — P. 1022—1037.
186. Ellis M., Wright R., Holloway S. R., Fiorio L. Remaking white residential segregation: metropolitan diversity and neighborhood change in the United States // *Urban Geography*. — 2018. — Vol. 39 (4). — P. 519—545.
187. Falk W. W. Rooted in Place: Family and Belongings in a Southern Black Community. — New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004. — 232 p.
188. Farley J. E. Black Male Unemployment in U.S. Metropolitan Areas: The Role of Black Central City Segregation and Job Decentralization // *Journal of Urban Affairs*. — 1982. — Vol. 4 (3). — P. 19—34.
189. Farley J. E. P* Segregation Indices: What Can They Tell Us about Housing Segregation in 1980? // *Urban Studies*. — 1984. — Vol. 21 (3). — P. 331—336.
190. Farley J. E. Segregated City, Segregated Suburbs: To What Extent Are They Products of Black-White Socioeconomic Differentials? // *Urban Geography*. — 1986. — Vol. 7 (2). — P. 164—171.
191. Farley J. E. Disproportionate Black and Hispanic Unemployment in U.S. Metropolitan Areas: The Roles of Racial Inequality, Segregation and Discrimination in Male Joblessness // *The American Journal of Economics and Sociology*. — 1987. — Vol. 46 (2). — P. 129—150.
192. Farley R. The Changing Distribution of Negroes Within Metropolitan Areas: The Emergence of Black Suburbs // *American Journal of Sociology*. — 1970. — Vol. 75 (4). — P. 512—529.
193. Farley R. Residential segregation in urbanized areas of the United States in 1970: An analysis of social class and racial differences // *Demography*. — 1977. — Vol. 14. — P. 497—518.
194. Farley R., Frey W. H. Changes in the Segregation of Whites from Blacks During the 1980s: Small Steps Toward a More Integrated Society // *American Sociological Review*. — 1994. — Vol. — 59 (1). — P. 23—45.
195. Farley R., Bianchi S., Colasanto D. Barriers to the Racial Integration of Neighborhoods: The Detroit Case // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1979. — Vol. 441 (1). — P. 97—113.
196. Farrell C. R., Lee B. A. Racial diversity and change in metropolitan neighborhoods // *Social Science Research*. — 2011. — Vol. 40 (4). — P. 1108—1123.
197. Fligstein N. Going North: Migration of Blacks and Whites from the South, 1900–1950. — New York: Academic, 1981. — 230 p.
198. Flint J. Encounters with the centaur state: Advanced urban marginality and the practices and ethics of welfare sanctions regimes // *Urban Studies*. — 2019. — Vol. 56 (1). — P. 249—265.
199. Flint J., Powell R. (eds.) Class, Ethnicity and State in the Polarized Metropolis Putting Wacquant to Work. — London: Palgrave Macmillan, 2019. — 345 p.

200. Foley D. Institutional and contextual factors affecting the housing choices of minority residents // *Segregation in Residential Areas* / Hawley A. H., Rock V. P. (eds.). — Washington, D.C.: National Academy of Sciences, 1973. — P. 85—147
201. Fowler C. S., Lee B. A., Matthews S. A. The Contributions of Places to Metropolitan Ethnoracial Diversity and Segregation: Decomposing Change Across Space and Time // *Demography*. — 2016. — Vol. 53. — P. 1955—1977.
202. Frazier J. W., Margai F. M., Tettey-Fio E. *Race and Place: Equity Issues in Urban America*. — Boulder, Colorado: Westview Press, 2003. — 304 p.
203. Frazier J. W., Tettey-Fio E. *Race, Ethnicity, and Place in a Changing America*. — New York: Global Academic Publishing, 2006. — 426 p.
204. Freeman D. Reconsidering Kenneth B. Clark and the Idea of Black Psychological Damage // *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. — 2011. — Vol. 8 (1). — P. 271—283.
205. Freeman L. Neighbourhood Diversity, Metropolitan Segregation and Gentrification: What Are the Links in the US? // *Urban Studies*. — 2009. — Vol. 46 (10). — P. 2079—2101.
206. Frey W. H. Central City White Flight: Racial and Nonracial Causes // *American Sociological Review*. — 1979. — Vol. 44 (3). — P. 425—448.
207. Frey W. H. *Diversity Explosion: How New Racial Demographics Are Remaking America*. — Brookings Institution Press, 2014. — 224 p.
208. Friedmann J. *Regional Development Policy*. — Boston: MIT Press, 1966. — 279 p.
209. Friedmann J. The World City Hypothesis // *Development and Change*. — 1986. — Vol. 17 (1). — P. 69—83.
210. Fujita M., Krugman P., Mori T. On the evolution of hierarchical urban systems // *European Economic Review*. — 1999. — Vol. 43 (2). — P. 209—251.
211. Galster G. C. White Flight from Racially Integrated Neighbourhoods in the 1970s: The Cleveland Experience // *Urban Studies*. — 1990. — Vol. 27 (3). — P. 385—399.
212. Galster G. C. Black Suburbanization: Has it Changed the Relative Location of Races? // *Urban Affairs Quarterly*. — 1991. — Vol. 26 (4). — P. 621—628.
213. Garud R., Kumaraswamy A., Karnoe P. Path dependence or path creation // *Journal of Management Studies*. — 2010. — Vol. 47. — P. 760—774.
214. Garwood D. *Crossroads of America: The Story of Kansas City*. — New York: Norton, 1948. — 331 p.
215. Geary R. C. The Contiguity Ratio and Statistical Mapping // *Incorporated Statistician*. — 1954. — Vol. 5. — P. 115—141.
216. Geib P. From Mississippi to Milwaukee: A Case Study of the Southern Black Migration to Milwaukee, 1940-1970 // *The Journal of Negro History*. — 1998. — Vol. 83 (4). — P. 229—248
217. George P. S. *Colored Town: Miami's Black Community, 1896-1930* // *The Florida Historical Quarterly*. — 1978. — Vol. 56 (4). — P. 432—447.
218. Getis A. Reflections on Spatial Autocorrelation // *Regional Science and Urban Economics*. — 2007. — Vol. 37, Issue 4. — P. 491—496.

219. Gibbs J. P. The Evolution of Population Concentration // *Economic Geography*. — 1963. — Vol. 39 (2). — P. 119—129.
220. Gotham K. F. Race, Real Estate, and Uneven Development: The Kansas City Experience, 1900-2000. — New York: SUNY Press, 2002. — 204 p.
221. Gotham K. F. Tourism Gentrification: The Case of New Orleans' Vieux Carre (French Quarter) // *Urban Studies*. — 2005. — 42(7). — P. 1099—1121.
222. Grabher G. The Weakness of strong Ties; the lock-in of regional development in the Ruhr area // *The embedded firm: On the socioeconomics of industrial networks* / Grabher G. (ed.). — London: Routledge, 1993. — P. 255—277.
223. Grannis R. Discussion: Segregation Indices and Their Functional Inputs // *Sociological Methodology*. — 2002. — Vol. 32 (1). — P. 69—84.
224. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. — 1973. — Vol. 78 (6). — P. 1360—1380.
225. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // *Sociological Theory*. — 1983. — Vol. 1. — P. 201—233.
226. Greer J. L. Historic Home Mortgage Redlining in Chicago // *Journal of the Illinois State Historical Society*. — 2014. — Vol. 107 (2). — P. 204—233.
227. Gregory J. N. The Second Great Migration // *African American Urban History Since World War II* / Kusmer K. L., Trotter J. W. (eds.). — The University of Chicago Press, 2004. — P. 19—38.
228. Gregory J. N. The Southern Diaspora: How the Great Migrations of Black and White Southerners Transformed America. — Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2005. — 464 p.
229. Grizzard F., Smith D. B. Jamestown Colony: A Political, Social, and Cultural History. — Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2007. — 448 p.
230. Guthrie R. V. Mamie Phipps Clark // *Women in Psychology: A Bio-bibliographic Sourcebook* / O'Connell A. N., Russo N. F. (eds.). — Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 1990. — P. 66—74.
231. Hahn H. Civic Responses to Riots: A Reappraisal of Kerner Commission Data // *The Public Opinion Quarterly*. — Vol. 34 (1). — P. 101—107.
232. Haken H., Portugali J. A Synergetic Approach to the Self-Organization of Cities and Settlements // *Environment and Planning B: Planning and Design*. — 1995. — 22 (1). — P. 35—46.
233. Hall P., Hay D. Growth Centres in the European Urban System. — Berkeley, CA: University of California Press, 1980. — 278 p.
234. Hamnett C. Social polarization, economic restructuring and welfare state regimes. — *Urban Studies*. — 1994. — Vol. 33 (8). — P. 1047—1050.
235. Hamnett C. Social Segregation and Social Polarization // *Handbook of Urban Studies* / Paddison R. (ed.). — London: SAGE Publications, 2001. — P. 162—176.
236. Hanchett T. W. Sorting Out the New South City: Race, Class, and Urban Development in Charlotte, 1875-1975. — Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1998. — 404 p.

237. Haney López I. F. Post-Racial Racism: Racial Stratification and Mass Incarceration in the Age of Obama // *California Law Review*. — 2010. — Vol. 98 (3). — P. 1023—1074.
238. Hanlon M. D. You Can Get There from Here: How the Interstate Highways Transformed America. — New York: St. Martin's Press, 2006. — 256 p.
239. Hannerz U. Gossip, networks and culture in a black American ghetto // *Ethnos*. — 1967. — Vol. 32 (1—4). — P. 35—60.
240. Harris R., Johnston R. J. Measuring and modelling segregation – New concepts, new methods and new data // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. — 2018. — Vol. 45 (6). — P. 999—1002.
241. Harvey D. W. Revolutionary and counter revolutionary theory in geography and the problem of ghetto formation // *Antipode*. — 1972. — Vol. 4 (2). — P. 1—13.
242. Harvey D. W. *Social Justice and the City*. — Athens, GA: University of Georgia Press, 1973. — 368 p.
243. Harvey D. W. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. — Oxford: Blackwell, 1989. — 378 p.
244. Henning M., McKelvey M. Knowledge, entrepreneurship and regional transformation: contributing to the Schumpeterian and evolutionary perspective on the relationships between them // *Small Business Economics*. — 2020. — Vol. 54. — P. 495—501.
245. Henning M., Stam E., Wenting R. Path dependence research in regional economic development: Cacophony or knowledge Accumulation? // *Regional Studies*. — 2013. — Vol. 47 (8). — P. 1348—1362.
246. Hernandez J. Redlining Revisited: Mortgage Lending Patterns in Sacramento 1930–2004 // *International Journal of Urban and Regional Research*. — 2004. — Vol. 33. — P. 291—313.
247. Hillier A. E. Redlining and the Home Owners' Loan Corporation // *Journal of Urban History*. — 2003. — Vol. 29 (4). — P. 394—420.
248. Hirschman A. O. *The Strategy of Economic Development*. — New Haven, CT: Yale University Press, 1958. — 230 p.
249. Hobson M. J. *The Legend of the Black Mecca: Politics and Class in the Making of Modern Atlanta*. — Chapel Hill, NC: UNC Press Books, 2017. — 336 p.
250. Hohenberg P. M., Lees L. H. *The Making of Urban Europe 1000–1994*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. — 448 p.
251. Holley D. *The Second Great Emancipation: The Mechanical Cotton Picker, Black Migration, and How They Shaped the Modern South*. — Fayetteville, AR: University of Arkansas Press, 2000. — 284 p.
252. Holloway S. R., Wright R., Ellis M. The Racially Fragmented City? Neighborhood Racial Segregation and Diversity Jointly Considered // *The Professional Geographer*. — 2012. — Vol. 64 (1). — P. 63—82.
253. Home D. L. *W.E.B. Du Bois: A Biography 1868–1963*. — New York: Macmillan, 2009. — 912 p.
254. Hoover E. M. Interstate Redistribution of Population, 1850—1940 // *The Journal of Economic History*. — 1941. — Vol. 1. — P. 199—205.

255. Hoyt H. One Hundred Years of Land Values in Chicago: The Relationship of the Growth of Chicago to the Rise of Its Land Values, 1830-1933. — Chicago: University of Chicago Press, 1933. — 519 p.
256. Hoyt H. The Structure and Growth of Residential Neighborhoods in the United States. — Washington, DC: Federal Housing Administration, 1939. — 178 p.
257. Hunt L. L., Hunt M. O., Falk W. W. Who is Headed South? U.S. Migration Trends in Black and White, 1970-2000 // *Social Forces*. — 2008. — Vol. 87 (1). — P. 95—120.
258. Hunt M. O., Hunt L. L., Falk W. W. “Call to Home?” Race, Region, and Migration to the U.S. South, 1970–2000 // *Sociological Forum*. — 2012. — Vol. 27 (1). — P. 117—141.
259. Hurd R. M. Principles of City Land Values. — New York: Record and Guide, 1924. — 159 p.
260. Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. — SAGE Publications Inc., 2009. — 1052 p.
261. Hyde C. K. Arsenal of Democracy: The American Automobile Industry in World War II. — Detroit, MI: Wayne State University Press, 2013. — 264 p.
262. Iceland J., Wilkes R. Does Socioeconomic Status Matter? Race, Class, and Residential Segregation // *Social Problems*. — 2006. — Vol. 53 (2). — P. 248—273.
263. Intrator J., Tannen J., Massey D. S. Segregation by race and income in the United States 1970–2010 // *Social Science Research*. — 2016. — Vol. 60. — P. 45—60.
264. Iverson K. Social or spatial justice? Marcuse and Soja on the right to the city // *City*. — 2011. — Vol. 15 (2). — P. 250—259.
265. Jackson P. Social geography: race and racism // *Progress in Human Geography*. — 1985. — Vol. 10. — P. 118—124.
266. Jackson P., Smith S. (eds.) Social Interaction and Ethnic Segregation. — London: Academic Press, 1981. — 235 p.
267. Jackson P., Smith S. (eds.) Exploring Social Geography. — London: Allen and Unwin, 1984. — 240 p.
268. Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. The Measurement of Ecological Segregation // *American Sociological Review*. — 1947. — Vol. 12 (3). — P. 293—303.
269. James D. R., Taeuber K. E. Measures of Segregation // *Sociological Methodology* / Tuma N (ed.). — London: Jossey-Bass, 1985. — P. 1—32.
270. Ji W., Ma J., Twibell R. W., Underhill K. Characterizing urban sprawl using multi-stage remote sensing images and landscape metrics // *Computers, Environment and Urban Systems*. — 2006. — Vol. 30 (6). — P. 861—879.
271. Johnson V. M. The Other Black Bostonians: West Indians in Boston, 1900-1950. — Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006. — 200 p.
272. Johnson W. Black Savannah, 1788–1864. — Fayetteville, AR: University of Arkansas Press, 1999. — 253 p.
273. Johnston R. J., Forrest J., Poulsen M. Are there ethnic enclaves/ghettos in English cities? // *Urban Studies*. — 2002. — Vol 39 (4). — P. 591—618.
274. Johnston R. J., Manley D., Jones K. Spatial scale and measuring segregation: illustrated by the formation of Chicago’s ghetto // *GeoJournal*. — 2018. — Vol. 83. — P. 73—85.

275. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. And Did the Walls Come Tumbling Down? Ethnic Residential Segregation in Four U.S. Metropolitan Areas 1980–2000 // *Urban Geography*. — 2003. — Vol. 24 (7). — P. 560—581.
276. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. Blacks and Hispanics in Urban America: Similar Patterns of Residential Segregation? // *Population, Space and Place*. — 2006a. — Vol. 12. — P. 389—406.
277. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. Modern and post-modern cities and ethnic residential segregation: Is Los Angeles different? // *Geoforum*. — 2006b. — Vol. 36. — P. 318—330.
278. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. Ethnic and Racial Segregation in U.S. Metropolitan Areas, 1980–2000: The Dimensions of Segregation Revisited // *Urban Affairs Review*. — 2007a. — Vol. 42. — P. 479—504.
279. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2007b. — Vol. 97 (4). — P. 713—738.
280. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest J. Measuring ethnic residential segregation: putting some more geography in // *Urban Geography*. — 2009. — Vol. 30 (1). — P. 91—109.
281. Johnston R. J., Poulsen M., Forrest, J. Moving on from indices, refocusing on mix: on measuring and understanding ethnic patterns of residential segregation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2010. — Vol. 36 (4). — P. 697—706.
282. Jones K., Manley D., Johnston R. J., Owen D. Modelling residential segregation as unevenness and clustering: A multilevel modelling approach incorporating spatial dependence and tackling the MAUP // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. — 2018. — Vol. 45 (6). — P. 1122—1141.
283. Kaplan D. H., Woodhouse K. Research in Ethnic Segregation II: Measurements, Categories and Meanings // *Urban Geography*. — 2005. — Vol. 26 (8). — P. 737—745.
284. Kavanaugh L., Lee D., Pryce G. Is Poverty Decentralizing? Quantifying Uncertainty in the Decentralization of Urban Poverty // *Annals of the American Association of Geographers*. — 2016. — Vol. 106 (6). — P. 1286—1298.
285. Kelejian H. H., Robinson D. P. Spatial Autocorrelation: A New Computationally Simple Test with an Application to Per Capita County Police Expenditures // *Regional Science and Urban Economics*. — 1992. — Vol. 22, Issue 3. — P. 317—331.
286. Keppel B. Kenneth B. Clark in the patterns of American culture // *American Psychologist*. — 2002. — Vol. 57 (1). — P. 29—37.
287. Kimball G. D. *American City, Southern Place: A Cultural History of Antebellum Richmond*. — Athens, GA: University of Georgia Press, 2003. — 345 p.
288. Knight F. C. *Labor in the Slave Community, 1700–1860* // *A Companion to African American History* / Hornsby A. (ed.). — Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2005. — P. 159—175.
289. Kobayashi A. Issues of “Race” and Early Radical Geography // *Spatial Histories of Radical Geography: North America and Beyond* / Barnes T. J., Sheppard E. (eds.). — Oxford: John Wiley & Sons, 2019. — P. 39—58.
290. Kollmann T., Marsiglio S., Suardi S. Racial segregation in the United States since the Great Depression: A dynamic segregation approach // *Journal of Housing Economics*. — 2018. — Vol. 40. — P. 95—116.

291. Krugman P. R. *Geography and Trade*. — Cambridge, MA: MIT Press, 1991. — 156 p.
292. Kusmer K. L. African Americans in the City Since World War II: From the Industrial to the Post-Industrial Era // *Journal of Urban History*. — 1995. — Vol. 21 (4). — P. 458—504.
293. Landry B. *The New Black Middle Class*. — Berkeley, CA: University of California Press, 1987. — 264 p.
294. Lang R., Knox P. K. The New Metropolis: Rethinking Megalopolis // *Regional Studies*. — 2009. — Vol. 43 (6). — P. 789—802.
295. Lee B. A. Racially Mixed Neighborhoods during the 1970s: Change or Stability? // *Social Science Quarterly*. — 1985. — Vol. 66 (2). — P. 346—364.
296. Lee S.-I. Correlation and Spatial Autocorrelation // *Encyclopedia of GIS* / ed. by Shekhar S., Xiong H., Zhou X. — Springer, 2017. — 2507 p.
297. Legendre P. Spatial Autocorrelation: Trouble or New Paradigm? // *Ecology*. — 1993. — Vol. 74, Issue 6. — P. 1659—1673.
298. Lemann N. *The Promised Land: The Great Migration and How it Changed America*. — New York: Knopf, 1991. — 408 p.
299. Leventhal T., Brooks-Gunn J. The neighborhoods they live in: The effects of neighborhood residence on child and adolescent outcomes // *Psychological Bulletin*. — 2000. — Vol. 126 (2). — P. 309—337.
300. Lewis D. L. W. E. B. Du Bois, 1868-1919: *Biography of a Race*. — New York: Henry Holt and Company, 1994. — 752 p.
301. Lichter D. T., Parisi D., Taquino M. C. Spatial Assimilation in U.S. Cities and Communities? Emerging Patterns of Hispanic Segregation from Blacks and Whites // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2015. — Vol. 660 (1). — P. 36—56.
302. Lieberman S. The Impact of Residential Segregation on Ethnic Assimilation // *Social Forces*. — 1961. — Vol. 40 (1). — P. 52—57.
303. Lieberman S. *A Piece of the Pie: Blacks and White Immigrants since 1880*. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980. — 420 p.
304. Light J. Discriminating Appraisals: Cartography, Computation, and Access to Federal Mortgage Insurance in the 1930s // *Technology and Culture*. — 2011. — Vol. 52 (3). — P. 485—522.
305. Lipsett A. *Bronzeville // America's Changing Neighborhoods: An Exploration of Diversity through Places* / Reed U. (ed.). — Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2017. — P. 322—329.
306. Lipsitz G. *A Life in the Struggle: Ivory Perry and the Culture of Opposition*. — Philadelphia: Temple University Press, 1989. — 320 p.
307. Lloyd C. D. Exploring Population Spatial Concentrations in Northern Ireland by Community Background and Other Characteristics: An Application of Geographically Weighted Spatial Statistics // *International Journal of Geographical Information Science*. — 2010. — Vol. 24, Issue 8. — P. 1193—1221.
308. Logan J. R. The Persistence of Segregation in the 21st Century Metropolis // *City Community*. — 2013. — Vol. 12 (2). — P. 1—10.

309. Logan J. R., Alba R. D. Locational Returns to Human Capital: Minority Access to Suburban Community Resources // *Demography*. — 1993. — Vol. 30. — P. 243—268.
310. Logan J. R., Alba R. D., Leung S.-Y. Minority Access to White Suburbs: A Multiregional Comparison // *Social Forces*. — 1996. — Vol. 74. — P. 851—881.
311. Logan J. R., Alba R. D., Zhang W. Q. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles // *American Sociological Review*. — 2002. — Vol. 67, Issue 2. — P. 299—322.
312. Logan J. R., Bellman B. Before The Philadelphia Negro: Residential Segregation in a Nineteenth-Century Northern City // *Social Science History*. — 2016. — Vol. 40 (4). — P. 683—706.
313. Logan J. R., Molotch H. L. *Urban Fortunes: A Political Economy of Place*. — Los Angeles: University of California Press, 1987. — 413 p.
314. Logan J. R., Zhang W., Chunyu M. D. Emergent Ghettos: Black Neighborhoods in New York and Chicago, 1880–1940 // *American Journal of Sociology*. — 2015. — Vol. 120, Issue 4. — P. 1055—1094.
315. Logan J. R., Zhang W., Turner R., Shertzer A. Creating the Black Ghetto: Black Residential Patterns before and during the Great Migration // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2015. — Vol. 660. — P. 18—35.
316. Logan R. W. *The Negro in American Life and Thought: The Nadir, 1877-1901*. — New York: Dial Press, 1954. — 380 p.
317. Louf R., Barthelemy M. Patterns of Residential Segregation // *PLoS ONE*. — 2016. — Vol. 11 (6). — P. 1—20.
318. Lundrigan M., Navarra T. *Staten Island*. — Charleston, SC: Arcadia Publishing, 1997. — 128 p.
319. MacDonald J. S., MacDonald L. D. Chain Migration Ethnic Neighborhood Formation and Social Networks // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. — 1964. — Vol. 42 (1). — P. 82—97.
320. Manley D., Jones K., Johnston R. Multiscale Segregation: Multilevel Modeling of Dissimilarity—Challenging the Stylized Fact That Segregation Is Greater the Finer the Spatial Scale // *The Professional Geographer*. — 2019. — Vol. 71 (3). — P. 566—578.
321. Marcuse P. “Dual City”: a muddy metaphor for a quartered city? // *International Journal of Urban and Regional Research*. — 1989. — Vol. 13 (4). — P. 697—708.
322. Marcuse P. The Ghetto of Exclusion and the Fortified Enclave // *American Behavioral Scientist*. — 1997a. — Vol. 41 (3). — P. 311—326.
323. Marcuse P. The Enclave, the Citadel, and the Ghetto: What has Changed in the Post-Fordist U.S. City // *Urban Affairs Review*. — 1997b. — Vol. 33 (2). — P. 228—264.
324. Marcuse P. *Enclaves Yes, Ghettos No: Segregation and the State // Desegregating the City: Ghettos, Enclaves, and Inequality / Varady D. P. (ed.)*. — State University of New York Press, 2005. — P. 15—30.
325. Marcuse P. Spatial justice: Derivative but causal of social injustice // *Justices et injustices spatiales / Bret B., Gervais-Lambony P., Hancock C. et al. (eds.)*. — Paris: PUF, 2010. — P. 76—92.
326. Marshall A. *Principles of Economics*. — New York: Macmillan, 1920. — 871 p.

327. Martin A. E. *Our Negro Population: A Sociological Study of the Negroes of Kansas City, Missouri*. — London: Forgotten Books, 2018. — 192 p.
328. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // *Journal of Economic Geography*. — 2006. — Vol. 6 (4). — P. 395—437.
329. Massey D. S. On the Measurement of Segregation as a Random Variable // *American Sociological Review*. — 1978. — Vol. 43. — P. 587—590.
330. Massey D. S. Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review // *Sociology and Social Research*. — 1985. — Vol. 69. — P. 315—350.
331. Massey D. S. Residential segregation and neighborhood conditions in U. S. metropolitan areas // *America Becoming: Racial Trends and their Consequences, Volume I* / Smelser N. J., Wilson W. J., Mitchell F. (eds.). — Washington, DC: National Academy Press, 2001. — P. 391—434.
332. Massey D. S. Segregation and stratification: a biosocial perspective // *Biosocial Theories of Crime* / Beaver K. M., Walsh A. (eds.). — London: Routledge, 2017. — P. 7—25.
333. Massey D. S., Condran G. A. Denton N. A. The Effect of Residential Segregation on Black Social and Economic Well-Being // *Social Forces*. — 1987. — Vol. 66 (1). — P. 29—56.
334. Massey D. S., Denton N. A. Spatial Assimilation as a Socioeconomic Outcome // *American Journal of Sociology*. — 1985. — Vol. 50 (1). — P. 94—106.
335. Massey D. S., Denton N. A. The Dimensions of Residential Segregation // *Social Forces*. — 1988. — Vol. 62 (2). — P. 281—315.
336. Massey D. S., Denton N. A. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. — Cambridge: Harvard University Press, 1993. — 374 p.
337. Massey D. S., Denton N. A. How segregation concentrates poverty // *Ethnic and Racial Studies*. — 2000. — Vol. 23. — P. 670—691.
338. Massey D. S., Eggers M. L. The Spatial Concentration of Affluence and Poverty during the 1970s // *Urban Affairs Quarterly*. — 1993. — Vol. 29 (2). — P. 299—315.
339. Massey D. S., Fischer M. J. How segregation concentrates poverty // *Ethnic and Racial Studies*. — 2000. — Vol. 23 (4). — P. 670—691.
340. Massey D. S., Mullan B. P. Processes of Hispanic and Black Spatial Assimilation // *American Journal of Sociology*. — 1984. — Vol. 89 (4). — P. 836—873.
341. Massey D. S., Tannen J. A Research Note on Trends in Black Hypersegregation // *Demography*. — 2015. — Vol. 52 (3). — P. 1025—1034.
342. Massey D. S., Tannen J. Segregation, Race, and the Social Worlds of Rich and Poor // *The Dynamics of Opportunity in America: Evidence and Perspectives* / Kirsch I., Braun H. (eds.). — New York: Springer, 2016. — P. 13—34.
343. Mayer A. Russell Woods: Change without conflict: A case study of neighborhood transition in Detroit // *Studies in Housing and Minority Groups* / Glazer N., McEntire D. (eds.). — Berkeley, CA: University of California Press, 1960. — 228 p.
344. McGraw M. T. Richmond Free Blacks and African Colonization, 1816-1832 // *Journal of American Studies*. — 1987. — Vol. 21 (2). — P. 207—224.
345. Mehlhorn D. A Requiem for Blockbusting: Law, Economics, and Race-Based Real Estate Speculation // *Fordham Law Review*. — 1998. — Vol. 67 (3). — 1145—1192.

346. Meyer W. B. The Other Burgess Model // Urban Geography. — 2000. — Vol. 21 (3). — P. 261—270.
347. Michney T. M. Surrogate Suburbs: Black Upward Mobility and Neighborhood Change in Cleveland, 1900–1980. — Chapel Hill, NC: UNC Press, 2017. — 350 p.
348. Miller H. J. Tobler's First Law and Spatial Analysis // Annals of the Association of American Geographers. — Vol. 94 (2). — 2004. — P. 284—289.
349. Miller M. C. "The Righteous and Reasonable Ambition to Become a Landholder": Land and Racial Inequality in the Postbellum South // The Review of Economics and Statistics. — 2020. — Vol. 102 (2). — 381—394.
350. Mitchell D. Peter Jackson // Key Thinkers on Space and Place / Hubbard P., Kitchin R. (eds.). — London: SAGE Publications, 2011. — P. 257—264.
351. Mitchener K. J., McLean I. W. U.S. Regional Growth and Convergence, 1880–1980 // The Journal of Economic History. — 1999. — Vol. 59. — P. 1016—1042.
352. Moehring E. P. Resort city in the sunbelt: Las Vegas, 1930–1970. — Reno, NV: University of Nevada Press, 1989. — 400 p.
353. Mollenkopf J. H., Castells M. Dual City: Restructuring New York. — New York: Russell Sage Foundation, 1991. — 492 p.
354. Moore K. S. Gentrification in Black Face? The Return of the Black Middle Class to Urban Neighborhoods // Urban Geography. — 2009. — Vol. 30 (2). — P. 118—142.
355. Moore S. A. W. To Place Our Deeds: The African American Community in Richmond, California, 1910–1963. — Berkeley, CA: University of California Press, 2001. — 245 p.
356. Moran P. A. P. Notes on Continuous Stochastic Phenomena // Biometrika. — 1950. — Vol. 37. — P. 17—23.
357. Moroni S. The just city. Three background issues: Institutional justice and spatial justice, social justice and distributive justice, concept of justice and conceptions of justice // Planning Theory. — 2020. — Vol. 19 (3). — P. 251—267.
358. Musterd S. Urban segregation: contexts, domains, dimensions and approaches // Handbook of Urban Segregation / Musterd S. (ed.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd, 2020. — 456 p.
359. Myrdal K. G. An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy. — New York: Harper & Bros, 1944. — 1483 p.
360. Myrdal K. G. Rich Lands and Poor: The road to world prosperity. — New York: Harper & Row, 1957. — 168 p.
361. Napierala J., Denton N. A. Measuring Residential Segregation With the ACS: How the Margin of Error Affects the Dissimilarity Index // Demography. — 2017. — Vol. 54. — P. 285—309.
362. Nelson R. R., Winter S. G. An Evolutionary Theory of Economic Change. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. — 437 p.
363. Neffke F., Hartog M., Boschma R., Henning M. Agents of structural change. The role of firms and entrepreneurs in regional diversification // Economic Geography. — 2018. — Vol. 94 (1). — P. 23—48.
364. Newby R. G. Segregation, Desegregation, and Racial Balance: Status Implications of These Concepts // Urban Review. — 1982. — Vol. 14 (1). — P. 17—24.

365. Newman M. *Networks: An Introduction*. — Oxford University Press, 2010. — 772 p.
366. Nijman J. *Breaking the Rules: Miami in the Urban Hierarchy* // *Urban Geography*. — 1996. — Vol. 17 (1). — P. 5—22.
367. Nijman J. *Ethnicity, Class, and Economic Internationalization in Miami* // *Social Polarization in Post-industrial Metropolises* / O'Loughlin J., Friedrichs J. (eds.). — Berlin: Walter de Gruyter, 1996. — P. 283—297.
368. O'Brien J. T. *After Slavery: Black Labour and the Postwar Southern Economy* // *Labour / Le Travail*. — 1981. — Vol. 7/8. — P. 285—295.
369. Onésimo Sandoval J. S. *Neighborhood Diversity and Segregation in the Chicago Metropolitan Region, 1980-2000* // *Urban Geography*. — 2011. — Vol. 32 (5). — P. 609—640.
370. Pais J., South S. J., Crowder K. *White Flight Revisited: A Multiethnic Perspective on Neighborhood Out-Migration* // *Population Research and Policy Review*. — 2009. — Vol. 28. — P. 321—346.
371. Pais J., South S. J., Crowder K. *Metropolitan Heterogeneity and Minority Neighborhood Attainment: Spatial Assimilation or Place Stratification?* // *Social Problems*. — 2012. — Vol. 59 (2). — P. 258—281.
372. Park R. E. *On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers*. — University of Chicago Press, 1967. — 214 p.
373. Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City*. — University of Chicago Press, 1925. — 239 p.
374. Patillo-McCoy M. *The Limits of Out-Migration for the Black Middle Class* // *Journal of Urban Affairs*. — 2000. — Vol. 22 (3). — P. 225—241.
375. Peach C. *Good Segregation, Bad Segregation* // *Planning Perspectives*. — 1996a. — Vol. 11 (4). — P. 379—398.
376. Peach C. *The Meaning of Segregation* // *Planning Practice & Research*. — 1996b. — Vol. 11 (2). — P. 137—150.
377. Peach C. *The Ghetto and the Ethnic Enclave* // *Desegregating the City: Ghettos, Enclaves, and Inequality* / Varady D. P. (ed.). — State University of New York Press, 2005. — P. 31—48.
378. Peach C. *Slippery Segregation: Discovering or Manufacturing Ghettos?* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2009. — Vol. 35 (9). — P. 1381—1395.
379. Peach C. *"Ghetto-lite" or missing the g-spot? A reply to Johnston, Poulsen and Forrest* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2010. — Vol. 36 (9). — P. 1519—1526.
380. Peake L., Sheppard E. *The Emergence of Radical/Critical Geography within North America* // *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. — 2014. — Vol. 13 (2). — P. 305—327.
381. Peet R. *Celebrating Thirty Years of Radical Geography* // *Environment and Planning A*. — 2000. — Vol. 32. — P. 951—953.
382. Pinto-Coelho J. M., Zuberi T. *Segregated Diversity* // *Sociology of Race and Ethnicity*. — 2015. — Vol. 1 (4). — P. 475—489.
383. Portugali J. *Self-organization and the city*. — Springer, 2000. — 355 p.

384. Poulsen M., Forrest J., Johnston R. J. From Modern to Post-modern?: Contemporary ethnic residential segregation in four US metropolitan areas // *Cities*. — 2002. — Vol. 19 (3). — P. 161—172.
385. Poulsen M., Johnston R. J., Forrest J. Intraurban ethnic enclaves: introducing a knowledge-based classification method // *Environment and Planning A*. — 2001. — Vol. 33. — P. 2071—2082.
386. Poulsen M., Johnston R., Forrest J. The Intensity of Ethnic Residential Clustering: Exploring Scale Effects Using Local Indicators of Spatial Association // *Environment and Planning A*. — 2010. — Vol. 42, Issue 4. — P. 874—894.
387. Pred A. *City-Systems in Advanced Economies*. — London: Hutchinson, 1977. — 258 p.
388. Price D. O., Himes J. S., Hauser P. M., Lawrence C. R., Teele J. E., Valien P., Thompson D. C., Edwards G. F., Taeuber K. E., Notestein F. W., Farley R., Liebow E., Taeuber I. B. Urbanization of the Blacks // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. — 1970. — Vol. 48 (2). — P. 47—67.
389. Price-Spratlen T. Between depression and prosperity? Changes in the community context of historical African American migration // *Social Forces*. — 1998. — Vol. 77. — P. 515—540.
390. Price-Spratlen T. Livin' for the city: African American community development and Depression Era migration // *Demography*. — 1999a. — Vol. 36. — P. 553—568.
391. Price-Spratlen T. Flowin' all at once: gender, race, and class in Depression Era U.S. urbanization // *Race Gender Class*. — 1999b. — Vol. 6. — P. 147—170.
392. Provine D. The Economic Position of the Free Blacks in the District of Columbia, 1800-1860 // *The Journal of African American History*. — 1973. — Vol. 58 (1). — P. 61—72.
393. Quillian L. Segregation and Poverty Concentration: The Role of Three Segregations // *American Sociological Review*. — 2012. — Vol. 77 (3). — P. 354—379.
394. Ransmeier J. S. The Fourteenth Amendment and the "Separate but Equal" Doctrine // *Michigan Law Review*. — 1951. — Vol. 50 (2). — P. 203—260.
395. Reardon S. F., Firebaugh G. Measures of Multigroup Segregation // *Sociological Methodology*. — 2002. — Vol. 32 (1). — P. 32—67.
396. Reardon S. F., Fox L., Townsend J. Neighborhood Income Composition by Household Race and Income, 1990–2009 // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2015. — Vol. 660 (1). — P. 78—97.
397. Reardon S. F., O'Sullivan D. Measures of Spatial Segregation // *Sociological Methodology*. — 2004. — Vol. 34 (1). — P. 121—162.
398. Rodgers J. L., Nicewander W. A. Thirteen Ways to Look at the Correlation Coefficient // *The American Statistician*. — 1988. — Vol. 42 (1). — P. 59—66.
399. Rose H. M. *Black suburbanization: Access to improved quality of life or maintenance of the status quo?* — Pensacola, FL: Ballinger Publishing, 1976. — 288 p.
400. Rothstein R. *The Color of Law: A Forgotten History of How Our Government Segregated America*. — New York: Liveright, 2017. — 368 p.
401. Rubenstein J. M. *The Cultural Landscape: An Introduction to Human Geography*. — London: Pearson, 2016. — 576 p.

402. Sampson R. J., Morenoff J. D., Gannon-Rowley T. Assessing “neighborhood effects”: Social processes and new directions in research // *Annual Review of Sociology*. — 2002. — Vol. 28. — P. 443—478.
403. Sassen S. Capital mobility and labour migration: their expression in core cities // *Urbanization in the World Economy* / Timberlake M. (ed.). — New York: Academic Press, 1985. — 387 p.
404. Sassen S. *The Global City: New York, London and Tokyo*. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. — 397 p.
405. Schelling T. C. Dynamic models of segregation // *The Journal of Mathematical Sociology*. — 1971. — Vol. 1. — P. 143—186.
406. Schelling T. C. The process of residential segregation: Neighborhood tipping // *Racial discrimination in economic life* / Pascal A. — Lexington, KY: Lexington Books, 1971. — P. 157—184.
407. Schirmer S. L. *A City Divided: The Racial Landscape of Kansas City, 1900-1960*. — Columbia, MO: University of Missouri Press, 2002. — 272 p.
408. Schneider M., Phelan T. Black Suburbanization in the 1980s // *Demography*. — 1993. — Vol. 30 (2). — P. 269—279.
409. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development*. — London: Routledge, 1980. — 320 p.
410. Sexton J. O., Song X.-P., Huang C., Channan S., Baker M. E., Townshend J. R. Urban growth of the Washington, D.C.–Baltimore, MD metropolitan region from 1984 to 2010 by annual, Landsat-based estimates of impervious cover // *Remote Sensing of Environment*. — 2013. — Vol. 129. — P. 42—53.
411. Shields R. *Places on the Margins*. — London: Routledge, 1991. — 352 p.
412. Sides J. L.A. *City Limits: African American Los Angeles from the Great Depression to the Present*. — Berkeley, CA: University of California Press, 2006. — 302 p.
413. Simmel G. *The Stranger* // *The Sociology of Georg Simmel* / Wolff K. H. (ed.). — Glencoe, IL: The Free Press, 1950. — 445 p.
414. Simon J. *Mass Incarceration on Trial: A Remarkable Court Decision and the Future of Prisons in America*. — New York: The New Press, 2014. — 224 p.
415. Simpson L., Peach C. Measurement and Analysis of Segregation, Integration and Diversity: Editorial Introduction // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2009. — Vol. 35 (9). — P. 1377—1380.
416. Sjoquist D. L. *Past Trends and Future Prospects of the American City: The Dynamics of Atlanta*. — Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2009. — 332 p.
417. Smith D. M. *Geography and Social Justice: Social Justice in a Changing World*. — Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 1994. — 344 p.
418. Soja E. R. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. — London: Verso, 1989. — 228 p.
419. Soja E. W. *Seeking Spatial Justice*. — University of Minnesota Press, 2010. — 256 p.
420. Soja E. W. *My Los Angeles: From Urban Restructuring to Regional Urbanization*. — Berkeley, CA: University of California Press, 2014. — 296 p.

421. Soja E. W., Morales R., Wolff G. Urban Restructuring: An Analysis of Social and Spatial Change in Los Angeles // *Economic Geography*. — 1983. — Vol. 59 (2). — P. 195—230.
422. Sokal R. R., Oden N. L. Spatial Autocorrelation in Biology: 1. Methodology // *The Biological Journal of the Linnean Society*. — 1978. — Vol. 10, Issue 2. — P. 199—228.
423. South S. J., Crowder K., Pais J. Inter-Neighborhood Migration and Spatial Assimilation in a Multiethnic World: Comparing Latinos, Blacks, and Anglos // *Social Forces*. — Vol. 87 (1). — P. 415—443.
424. Strait J. B. Poverty Concentration in a Multiethnic City: The Impact of Compositional and Redistributive Forces in Miami, Florida, 1980-1990 // *Southeastern Geographer*. — Vol. 42 (2). — P. 159—182.
425. Taeuber K. E. Negro Residential Segregation: Trends and Measurement // *Social Problems*. — 1964. — Vol. 12 (1). — P. 42—50.
426. Taeuber K. E. Residential Segregation // *Scientific American*. — 1965. — Vol. 213 (2). — P. 12—19.
427. Taeuber K. E. Demographic perspectives on housing and school segregation // *Wayne Law Review*. — 1975. — Vol. 21. — P. 833—850.
428. Taylor Q. In Search of the Racial Frontier: African Americans in the American West 1528-1990. — 1999. — New York: W. W. Norton & Company. — 416 p.
429. Theil H. Statistical Decomposition Analysis. — Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1972. — 337 p.
430. Theil H., Finizza A. J. A Note on the Measurement of Racial Integration of Schools by Means of Informational Concepts // *Journal of Mathematical Sociology*. — 1971. — Vol. 1. — P. 187—194.
431. Thompson H. A. Rethinking the Politics of White Flight in the Postwar City: Detroit, 1945-1980 // *Journal of Urban History*. — 1999. — Vol. 25 (2). — P. 163—198.
432. Timberlake J. M., Iceland J. Change in Racial and Ethnic Residential Inequality in American Cities, 1970–2000 // *City & Community*. — 2007. — Vol. 6. — P. 335—365.
433. Tobler W. R. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region // *Economic Geography*. — 1970. — Vol. 46. — P. 234—240.
434. Tolnay S. E. The African American “Great Migration” and Beyond // *Annual Review of Sociology*. — 2003. — Vol. 29. — 209—232.
435. Tolnay S. E., Beck E. M. Racial Violence and Black Migration in the American South, 1910 to 1930 // *American Sociological Review*. — 1992. — Vol. 57 (1). — P. 103—116.
436. Tolnay S. E., Beck E. M. A Festival of Violence: An Analysis of Southern Lynchings, 1882–1930. — Urbana, IL: University of Illinois Press, 1995. — 320 p.
437. Trotter J. W. Black Milwaukee: The Making of an Industrial Proletariat, 1915–45. — Urbana-Champaign, IL: University of Illinois Press, 1985. — 302 p.
438. Vaughan L., Arbaci S. The Challenges of Understanding Urban Segregation // *Built Environment*. — 2011. — Vol. 37 (2). — P. 128—138.
439. Venturi R., Brown D. S., Izenour S. Learning From Las Vegas. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. — 216 p.

440. Vesselinov E., Le Goix R. From picket fences to iron gates: suburbanization and gated communities in Phoenix, Las Vegas and Seattle // *GeoJournal*. — 2012. — Vol. 77. — P. 203—222.
441. Vigdor J. L. Residential segregation and preference misalignment // *Journal of Urban Economics*. — 2003. — Vol. 54 (3). — P. 587—609.
442. Villalba C. M. H. Socioeconomic Status (SES) // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* / Michalos A. C. (ed.). — Berlin: Springer, 2014. — P. 267.
443. Wacquant L. The Rise of Advanced Marginality: Notes on its Nature and Implications // *Acta Sociologica*. — 1996. — Vol. 39 (2). — P. 121—139.
444. Wacquant L. Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto // *International Journal of Urban and Regional Research*. — 1997. — Vol. 21 (2). — P. 341—353.
445. Wacquant L. Negative social capital: State breakdown and social destitution in America's urban core // *Netherlands journal of housing and the built environment*. — 1998. — Vol. 13. — P. 25—40.
446. Wacquant L. Urban Marginality in the Coming Millennium // *Urban Studies*. — 1999. — Vol. 36 (10). — P. 1639—1647.
447. Wacquant L. *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity Press, 2008. — 360 p.
448. Wacquant L. *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. — Durham, NC: Duke University Press, 2009. — 384 p.
449. Wacquant L. Crafting the neoliberal state: Workfare, prisonfare, and social insecurity // *Sociological Forum*. — 2010. — Vol. 25 (2). — P. 197—220.
450. Wacquant L. A Janus-Faced Institution of Ethnoracial Closure: A Sociological Specification of the Ghetto // *The Ghetto: Contemporary Global Issues and Controversies* / R. Hutchison., B. D. Haynes (eds.). — London: Routledge, 2011. — 386 p.
451. Wacquant L. Three steps to a historical anthropology of actually existing neoliberalism // *Social Anthropology*. — 2012. — Vol. 20 (1). — P. 66—79.
452. Wacquant L. Revisiting territories of relegation: Class, ethnicity and state in the making of advanced marginality // *Urban Studies*. — 2016. — Vol. 53 (6). — P. 1077—1088.
453. Wacquant L., Wilson W. J. The Cost of Racial and Class Exclusion in the Inner City // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1989. — Vol. 501 (1). — P. 8—25.
454. Wacquant L. Class, Ethnicity and State in the Making of Urban Marginality // *Class, Ethnicity and State in the Polarized Metropolis Putting Wacquant to Work* / Flint J., Powell R. (eds.). — London: Palgrave Macmillan, 2019. — P. 23—50.
455. Wade R. C. The Negro in Cincinnati, 1800-1830 // *The Journal of African American History*. — 1954. — Vol. 39 (1). — P. 43—57.
456. Wall D., Rothschild N. A., Copeland C. Seneca Village and Little Africa: Two African American Communities in Antebellum New York City // *Historical Archaeology*. — 2008. — Vol. 42. — P. 97—107.
457. Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. — Cambridge University Press, 1994. — 825 p.

458. Watson S. *The Harlem Renaissance: Hub of African-American Culture, 1920-1930*. — New York: Pantheon Books, 1995. — 224 p.
459. Webster G. R., Bowman J. Quantitatively Delineating the Black Belt Geographic Region // *Southeastern Geographer*. — 2008. — Vol. 48 (1). — P. 3—18.
460. Wellman J. *Brooklyn's Promised Land: The Free Black Community of Weeksville, New York*. — New York: NYU Press, 2017. — 320 p.
461. White M. J. The Measurement of Spatial Segregation // *American Journal of Sociology*. — 1983. — Vol. 88. — P. 1008—1019.
462. White M. J. Segregation and Diversity: Measures in Population Distribution // *Population Index*. — 1986. — Vol. 52. — P. 198—221.
463. White S. "We Dwell in Safety and Pursue Our Honest Callings": Free Blacks in New York City, 1783-1810 // *The Journal of American History*. — 1988. — Vol. 75 (2). — P. 445—470.
464. Wiggins B. *Calculating Race: Racial Discrimination in Risk Assessment*. — Oxford University Press, 2020. — 176 p.
465. Wiggins M. J. Race, Class, and Suburbia: The Modern Black Suburb as a 'Race-Making Situation' // *The University of Michigan Journal of Law Reform*. — 2002. — Vol. 35. — P. 749—808.
466. Wilkerson I. *The Warmth of Other Suns: The Epic Story of America's Great Migration*. — New York: Vintage Books, 2010. — 689 p.
467. Williams M. R. A Statistical Study of Blacks in Washington, D. C. in 1860 // *Records of the Columbia Historical Society*. — 1980. — P. 172—179.
468. Williamson J. *After Slavery: The Negro in South Carolina During Reconstruction, 1861-1877*. — New York: W. W. Norton & Company, 1975. — 462 p.
469. Wilson B. M. *America's Johannesburg: Industrialization and Racial Transformation in Birmingham*. — Athens, GA: University of Georgia Press, 2019. — 292 p.
470. Wilson W. J. *The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions*. — University of Chicago Press, 1980. — 243 p.
471. Wilson W. J. *The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy*. — University of Chicago Press, 1987. — 261 p.
472. Wilson W. J., Wacquant L. The Cost of Racial and Class Exclusion in the Inner City // *The Ghetto Underclass: Social Science Perspectives* / Wilson W. J. (ed.). — London: SAGE Publications, 1993. — P. 25—42.
473. Winship C. A Revaluation of Indexes of Residential Segregation // *Social Forces*. — 1977. — Vol. 55, No. 4. — P. 1058—1066.
474. Wirth L. *The Ghetto*. — Chicago: University of Chicago Press., 1928. — 306 p.
475. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // *American Journal of Sociology*. — 1938. — Vol. 44 (1). — P. 1—24.
476. Wissink B., Schwanen T., van Kempen R. Beyond residential segregation: Introduction // *Cities*. — 2016. — Vol. 59. — P. 126—130.
477. Wolf E. P. The tipping-point and racially changing neighborhoods // *Journal of the American Institute of Planners*. — 1963. — Vol. 29. — P. 217—222.
478. Wong D. W. S. Spatial Indices of Segregation // *Urban Studies*. 1993. — Vol. 30 (3). — P. 559—572.

479. Wong D. W. S. Geostatistics as Measures of Spatial Segregation // *Urban Geography*. — 1999. — Vol. 20, Issue 7. — P. 635—647.
480. Wong D. W. S. Spatial Decomposition of Segregation Indices: A Framework Toward Measuring Segregation at Multiple Levels // *Geographical Analysis*. — 2003. — Vol. 35 (3). — P. 179—194.
481. Wood B. *The Origins of American Slavery: Freedom and Bondage in the English Colonies*. — New York: Hill & Wang, 1997. — 132 p.
482. Wright G. *The Political Economy of the Cotton South: Households, Markets, and Wealth in the Nineteenth Century*. — New York: Norton, 1978. — 224 p.
483. Wright G. *Old South, New South: Revolutions in the Southern Economy since the Civil War*. — Baton Rouge, LA: LSU Press, 1986. — 336 p.
484. Wright R., Ellis M., Holloway S. R. Patterns of Racial Diversity and Segregation in the United States: 1990–2010 // *The Professional Geographer*. — 2014. — Vol. 66 (2). — P. 173—182.
485. Wright R., Holloway S. R., Ellis M. Reconsidering both Diversity and Segregation: A Reply to Poulsen, Johnston and Forrest, and to Peach // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2011. — Vol. 37. — P. 167—176.
486. Young J. R. *Origins and Institutionalization of American Slavery // A Companion to African American History* / Hornsby A. (ed.). — Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2005. — P. 143—158.
487. Zelinsky W. The population geography of the free Negro in Ante-Bellum America // *Population Studies: A Journal of Demography*. — 1950. — Vol. 3. — P. 386—401.
488. Zhu S., Jin W., He C. On evolutionary economic geography: a literature review using bibliometric analysis // *European Planning Studies*. — 2019. — Vol. 27 (4). — P. 639—660.
489. 1790 Census: Whole Number of Persons within the Districts of the U.S. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/library/publications/1793/dec/number-of-persons.html> (дата обращения: 20.04.2021).
490. 1860 Census: Population of the United States. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/library/publications/1864/dec/1860a.html> (дата обращения: 20.04.2021).
491. 1910 Census: Volume 1. Population, General Report and Analysis. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/library/publications/1913/dec/vol-1-population.html> (дата обращения: 20.04.2021).
492. 1940 Census: Official 1940 Census Website - Data.gov [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://catalog.data.gov/dataset/1940-census-official-1940-census-website> (дата обращения: 20.04.2021).
493. 1970 Overview - History - U.S. Census Bureau [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/overview/1970.html (дата обращения: 20.04.2021).
494. 2000 Overview - History - U.S. Census Bureau [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/overview/2000.html (дата обращения: 20.04.2021).

495. About Race. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/topics/population/race/about.html> (дата обращения: 20.04.2021).
496. African American History in New Orleans [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.neworleans.com/things-to-do/multicultural/cultures/african-american/> (дата обращения: 20.04.2021).
497. African American Migration Patterns | Jacob Lawrence: The Migration Series [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lawrencemigration.phillipscollection.org/culture/migration-map> (дата обращения: 20.04.2021).
498. American Community Survey (ACS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs> (дата обращения: 20.04.2021).
499. Census of Population and Housing - Publications - U.S. Census Bureau [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/prod/www/decennial.html> (дата обращения: 20.04.2021).
500. Core-Based Statistical Areas [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/topics/housing/housing-patterns/about/core-based-statistical-areas.html> (дата обращения: 20.04.2021).
501. IPUMS [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ipums.org/> (дата обращения: 20.04.2021).
502. The Great Migration, 1910 to 1970 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/dataviz/visualizations/020/> (дата обращения: 20.04.2021).
503. The New Great Migration: Black Americans' Return to the South, 1965-2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/research/the-new-great-migration-black-americans-return-to-the-south-1965-2000/> (дата обращения: 20.04.2021).
504. Visualizing the Great Migration [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.moma.org/interactives/exhibitions/2015/onewayticket/static/visualizing-the-great-migration/> (дата обращения: 20.04.2021).

Приложения

Приложение А. Альтернативные метрики пространственной концентрации и пространственной сегрегации

Индексы пространственной концентрации				
Название индекса	Формула	Обозначения	Комментарии	Источники
Дельта-индекс Гувера	$DEL = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n \left \left(\frac{x_i}{X} \right) - \left(\frac{a_i}{A} \right) \right $	<i>DEL</i> — дельта-индекс Гувера, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , X — суммарная численность представителей меньшинства, a_i — площадь ячейки i , A — суммарная площадь всех ячеек	Оценивает долю представителей меньшинства, которым пришлось бы переехать в другую ячейку для достижения одинаковой плотности населения своей группы.	[Hoover 1941], [Duncan, Cuzzort, Duncan 1961], [Massey, Denton 1988]
Индекс абсолютной концентрации	$ACO = 1 - \frac{\left[\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i a_i}{X} \right) \right] - \left[\sum_{i=1}^{n_1} \left(\frac{t_i a_i}{T_1} \right) \right]}{\left[\sum_{i=n_2}^n \left(\frac{t_i a_i}{T_2} \right) \right] - \left[\sum_{i=1}^{n_1} \left(\frac{t_i a_i}{T_1} \right) \right]}$	<i>ACO</i> — индекс абсолютной концентрации, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , Y — суммарная численность представителей большинства, t_i — суммарная численность населения в территориальной ячейке i , T_1 — сумма всех t_i от ячейки 1 до ячейки n_1 , T_2 — сумма всех t_i от ячейки 1 до ячейки n_2 , a_i — площадь ячейки i .	У индекса абсолютной концентрации можно выделить общий с дельта-индексом недостаток — они фокусируются исключительно на рассматриваемой группе в рамках одной территориальной ячейки. Из-за этого остается без внимания окружающий пространственный контекст, что может исказить результаты оценки.	[Massey, Denton 1988]
Индекс относительной концентрации	$RCO = \frac{\left[\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i a_i}{X} \right)}{\sum_{i=1}^n \left(\frac{y_i a_i}{Y} \right)} - 1 \right]}{\left[\frac{\sum_{i=1}^{n_1} \left(\frac{t_i a_i}{T_1} \right)}{\sum_{i=n_2}^n \left(\frac{t_i a_i}{T_2} \right)} - 1 \right]}$	<i>RCO</i> — индекс относительной концентрации, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , Y — суммарная численность представителей большинства, t_i — суммарная численность населения в территориальной ячейке i , T_1 — сумма всех t_i от ячейки 1 до ячейки n_1 , T_2 — сумма	Индекс относительной концентрации подходит исключительно для дихотомичной структуры населения, поскольку при его расчете проводится сравнение расселения одной группы меньшинства и одной группы большинства.	[Massey, Denton 1988]

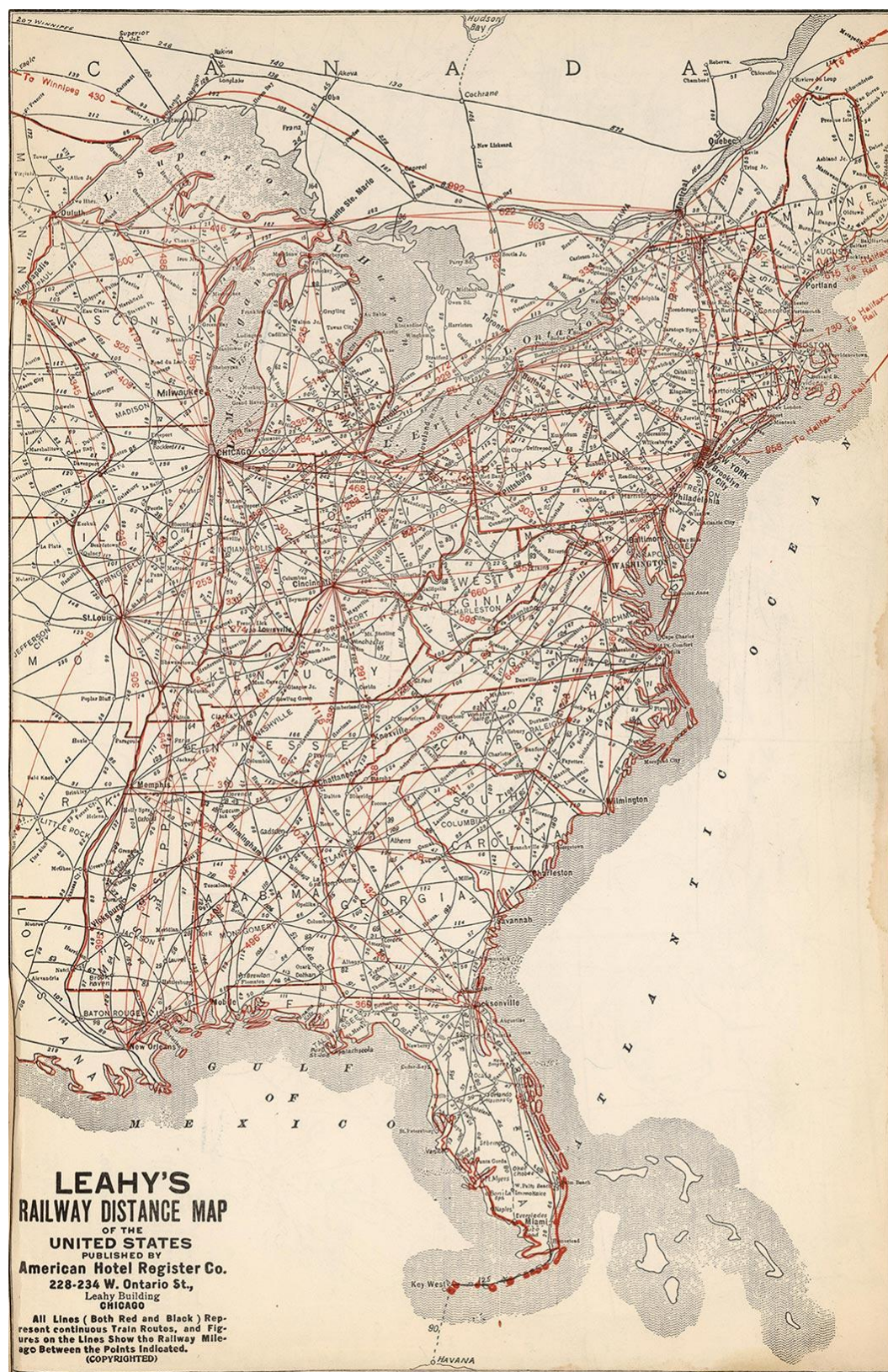
		всех t_i от ячейки 1 до ячейки n , a_i — площадь ячейки i .		
Индекс относительной централизации	$RCE = \sum_{i=1}^m (X_{i-1} \times Y_i) - \sum_{i=1}^m (X_i \times Y_{i-1})$	RCE — индекс относительной концентрации, m — количество территориальных ячеек, упорядоченных по мере удаления от центра, X_i — кумулятивная доля представителей меньшинства в ячейке i , Y_i — кумулятивная доля представителей большинства в ячейке i .	Два этих индекса различаются тем, что индекс относительной концентрации учитывает распределение большинства, что делает его более точным. Индекс относительной концентрации может быть использован только в случае наличия дихотомии по одному из анализируемых признаков (социально-экономическому, этническому).	[Duncan, Duncan 1955]
Индекс абсолютной централизации	$ACE = \sum_{i=1}^m (X_{i-1} \times A_i) - \sum_{i=1}^m (X_i \times A_{i-1})$	ACE — индекс абсолютной концентрации, m — количество территориальных ячеек, упорядоченных по мере удаления от центра, X_i — кумулятивная доля представителей меньшинства в ячейке i , A_i — кумулятивная доля площади ячейки i от суммарной площади территории.		[Massey, Denton 1988]
Индекс абсолютной кластеризации	$ACL = \frac{\left(\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{X} \times \sum_{j=1}^n c_{ij} \times x_j \right) - \left(\frac{X}{n^2} \times \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n c_{ij} \right) \right)}{\left(\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{X} \times \sum_{j=1}^n c_{ij} \times t_j \right) - \left(\frac{X}{n^2} \times \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n c_{ij} \right) \right)}$	ACL — индекс абсолютной кластеризации, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , x_j — численность представителей меньшинства в ячейке j , X — суммарная численность представителей меньшинства, t_j — суммарная численность населения в ячейке j ; $c_{ij} = e^{(-0,6a_i)^{0,5}}$, где a_i — площадь ячейки i .	В контексте количественного анализа под кластеризацией понимается либо оценка фактора <i>соседства</i> двух ячеек, либо оценки их <i>близости</i> в пространстве. Первый случай является решением «проблемы шахматной доски» [Geary 1954] [Dacey 1968] [White 1983]. Представим некое пространство, разделенное на территориальные ячейки по аналогии с шахматной доской. Из некоторых четырех клеток (ячеек) в двух отмечено высокое значение концентрации. Если оценивать этот параметр только с помощью индексов концентрации, получится, что не учитывается фактор соседства. Две этих клетки могут как иметь общую границу по одной из сторон, так и находиться относительно друг друга по диагонали, лишь соприкасаясь углами.	[Massey, Denton 1988]

			Индекс абсолютной кластеризации позволяет решить эту проблему.	
Индекс пространственной близости	$SP = \frac{(X \times P_{xx} + Y \times P_{yy})}{T \times P_{tt}}$	SP — индекс пространственной близости, $P_{gg} = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \left(\frac{g_i \times g_j \times c_{ij}}{G^2} \right)$, где g соответствует x, y, t ; G соответствует X, Y, T ; x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , x_j — численность представителей меньшинства в ячейке j , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , y_j — численность представителей большинства в ячейке j , Y — суммарная численность представителей большинства, t_i — суммарная численность населения в ячейке i , t_j — суммарная численность населения в ячейке j , T — суммарная численность населения.	Два этих индекса схожи, но относительный индекс более точен, поскольку оценивает распределение и большинства, и меньшинства. Как и в случае с индексами централизации, индексы близости применимы для дихотомических социальных структур.	[White 1986]
Относительный индекс пространственной близости	$RSP = \frac{P_{xx}}{P_{xy}} - 1$	RSP — относительный индекс пространственной близости, $P_{gg} = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \left(\frac{g_i \times g_j \times c_{ij}}{G^2} \right)$, где g соответствует x, y, t ; G соответствует X, Y, T ; x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , x_j — численность представителей меньшинства в ячейке j , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , y_j — численность представителей большинства в ячейке j , Y — суммарная численность представителей большинства, t_i — суммарная численность населения в ячейке i , t_j — суммарная численность населения в ячейке j .		[Massey, Denton 1988]
Индексы пространственной сегрегации				

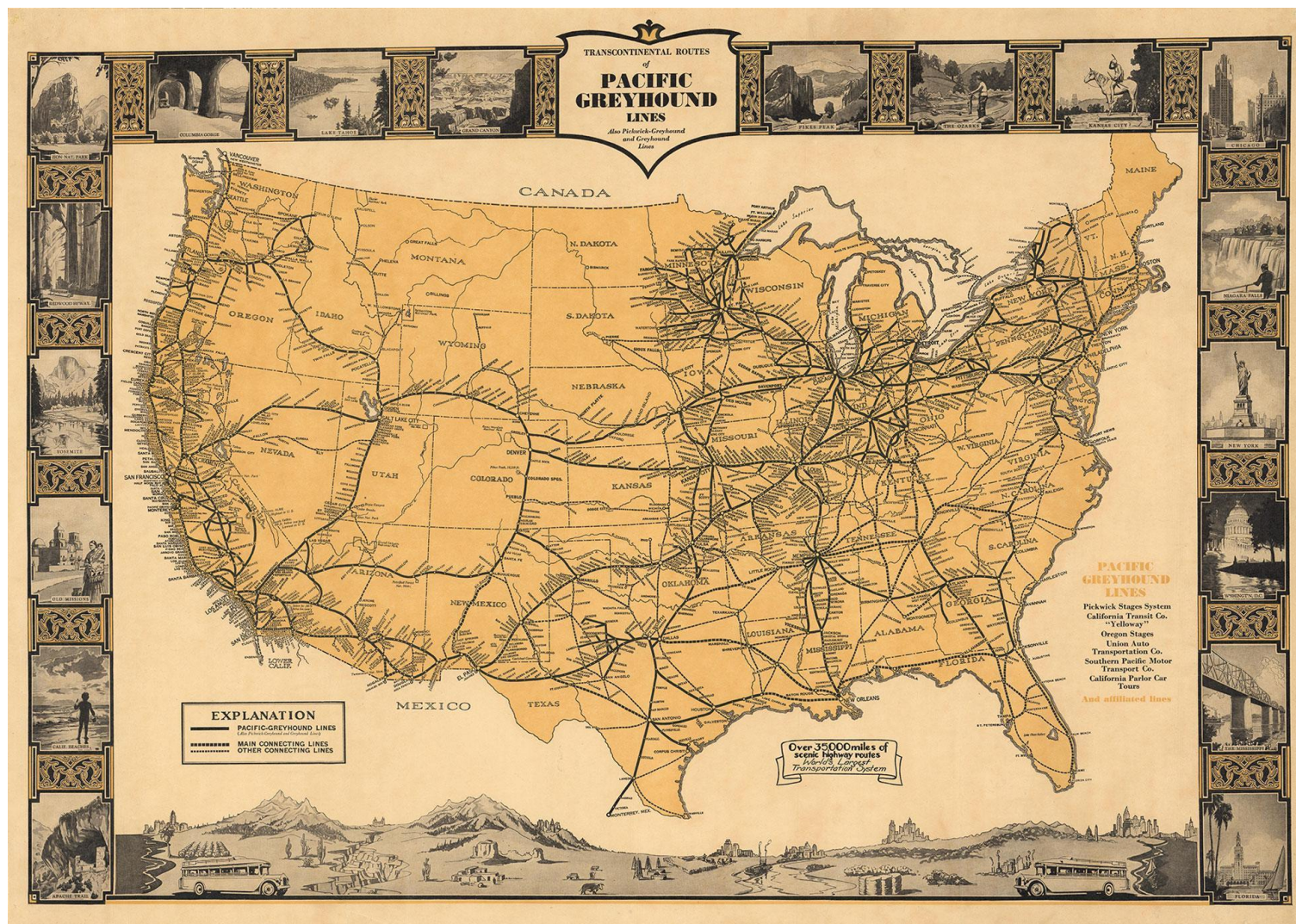
Название индекса	Формула	Обозначения	Комментарии	Источники
Индекс диссимилиации	$D = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^N \left \frac{a_i}{A} - \frac{b_i}{B} \right $	a_i — численность представителей группы A в территориальной ячейке i , A — суммарная численность населения группы A , a_i — численность представителей группы B в территориальной ячейке i , B — суммарная численность населения группы B .	Индекс диссимилиации оценивает несходство распределения двух групп с абсолютно равномерным распределением. Чем выше значение индекса (от 0 до 1), тем распределение групп меньше схоже с абсолютно равномерным. Традиционная интерпретация индекса заключается в том, что он оценивает долю представителей меньшинства, которым нужно было бы переселиться на другую территорию, чтобы распределение стало равномерным.	Duncan, Duncan 1955]
Коэффициент Джини (в сегрегационной интерпретации)	$G = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n t_i t_j p_i - p_j }{2T^2 P(1 - P)}$	n — количество ячеек в пределах изучаемой территории, t_i — суммарная численность населения в территориальной ячейке i , t_j — суммарная численность населения в территориальной ячейке j , p_i — доля меньшинства в территориальной ячейке i , p_j — доля меньшинства в территориальной ячейке j , T — суммарная численность населения во всех ячейках, P — доля меньшинства во всем населении территории.	В контексте оценки сегрегации он интерпретируется как среднее разностей долей меньшинства во всех возможных парах ячеек.	[Massey, Denton 1988]
Индекс Аткинсона	$A = 1 - \left(\frac{P}{1 - P} \right) \times \left \sum_{i=1}^n \left(\frac{(1 - p_i)^{1-b} \times p_i^b \times t_i}{PT} \right) \right ^{\frac{1}{1-b}}$	t_i — суммарная численность населения в территориальной ячейке i , t_j — суммарная численность населения в территориальной ячейке j , p_i — доля меньшинства в территориальной ячейке i , p_j — доля меньшинства в территориальной ячейке j , T — суммарная численность населения во всех ячейках, P — доля меньшинства во всем населении территории, b — параметр с задаваемым значением от 0 до 1.	При его использовании исследователь самостоятельно определяет вес вклада ячеек с неравномерным распределением меньшинства в общую оценку неравномерности.	[Atkinson 1970]

Индекс изоляции	${}_xP_x^* = \sum_{i=1}^n \left \left(\frac{x_i}{X} \right) \left(\frac{x_i}{t_i} \right) \right $	${}_xP_x^*$ — индекс изоляции, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , t_i — численность населения в ячейке i .	Индекс изоляции оценивает вероятность проживания в одной ячейке только представителей меньшинства.	[Liebertson 1980]
Индекс интеракции	${}_xP_y^* = \sum_{i=1}^n \left \left(\frac{x_i}{X} \right) \left(\frac{y_i}{t_i} \right) \right $	${}_xP_y^*$ — индекс интеракции, x_i — численность представителей меньшинства в ячейке i , X — суммарная численность представителей меньшинства, y_i — численность представителей большинства в ячейке i , t_i — численность населения в ячейке i .	Индекс интеракции оценивает вероятность совместного проживания представителей меньшинства и большинства в одной ячейке.	[Liebertson 1980]

Приложение Б. Основные транспортные артерии в эпоху Первой великой миграции афроамериканцев

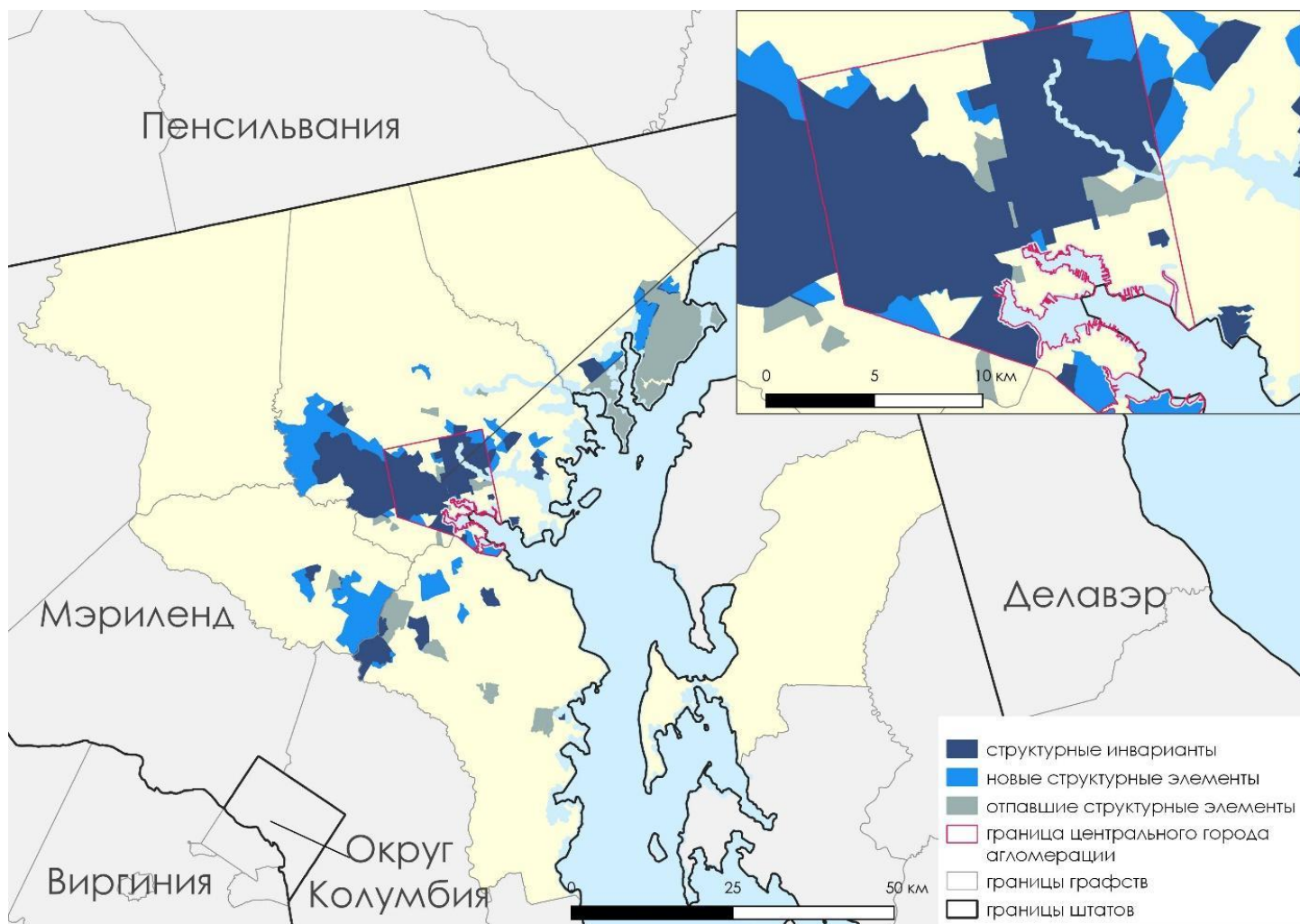

Железнодорожные маршруты в восточной части США по состоянию на 1934 г. Источник: [Visualizing the Great Migration].

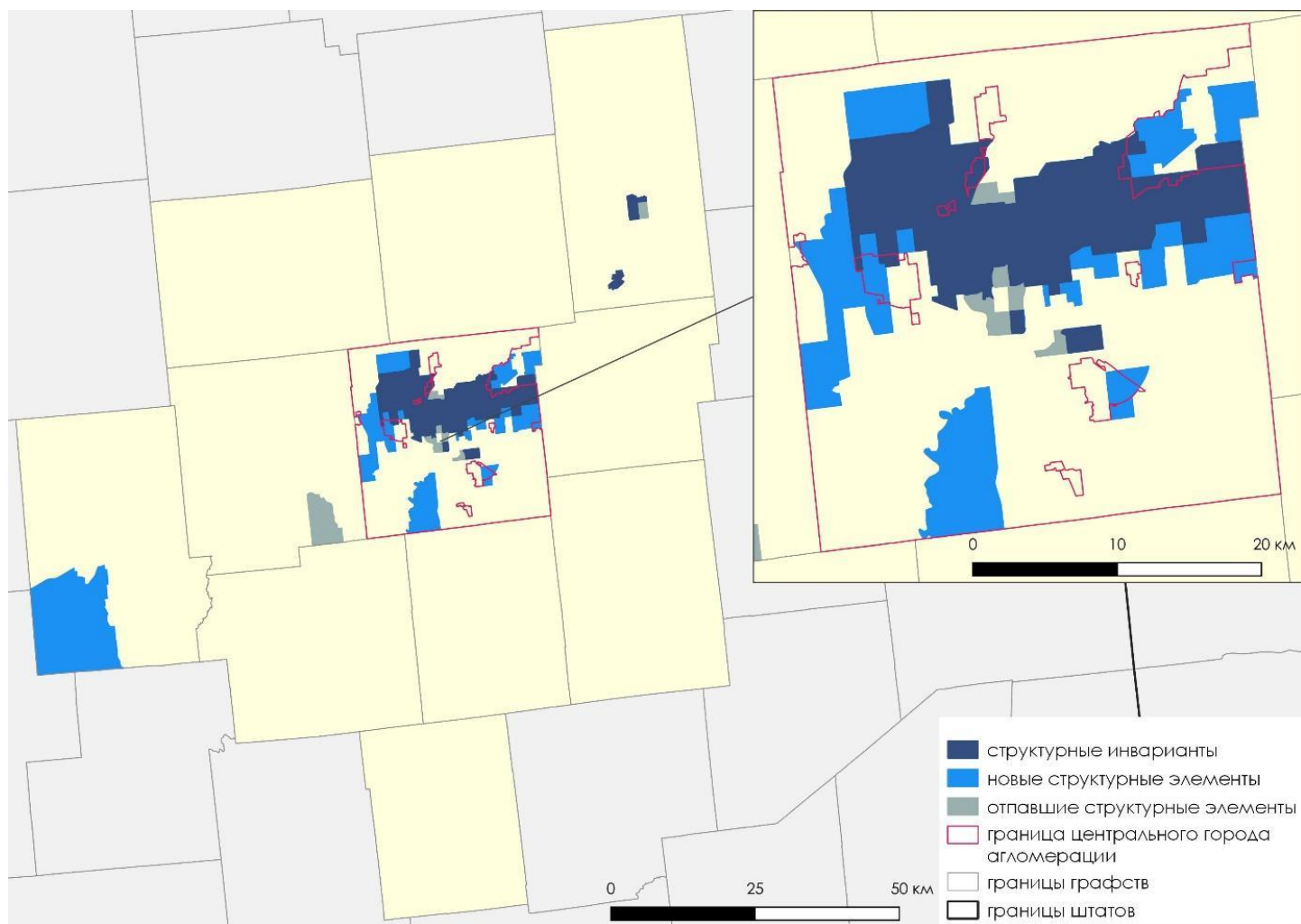
Маршруты междугородних автобусов «Грейхаунд» по состоянию на 1935 г. Источник: [Visualizing the Great Migration]

Приложение В. Абсолютное расширение внутриагломерационной структуры расселения афроамериканцев в начале XXI в.

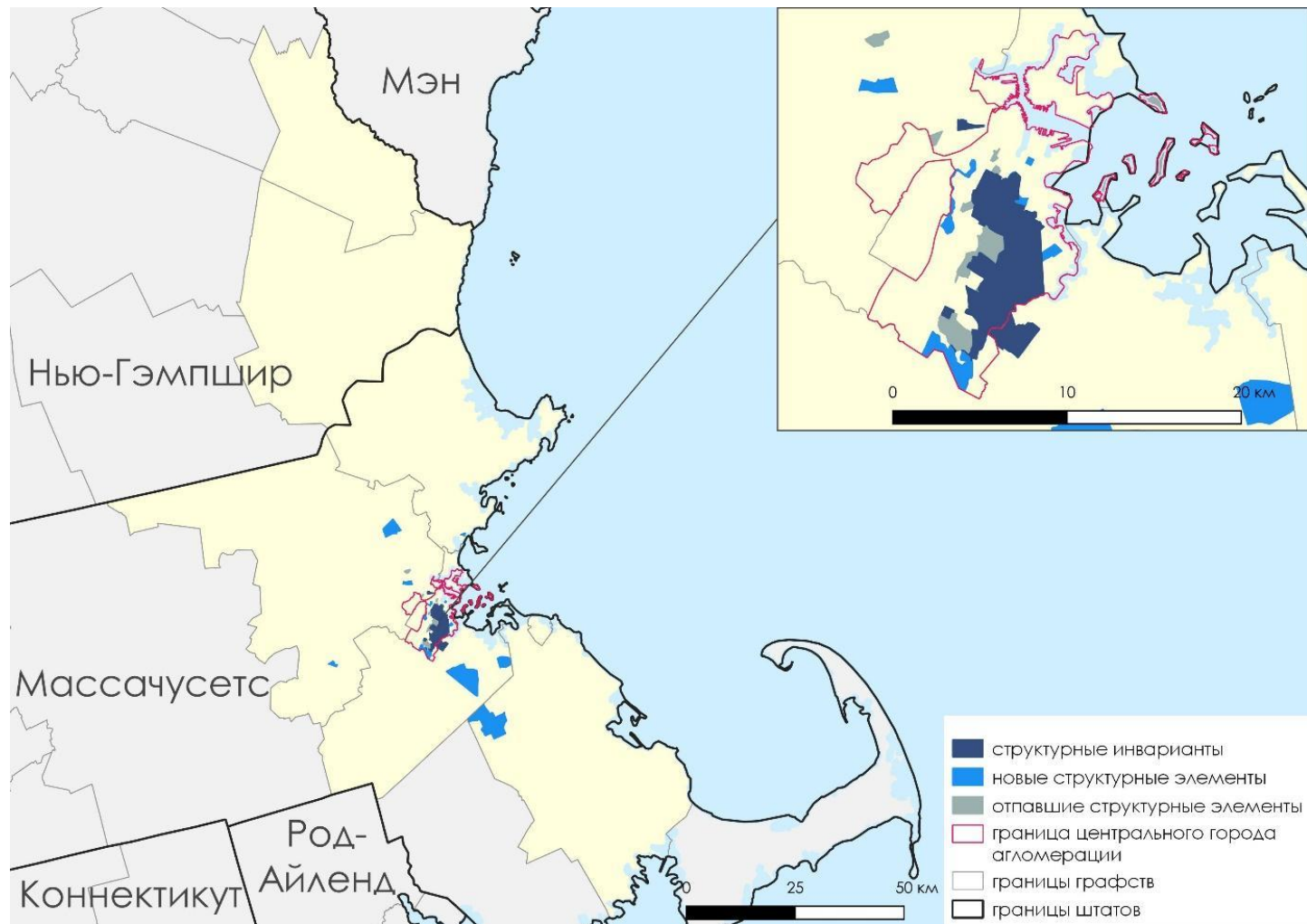
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Балтимора в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Г. Экстенсификационное расширение внутриагломерационной структуры расселения афроамериканцев в начале XXI в.

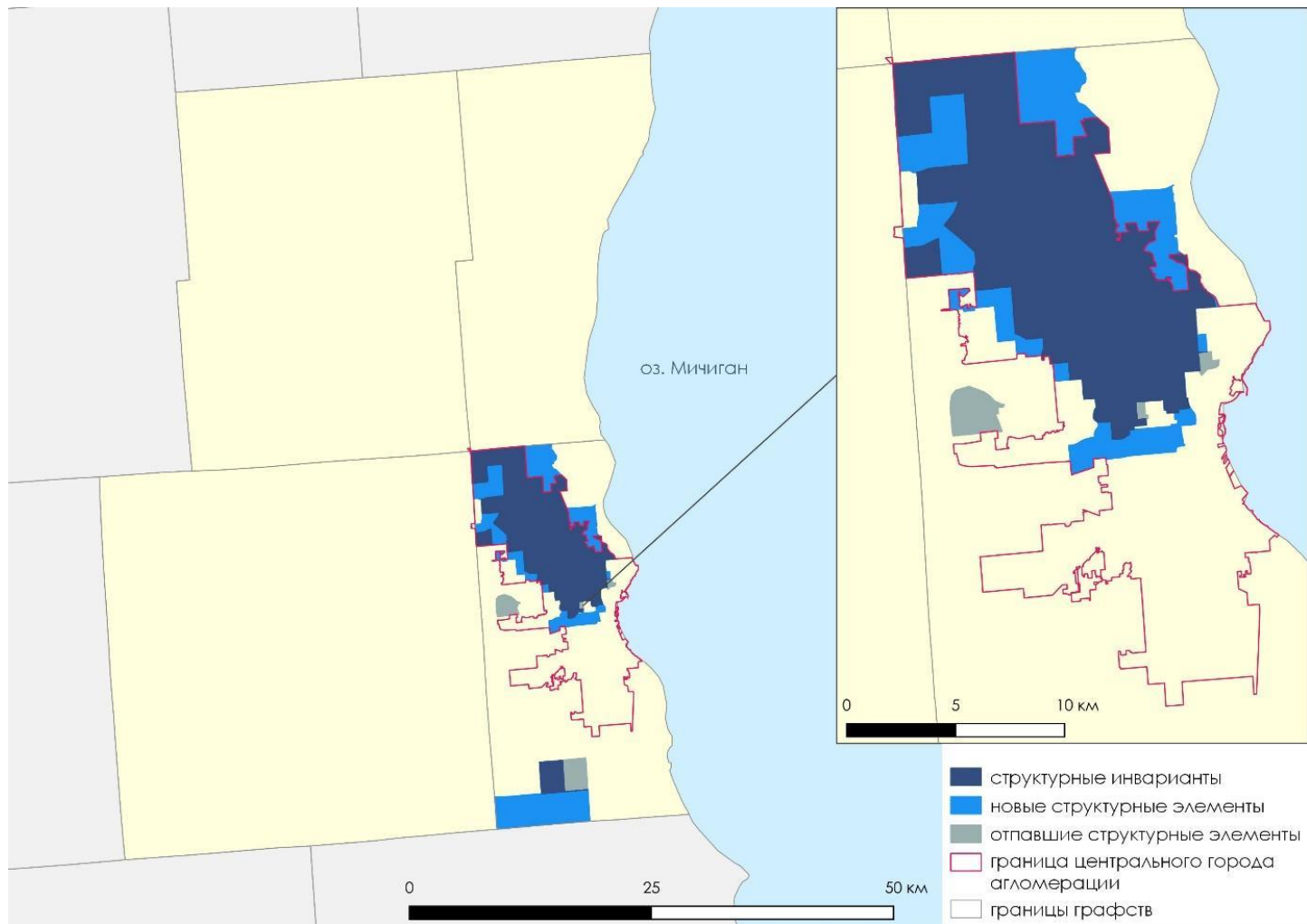
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Индианаполиса в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Г (продолжение)

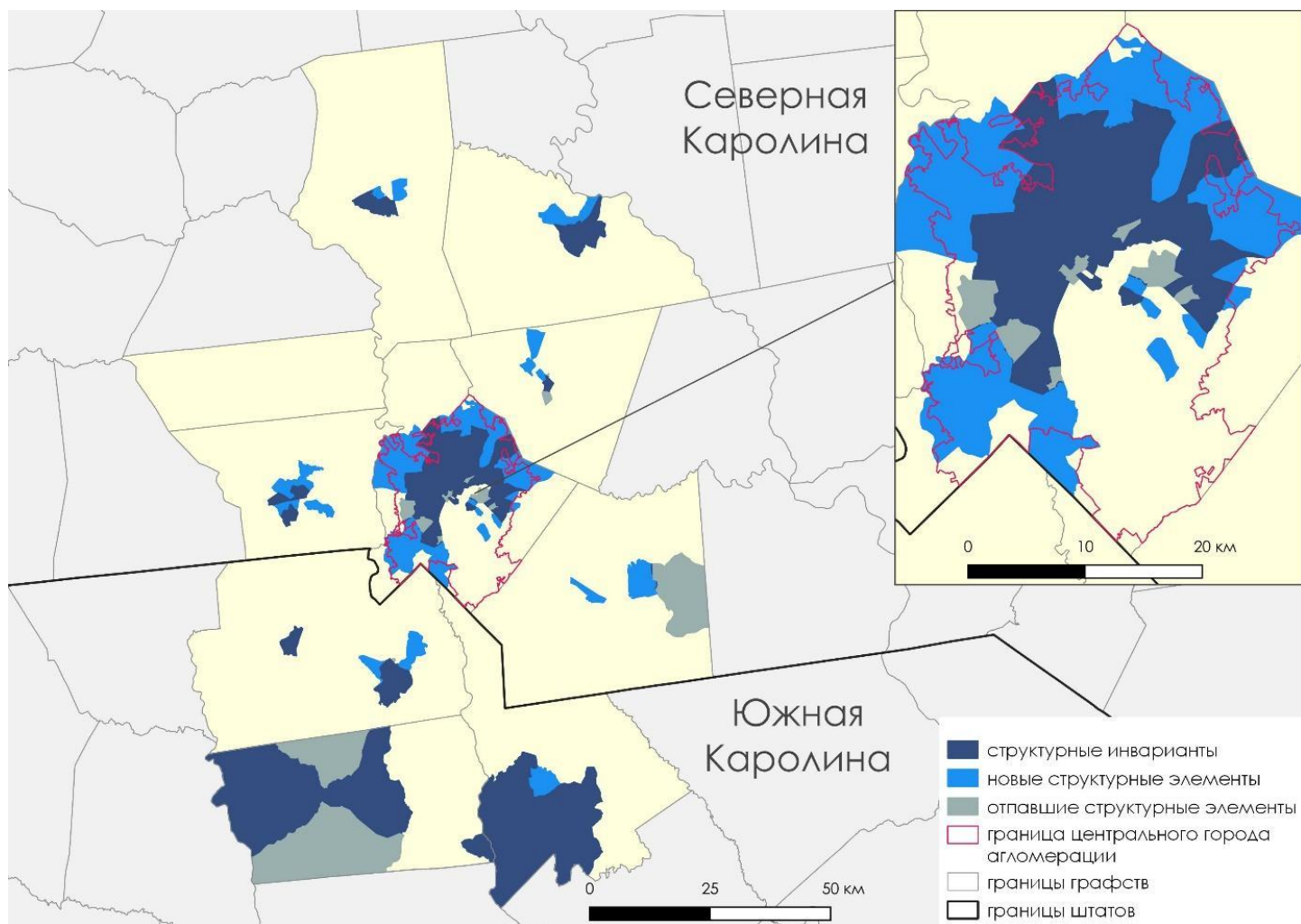
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Бостона в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Г (продолжение)

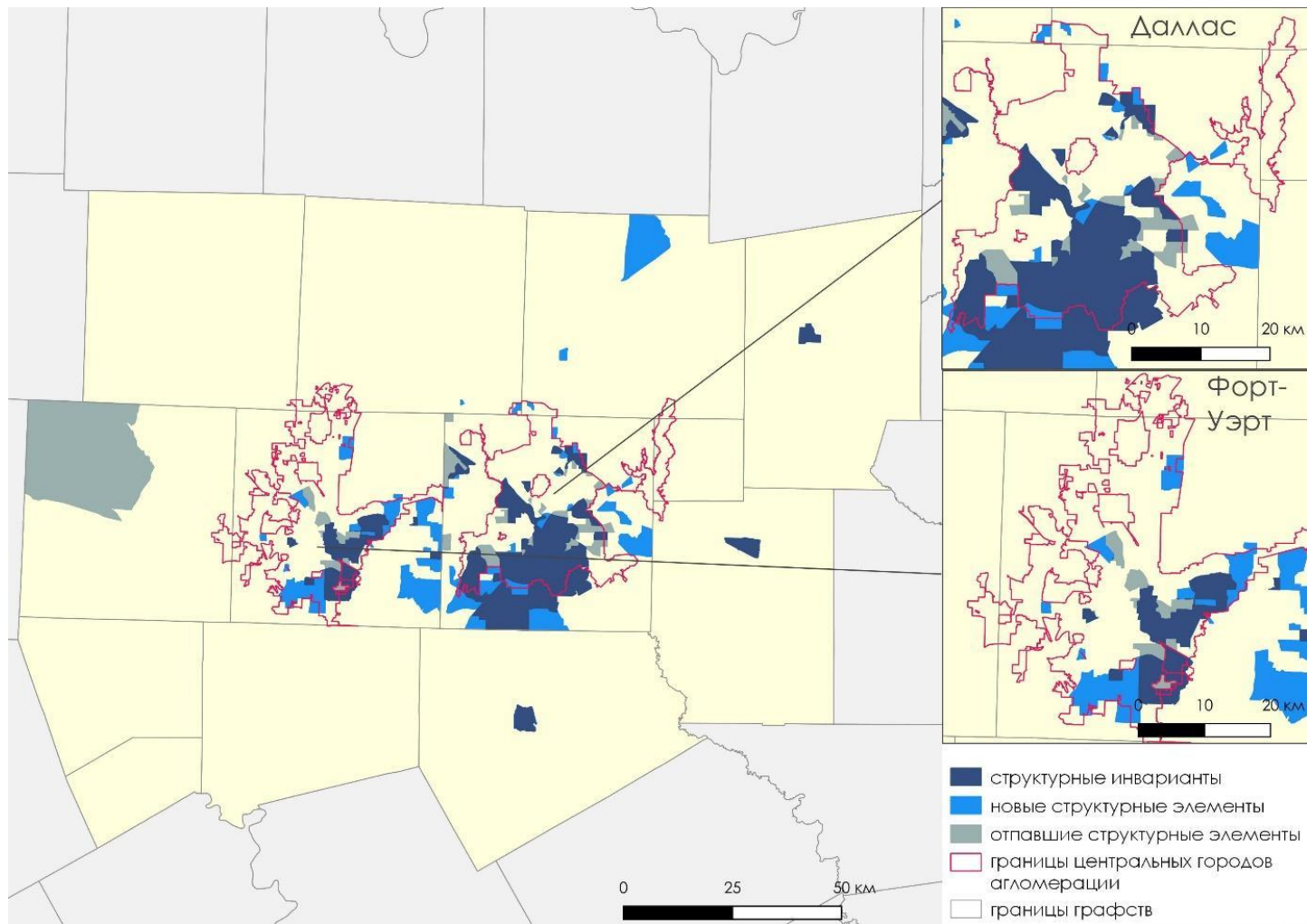
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Милуоки в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Д. Уплотнение внутриагломерационной структуры расселения афроамериканцев в начале XXI в.

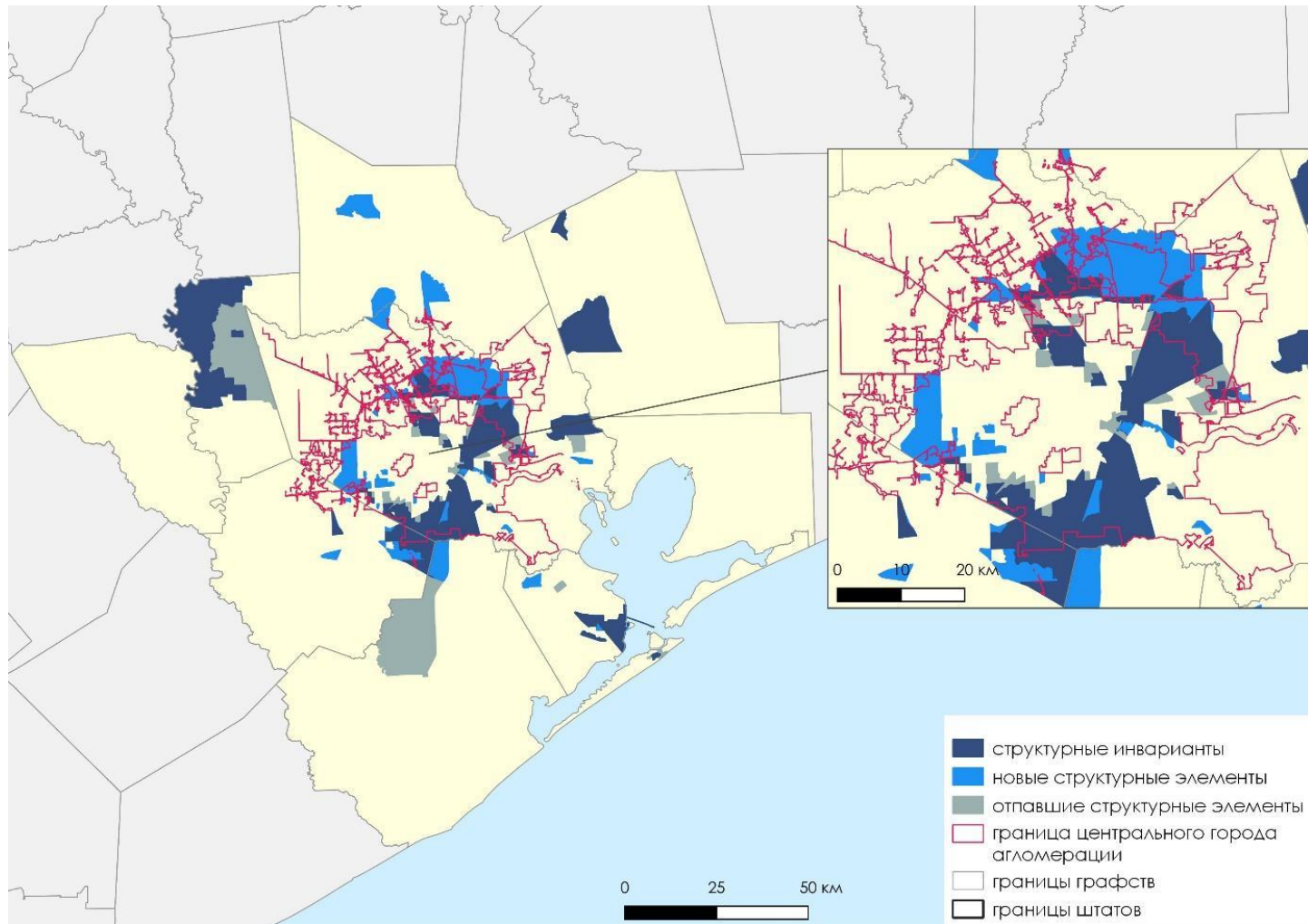
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Шарлотт в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Д (продолжение)

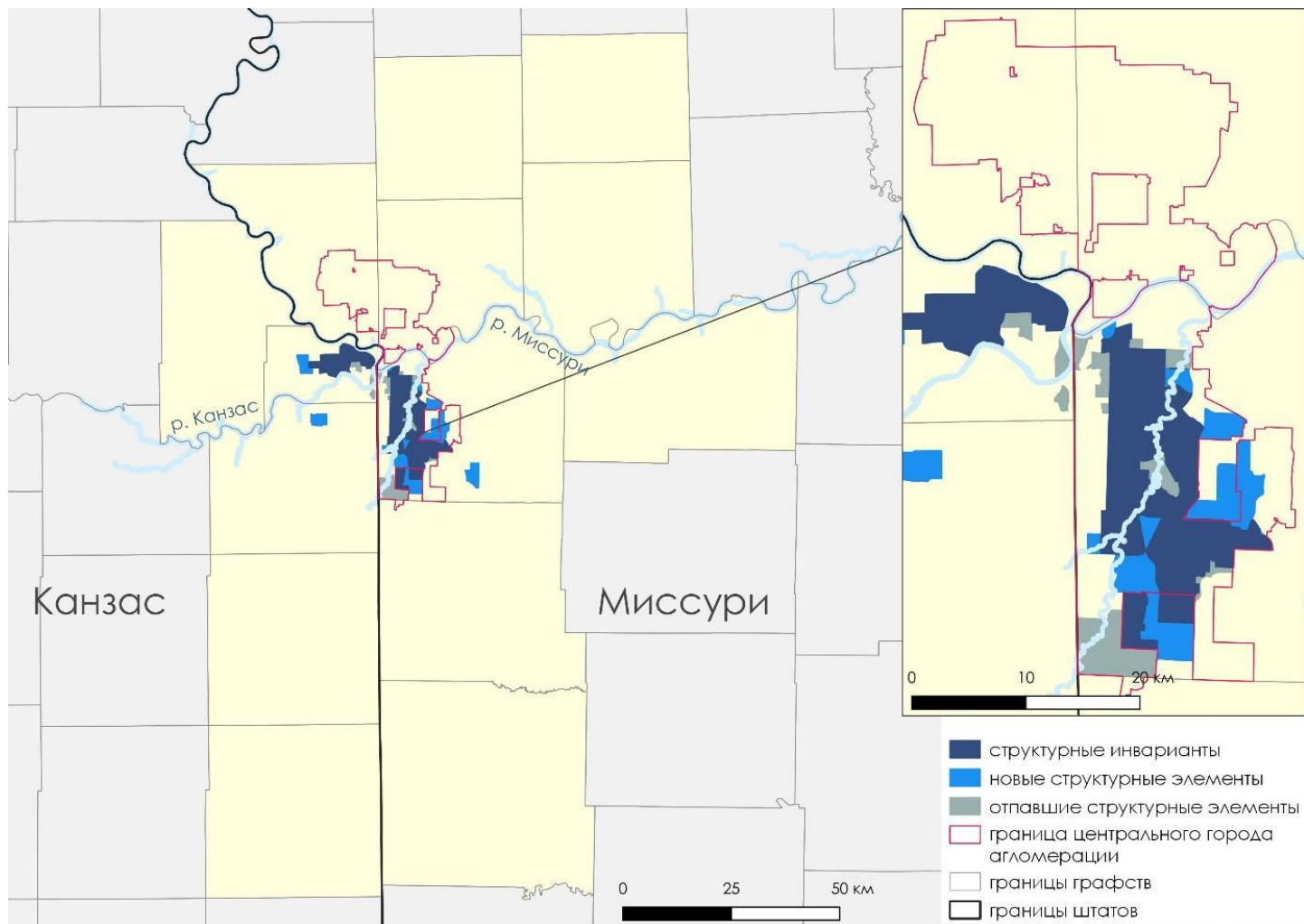
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Далласа—Форт-Уэрта в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Д (продолжение)

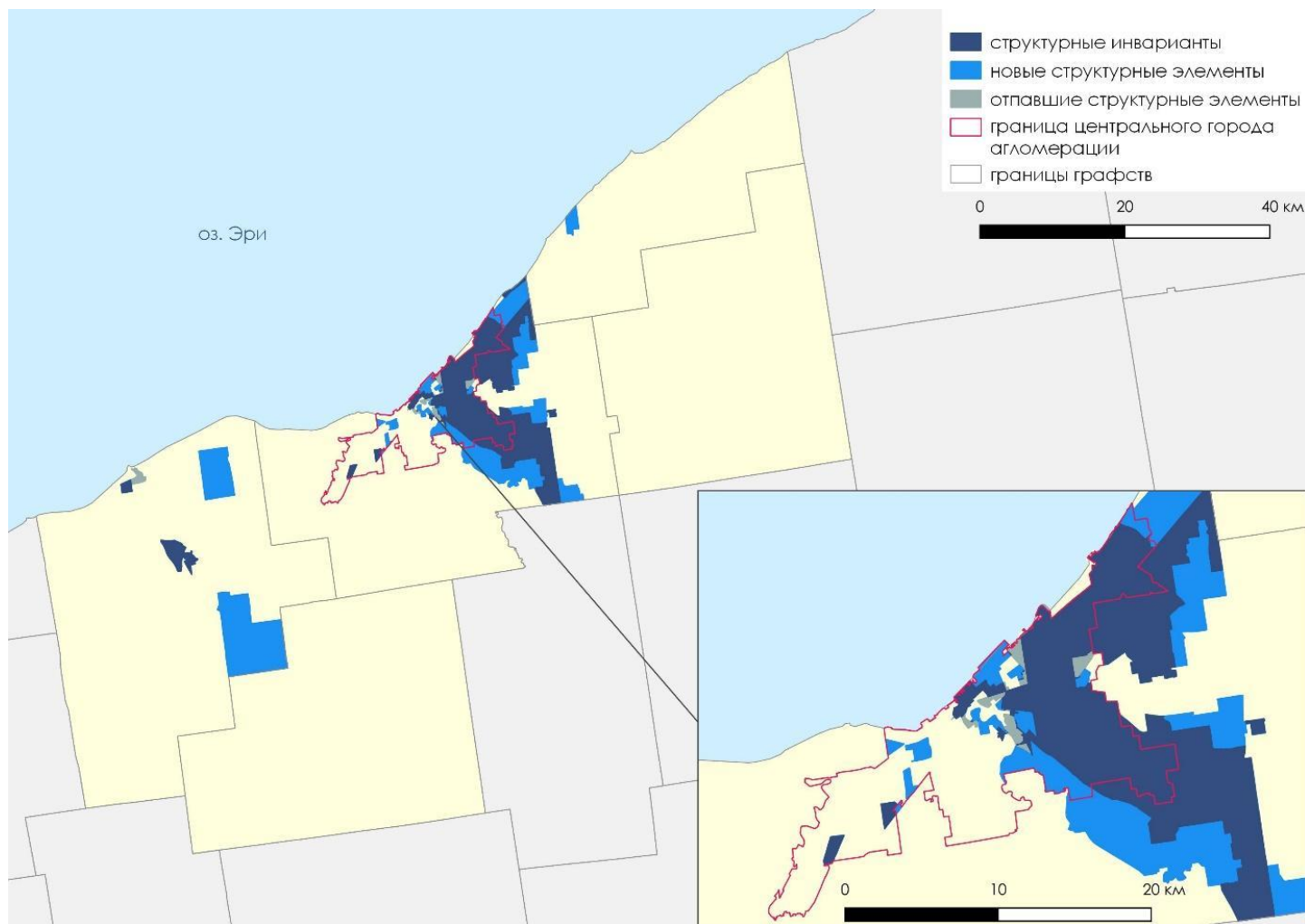
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Хьюстона в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Е. Расползание внутриагломерационной структуры расселения афроамериканцев в начале XXI в.

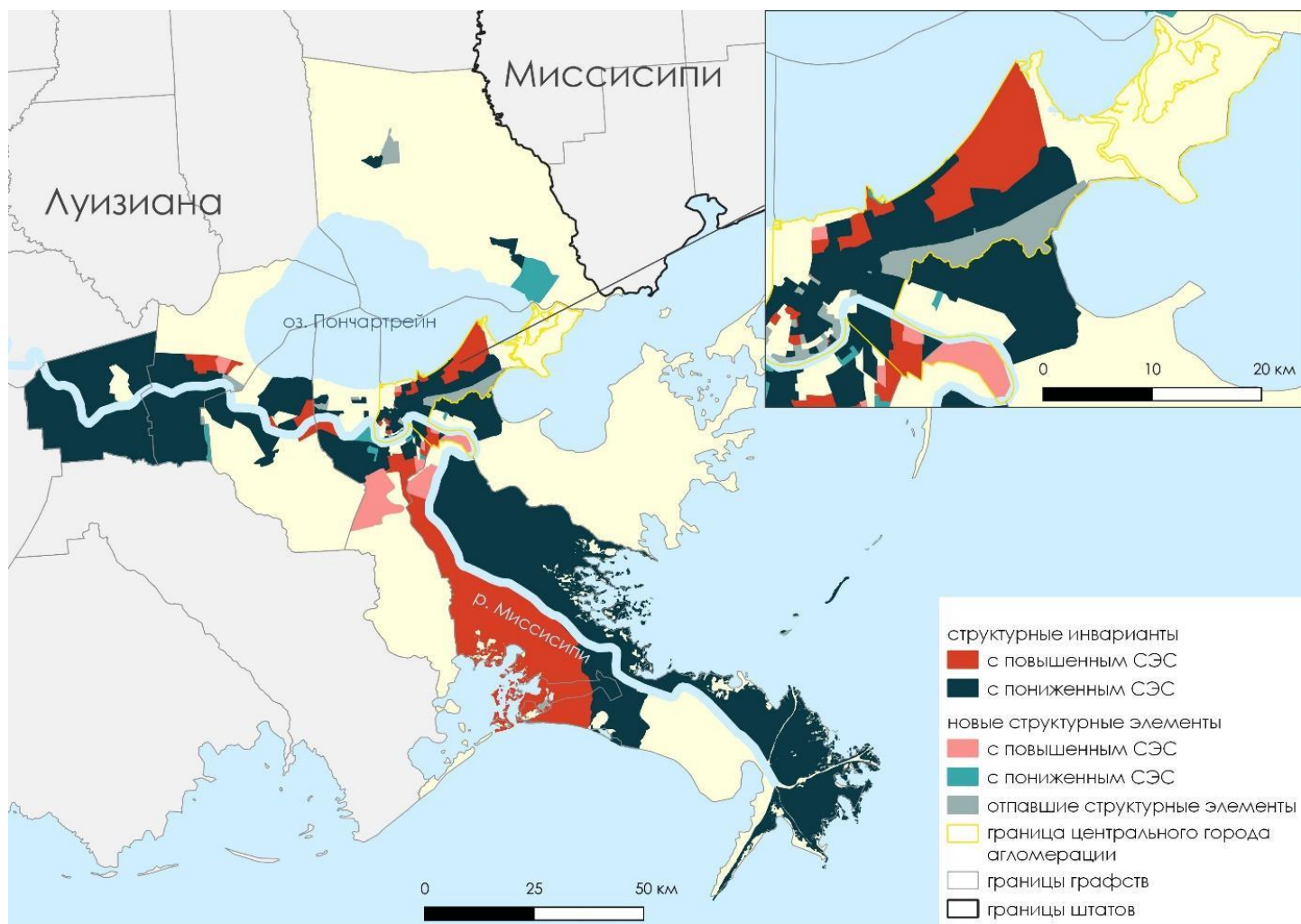
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Канзас-Сити в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Е (продолжение)

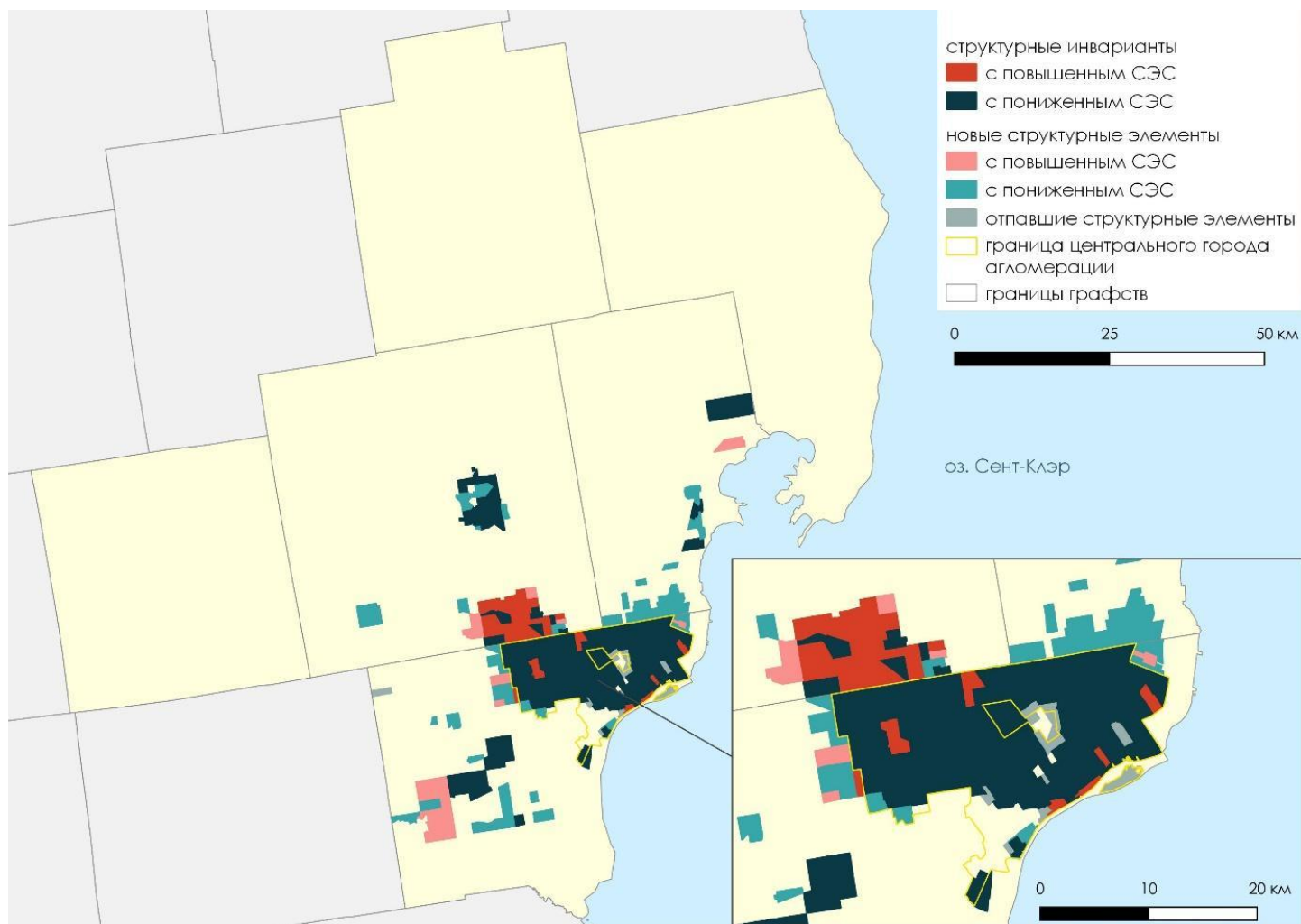
Структура расселения афроамериканцев в агломерации Кливленда в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Ж. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории морфодетерминизма

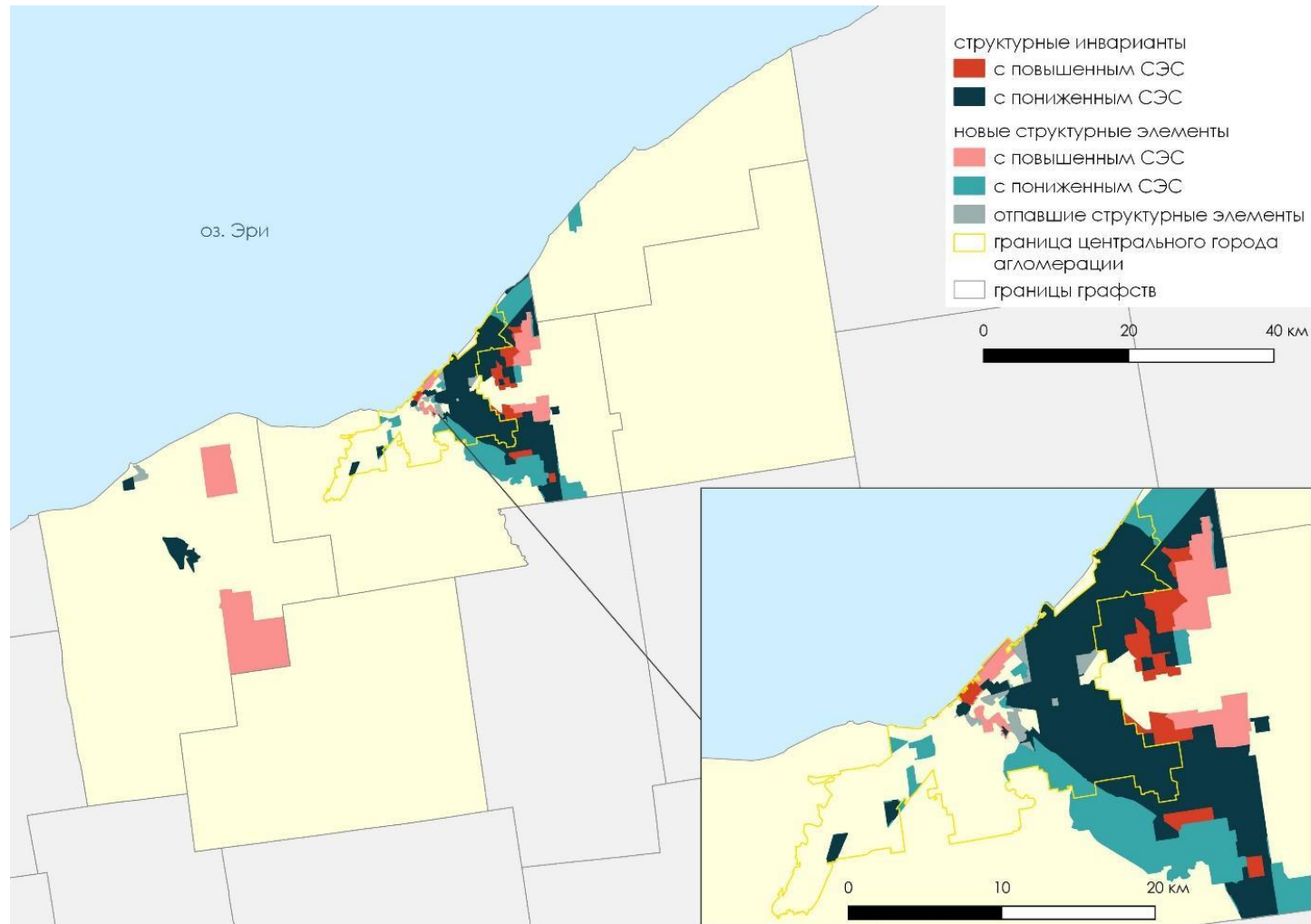
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Нового Орлеана в начале XXI в. Составлено автором

Приложение 3. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории поздней десегрегации

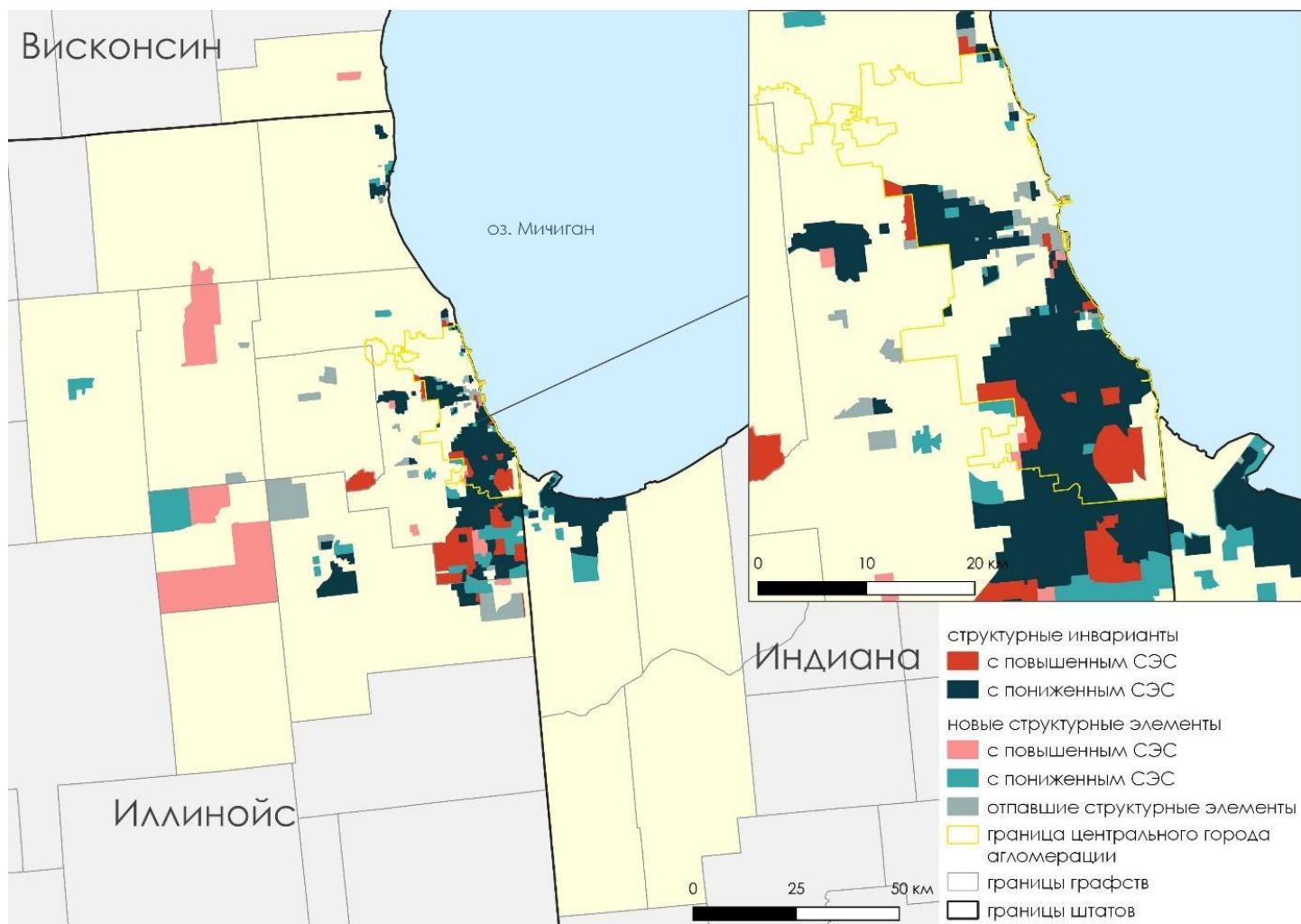
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Детройта в начале XXI в. Составлено автором

Приложение 3 (продолжение)

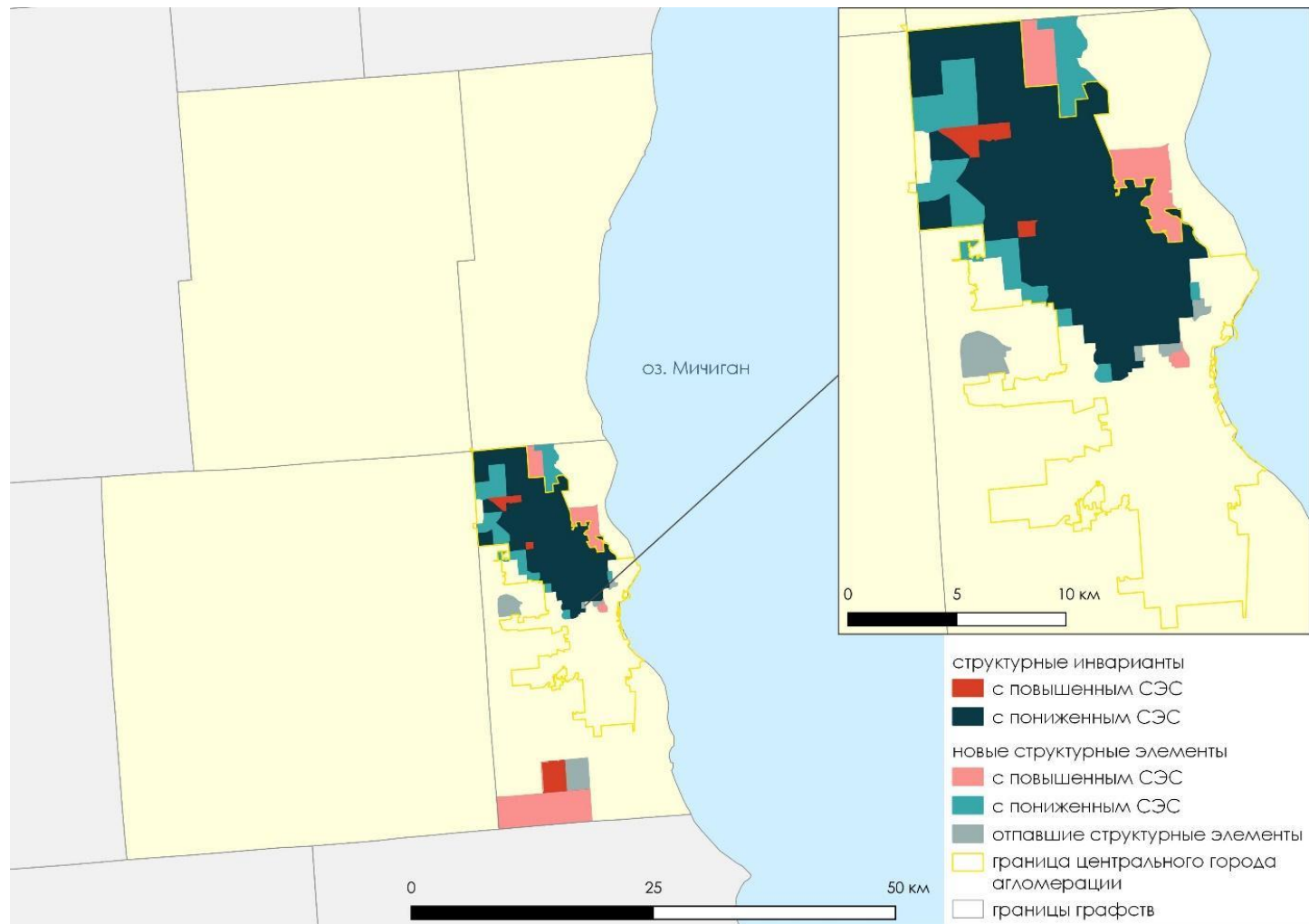
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Кливленда в начале XXI в. Составлено автором

Приложение II. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории поляризации на фоне поздней десегрегации

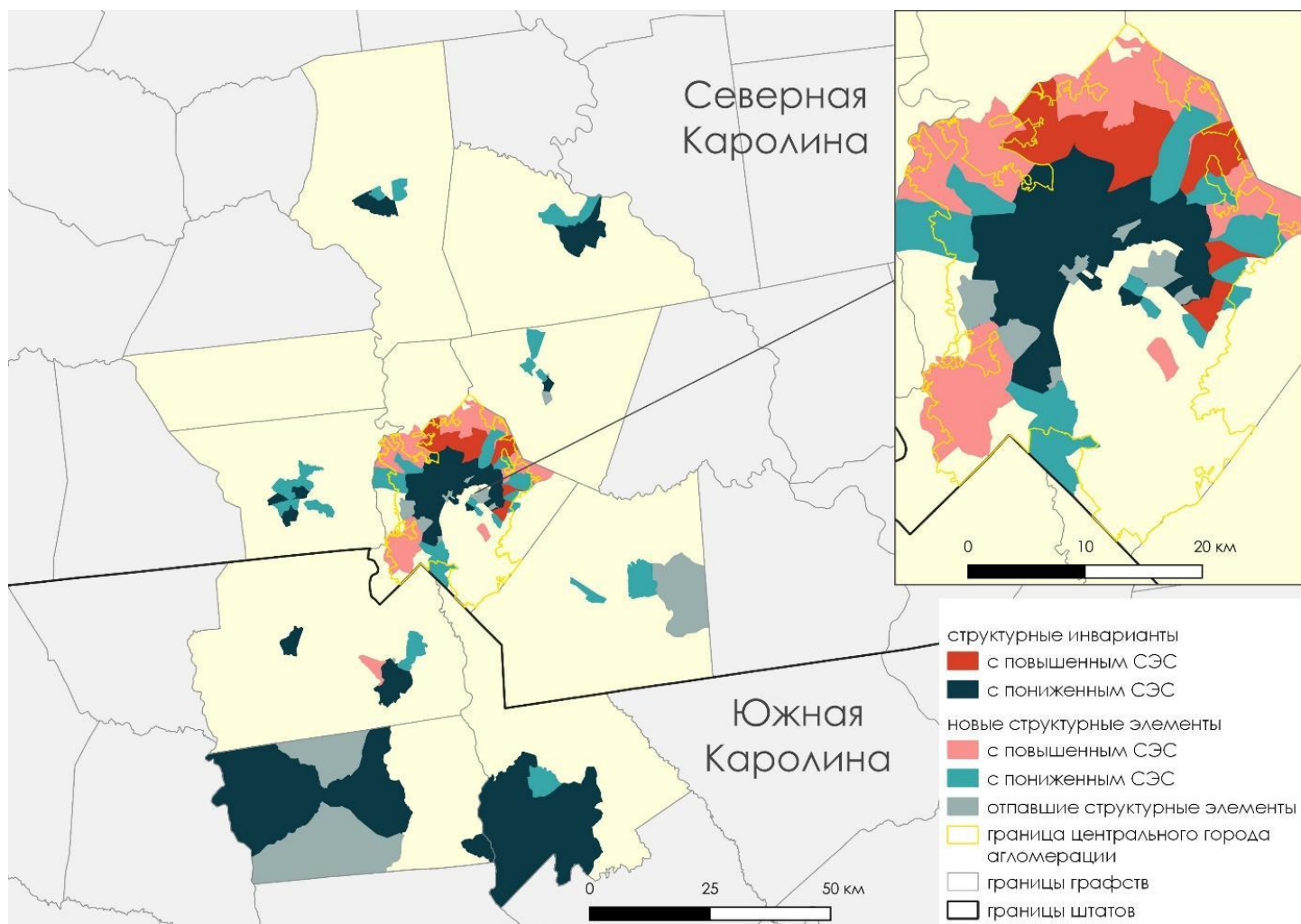
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Чикаго в начале XXI в. Составлено автором

Приложение И (продолжение)

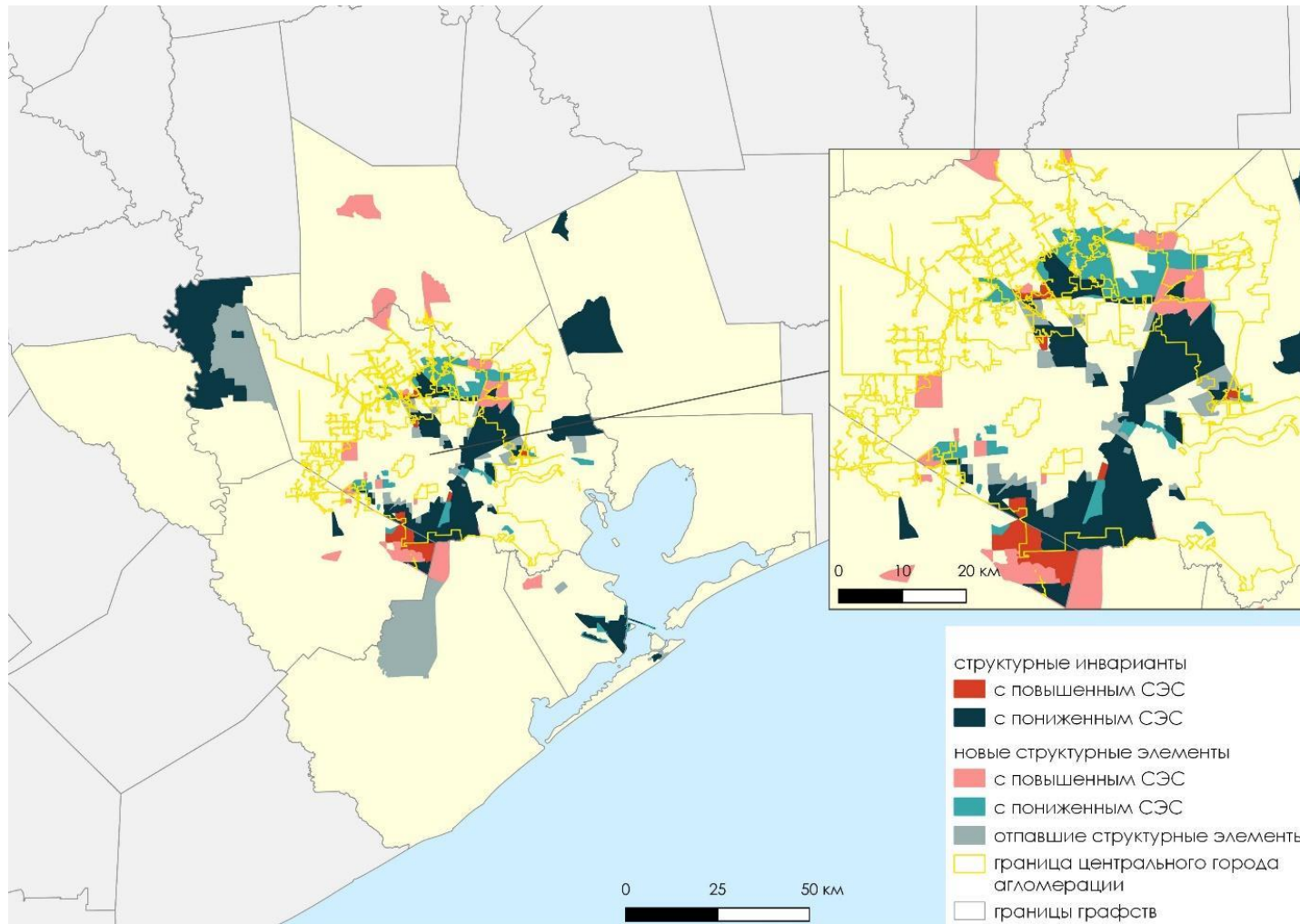
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Милуоки в начале XXI в. Составлено автором

Приложение К. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории прогрессивной поляризации

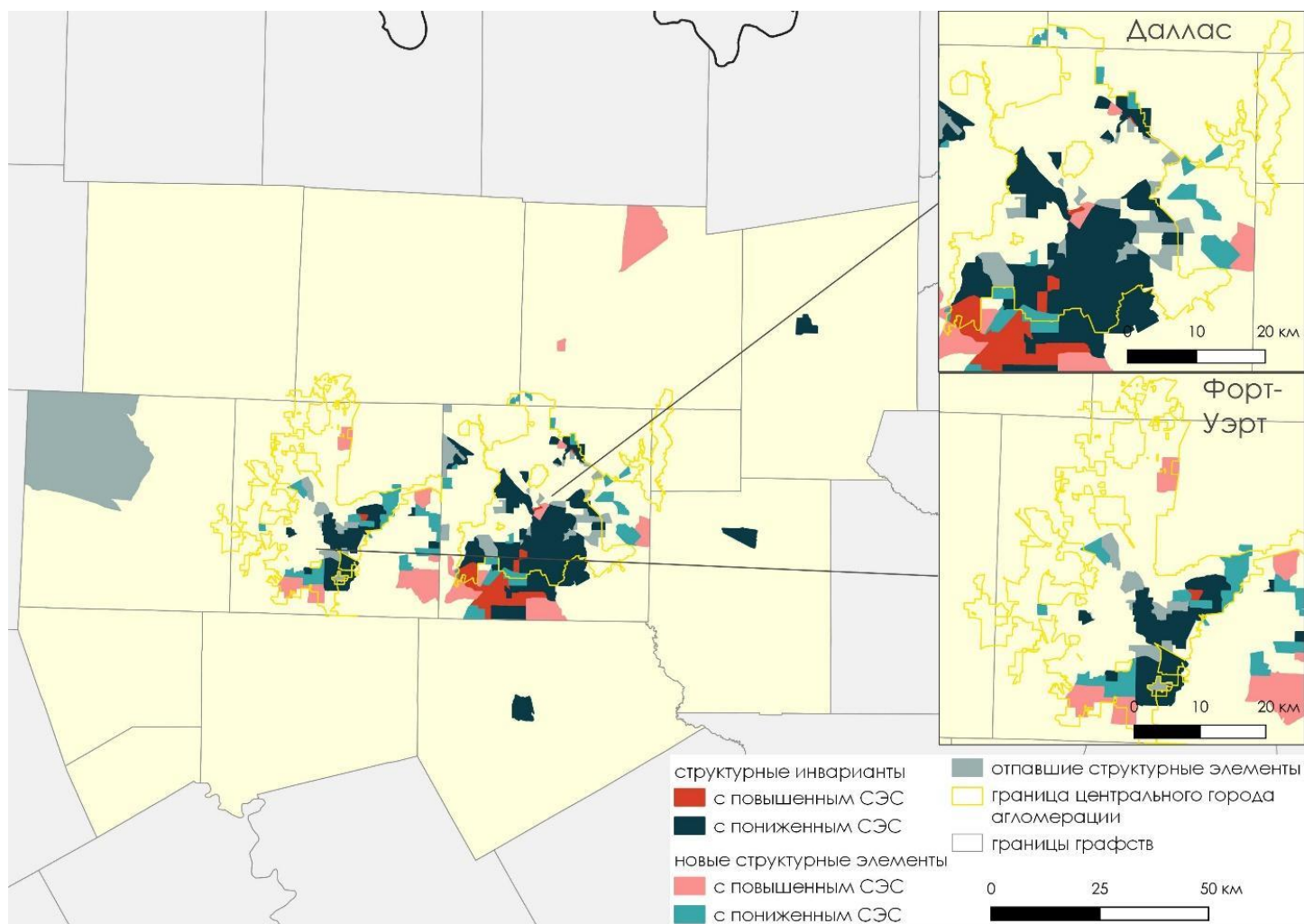
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Шарлотт в начале XXI в. Составлено автором

Приложение К (продолжение)

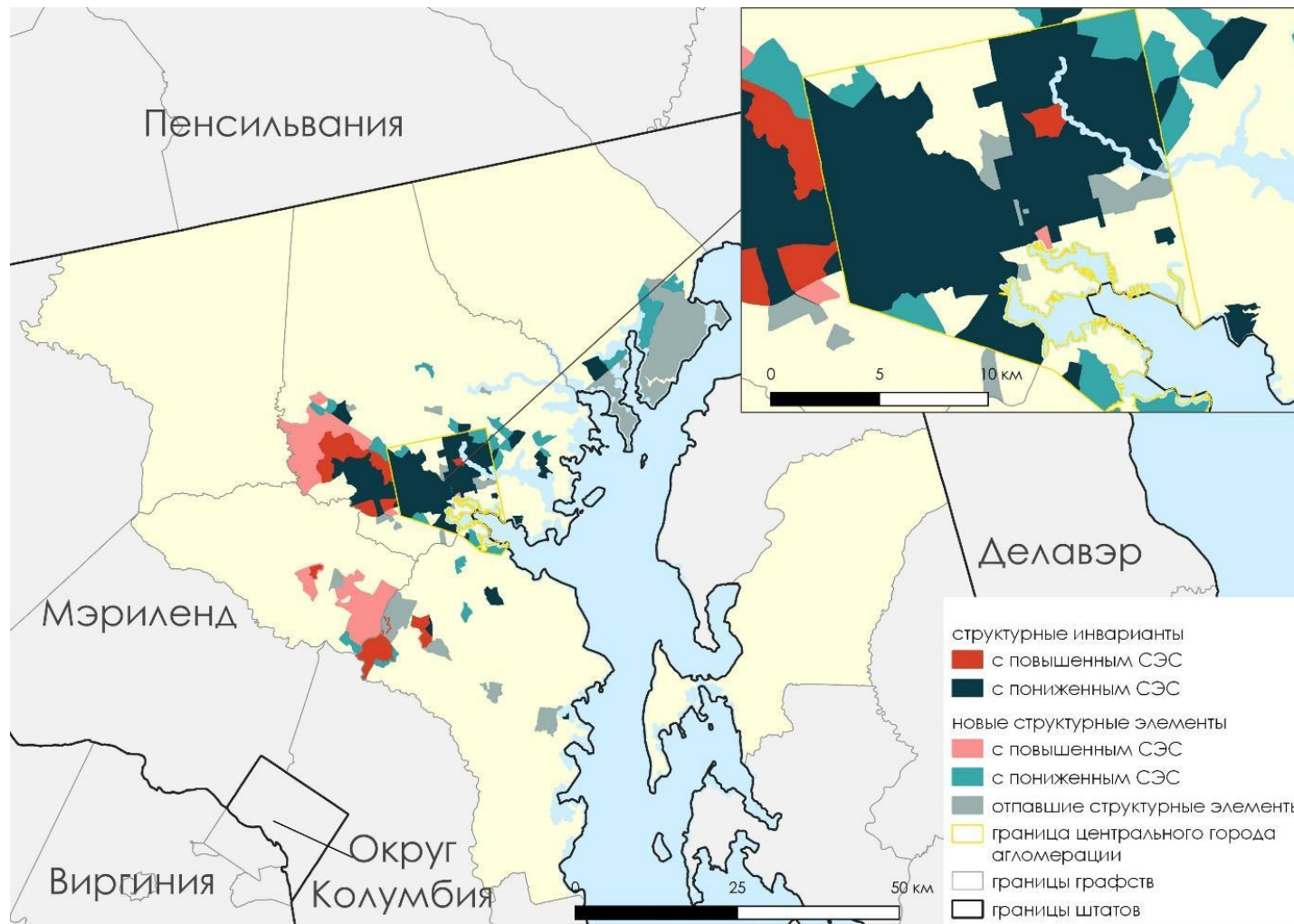
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Хьюстона в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Л. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории усиленной поляризации

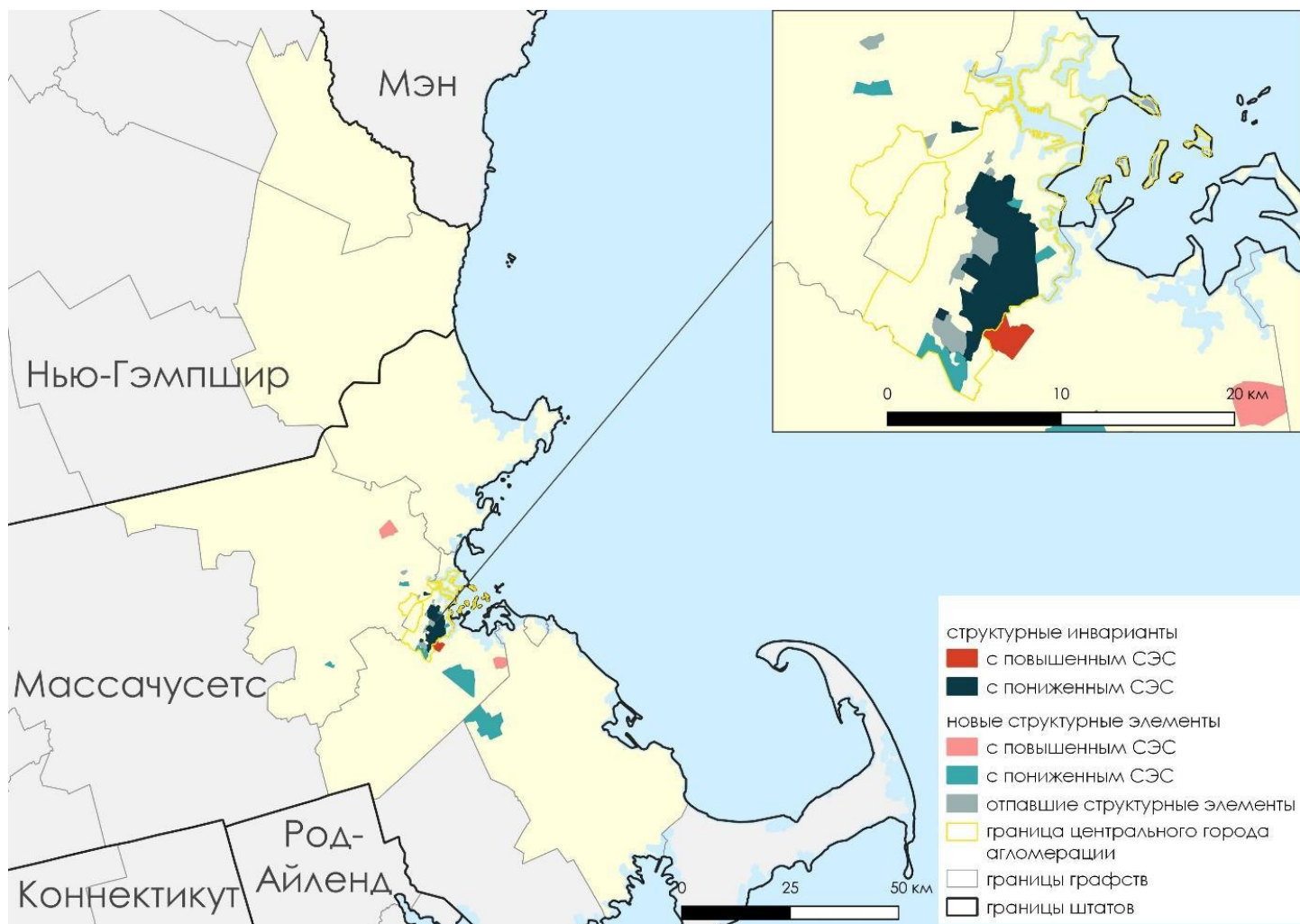
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Далласа—Форт-Уэрта в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Л (продолжение)

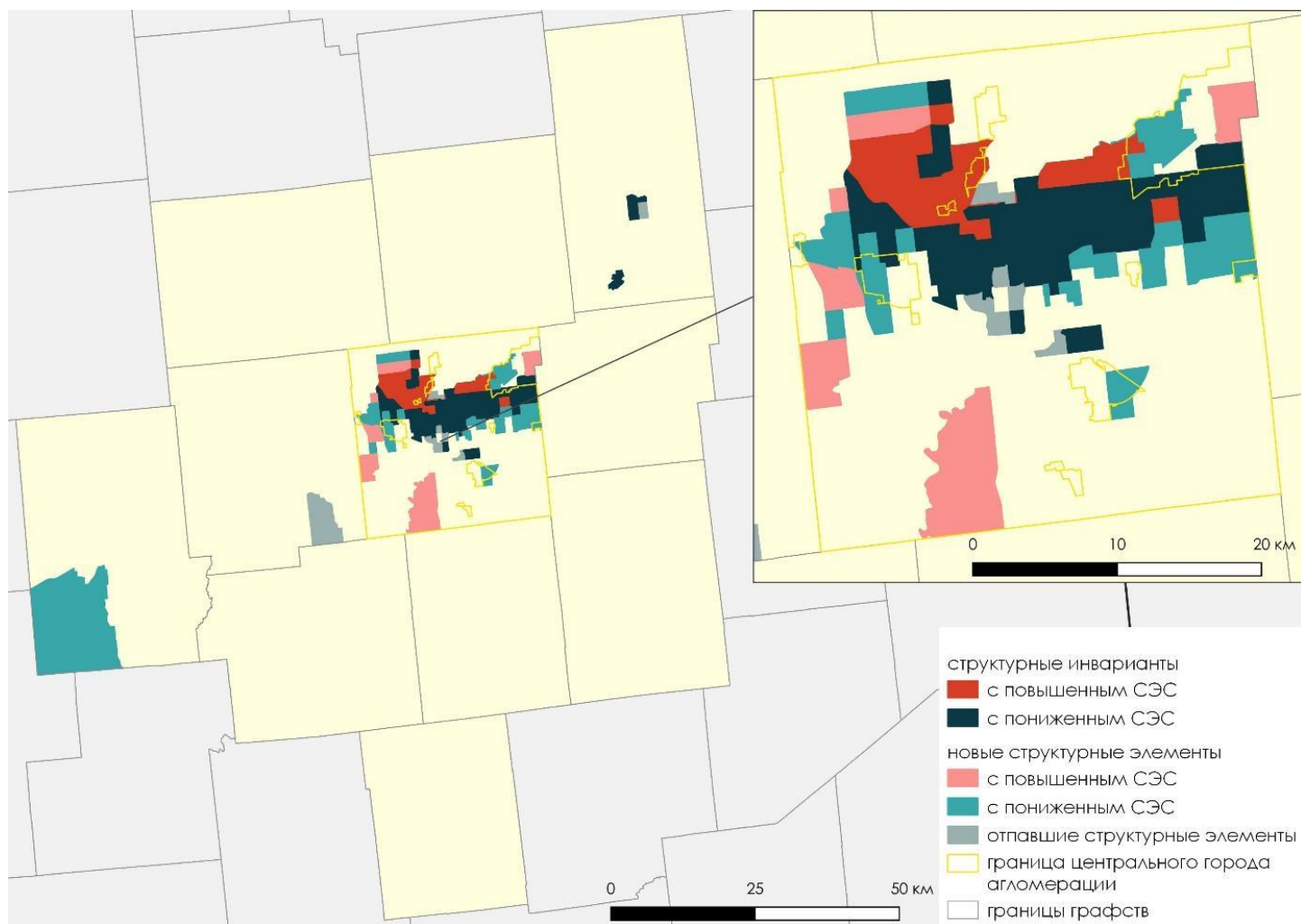
Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Балтимора в начале XXI в. Составлено автором

Приложение М. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории структурной деградации

Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Бостона в начале XXI в. Составлено автором

Приложение Н. Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в начале XXI в. по траектории нелинейной деградации

Социально-экономическая дифференциация расселения афроамериканцев в агломерации Индианаполиса в начале XXI в. Составлено автором